

Информация для цитирования:

Бабенко Л. Г. Разговорная эмотивная лексика русского языка в аспекте полипарадигмальности : лексикографический аспект (на материале словаря-тезауруса «Алфавит эмоций») / Л. Г. Бабенко, В. В. Данилова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 2. — С. 9—34. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-9-34.

Babenko, L. G., Danilova, V. V. (2024). Colloquial Emotive Lexicon of Russian in Aspect of Polyparadigmality: Lexicographic Perspective (Thesaurus Dictionary “Emotion Alphabet”). *Nauchnyi dialog*, 13 (2): 9-34. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-9-34. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Разговорная эмотивная лексика русского языка в аспекте полипарадигмальности: лексикографический аспект (на материале словаря-тезауруса «Алфавит эмоций»)

Бабенко Людмила Григорьевна
orcid.org/0000-0002-9250-3232
доктор филологических наук,
заведующая лабораторией компьютерной
лексикографии, профессор кафедры
фундаментальной и прикладной
лингвистики и текстоведения
корреспондирующий автор
lgbabenko@yandex.ru

Данилова Виола Валерьевна
orcid.org/0009-0007-6803-9242
магистрант, ассистент кафедры
фундаментальной и прикладной
лингвистики и текстоведения
viola-danilova@mail.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда,
проект № 22-18-00352,
<https://rscf.ru/en/project/22-18-00352/>

Colloquial Emotive Lexicon of Russian in Aspect of Polyparadigmality: Lexicographic Perspective (Thesaurus Dictionary “Emotion Alphabet”)

Ljudmila G. Babenko
orcid.org/0000-0002-9250-3232
Doctor of Philology, Head
of Computer Lexicography Laboratory;
Professor, Department of Fundamental
and Applied Linguistics and Textology
Corresponding author
lgbabenko@yandex.ru

Viola V. Danilova
orcid.org/0009-0007-6803-9242
Master’s degree student, assistant lecturer,
Department of Fundamental and
Applied Linguistics and Textology
viola-danilova@mail.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-18-00352,
<https://rscf.ru/en/project/22-18-00352/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена исследованию разговорной эмотивной лексики русского языка в аспекте полипарадигмальности. Изучены особенности ее категоризации, концептуализации и интерпретации с позиций разных научных подходов. Анализ разговорной эмотивной лексики в русском языке осуществлен в сопоставлении со множеством нормативной литературной лексики, представленной в словаре-тезаурусе «Алфавит эмоций». В нем та и другая лексика в совокупности составляет 11 210 единиц анализа, 2073 лексемы из которых — разговорная эмотивная лексика. Она рассматривается в пространственном измерении как лексико-семантическое пространство, внутренняя структура которого конструируется в горизонтально-вертикальном измерении на пересечении лексических множеств разговорной эмотивной лексики разной природы. В процессе ее изучения использовался комплекс лингвистических методов: статистическое описание, структурно-семантический, функционально-семантический, денотативно-идеографический, лингвокогнитивный и другие методы анализа. Это позволило представить разговорную эмотивную лексику как пересекающееся множество различных групп лексем: денотативно-идеографических, когнитивно-деривационных, семантико-функциональных, функционально-стилистических. Выявлены тенденции и когнитивные стратегии формирования этого множества в сопоставлении с литературным языком. В перспективе результаты исследования будут использованы при создании словаря-тезауруса эмотивной разговорной лексики.

Ключевые слова:

эмоции; эмотивная разговорная лексика; полипарадигмальность; разговорная речь; лексикография.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is dedicated to the study of colloquial emotive lexicon of the Russian in the aspect of polyparadigmality. The peculiarities of its categorization, conceptualization, and interpretation are examined from the perspectives of various scientific approaches. The analysis of colloquial emotive lexicon in the Russian is conducted in comparison with a multitude of normative literary lexicon presented in the thesaurus dictionary 'Emotion Alphabet.' Together, they comprise 11,210 units of analysis, with 2,073 lexemes belonging to colloquial emotive lexicon. It is considered as a lexical-semantic space in a spatial dimension, with its internal structure constructed in a horizontal-vertical dimension at the intersection of lexical sets of colloquial emotive lexicon of different nature. The study employs a complex of linguistic methods, including statistical description, structural-semantic, functional-semantic, denotative-ideographic, linguistic-cognitive, and other methods of analysis. This allows for presenting colloquial emotive lexicon as an overlapping set of various groups of lexemes: denotative-ideographic, cognitive-derivational, semantic-functional, and functional-stylistic. Trends and cognitive strategies in the formation of this set are identified in comparison with literary language. The results of the study will be used in the future for creating a thesaurus dictionary of colloquial emotive lexicon.

Key words:

emotions; colloquial emotive lexicon; polyparadigmality; colloquial speech; lexicography.

УДК 811.161.1'374.221

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-9-34

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Разговорная эмотивная лексика русского языка в аспекте полипарадигмальности: лексикографический аспект (на материале словаря-тезауруса «Алфавит эмоций»)

© Бабенко Л. Г., Данилова В. В., 2024

1. Введение = Introduction

Статья посвящена изложению результатов исследования разговорной эмотивной лексики (ЭЛ) в полипарадигмальном освещении, что соответствует общей ситуации развития современной лексической семантики и лексикологии в целом. Наступившие десятилетия начала XXI века говорят об изменении ориентиров изучения разговорной речи (далее — РР), о появлении новых аспектов и подходов, о постановке новых проблем ее изучения, что, по мнению крупнейшего специалиста в этой области Л. П. Крысина, обусловлено прежде всего процессами в самой структуре РР периода первой трети XXI века. К ним относятся разные явления: расширение состава лексики РР, появление новых номинаций, архаизация многих слов в связи с утратой обозначаемых ими явлений, размывание границ между лексикой различных функциональных стилей, проникновение в РР единиц просторечия и жаргона и др. Кроме того, по мнению Л. П. Крысина, «расширилась сфера применения РР: наряду с бытовыми, обиходными ситуациями, наиболее типичными для функционирования этой разновидности литературного языка, в круг ее активного использования вовлекаются и некоторые формы публичной коммуникации. Разговорная, просторечная, жаргонная лексика, синтаксис, характерный для устного дискурса, — обычное явление не только во всех видах бытового общения, но и в публичных сферах, в средствах массовой информации» [Крысин, 2014, с. 10]. Все эти факты свидетельствуют об актуальности изучения РР в настоящее время, которая сформулирована Л. П. Крысиным следующим образом: «Весьма актуальной ИЛИ АКТУАЛЬНЫМ? ИЛИ НАЧАЛО ФРАЗЫ ДРУГОЕ? становится изучение лексических ресурсов

и особенностей русской РР, то есть, в частности, словарное ее описание. Надо подчеркнуть, что при достаточно большом числе исследований, посвященных русской разговорной речи, ее лексикографическое описание как подсистемы литературного языка еще только начинается» [Там же]. Успешное начало указанного процесса ознаменовано изданием четырех выпусков фундаментального лексикографического труда — «Толкового словаря русской разговорной речи», подготовленного коллективом ученых-лексикографов Института русского языка РАН, ответственным редактором которого является Л. П. Крысин [ТСРРР]. Для коллектива Уральской семантической школы, основная деятельность которой связана с созданием идеографических словарей разных типов, в русле которой разрабатывается и представленный проект создания словаря русской разговорной эмотивной лексики русского языка, указанный Л. П. Крысиным тезис о необходимости и актуальности именно лексикографического описания РР является важным и значимым.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Данное исследование связано с разработкой концепции и созданием в перспективе дифференциального словаря-тезауруса эмотивной разговорной лексики, основой словника которого станут при его конструировании и материалы словаря-тезауруса эмотивной лексики «Алфавит эмоций» [Бабенко, 2021] (далее — СТЭЛ), и материалы других словарей. Таким образом, оно, во-первых, основано на уже созданном словаре-тезаурусе эмотивной лексики, который содержит полное описание основного фонда эмотивной лексики литературного языка, дополненного эмотивной лексикой всех функционально-стилистических разновидностей, включая разговорную, разговорно-сниженную лексику и жаргон. Во-вторых, оно предполагает формирование нового целостного множества — мегапарадигму разговорной эмотивной лексики русского языка, извлеченной из словаря [СТЭЛ] с целью создания нового словаря дифференциального типа — словаря разговорной эмотивной лексики, создание и конструирование которого будет осуществляться с проекцией на основной полный вариант словаря [Там же].

Статья посвящена рассмотрению разговорной эмотивной лексики как самостоятельного лексико-семантического пространства, внутренняя структура которого конструируется в горизонтально-вертикальном измерении на пересечении лексических множеств эмотивной лексики разной природы, выделяемых на основе разных научных подходов: структурно-семантического, функционально-семантического, денотативно-идеографического, лингвокогнитивного, интерпретационного, применяемых

с целью ее многоаспектной категоризации и систематизации. Фактически объектом рассмотрения одновременно являются материалы изданного словаря — нормативная эмотивная лексика литературного русского языка, представленная в словаре «Алфавит эмоций» [СТЭЛ], — и разговорная эмотивная лексика русского языка, извлеченная из того же словаря, которые рассматриваются в сопоставлении с учетом принципа полипарадигмальности. В качестве основного *материала* исследования избрана разговорная эмотивная лексика, извлеченная из словаря-тезауруса «Алфавит эмоций» в количестве 2073 единиц. В процессе исследования использовался комплекс лингвистических методов анализа: статистическое описание (количественные подсчеты), структурно-семантический, функционально-семантический, денотативно-идеографический, лингвокогнитивный и другие методы семантического анализа.

Предмет исследования в данной статье — эмотивная лексика русского языка, употребляемая в разговорной речи и рассматриваемая в аспекте полипарадигмальности, в соотнесенности с корпусом нормативной эмотивной лексики, также содержащемся в словаре «Алфавит эмоций». **Целью** исследования является обнаружение особенностей категоризации, концептуализации и интерпретации разговорной эмотивной лексики, которые выявляются на основе сопоставления этого множества слов с нормативной литературной лексикой аналогичного семантического класса, представленного в словаре-тезаурусе «Алфавит эмоций».

Активное изучение русской РР как особой формы национального языка началось во второй половине XX века, когда ученые-лингвисты обратили внимание на необходимость изучения проблемы несовпадения кодифицированного литературного языка и неподготовленной устной речи. В процессе разработки этой проблемы возникли основные научные центры по изучению РР — Саратовский университет и Институт русского языка РАН, на основе которых в дальнейшем сформировались две известные научные школы: Московская [Ермакова, 1999; Земская, 1973, 1978, 1981; Капанадзе, 1978; Китайгородская, 1981, 1995; Никитина, 2006; Розанова, 1978, 1995; Ширяев, 1981 и др.] и Саратовская [Сиротинина, 1974; Кормилицына, 1972 и др.]. Ключевыми проблемами на начальных этапах исследований РР стали вопросы о статусе и месте РР в системе кодифицированного литературного языка, об использовании термина *разговорная речь*, его содержании и осмыслении.

Следует отметить, что в указанный период предметом изучения были не только активно разрабатываемые концепции в области исследования феномена РР, ее структурной и функциональной организации, но и новые теоретические и практические аспекты ее изучения в контексте актуаль-

ных для конца XX века научных парадигм, обусловивших динамику их развития. Так, интерес саратовских ученых к процессу изучения РР в дискурсивном освещении привел их к необходимости разработки теории речевых актов и жанров, к развитию нового направления — речеведения, генетики, а исследования РР ученых московской школы в большей степени были нацелены на отображение и оформление полученных теоретических результатов в лексикографических параметрах. К концу XX — началу XXI веков были опубликованы словари РР, подготовленные разными авторами и авторскими коллективами и воплощавшими лексикографические варианты интерпретации РР как разговорной экспрессивной речи [Химик, 2004], разговорного русского языка [Курилова, 2007], русского сленга [Елистратов, 2005], русского жаргона [Ермакова, 1999], молодежного сленга [Никитина, 2006] и мн. др. Как видим, в области изучения разговорной речи сформировались определенные устойчивые традиции, которые в то же время в процессе динамического развития в течение последних пятидесяти лет были дополнены новациями как в теоретическом осмыслении РР с различных научных позиций, так и в практическом применении — в конструировании словарей РР новых типов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Лингвокогнитивный аспект

Вся лексика словаря [СТЭЛ] — это объемное поличастеречное множество слов, отображающих эмоциональную сферу человека и выражающих знания об эмоциях, что позволяет рассматривать его как когнитивно-дискурсивное множество слов (далее — КДМ). Она извлечена из общего лексического фонда русского языка с опорой на суперклассификаторы *чувство / эмоция* и их варианты: *чувствовать, испытывать, исполненный чувства, наполненный им, выражающий чувства* и под. Это множество отличается не только семантико-грамматическим разнообразием, но и семантической, функционально-семантической неоднородностью, а также функционально-стилистической «разношерстностью», что приводит к сложной структурной организации словаря, состоящего из пересекающихся лексических парадигм, и что обуславливает полипарадигмальность в качестве основного принципа их описания. Лингвокогнитивные особенности этого множества эмотивной лексики будут выявлены при его описании с учетом различных научных подходов.

Словник словаря [СТЭЛ] содержит 11 210 единиц описания: 2073 единицы РР, что составляет 18 % от общего количества лексем, и 9137 единиц нормативного литературного языка (далее — НЛЯ), составляющих 82 %. В данном исследовании анализируемое лексическое множество РР будет

предметом сопоставления с лексическим множеством НЛЯ, осуществляющегося по тем же аспектам и параметрам, по которым сконструирован основной исходный словарь [СТЭЛ]. Планируется, что рассматриваемое в статье лексическое множество РР составит словник будущего словаря-тезауруса разговорной эмотивной лексики русского языка.

3.2. Денотативно-идеографический аспект

Этот аспект категоризации ЭЛ связан с отображением денотативного пространства эмоций, то есть с отображением самой эмоциональной сферы человека, тех эмоций и чувств, которые реально испытывает человек и осознает их как внутреннюю психологическую реальность. Их классификация осуществляется в языке с учетом базовых категорий, указывающих на основные типы эмоций, результатом которой стало выявление совокупности денотативно-идеографических групп (далее — ДИГ), отражающих конкретные эмоции, такие как любовь, страх, удивление и др. Всего в словаре [СТЭЛ] выделено 39 ДИГ эмотивной лексики.

С точки зрения количественной представленности группы эмотивной лексики в НЛЯ располагаются следующим образом (рис. 1).

В составе всего множества эмотивной литературной лексики ДИГ характеризуются разной степенью частотности, среди которых мы выделили три степени:

1) высокая частотность (6 %): Доброта (6 %), Любовь (6 %), Горе (6 %). **Всего 3 ДИГ** (18 %);

2) средняя частотность (3—5 %): Грусть (5 %), Беспокойство (5 %), Неприязнь (5 %), Радость (5 %), Смирение (4 %), Влечение (3 %), Высокомерие (3 %), Злость (3 %), Недовольство (3 %), Одобрение (3 %), Спокойствие (3 %), Чувство (3 %). **Всего 12 ДИГ** (45 %);

3) низкая частотность (1—2 %): Бесстрашие (2 %), Вдохновение (2 %), Дружба (2 %), Жалость (2 %), Жестокость (2 %), Надежда (2 %), Неверие (2 %), Неискренность (2 %), Обида (2 %), Одиночество (2 %), Равнодушие (2 %), Страх (2 %), Стыд (2 %), Счастье (2 %), Удивление (2 %), Бесстыдство (1 %), Вера (1 %), Вражда (1 %), Желание (1 %), Искренность (1 %), Любопытство (0.5 %), Настойчивость (0.5 %), Сомнение (0.5 %), Уважение (0.5 %). **Всего 24 ДИГ** (37 %).

Отметим, что количество эмотивных лексем внутри указанных групп варьируется от 68 до 593. Из них 15 из 39 ДИГ (63 %) составляют зону наиболее частотной эмотивной лексики: 3 ДИГ (ДОБРОТА, ЛЮБОВЬ, ГОРЕ) — формируют ядро (18 % лексем), 12 ДИГ — приядерную зону (45 % лексем). Остальные 24 ДИГ формируют периферию, составляющую более трети словника (37 % лексем).

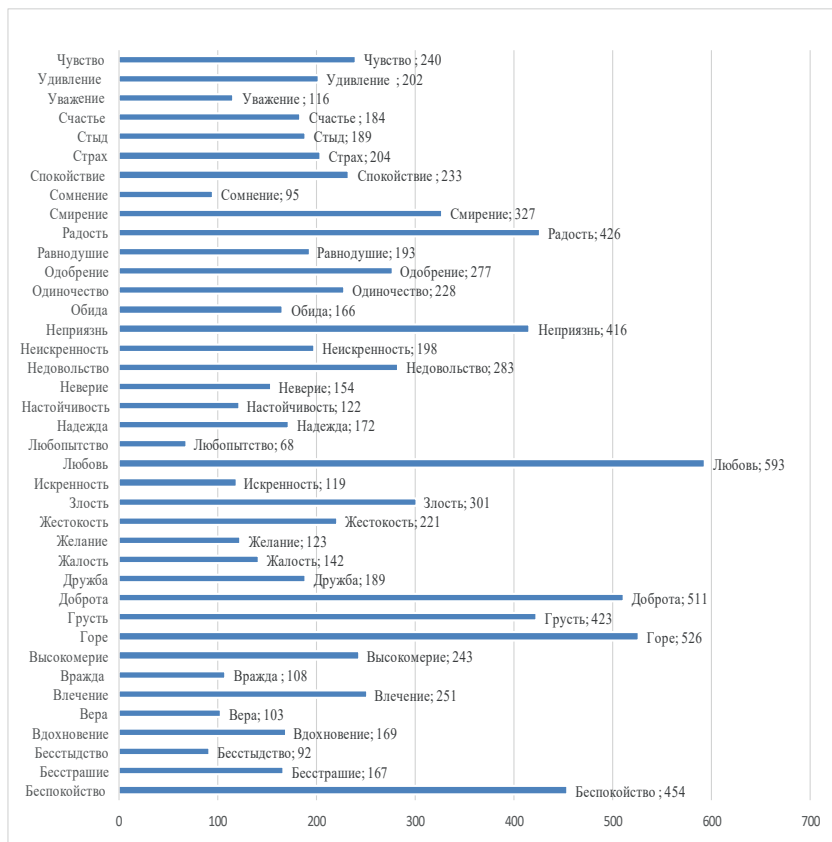

Рис. 1. Эмотивная нормативная литературная лексика в словаре-тезаурусе «Алфавит эмоций»

Fig. 1. Emotive vocabulary of the literary language in the thesaurus of emotive lexis "Alphabet of Emotions"

При рассмотрении разговорной эмотивной лексики также были выявлены определенные количественные тенденции ее употребления в составе разных ДИГ (рис. 2):

1) высокая частотность (6—8 %): *Грусть* (8 %), *Любовь* (7 %), *Неприязнь* (7 %), *Горе* (6 %). **Всего 4 ДИГ** (28 %);

2) средняя частотность (3—5 %): *Беспокойство* (5 %), *Злость* (5 %), *Настойчивость* (4 %), *Стыд* (4 %), *Удивление* (4 %), *Бесстрашие* (3 %), *Влечение* (3 %), *Жестокость* (3 %), *Недовольство* (3 %), *Неискренность* (3 %), *Страх* (3 %). **Всего 11 ДИГ** (40 %);

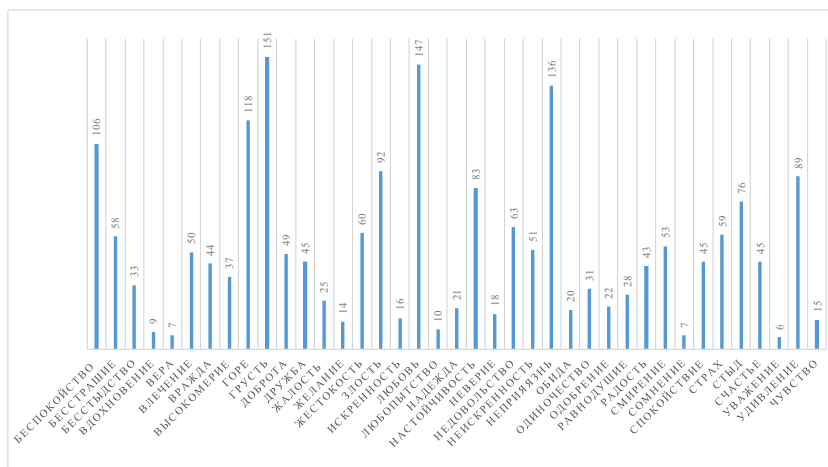

Рис. 2. Эмотивная разговорная лексика в словаре-тезауусе «Алфавит эмоций»

Fig. 2. Emotive colloquial vocabulary in the thesaurus of emotive lexis "Alphabet of Emotions"

3) низкая частотность (1—2 %): *Бесстыдство* (2 %), *Вражда* (2 %), *Высокомерие* (2 %), *Доброта* (2 %), *Дружба* (2 %), *Радость* (2 %), *Одиночество* (2 %), *Смирение* (2 %), *Спокойствие* (2 %), *Счастье* (2 %), *Жалость* (1 %), *Желание* (1 %), *Искренность* (1 %), *Любопытство* (1 %), *Надежда* (1 %), *Неверие* (1 %), *Обида* (1 %), *Одобрение* (1 %), *Равнодушие* (1 %), *Чувство* (1 %), *Вера* (0.5 %), *Вдохновение* (0.5 %), *Сомнение* (0.5 %), *Уважение* (0.5 %). **Всего 24 ДИГ** (32 %).

Количество разговорных эмотивных лексем внутри групп варьируется в диапазоне от 6 до 151 единицы. При этом 4 ДИГ: ГРУСТЬ, ЛЮБОВЬ, НЕПРИЯЗНЬ, ГОРЕ — формируют ядро (28 % лексем), 11 ДИГ — приядерную зону (40 % лексем), которые вместе составляют наиболее частотную часть эмотивной разговорной лексики, составляющую две трети лексики (68 %). Оставшиеся 24 ДИГ формируют периферию, включающую треть словника (32 %). Полученные результаты показывают, что с учетом частотности употребления эмотивная лексика конструируется в пространственном измерении в формате поля. Сопоставление выявленных количественных данных наборов и частотности употребления ДИГ эмотивной лексики в нормативном литературном языке и разговорной речи обнаружило тенденции их использования в речи, как общие совпадающие, так и различающие их.

Прежде всего приведем результаты сопоставления количественной наполненности основных компонентов исследуемых множеств ЭЛ: ядра,

приядерной зоны и периферии. Результаты статистического описания показали, что в процентном отношении ядерная часть, заполняемая эмотивной лексикой с высокой степенью частотности (6—8 %) в разговорной речи больше, чем в нормативном литературном языке на 10 % (ср: РР — 28 %, НЛЯ — 18 %). Что касается самой лексики, то она пересекается, частично совпадая, частично отличаясь. Так, прежде всего отличается количество ДИГ, заполняющих ядро (см.: 3 ДИГ в РР, 4 ДИГ в НЛЯ), при этом зону совпадения представляют ДИГ ЛЮБОВЬ и ГОРЕ, зону несовпадения ДОБРОТА в составе НЛЯ, а также НЕПРИЯЗНЬ и ГРУСТЬ в РР. Отметим, что в последнем случае ядро эмотивной лексики в НЛЯ дополняется лексикой с позитивной семантикой, а ядро эмотивной лексики РР усилено лексикой с негативной семантикой.

Что касается приядерной зоны со средней частотностью лексики (3—5 %), то она в плане количественного набора ДИГ и их лексического состава примерно совпадает, незначительно преобладает эта зона в РР: 12 ДИГ (45 %) в НЛЯ и 11 ДИГ (40 %) в РР. При этом также наблюдается пересекаемость, совпадение групп в их составе (БЕСПОКОЙСТВО, ЗЛОСТЬ, НАСТОЙЧИВОСТЬ, ВЛЕЧЕНИЕ, НЕДОВОЛЬСТВО). Различие наблюдается также в составе групп с различной оценочной семантикой: в НЛЯ в зоне расхождения имеются преимущественно слова с позитивной семантикой (см.: РАДОСТЬ, СМИРЕНИЕ, ОДОБРЕНИЕ, СПОКОЙСТВИЕ), в РР преобладают слова с негативной семантикой (см.: СТЫД, НЕИСКРЕННОСТЬ, СТРАХ, ЖЕСТОКОСТЬ).

Зона дальнейшей периферии с низкой частотностью лексики (1—2 %) также незначительно отличается по наполненности (в НЛЯ 24 ДИГ, 37 %; чуть меньше — в РР: 24 ДИГ, 32 %). Она представлена достаточно большим количеством ДИГ и в НЛЯ, и в РР, которые в своем большинстве совпадают, но при этом имеются и несовпадения, которые хотелось бы отметить. В НЛЯ периферия заполняется лексемами из ДИГ с позитивной и негативной семантикой, но с преобладанием последней (см.: БЕССТРАШИЕ, НАДЕЖДА, СЧАСТЬЕ, УДИВЛЕНИЕ, ЖЕСТОКОСТЬ, НЕВЕРИЕ, НЕИСКЕННОСТЬ, РАВНОДУШИЕ, СТРАХ, СТЫД, БЕСТЫДСТВО). В РР наоборот: на периферии доминируют ДИГ преимущественно положительного спектра эмоций, которые не актуальны для нее (см.: ДОБРОТА, РАДОСТЬ, СМИРЕНИЕ, СПОКОЙСТВИЕ, ОДОБРЕНИЕ, ВЕРА).

Итак, в денотативно-идеографическом поле эмоций были выделены ДИГ, формирующие ядро, приядерную зону и зону периферии. Количественная наполненность частотного центра и периферии в РР и НЛЯ, как было выявлено в ходе исследования, оказалась неравномерна. Так, 15 из 39 ДИГ в РР включают в свой состав около 70 % разговорной лексики,

преимущественно относящейся к лексике с отрицательной эмоционально-оценочной семантикой, в то время как в НЛЯ частотный центр (15 из 39 ДИГ) почти в равной степени сформирован как положительными, так и отрицательными эмотивами. Отметим, что группы, в состав которых входят лексемы с положительной семантикой, в области РР находятся в зоне периферии и занимают всего 12 %. Как было отмечено ранее, представленность эмотивной лексики в составе НЛЯ и РР в целом совпадает, но наряду с этим наблюдаются и некоторые различия в области определения доминирующей эмотивно-оценочной семантики каждого из множеств. К группам эмотивной лексики с высокой частотностью в НЛЯ были отнесены 3 ДИГ: ДОБРОТА (6 %), ЛЮБОВЬ (6 %) и ГОРЕ (6 %), что в совокупности составило 18 % от общего количества лексем. В РР частотный центр представлен большим числом групп — 4 ДИГ, составляющими 28 % от общего числа лексем: ДИГ ГРУСТЬ (8 %), ДИГ ЛЮБОВЬ (7 %), ДИГ НЕПРИЯЗНЬ (7 %), ДИГ ГОРЕ (6 %).

В ходе анализа было установлено, что некоторые группы эмотивной лексики не совпадают по своему количественному составу в НЛЯ и РР. Так, количественная представленность ДИГ ДОБРОТА в РР составила всего 2 % (низкая частотность), в то время как в НЛЯ лексика с семантикой доброты входит в группу с самой высокой частотностью — 6 %. Различия наблюдаются и в количественном соотношении разговорной и нормативной лексики, входящей в ДИГ РАДОСТЬ: низкая частотность употребления лексики радости в РР (2 %) и средняя — в НЛЯ (5 %). Представленные количественные данные подтверждают тезис о преобладании эмотивной лексики с негативной семантикой в сфере РР. Употребление лексики с положительной оценочной семантикой доброты, радости для РР не характерно.

3.3. Когнитивно-деривационный аспект

Этот аспект позволяет рассматривать эмотивную лексику с точки зрения *когнитивных стратегий* отображения эмоций и их интерпретаций, основывающихся на анализе вариантов регулярного семантико-грамматического варьирования лексики эмоций. При этом важную роль играет когнитивный комплекс признаков, характеризующих ЭЛ различных ДИГ, обуславливающий аспекты интерпретации. Всего отмечается наличие 8 параметров регулярной когнитивно-деривационной интерпретации эмоций [Бабенко 2021, с. 19—25], к которым относятся репрезентации эмоций как 1) эмоционального состояния (*страсть, любовь-морковь*), 2) эмоционального отношения (*любить, влюбиться*), 3) становления эмоционального состояния и отношения (*разлюбить, пристраститься*), 4) эмоционального воздействия (*влюбить, присушить*, перен.), 5) внешнего выражения эмоций (*ласкать, ластиться*), 6) эмоциональной характеристики (*страстный, сердешный*),

7) эмоционального качества (*влюбчивость, привязчивость*), 8) человека как носителя эмоций (*поклонник, воздыхатель, волокита*).

В плане структурной организации с учетом указанного когнитивно-деривационного параметра ДИГ неоднородны. Они могут представлять собой полную парадигму интерпретационных вариантов, а могут быть неполными, сокращенными. Анализ материала позволил выявить различия в характере интерпретации эмотивной лексики в нормативном и разговорном вариантах языка.

Рассматривая эмотивную лексику в составе НЛЯ, мы можем отметить преобладающее большинство групп с полной парадигмой интерпретационных вариантов. К подобным ДИГ, составляющим большую часть словаря (23 ДИГ, около 70 %), относятся: БЕСПОКОЙСТВО, ВДОХНОВЕНИЕ, ВЕРА, ДОБРОТА, ДРУЖБА, ЖЕЛАНИЕ, ЖЕСТКОСТЬ, ЛЮБОВЬ, ЛЮБОпытСТВО, НАДЕЖДА, НЕВЕРИЕ, НЕДОВОЛЬСТВО, НЕПРИЯЗНЬ, ОБИДА, ОДИНОЧЕСТВО, ОДОБРЕНИЕ, РАВНОДУШИЕ, СМИРЕНИЕ, СОМНЕНИЕ, СПОКОЙСТВИЕ, СТРАХ, СЧАСТЬЕ, УДИВЛЕНИЕ.

Исследование эмотивной лексики РР в подобном аспекте показало, что количество групп с полной интерпретационной парадигмой в ее составе значительно уступает количеству аналогичных ДИГ в составе НЛЯ. Всего три ДИГ (19 % лексики) содержат все восемь вариантов когнитивно-деривационной интерпретации эмотивной лексики: БЕСПОКОЙСТВО, ЛЮБОВЬ, НЕПРИЯЗНЬ. Эти же ДИГ ранее отмечались нами как самые частотные в РР, составляющие ее ядро. При этом отмечается неполнота когнитивно-деривационной интерпретации большинства ДИГ.

В качестве примера полной парадигмы интерпретации эмоций обратимся к ДИГ ЛЮБОВЬ, одной из доминирующих по лексическому набору лексем в РР, в которой представлены все парадигматические когнитивно-интерпретационные варианты парадигмы: эмоциональное состояние (*горячка, любовь-морковь, страстишка* и др.), становление эмоционального состояния (*приохотиться, пристраститься* и др.), эмоциональное воздействие (*закадрить, кадрить, подлипать, приохотить, присушивать* и др.), эмоциональное отношение (*бегать, волочиться, высохнуть, интрижка, подсластиться, прилепиться, сохнуть* и др.), эмоциональная характеристика (*конфетный, сладкий, сахарный* и др.), эмоциональное качество (*запал, приветливость, темпераментность* и др.), человек как средоточие и носитель эмоции (*герлфренд, голубушка, голубчик, касатик, лапушка, курочка, милаша* и др.), внешнее выражение эмоций (*ластиться, миловать, ухажерство, чмокать, чмокаться* и др.).

С точки зрения количественной характеристики рассматриваемая ДИГ в области РР с учетом соотношения когнитивно-деривационных вариантов

представлена следующим образом: доминирующей является лексика, обозначающая человека как носителя эмоции (30 %), а также лексика с семантикой эмоционального отношения (24 %), в меньшей степени представлена семантика эмоциональной характеристики (12 %), внешнего выражения (10 %). Группы лексики с семантикой эмоционального воздействия, состояния и качества включают в себя незначительное количество единиц. Приведенные статистические данные обнаруживают в разговорной лексике с семантикой любви тенденцию к выдвиганию образа человека, его характеристики, переживания любви как эмоционального отношения в центр отображаемой эмоции.

Сопоставив полученные данные с аналогичной группой в НЛЯ, мы пришли к выводу о том, что категоризация лексики любви в литературном языке осуществляется иначе: доминирующую позицию занимает интерпретационный вариант внешнего выражения эмоции (21,5 % — *ворковать, жгучий, ласка, лобзание, лнуть, объятие, прильнуть, сердечный* и др.), далее в равной степени представлены ДИГ эмоционального отношения (19 % — *гулять, желать, интрига, ответ, пригласиться* и др.) и человека как носителя эмоции (18 % — *богиня, герой, дорогой, друг, кумир, любимая, обольститель*). Группы лексики с семантикой эмоциональной характеристики (8 % — *дорогой, жаркий, жгучий, женолюбивый, задорный, кокетливый, ласковый*) и эмоционального воздействия (8 % — *завораживать, заколдовать, закружить, зачаровать, изнеживать, нежить*), лексика с семантикой становления эмоционального состояния и эмоционального качества представлены значительно меньше. Это показывает, что в НЛЯ когнитивная стратегия отображения любви связана в первую очередь с ее внешним выражением в мимике, жестах и телодвижениях разного рода.

Принимая во внимание отмеченные выше особенности, мы можем утверждать, что модель интерпретации эмотивной лексики в НЛЯ и РР в целом совпадает: сходство обнаруживается в совпадении самого набора — наличия восьми основных когнитивно-derivационных вариантов интерпретации эмоций как в РР, так и в НЛЯ. Специфические особенности обнаруживаются в выборе доминирующего интерпретационного варианта, а также в количественной представленности остальных вариантов в составе различных ДИГ лексики эмоций.

Отметим, что концептуализация конкретных групп эмоций может быть реализована не в полной мере, частично, когда в ДИГ наблюдается отсутствие одного или нескольких интерпретационных вариантов. В таком случае они воплощаются в виде неполных парадигм и когнитивно-derivационной интерпретации эмоций. Примечательно, что в РР в доминирующей по количественному составу ДИГ ГРУСТЬ отсутствует интерпретационный

вариант эмоционального отношения. Специфика данной группы заключается в том, что передача эмоции грусти осуществляется в первую очередь лексикой, входящей в функционально-семантический класс эмоционального состояния (*занудно, муторно, паршиво, погано, сгрустнуться, смурной, тяготи́на, унывный*). В НЛЯ данная группа также доминирует по количеству лексем, но при этом также имеет неполную парадигму когнитивно-деривационной интерпретации с отсутствующим вариантом эмоционального отношения, что связано с самой природой отображаемой эмоции, которая замкнута в субъекте и не имеет направленности на кого-, что-либо (*мрачность, навязчивость, пессимизм, унывать*). Таким образом, прослеживается сходство в когнитивной стратегии интерпретации грусти в НЛЯ и РР.

Приведем примеры других ДИГ, в которых также наблюдается частичное совпадение определенных вариантов интерпретации в РР и НЛЯ при отсутствии одной или нескольких когнитивных стратегий отображения эмоции.

В ДИГ БЕССТРАШИЕ отсутствует класс эмоционального воздействия, поскольку бесстрашие представляет собой эмоциональное качество человека, замкнутое в субъекте и характеризующее его внутренний мир. Данная группа в большей степени интерпретирована как эмоциональное качество и эмоциональная характеристика (РР: *безбашенный, безбоязный, бесшабашный, буйный, лихач, лихой, рисковый, удалой, ухарь* и др.; НЛЯ: *бравый, героически, осмелиться, отважиться, решиться* и др.).

ДИГ ВЛЕЧЕНИЕ также представляет собой неполную парадигму интерпретации эмоций, в которой отсутствует когнитивно-деривационный вариант внешнего выражения эмоций, что обусловлено особым характером данного чувства: влечение, являясь внутренним, скрытно протекающим эмоциональным переживанием, обычно не проявляется внешне и соответственно не поддается интерпретации в данном аспекте. Доминирующими вариантами когнитивно-деривационной интерпретации в данной группе являются: эмоциональное воздействие (РР: *вязать, вmeshивать, тягивать, впутывать, втянуть, запутывать, сманивать*; НЛЯ: *завлечь, завоевать, заманить, зачаровать*), эмоциональное состояние (РР: *горячка, маньячество, помешательство, пунктик, слабость*; НЛЯ: *пыл, соблазн, пристрастие, страсть*), становление эмоционального состояния (РР: *вязаться, вmeshиваться, впутываться, заболеть, помешаться*; НЛЯ: *вовлекаться, впитаться, заинтересоваться, привыкнуть, пристраститься*). Обобщая все вышесказанное, отметим, что полнота интерпретационных вариантов мотивирована как в РР, так и в НЛЯ не количественной представленностью, а, как правило, спецификой самих отображаемых эмоций.

Сопоставление лексического множества эмотивной лексики РР с аналогичной лексикой в НЛЯ обнаруживает различия в характере, объеме и

полноте интерпретации эмоций. Например, ДИГ ВДОХНОВЕНИЕ не является характерной для РР. Можно предположить, что номинация состояния творческого волнения в бытовом, неформальном общении не реализуется. Отметим, что подобное состояние творческого взлета характерно, как правило, для представителей науки, культуры и искусства — людей, которые в спонтанной речи не прибегают к использованию разговорной лексики. Так, входящая в состав ДИГ ВДОХНОВЕНИЕ разговорная лексика представлена только как эмоциональное состояние (*запал, опьяненный, тащиться*), эмоциональная характеристика (*обалденно, обалденный*), в то время как нормативная литературная лексика данной группы представлена в виде полной парадигмы интерпретации.

К группам, отличающимся набором интерпретационных вариантов в области РР от аналогичных групп нормативной лексики, относятся также ДИГ ВЕРА, ИСКРЕННОСТЬ.

Принимая во внимание низкую количественную представленность чувства веры в РР (менее 1 %), мы можем предположить, что чувство глубокой уверенности, убежденности в правильности чего-либо не имеет должного отражения в РР в силу специфики данной эмоции, которая не имеет особых внешних проявлений, столь важных для этого типа речи. Подтверждением служит собранный языковой материал: лексика веры в РР представлена единичными вкраплениями в классе эмоциональной характеристики (*вкусовщина, обстоятельный*), становления эмоционального состояния (*приручиться*).

Лексика, отображающая эмоциональное качество искренности, также немногочисленна и интерпретируется в РР как эмоциональное качество (*простота, простоватость*), эмоциональная характеристика (*простецкий, простоватый*), внешнее выражение эмоции (*впрямую, напрямик, начистоту, прямо*), человек как носитель эмоции (*простак, простыня*).

Итак, в области РР прослеживается тенденция к преобладанию отрицательной лексики над положительной, поэтому выражение таких чувств и состояний, как вера, вдохновение и искренность, как правило, для нее нехарактерно. Основными интерпретационными вариантами для вышеперечисленных групп становятся следующие: эмоциональное отношение, человек как носитель эмоции, внешнее выражение эмоции. В то же время в НЛЯ каждая из перечисленных ДИГ имеет полную парадигму интерпретации.

Рассматривая в совокупности все варианты интерпретации эмоций, отметим, что в РР с учетом количественной представленности они располагаются следующим образом:

1. Внешнее выражение эмоции — 22 % (*беситься, мельтешиться, суматошиться, ершиться, хорохориться, бузить, напускаться, цапаться,*

надуться, остолбенеть, скулить, взорваться, чмокать, кобениться, отмахиваться и др.);

2. Эмоциональная характеристика — 19 % (*ворчливый, кислый, мурторный, каверзный, сладкий, гадостный, мерзкий, никчemuшный, поганый, тошнотный* и др.);

3. Эмоциональное состояние — 18 % (*бешенство, встряска, заваруха, мандраж, мерзко, паскудно, погано, уморительно* и др.);

4. Эмоциональное отношение — 14 % (*гоняться, рваться, воевать, дебош, контры, скандал, содомиться, тарарам, поблажка, подмасливать, потакание, распустить, знаться, поладить* и др.);

5. Эмоциональное воздействие — 14 % (*взвинтить, всполохнуть, грызть, докучать, надоумить, подбить, подзуживать, подучить, раззадоривать, разогреть, удручать, впутать* и др.);

6. Становление эмоционального состояния и отношения — 14 % (*замахнуться, набираться, расхрабриться, охаметь, обалдевать, вязываться, вмешиваться, навидаться* и др.);

7. Человек как средоточие и носитель эмоции — 13 % (*баламут, бедняга, вздорщик, зазнайка, зануда, злодей, истеричка, лихач, сорвиголова, хват, ухахь* и др.);

8. Эмоциональное качество — меньше 1 % (*бесшабашность, нахрапистость, разухабистость, повадка, настырность, непокорливость, непослушливость, стержовность* и др.).

3.4. Синонимико-антонимические комплексы (далее — САК) как проявление ментальной интеграции эмоций в разговорной речи

В ходе анализа было установлено, что некоторые ДИГ разговорной эмотивной лексики по своей природе оппозитивны и представлены в виде следующих антонимических комплексов: РАДОСТЬ (43) — ГРУСТЬ (151), ЛЮБОВЬ (147) — НЕПРИЯЗНЬ (136), БЕСПОКОЙСТВО (106) — СПОКОЙСТВИЕ (45), ВРАЖДА (44) — ДРУЖБА (45), ИСКРЕННОСТЬ (16) — НЕИСКРЕННОСТЬ (51).

Отметим, что каждый отдельный случай репрезентации оппозитивных эмоций в сфере разговорной речи уникален. Рассматривая САК соотносимых эмоций, мы выделили два основных варианта их наполнения:

1. Гармоничное наполнение, при котором репрезентируется соразмерность положительных и отрицательных эмоций. К таким САК относятся ЛЮБОВЬ (147) — НЕПРИЯЗНЬ (136), ДРУЖБА (45) — ВРАЖДА (44). При этом отметим также гармоничную частеречную представленность внутри подгрупп. Так, САК ЛЮБОВЬ — НЕПРИЯЗНЬ почти в равной степени состоит из глаголов — 40 % (*амуриться, глянуться, чмокаться, влопаться — набузить, напакостить, шерстить, омерзеть, очертенеть*

и др.), существительных — 38 % (*бабник, бойфренд, воздыхатель, голубчик, касатик, милка, мордашка — сволочь, гнида, дрянь, жлоб, змеюка, падла* и др.), в меньшей степени — из прилагательных: 20 % (*амурный, сладкий, чадолюбивый, привязчивый — мерзопакостный, никчемный, отвертанный, поганый, тошнотворный* и др.) и наречий (2—3 % — *по-человечески — пакостно, мерзко, мерзопакостно, отвертано, погано*).

2. Негармоничное наполнение, при котором антонимические оппозиции несоразмерно репрезентируют соотносительные эмоции с преобладанием отрицательно оценочной интерпретации: РАДОСТЬ (43) — ГРУСТЬ (151), ИСКРЕННОСТЬ (16) — НЕИСКРЕННОСТЬ (51), СПОКОЙСТВИЕ (45) — БЕСПОКОЙСТВО (106).

Сравнивая САК, выделенные в РР, с аналогичными комплексами в НЛЯ, отметим, что наблюдаются некоторые различия в отнесении их к определенным зонам наполнения. Так, в НЛЯ САК РАДОСТЬ (426) — ГРУСТЬ (423) относится к зоне с гармоничным наполнением (ср.: в РР — негармоничное наполнение); ЛЮБОВЬ (593) — НЕПРИЯЗНЬ (416) относится к зоне с негармоничным наполнением с преобладанием положительно оценочной интерпретации (ср.: в РР — гармоничное наполнение). Отметим, что имеется и сходство в выделении эмотивных парадигм: в антонимических комплексах ИСКРЕННОСТЬ (119) — НЕИСКРЕННОСТЬ (198), СПОКОЙСТВИЕ (233) — БЕСПОКОЙСТВО (454) как в разговорном, так и в нормативном литературном языке преобладают отрицательно оценочные интерпретации.

Как было отмечено ранее, в РР больше всего представлена ДИГ ГРУСТЬ, количество слов в которой — 151, что составляет 8 % от общего числа разговорных лексем. Чувство тяжести, огорчения, душевной горечи является наиболее подверженным экспрессивной, метафорической номинации в области неформального, обиходного общения. Более того, именно чувство мрачного подавленного расположения духа интенсивно по своей природе (*раскваситься*), часто внешне репрезентативно (*кислый, нудный, пресный*), способно воздействовать на объект (*допекать, донимать, заколебать*), характеризовать внутреннее состояние (*муторный, надоедный*). Такой обширный состав является вполне обоснованным, потому что внутренний мир человека напрямую образом связан с внешним проявлением, а качества характера репрезентируются в виде обозначений, конкретных наименований.

ДИГ РАДОСТЬ с оппозитивной семантикой представлена в РР значительно, что в очередной раз подтверждает тезис о меньшем употреблении разговорной эмотивной лексики с положительной семантикой. Возбужденно-радостное состояние сопровождается внешними проявлениями (*улыбчивый, ухмылка, хохма, щериться*), в момент большого удовольствия

и душевного наслаждения человек выступает носителем эмоции радости (*бодряк, жизнелюбец, шуткарь, счастливчик*).

ДИГ ЛЮБОВЬ и НЕПРИЯЗНЬ количественно представлены почти в равной степени. Отметим, что разговорная лексика в ДИГ ЛЮБОВЬ насчитывает 147 лексем, а в ДИГ НЕПРИЯЗНЬ — 136. В общей сложности, данная оппозитивная парадигма занимает 14 % словаря. Такой высокий уровень представленности позволяет рассматривать данную оппозицию как центральную в неформальной РР. Так, крайне неприятное *поганое* состояние, которое может быть вызвано *пакостным* поступком, *гадкими* словами кого-либо, полностью противоположно по своей природе *сладкому* чувству, когда человек *сохнет* по кому-либо и испытывает *привязчивость* к своему *воздыхателю*.

Таким образом, исследование материала в когнитивно-деривационном аспекте с учетом механизмов ментальной интеграции также показало, что основу рассматриваемого множества слов в РР составляет эмотивная лексика с негативной семантикой.

3.5. Функционально-семантический аспект

Следует отметить большой процент разговорной лексики в переносном значении, используемой для отображения эмоций как в разговорной речи, так и в литературном языке. Как показывает анализ, количество лексем в переносном значении в НЛЯ составляет порядка 24 %, в РР — 16 %, что позволяет утверждать, что РР активно пополняется за счет лексем с метафорически-производным значением. В ходе анализа эмотивной разговорной лексики было выявлено 335 лексем в переносном значении. Отметим, что при распределении метафорически-производной лексики в составе РР по ДИГ выявляются определенные тенденции. Так, большинство переносных значений отмечается в 6 ДИГ, которые в совокупности составляют около половины словника (42 %): БЕСПОКОЙСТВО, ГОРЕ, ГРУСТЬ, ЛЮБОВЬ, НЕПРИЯЗНЬ, СТЫД. Оставшиеся 58 % приходятся на 33 ДИГ, среди которых есть группы, наименее подверженные метафорической номинации (1 % и менее): ВЕРА — *приручаться, приручать*; ВДОХНОВЕНИЕ — *запал, опьянелый*; ЖЕСТОКОСТЬ — *опоганить, поганить, звериный, кровожадный*; ИСКРЕННОСТЬ — *нескованность, нескованный*.

В качестве иллюстративного примера обратимся к ДИГ БЕСПОКОЙСТВО — одной из самых многочисленных групп с большим процентом метафорически-производных значений (42 %). Ранее мы выявили, что модели формирования метафор беспокойства основываются на ментальной интеграции эмотивной семантики с семантикой конкретно-физических проявлений внешнего мира действительности и физиологических проявлений существования человека [Бабенко и др., 2023, с. 38]. При метафорической

репрезентации беспокойства используется лексика различных денотативных сфер: лексика физиологического состояния человека — болезни (*горячка, разгоряченный, лихорадка, лихорадить, зудеть, расстраивать* и др.), психического состояния (*психоз, бешеный, невменяемый*), состояния опьянения (*пьяный, опьянелый, хмельть, охмелять, хмелить*). В группе функционального состояния природных объектов чаще всего используются слова, связанные со стихиями огня и воды: лексемы, описывающие процессы нагревания, повышения температуры (*накаляться, разгорячиться, горячка* и др.); теплового воздействия (*раскалять / раскалить, горячить / разгорячить, парить* и др.); горения (*разжигать / разжечь, распаленный* и др.). Как показывает анализ, имеет место использование и лексики кипения (*кипеть, кипятиться, клокотать*), изменения функционального состояния и качества жидкости (*баламутить / набаламутить, мутить / замутить* и др.).

Примечателен тот факт, что оппозитивная по семантике группа слов ДИГ СПОКОЙСТВИЕ имеет похожие принципы моделирования метафорически-производных значений. В ходе анализа было выявлено, что основными сферами-источниками, обогащающими эмотивное множество СПОКОЙСТВИЕ и моделирующими в нем метафорически-производные значения, стали денотативные сферы состояния и конкретной физической деятельности. Наиболее характерными стали пересечения с лексикой функционального состояния окружающей среды: светоизлучения (*просветлеть, светлеть, светлый*), состояния окружающей среды (*безбурный, безбурно, безоблачный, прояснеть, холодный*), понижения температуры объекта (*остывать, остыть, остынуть*). В образном представлении спокойствия также участвует лексика, связанная с процессами тепловой активности: нагревания (*согреть, отогреться, остынуть*), кипения (*перекипать, перекипеть*). Сферой-источником метафорической номинации спокойствия является и физиологическое состояние человека. В ней преимущественно использованы группы, характеризующие психическое состояние человека (*перебеситься, притихнуть, укротиться, укрощаться, покойный*); состояние болезни (*простынуть, простыть*). Сфера «Конкретная физическая деятельность», участвующая в метафорической номинации спокойствия, представлена следующими группами: уменьшение веса (*облегчаться, облегчение, облегчиться*), отсоединение (*отвязаться, отвязываться, отцепиться, отцепляться*), выпрямление (*выравнивать, выровнять*). Лексика из сферы «Движение» представлена незначительно: *отставать, отстать, уходить*.

3.6. Функционально-стилистический аспект

Следует отметить, что ДИГ разговорной эмотивной лексики различаются не только типом отображаемых эмоций, но и их функционально-

стилистической и эмоционально-экспрессивной неоднородностью. В составе эмотивной лексики прослеживаются определённые тенденции использования эмоционально-оценочных коннотаций и функционально-стилистических характеристик. Так, было выявлено, что для РР характерны в основном негативные коннотации, при этом была обнаружена регулярность совмещения определенных функционально-стилистических и эмоционально-оценочных помет. Самым частотным типом стало совмещение функционально-стилистической пометы *разг. / разг.-сниж.* и эмоционально-оценочной *неодобр.* Этот факт позволяет утверждать, что для разговорной речи характерны эмоциональные коннотации с оценкой неодобрения. Всего в составе словаря насчитывается 25 подобных совмещений, что служит подтверждением тезиса о преобладании отрицательных коннотаций в сфере РР русского языка. По основанию «тип эмоции» совмещенные модели встречаются в ДИГ БЕСПОКОЙСТВО (*истеричный, истерия, истеричка, истеричность*), БЕССТРАШИЕ (*лихач, бравада, лихачество*), ГРУСТЬ (*кислолицый, кислый, липкий, липучий*), ЖАЛОСТЬ (*нытье, стонать*), ЛЮБОВЬ (*юбочник, страстишка*), РАВНОДУШИЕ (*твердокожий, толстокожий, повадиться*). Характерными когнитивно-деривационными моделями интерпретации, отражающими регулярные параметры переживания эмоций, в подобном сочетании являются эмоциональное качество, внешнее выражение эмоции и человек как носитель эмоции.

В меньшей степени представлено сочетание функционально-стилистической пометы *разг. / разг.-сниж.* и эмоционально-оценочной пометы *пренебр.* Лексическими репрезентантами подобной совмещенной модели становятся лексемы, входящие в ДИГ ЛЮБОВЬ и СМИРЕНИЕ: *интрижка, страстишка, любовь-морковь, цаца, задавала; бесхребетный, мякотельный, тряпичный, бесхребетность, слонтяйство*. Рассматриваемые лексемы выражают оскорбительно-неуважительное эмоциональное отношение легкой степени к кому-, чему-либо.

Разговорная и разговорно-сниженная ЭЛ также обладает негативными коннотациями с оттенком презрения: *мразь, скот, скотина, супостат, тварь*; грубой оскорбительной оценки лица (эмоционально-оценочные пометы *бран., груб.*): *проклятуций, зараза, каналья, козел, паршивец, поганец, подонок, кобель, осточертеть*. Данные лексемы выражают уже оскорбительно-неуважительное отношение крайней степени и находятся за пределами литературного языка.

В РР присутствуют и нейтральные единицы, а также лексемы с положительными коннотациями, отображающие оценочное отношение говорящего к тому или иному объекту в сфере коннотации. Основными моделями совмещения становятся:

1. Функционально-стилистическая помета *разг. / разг.-сниж.* + эмоционально-оценочная *шутл.* В данном случае помета указывает на выражение словом доброй, легкой насмешки. К числу ДИГ, включающих в себя совмещение подобных коннотаций, относятся ДИГ ЛЮБОВЬ (*амуры, амурный, воздыхатель, втюриться, книгоед, книгожора, симпатия, жаловат*), ДИГ ОДОБРЕНИЕ (*благословлять, хвальба*), ДИГ СЧАСТЬЕ (*везунок, везунчик, кейф, кейфануть, кейфовать*).

2. Функционально-стилистическая помета *разг. / разг.-сниж.* + эмоционально-оценочная *ирон.* Данная помета выражает легкую язвительную насмешку: *дुльцинея, бодрячок, паинька, пай-мальчик*.

3. Функционально-стилистическая помета *разг. / разг.-сниж.* + эмоционально-оценочная *ласк.* Совмещение данных помет указывает на выражение любви, доброго теплого отношения, нежности: *сердешный, дичок, смиренный, соколик, трусишка*.

Результаты исследования показывают, что подобные модели совмещения функционально-стилистических помет и эмотивных смыслов, относящихся к разным макрокомпонентам эмотивного значения (денотации и коннотации), позволяют отображать как репрезентации самих эмоций, так и одновременно эмоционально-оценочное к ним отношение.

4. Заключение = Conclusions

Итак, эмотивная разговорная лексика русского языка, являясь подсистемой литературного языка, с одной стороны, совпадает с ним в общей структурной организации лексико-семантического пространства, с другой стороны, во многом отличается от него и имеет свои особенности репрезентации. Она представляет собой обширную мегапарадигму единиц, определенным образом организованных в пространственном измерении в аспекте полипарадигмальности, то есть с различных научных позиций, что позволило представить ее как многомерное лексико-семантическое пространство и выявить закономерности и особенности ее категоризации, концептуализации и интерпретации. Основными аспектами рассмотрения материала стали следующие: лингвокогнитивный, денотативно-идеографический, когнитивно-деривационный, ментально-интегративный, функционально-семантический и функционально-стилистический. Каждый отдельный аспект при этом стал в то же время основанием выделения определенного этапа в модели анализа эмотивной лексики в РР, осуществляемого в сопоставлении с подобной лексикой НЛЯ. Объектом рассмотрения в статье стала эмотивная лексика словаря «Алфавит эмоций» общим объемом 11 210 единиц, в том числе 2073 единицы, принадлежащие лексике разговорной речи. На всех этапах анализа осуществлялось статистическое

описание материала, что позволило, во-первых, выявить общую структурную организацию эмотивной лексики в РР в сопоставлении с НЛЯ, во-вторых, обнаружить количественные тенденции разговорных эмотивных лексем в составе различных множеств на разных этапах анализа с учетом аспектов их рассмотрения.

Так, в *лингвокогнитивном* аспекте вся эмотивная разговорная лексика русского языка представлена как совокупность лексем, объединенных в единую мегапарадигму — объемное КДМ слов, в семантике которых в различном формате закреплены знания об эмоциях, когнитивных механизмах их отображения в структуре эмотивных значений, особенностях их категоризации, концептуализации, обуславливающих саму системную организацию эмотивной лексики.

С точки зрения *денотативно-идеографического* подхода данное КДМ рассмотрено и интерпретировано в соотнесенности с реально существующими эмоциями внутреннего мира человека, что позволило выявить 39 ДИГ эмотивной лексики. Было обнаружено, что оно неоднородно и отличается частотностью лексем в составе различных ДИГ. Использование в качестве пространственного измерения концепции поля позволило выявить его ядро, приядерную зону и периферию. Статистическое описание лексического наполнения этих зон поля в РР, результаты которого были рассмотрены в сопоставлении НЛЯ, позволило выявить закономерности и особенности организации денотативно-идеографического пространства эмотивной лексики в РР. Было обнаружено, что зона ядра поля эмотивной лексики в РР по количеству групп и набору лексем значительно превышает зону ядра в НЛЯ (см.: в РР — 4 ДИГ, 28 %; в НЛЯ — 3 ДИГ, 18 %), она фактически занимает треть всего множества в РР и включает на 10 % больше лексем, чем в НЛЯ. При этом составы указанных ДИГ отличаются по эмоционально-оценочной доминанте: в РР в составе ядра преобладают ДИГ с негативной семантикой: ГРУСТЬ, ГОРЕ, НЕПРЯЗНЬ, ЛЮБОВЬ; в НЛЯ — с положительной семантикой: ДОБРОТА, ЛЮБОВЬ, ГОРЕ.

Интересны данные, касающиеся наполнения периферийной зоны денотативно-идеографического пространства, в котором, с одной стороны, есть зона пересечения, совпадения ДИГ в НЛЯ и РР, включающая 6 групп: БЕСПОКОЙСТВО, ЗЛОСТЬ, НАСТОЙЧИВОСТЬ и др. С другой стороны, есть непересекающиеся группы, преимущественно обладающие оппозитивной семантикой по отношению к ядру пространства. Так в составе 24 ДИГ, которые ее формируют в РР (32 % лексики), находится лексика с положительной эмотивной семантикой, характеризующаяся минимальной частотностью (ДИГ РАДОСТЬ, УВАЖЕНИЕ, ВЕРА, НАДЕЖДА, ДОБРОТА, ОДОБРЕНИЕ и др.) на фоне самой употребительной лексики с негативной эмотив-

ной семантикой (ГРУСТЬ, НЕПРИЯЗНЬ, ГОРЕ). Эта тенденция: доминанта эмотивной лексики с негативной семантикой — является типичной для РР, и, как показал анализ, она проявляется и в организации других множеств эмотивной лексики на всех основных этапах ее исследования.

Исследование материала с позиций *когнитивно-деривационного подхода* в области разговорной речи показало, что количество групп с полной интерпретационной парадигмой значительно уступает аналогичным группам в составе НЛЯ. Рассмотрение эмотивной разговорной лексики в указанном аспекте показало, что к ДИГ, включающим все восемь вариантов интерпретации эмоций, можно отнести всего 3 ДИГ (19 %): БЕСПОКОЙСТВО, ЛЮБОВЬ, НЕПРИЯЗНЬ (ср. В НЛЯ — 70 %), — остальные характеризуются неполной парадигмой вариантов интерпретации. Наиболее частотными вариантами когнитивно-деривационной интерпретации эмоций во всем множестве лексики в РР стали варианты внешнего выражения эмоции, отношения, характеристики и номинации человека как носителя эмоций.

С точки зрения аспекта *ментальной интеграции* эмотивная лексика в целом отличается актуализацией отношений противоположности, обусловленных обязательным наличием в ее семантике оценочных компонентов: положительного и отрицательного, которые соответственно формируют САК в ее концептуальном пространстве. Как в РР, так и в НЛЯ репрезентации САК характеризуются своеобразием, имеют свою специфику. С точки зрения количественной представленности доминирующими являются, например, комплексы ЛЮБОВЬ — НЕПРИЯЗНЬ (147—136), ДРУЖБА — ВРАЖДА (45—44), в которых наблюдается гармоничное лексическое наполнение ДИГ, репрезентирующее соразмерность положительных и отрицательных эмоций. Пример негармонического САК: РАДОСТЬ — ГРУСТЬ.

Функционально-семантический аспект анализа был нацелен на выявление тенденций ассоциативно-образной метафорической номинации эмоций. Как показал анализ, в разговорной речи активно развиваются переносные значения, при этом распределение метафорически-производной лексики в составе РР отличается регулярностью и опирается на определенные метафорические проекции. Так, большинство переносных значений было отмечено в шести ДИГ: БЕСПОКОЙСТВО, ГОРЕ, ГРУСТЬ, ЛЮБОВЬ, НЕПРИЯЗНЬ, СТЫД, — которые в совокупности составили около половины словника (42 %), в остальных 33 ДИГ реализовано 58 % переносных значений.

Анализируя РР с точки зрения *функционально-стилистического аспекта*, мы обнаружили, что для разговорной лексики характерны в основном негативные коннотации. Более того, для эмотивной разговорной

лексики свойственно обогащение эмотивной семантики за счет комплекса эмоционально-оценочных коннотаций и функционально-стилистических характеристик. Самым частотным стало совмещение функционально-стилистической пометы *разг. / разг.-сниж.* и эмоционально-оценочной *неодобр.*

В целом проведенное исследование эмотивной лексики в РР, основанное на принципе полипарадигмальности, позволило раскрыть и показать сложную многопараметровую организацию этого множества слов, способного передавать в устной речи все многообразие внутренне переживаемых эмоций, испытываемых человеком и внешне проявляемых в жестах, мимике, речи, поведении и пр., то есть в полной мере отображать их и формировать вариант языковой картины мира в сфере РР, что особенно важно и актуально для разработки и создания нового лексикографического проекта: идеографического словаря-тезауруса разговорной эмотивной лексики.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. СТЭЛ — *Алфавит эмоций* : словарь-тезаурус эмотивной лексики / Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург ; Москва : Кабинетный ученый, 2021. — 432 с. — ISBN 978-5-6041789-2-8.
2. ТСРРР — *Толковый словарь русской разговорной речи* [Текст] / Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; под ред. Л. П. Крысина. — Москва : Языки славянской культуры (ЯСК), 2014. — 820 с. — ISBN 978-5-9500885-9-9.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. — Москва : Прогресс, 1990. — С. 5—32.
2. Бабенко Л. Г. Алфавит эмоций : словарь-тезаурус эмотивной лексики / Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург ; Москва : Кабинетный ученый, 2021. — С. 19—25. — ISBN 978-5-6041789-2-8.
3. Бабенко Л. Г. Типы лексических множеств в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лексикографическом освещении : динамика интерпретаций / Л. Г. Бабенко // Научный диалог. — 2020. — № 9. — С. 9—47. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-9-47.
4. Бабенко Л. Г. Чувство беспокойства в метафорическом зеркале / Л. Г. Бабенко, В. В. Данилова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». — 2023. — Т. 20. — № 1. — С. 35—40. — DOI: 10.14529/ling230105.
5. Елистратов В. С. Толковый словарь русского сленга : свыше 12000 слов и выражений, арг, жаргоны / В. С. Елистратов. — Москва : АСТ-Пресс : АСТ-Пресс Книга, 2005. — 668 с. — ISBN 5-462-00441-9.

6. *Ермакова О. П.* Слова, с которыми мы все встречались : Толковый слов. рус. общ. жаргона / О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Р. И. Розина. — Москва : Азбуковник, 1999. — 273 с.

7. *Земская Е. А.* Русская разговорная речь [Текст] / Е. А. Земская. — Москва : Наука, 1973. — 485 с.

8. *Земская Е. А.* Русская разговорная речь : Общ. вопр. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. — Москва : Наука, 1981. — 276 с.

9. *Земская Е. А.* Русская разговорная речь. Тексты / Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе. — Москва : Наука, 1978. — 307 с.

10. *Китайгородская М. В.* Русский речевой портрет : Фонохрестоматия / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. — Москва : Наука, 1995. — 127 с.

11. *Кормилицина М. А.* Глагольные словосочетания на основе управления в русской разговорной речи : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. (660) / М. А. Кормилицина. — Саратов, 1972. — 17 с.

12. *Крысин Л. П.* Предисловие / Л. П. Крысин // Толковый словарь русской разговорной речи. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — С. 9—11. — ISBN 978-5-9905856-5-2.

13. *Курилова А. Д.* Толковый словарь разговорного русского языка : около 3500 слов / А. Д. Курилова. — Москва : АСТ : Астрель, 2007. — 639 с. — ISBN 978-5-17-042802-1.

14. *Никитина Т. Г.* Толковый словарь молодежного сленга : слова, непонятные взрослым : около 2000 слов / Т. Г. Никитина. — Москва : Астрель : АСТ, 2006. — 734 с. — ISBN 5-17-015420-8.

15. *Розанова Н. Н.* Суперсегментные средства русской разговорной речи : на материале ударения в потоке речи : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Н. Н. Розанова. — Москва, 1978. — 229 с.

16. *Сиротинина О. Б.* Русская разговорная речь : Пособие для учителя / О. Б. Сиротинина. — Москва : Просвещение, 1983. — 80 с.

17. *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи / В. В. Химик. — Санкт-Петербург : Норинт, 2004. — 762 с. — ISBN 5-7711-0202-4.

18. *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. — Москва : Азбуковник, 2003. — 377 с. — ISBN 5937860489.

*Статья поступила в редакцию 02.11.2023,
одобрена после рецензирования 10.12.2024,
подготовлена к публикации 07.03.2024.*

Material resources

STEL — *Alphabet of emotions: dictionary-thesaurus of emotive vocabulary.* (2021). Yekaterinburg; Moscow: Cabinet Scientist. 432 p. ISBN 978-5-6041789-2-8. (In Russ.).

TSRRR — *Explanatory dictionary of Russian colloquial speech.* (2014). Moscow: Languages of Slavic Culture (YASK). 820 p. ISBN 978-5-9500885-9-9. (In Russ.).

References

Arutyunova, N. D. (1990). Metaphor and discourse. In: *The theory of metaphor.* Moscow: Progress. 5—32. (In Russ.).

Babenko, L. G. (2021). *Alphabet of emotions: dictionary-thesaurus of emotive vocabulary.* Yekaterinburg; Moscow: Cabinet Scientist. 19—25. ISBN 978-5-6041789-2-8. (In Russ.).

- Babenko, L. G., Danilova, V. V. (2023). The feeling of anxiety in a metaphorical mirror. *Bulletin of SUSU. The series "Linguistics"*, 20 (1): 35—40. DOI: 10.14529/ling230105. (In Russ.).
- Babenko, L. G. (2020). Types of Lexical Sets in Structural-Semantic, Cognitive-Discursive and Lexicographic Coverage: Dynamics of Interpretations. *Nauchnyi dialog*, 9: 9—47. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-9-9-47> (In Russ.).
- Chemist, V. V. (2004). *A large dictionary of Russian colloquial expressive speech*. St. Petersburg: Norint. 762 p. ISBN 5-7711-0202-4. (In Russ.).
- Elistratov, V. S. (2005). *Explanatory dictionary of Russian slang: over 12,000 words and expressions, argot, jargons*. Moscow: AST-Press: AST-Press Book. 668 p. ISBN 5-462-00441-9. (In Russ.).
- Ermakova, O. P., Zemskaya, E. A. (1999). *The words we all met: Explanatory dictionary. rus. Jargon*. Moscow: Azbukovnik. 273 p. (In Russ.).
- Kitaygorodskaya, M. V. (1995). *Russian speech portrait: Phonohrestomy*. Moscow: Nauka. 127 p. (In Russ.).
- Kormilitsina, M. A. (1972). *Verbal phrases based on management in Russian colloquial speech*. Author's abstract of PhD Diss. Saratov. 17 p. (In Russ.).
- Krysin, L. P. (2014). Preface. In: *Explanatory dictionary of Russian colloquial speech*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 9—11. ISBN 978-5-9905856-5-2. (In Russ.).
- Kurilova, A. D. (2007). *Explanatory dictionary of spoken Russian: about 3,500 words*. Moscow: AST: Astrel. 639 p. ISBN 978-5-17-042802-1. (In Russ.).
- Nikitina, T. G. (2006). *Explanatory dictionary of youth slang: words incomprehensible to adults: about 2000 words*. Moscow: Astrel: AST. 734 p. ISBN 5-17-015420-8. (In Russ.).
- Rozanova, N. N. (1978). *Supersegmental means of Russian colloquial speech: based on the material of stress in the flow of speech*. PhD Diss. Moscow. 229 p. (In Russ.).
- Shvedova, N. Y. (2003). *Essays on the syntax of Russian colloquial speech*. Moscow: Azbukovnik. 377 p. ISBN 5937860489. (In Russ.).
- Sirotnina, O. B. (1983). *Russian colloquial speech: A teacher's manual*. Moscow: Prosveshchenie. 80 p. (In Russ.).
- Zemskaya, E. A. (1981). *Russian colloquial speech: General. vopr. Word formation. Syntax*. Moscow: Nauka. 276 p. (In Russ.).
- Zemskaya, E. A. (1973). *Russian colloquial speech*. Moscow: Nauka. 485 p. (In Russ.).
- Zemskaya, E. A. (1978). *Russian colloquial speech*. Moscow: Nauka. 307 p. (In Russ.).

*The article was submitted 02.11.2023;
approved after reviewing 10.12.2024;
accepted for publication 07.03.2024.*

Информация для цитирования:

Белошицкая Н. Н. Драматургичность дискурса : когнитивно-прагматический потенциал метамаркера В ТАКОМ ТОНЕ / Н. Н. Белошицкая // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 2. — С. 35—52. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-35-52.

Beloshitskaya, N. N. (2024). Dramaturgy of Discourse: Cognitive-Pragmatic Potential of Metamarker ‘V TAKOM TONE’ [in such a tone]. *Nauchnyi dialog*, 13 (2): 35-52. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-35-52. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Драматургичность
дискурса:
когнитивно-
прагматический
потенциал метамаркера
В ТАКОМ ТОНЕ**

Белошицкая Наталия Николаевна
orcid.org/0000-0002-0899-1828
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра английского языка
n.beloshickay@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный
университет имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Россия)

**Dramaturgy of Discourse:
Cognitive-Pragmatic
Potential of Metamarker
‘V TAKOM TONE’
[in such a tone]**

Nataliya N. Beloshitskaya
orcid.org/0000-0002-0899-1828
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of English Language
n.beloshickay@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University
(Arkhangelsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Феномен драматургичности дискурса трактуется в статье как планирование и выстраивание языковой личностью эффективной коммуникативной стратегии в конкретных социально-культурных условиях. Методологическим основанием послужили концепции А. В. Олянич, И. Гофмана, Ю. Хабермаса, В. И. Карасика. Речевой оборот «в таком тоне» рассматривается в качестве прагматического метамаркера тактик дискурсивной драматургичности. Материалом исследования послужили текстовые отрывки из художественных произведений в Национальном корпусе русского языка. Было отобрано 74 отрывка с описанием коммуникативных ситуаций, представляющих жанры конфликтного или потенциально конфликтного взаимодействия. В 26 из них метамаркер «в таком тоне» был использован для моделирования ситуаций, относящихся к жанрам личностно-ориентированного дискурса. В 16 отрывках этот метамаркер моделирует ситуации, относящиеся к жанрам статусно-ориентированного дискурса. В 32 отрывках фраза использовалась как метамаркер когнитивного плана. Результаты исследования позволяют сделать вывод о частотности маркирования оборотом «в таком тоне» социальной роли, тактики сохранения социального лица, «искреннего непонимания», угрозы и избегания конфликта. Метамаркер «в таком тоне» помогает адресату интеракции эксплицитировать когнитивный план адресанта — выявить интенции и желания, спрогнозировать смену тактик.

Ключевые слова:

драматургичность дискурса; тональность; коммуникативная тактика; самопрезентация; прагматический метамаркер; языковая личность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The phenomenon of discursive dramaturgy is interpreted in the article as the planning and construction of an effective communicative strategy by the linguistic persona in specific socio-cultural conditions. The methodological basis for this study is provided by the concepts of A. V. Olyanich, I. Hoffman, J. Habermas, and V. I. Karasik. The phrase ‘v takom tone’ [in such a tone] is examined as a pragmatic metamarker of discursive dramaturgy tactics. The research material consists of textual excerpts from literary works in the National Corpus of the Russian. 74 excerpts describing communicative situations representing genres of conflict or potentially conflictual interactions were selected. In 26 of them, the metamarker ‘v takom tone’ [in such a tone] was used to model situations related to genres of personality-oriented discourse. In 16 excerpts, this metamarker models situations related to genres of status-oriented discourse. In 32 excerpts, the phrase was used as a cognitive plan metamarker. The results of the study allow us to conclude about the frequency of marking with the phrase ‘v takom tone’ [in such a tone] of social roles, tactics of maintaining social face, “sincere misunderstanding,” threat, and conflict avoidance. The metamarker ‘v takom tone’ [in such a tone] helps the interaction addressee to explicitize the addressee’s cognitive plan — to identify intentions and desires, predict a change in tactics.

Key words:

discourse dramaturgy; cognitive-pragmatic potential; metamarker; v takom tone; in such a tone.

УДК 811.161.1'42

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-35-52

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Драматургичность дискурса: когнитивно-прагматический потенциал метамаркера В ТАКОМ ТОНЕ

© Белошицкая Н. Н., 2024

1. Введение = Introduction

Драматургичность (то есть постановочность, планируемость, самопрезентация) свойственна любому дискурсу. Сама постановка вопроса о драматургичности дискурса открывает новые перспективы в исследовании факторов эффективности языковой коммуникации. Метафорическое осмысление социальной реальности как театра (театр как модель бытия) и постановочности коммуникативных практик давно вошло в кругозор исследований гуманитарного толка. Детальное реферирование всех накопившихся точек зрения на проявление театральности, драматургичности человеческого общения не входит в задачи работы. Для уточнения методологической основы исследования определим основные подходы. Стоит сослаться прежде всего на социодраматургический подход Ирвинга Гофмана [Гофман, 2000; Гофман, 2003; Гофман, 2009]. Настройка и регулировка самопрезентации в общении занимают центральное место в подходе канадского социолога. Важным тезисом, имеющим эвристическую ценность в рамках данного исследования, служит трактовка исследователем «лица» участников социального взаимодействия. «Похоже, что каждый индивид, субкультура или общество обладают своим характерным репертуаром приемов сохранения лица <...> Тем не менее, определенный набор приемов, выделяемых конкретными людьми или группами, проистекает из единой логически связанной системы возможных приемов. Складывается впечатление, что лицо в силу своей природы может быть сохранено лишь несколькими определенными способами, и каждому социальному сообществу надо сделать свой выбор из этой единой матрицы возможных вариантов» [Гофман, 2009, с. 27]. По сути, исследователь говорит о стратегическом выстраивании языковой личностью эффективной коммуникации, которая определяется коллективным языковым опытом и коллективным знанием, включающим схемы интерпретации смыслов. Это позволяет рассматри-

вать драматургичность как механизм структуризации дискурса. Отдельного внимания заслуживает презентационная теория дискурса, разработанная А. В. Оляничем, которая во многом резонирует с подходом Гофмана. Ученый отмечает, что «обращаясь к когнитивно освоенному и ментально закрепленному информационному тезаурусу, он (человек) извлекает необходимый кластер понятий и концептов, облакает их в языковые формулы и особым образом структурирует свою речь, погружая эти формулы в коммуникацию, создавая соответствующий дискурс» [Олянич, 2004, с. 56]. Суть феномена драматургичности дискурса — прагматическая, что предполагает неизменный учет фактора адресата, а значит, планирование интеракции и прогнозирование тех или иных интерпретаций. Этот тезис нашел отражение и в философской трактовке драматургичности в понятии драматургической деятельности Юргена Хабермаса: «Актор вызывает у своей публики определенный образ, некое впечатление о самом себе <...> в драматургической деятельности ее участники <...> управляют своей интеракцией с помощью регулирования обоюдного доступа к собственной субъективности каждого из них» [Хабермас, 2022, с. 108]. Постановочность манеры осуществления коммуникации, настройка и регулировка презентации себя составляет суть социального символизма в теории этнопсихолингвистики, разработанной А. А. Леонтьевым, Е. Ф. Тарасовым и Ю. А. Сорокиным: «...социальный символизм — весьма своеобразное средство установления социальных отношений между коммуникантами. Коммуниканты намеренно демонстрируют свои действительные или мнимые социальные качества, намеренно выполняя некоторую деятельность таким образом, чтобы ее можно было однозначно идентифицировать с символизируемой речевой деятельностью...» [Тарасов, 1977, с. 93]. Феномен драматургичности социального бытия получил и лингвосемиотическое понимание. Детальный анализ концептуальных характеристик маски представлен В. И. Карасиком [Карасик, 2021, с. 367—382]. По мнению исследователя, коммуникативная маска служит прямым выражением ролевых характеристик, которые, в свою очередь, реализуются в коммуникативной практике [Карасик, 2021, с. 371]. Ролевые характеристики структурируют восприятие социальной реальности, что лежит в основе драматургичности дискурса.

Объектом рассмотрения в данной статье является драматургичность обиходного дискурса и институционального дискурса. Пользуясь терминологией, разработанной В. И. Карасиком, рассматриваем обиходный (бытовой) дискурс как разновидность личностно-ориентированного дискурса, институциональный — как разновидность статусно-ориентированного дискурса. Отметим существенное различие этих видов дискурса: «В первом случае в общении участвуют коммуниканты, хорошо знающие друг

друга, раскрывающие друг другу свой внутренний мир, во втором случае общение сводится к диалогу представителей той или иной социальной группы» [Карасик, 2002, с. 193]. Единицей анализа реализации драматургичности дискурса принимаем коммуникативную (речевую) ситуацию, так как дискретность и динамика нарративной структуры коммуникативной ситуации потенциально позволяет наблюдать развертку дискурсивной деятельности участников ситуации от замысла, интенций до их реализации в виде социальной интеракции, которая, в свою очередь, может иметь планируемый перлокутивный эффект или завершиться коммуникативной неудачей. Структура и характеристики коммуникативной ситуации подверглись подробному рассмотрению в исследованиях прагмалингвистического и социолингвистического толка, см., например: [Карасик, 2007; Прохоров и др., 2016]. Вслед за К. Ф. Седовым полагаем, что формой существования речевой ситуации является жанр [Седов, 2004, с. 69].

Предметом анализа в рамках данной работы являются коммуникативные ситуации, представляющие первичные жанры конфликтного повседневного бытового общения (обиходный дискурс), обслуживающие понятные коммуникативные интенции и конфликтогенные ситуации в статусно-ориентированном дискурсе. Сама жанровая природа общения фиксирует в языковом сознании носителя языка алгоритмы реализации коммуникативных стратегий для эффективного достижения планируемого перлокутивного эффекта. Уместным представляется и стратегический подход к анализу драматургичности. Драматургичность конструирования дискурса субъектом представляется глобальной метастратегией, действие которой определено параметрами категорий социального лица и социальной роли: сохранение лица, соответствие ролевым представлениям и социальным ожиданиям. Неслучайно драматургичность дискурса может принимать акцентированную форму в речевых жанрах ликоповреждающего характера. Для успешного решения коммуникативных задач участникам ситуации требуется тщательно обдумывать, планировать, режиссировать свои коммуникативные ходы таким образом, чтобы реализуемые тактики не только принесли желаемый перлокутивный эффект, но и помогли сохранить социальное лицо. Обращаясь к типологии стратегий, предлагаемых О. С. Иссерс, драматургическая стратегия может быть отнесена к вспомогательным, способствующим эффективной организации коммуникации [Иссерс, 2008]. По мнению исследователя, стратегия — это «когнитивный план общения» [Иссерс, 2008, с. 100]. Структурой когнитивного плана является, прежде всего, замысел высказывания. Исследователь категорий замысла и целеполагания И. Н. Борисова приходит к выводу о том, что «понятия цели общения и коммуникативного замысла актуальны для всех

речевых подсистем, в том числе для разговорной речи, где тоже происходит программирование в порождающем сознании и отбор средств для реализации целевой программы» [Борисова, 2000, с. 243]. Планируемость и прогнозирование результата, в свою очередь, конституируют драматургичность. Реализация речевой стратегии драматургичности предполагает гибкое тактическое переключение участников коммуникативной ситуации. Детальному изучению подверглось распознавание и выявление интенции собеседника в ходе интеракции и прогнозирование его коммуникативных ходов с целью планирования и изменения своей линии речевого поведения в интеракциональной социолингвистике. Дж. Гамперц, предложивший этот подход к анализу дискурса, справедливо утверждает, что «в разговоре участники всегда прибегают к интерпретативной процедуре, посредством которой они выявляют коммуникативные интенции друг друга на протяжении всей интеракции и полагаются на это выводное знание, чтобы планировать и продуцировать свои ответы-реакции» [Gumperz, 2001, с. 219]. (перевод наш. — Н. Б.). Постижение интенции собеседника, считывание сигналов для инференции имплицитного содержания порой облегчаются драматургичностью нарративной развертки адресанта.

Основная задача исследования — выявление реализации стратегии драматургичности с помощью тактик, маркированных прагматическим метамаркером *в таком тоне*. Клишированные обороты, метакоммуникативные элементы, фразеологические единицы и другие средства соблюдения жанрового канона, санкционированные социокультурной нормой, могут служить ключами для выявления способов драматургичности дискурса.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Основной аналитический инвентарь исследования составляют следующие понятия: языковая личность, типаж, роль, интенция, импликатура, пресуппозиция, стратегия и тактика речевого поведения. Необходимость использования разных метаязыков в описании драматургичности речевого поведения объясняется задействованием объяснительных моделей смежных направлений лингвистического знания: прагмалингвистики, психолингвистики, теории дискурса, лингвокультурологии в рамках общего когнитивно-дискурсивного подхода. Это обусловлено тем, что в попытках выявить драматургичность речевого поведения неизбежно столкновение с проблемой индивидуального языкового сознания и типичного, собственного усредненной языковой личности в определенных социокультурных обстоятельствах, или, обращаясь к терминологии когнитивной лингвистики, индивидуальной концептуальной системы и коллективной, наци-

ональной. «В реальном общении личностно-индивидуальное и статусно-представительское в человеке неразрывно слиты...» [Карасик, 2002, с. 12].

Для осуществления исследовательских процедур используется комплекс методов. Выбор методов анализа обусловлен поставленной задачей исследования и характером языкового материала. Как было отмечено ранее, драматургичность различных жанров конфликтного общения личностно-ориентированного (обиходного) дискурса и статусно-ориентированного (институционального) дискурса служит предметом рассмотрения в исследовании. Конфликтогенные ситуации демонстрируют ярко выраженные ситуации коммуникативного взаимодействия. Наиболее частотной тактикой реализации стратегий драматургичности полагаем выбор тональности. Тональность — это манера осуществления коммуникации, «модально-характеризующее измерение дискурса» [Карасик 2021]. Отбор дискурсивных отрывков, описывающих необходимую для анализа коммуникативную ситуацию, осуществлялся из текстов художественных произведений, предлагаемых в Национальном корпусе русского языка, с помощью функционально-стилистического метода. Тексты художественной литературы снабжены метакомментариями автора, которые прямо указывают на когнитивные состояния участников ситуации общения. Это несомненный плюс художественных текстов как источника языкового материала. Поиск дискурсивных отрывков осуществлялся с опорой на прагматический метамаркер в виде речевого оборота в таком тоне. Прагматический характер метамаркеров, в частности выражения *в таком тоне*, позволяет выявить интенции, скрытые установки и провокативные тактики. В речевом поведении носителей языка широко используются ключи-сигналы в виде выражений *в таком тоне, в такой манере, в таком духе* и многих других. Акцентированность этих метамаркеров драматургична, так как цель их использования заключается в управлении вниманием собеседника, в попытках контроля ситуации и в сохранении лица.

С помощью метода контекстуального анализа и интерпретативного метода выявлялись имплицитные интенции и установки участников коммуникативной ситуации. Коммуникативно-прагматический метод (или метод прагмалингвистического анализа) был задействован для анализа средств выражения иллокутивной силы, средств речевой агрессии и манипуляции, реализации провокативных стратегий и других случаев нарушения нормы кооперативного общения. Выявление особенностей управления восприятием адресата также осуществлялось с помощью прагмалингвистического анализа.

Следует принять во внимание, что анализ речевого поведения в определенной ситуации невозможен без учета семантики лексических единиц и

понимания их прагматической основы, поэтому сопутствующим методом в исследовании служит семантико-стилистический анализ.

Схема анализа предполагает выявление интенций участников интеракции, обоснование выбора речевой тактики, анализ коррекции речевого поведения в виде смены тактик, анализ соблюдения или несоблюдения норм общения (нарушение также может быть намеренной тактикой), анализ перлокутивного эффекта.

Через поиск точных форм в основном корпусе (подкорпус художественных текстов) был задан запрос «*в таком тоне*». По запросу было обнаружено 95 текстовых отрывков, содержащих 108 вхождений этой фразы. Процедура выявления пригодности отрывков для решения задачи исследования включала первичный лингвистический анализ с целью снятия омонимии и определения жанровой природы ситуации. С учетом характера языкового материала (в этом качестве выступили художественные тексты) необходимо было определить те дискурсивные отрывки, в которых метамаркер *в таком тоне* был использован участниками коммуникативной ситуации в рамках моделируемого автором текста дискурса (лично-ориентированный, статусно-ориентированный), и те, в которых данный метамаркер использовался в несобственно-прямой речи и для отображения потока мысли участника ситуации. Во втором случае данный маркер служит для экспликации когнитивного плана участников социальной интеракции, обнажая постановочность речевого поведения, демонстрируя зарождение замысла или причины смены тактики. В результате пригодными для анализа оказались 74 текстовых отрывка. 42 отрывка описывают коммуникативные ситуации различной дискурсно-жанровой природы. В 32 отрывках фраза использовалась как метамаркер когнитивного плана для экспликации интенций субъекта речи или для указания на планирование им следующих коммуникативных ходов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Коммуникативные ситуации лично-ориентированного дискурса

В первой группе преобладают коммуникативные ситуации, относящиеся к жанрам лично-ориентированного дискурса (обиходного), — 26 дискурсивных отрывков. Можно предположить, что основной тип драматургичности в устном обиходном общении — спонтанный, так как живая коммуникация спонтанна и представляет собой «симультанное разворачивание рече-мысли» [Седов, 2004, с. 13]. Спонтанное поведение представляет интерес в плане анализа стратегии драматургичности. Обнаруженные дискурсивные отрывки относятся к таким жанрам, как семейный разговор,

ссора, выяснение отношений. Эти жанры не предполагают высокой степени осознанности в использовании языковых средств, так как дискурсивная динамика зачастую определяется импульсивно-эмоциональными реакциями и трудно поддается прогнозированию. Тем не менее комплексный анализ описанного выше корпуса дискурсивных отрывков позволяет сделать вывод о ряде типичных сценарных траекторий. Анализируемый метамаркер сигнализирует конфликтный или потенциально-конфликтный характер интеракции в первичных жанрах обиходного дискурса. Отметим, что ракурс анализа языкового материала дает возможность выявления тактик минимизации или избегания конфликта, что приобретает особую актуальность в свете повышенного исследовательского интереса к бесконфликтной коммуникации, например: [Болдырев, 2023; Фурс, 2023]. Стереотипы речевого поведения носителей языка (языковых личностей) чаще актуализируются в социальных интеракциях конфликтного характера. Классификация языковых личностей на основе речевого поведения в конфликте [Горелов и др., 2001] обладает достаточной объяснительной силой и используется при анализе языкового материала в рамках решения задачи этой работы. На основе предпочтительной речевой стратегии в коммуникативном конфликте исследователи выделяют три типа языковых личностей: инвективный, куртуазный и рационально-эвристический [Седов, 2004, с. 91—92]. В обиходном общении выражение *в таком тоне* маркирует постановочность речевого поведения и реализует коммуникативный ход, конституирующий тактику сохранения лица. Данная тактика в таком речевом оформлении свойственна куртуазному и рационально-эвристическому типам языковой личности.

Пример 1: *Вы хотите меня оскорбить, Диана Львовна? Вам это удалось. Позвольте проводить вас до двери. В таком тоне я с вами разговаривать не буду. — Перестаньте, Ира, — поморщилась Диана. — Вы моложе меня, значительно моложе, и должны быть снисходительны* (Маринина. Чужая маска) [НКРЯ].

Акцентированная драматургичность речевого поведения первого участника интеракции проявляется в этикетном оформлении своих коммуникативных интенций. Наблюдаем намеренную провокативность вопроса, быструю смену коммуникативных ходов от тактики прямого «вскрытия» интенции собеседника (*вы хотите оскорбить*) к экспликации собственного эмоционально-когнитивного состояния (*это удалось, то есть я оскорблена*) и обоснованию необходимости прекратить неприятную беседу. Последний коммуникативный ход осуществляется через высказывание с прагматическим метамаркером *в таком тоне*. Реакция второго участника интеракции позволяет судить о коммуникативной неудаче первого коммуниканта. Собеседник (второй коммуникант), очевидно, обладает достаточ-

но высокой дискурсивной компетенцией, чтобы перехватить инициативу в интеракции. Второй коммуникант считывает интенцию партнера захватить контроль, о чем позволяют судить и сигнал невербальной реакции *поморщилась*, и комплиментарная тактика сглаживания конфликта *вы моложе, значительно моложе*.

В следующей коммуникативной ситуации также наблюдается акцентированная драматургичность речевого поведения куртуазного типа языковой личности.

Пример 2 *Кто посоветовал залезть в вагон? Я бы сама никогда такой глупости не придумала... идиотства такого... — Вы, кажется, желаете ругаться? Предупреждаю вас, что совершенно не способен поддерживать разговор в таком тоне. — А, тем лучше! Не желаю вовсе разговаривать с вами... — Прекрасно, — декадент помолчал минуту и затем стал обращаться непосредственно к Богу (Тэффи. Забытый путь) [НКРЯ].*

Выстраивание очередности коммуникативных тактик следует алгоритму, подобному тому, который был рассмотрен в примере 1: риторический вопрос — экспликация интенции собеседника — предваряет тактику угрозы-предупреждения. В качестве последней наблюдаем перформативный речевой акт «предупреждение», высокая степень эмоциональности поддерживается маркером *в таком тоне*.

Использование речевого оборота *в таком тоне* в первичных жанрах обиходного дискурса рационально-эвристическим типом личности также маркирует тактики контроля и управления коммуникативной ситуацией. Постановочность реализации общей стратегии коммуникации в этом случае проявляется в большей степени планирования коммуникативных ходов. В обиходном дискурсе сокращенная дистанция общения является нормой, прогнозирование реакции партнера по коммуникации основывается на дискурсивной пресуппозиции, коммуникативной предыстории, то есть хорошем знании привычек речевого поведения собеседника, его типичных реакций. Это, по мнению И. Н. Борисовой, и есть субстрат замысла и условие его возникновения [Борисова, 2000, с. 244]. Драматургичность стратегии рационально-эвристического типа направлена на минимизацию конфликта, сохранение лица.

Пример 3: — *Сидишь? — спросила мать входя. — Почему не идешь к своей Дульцинее? Поругались-таки? — Мама, — вежливо, но твердо сказал Мокшин, — очень тебя прошу, не говори ты о Варе в таком тоне. А лучше тебе вообще о ней помолчать, другой тон у тебя не получится. — Как?! — спросила мать. — Что с тобой? (Катерли. Зелье) [НКРЯ].*

Язвительная тональность первого участника интеракции, реализующая тактику провокации, безошибочно считывается адресатом. Тактика

сохранения лица, выбранная вторым участником ситуации, представлена неожиданным коммуникативным ходом — просьбой. Маркер *в таком тоне* можно рассматривать как сигнал выведенной из коммуникативных ходов первого собеседника агональной имплицатуры, как свертку подразумеваемой характеристики тона: «в таком насмешливом, неуважительном, неуместном тоне». Перлокутивный эффект — потеря первым собеседником контроля в интеракции, удивление, возможное понимание неуместности выбранной тональности — позволяет судить об успешности коммуникативной тактики.

И в жанрах лично-ориентированного дискурса, и в статусно-ориентированном дискурсе рассматриваемый речевой оборот в большинстве случаев маркирует тактику сохранения лица. В первичных жанрах обиходного дискурса реализация этой тактики через коммуникативный ход с метамаркером *в таком тоне* во многих случаях ведет к коммуникативному провалу. Рассмотренные выше примеры, за исключением примера 3, это иллюстрируют. Как правило, коммуникативные ходы с этим метамаркером провоцируют дальнейший конфликт.

Пример 4: *Сядь! Мы не закончили... Сядь, я говорю! Я не хочу говорить в таком тоне. Какие мы гордые! Хорошо бы эту гордость прибереечь для другого* (Рощин. Валентин и Валентина) [НКРЯ].

3.2. Коммуникативные ситуации в статусно-ориентированном дискурсе

Стоит заметить, что в статусно-ориентированном дискурсе прагматический метамаркер *в таком тоне* может вполне успешно использоваться для реализации тактики сохранения лица в рамках общей драматургии создания и укрепления социального статуса. «Ритуальное поведение строится как строгое соблюдение шаблонных коммуникативных ходов в виде предсказуемых действий» [Карасик, 2021, с. 224].

Пример 5: — *Хочу знать французский язык. — Тебе, девочка, вообще никакого языка не надо, — сказал он со странной усмешкой. Я была с детства очень необидчивая, но понимала, что это плохо, и воспитывала в себе чуткость на insult, поэтому с видом более строгим, чем мне этого хотелось, я сказала: — Пожалуйста, не надо говорить со мной в таком тоне. Он смутился и сказал, что пошутил. И вел себя в остальные занятия безупречно, даже как-то слишком официально* (Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну) [НКРЯ].

В примере 5 (беседа преподавателя и студента) наблюдаем успешную реализацию тактики сохранения лица участником коммуникации с более низким статусом. Благодаря когнитивному плану, представленному мысленной речью субъекта дискурса, очевидно продуманное использование

коммуникативной тактики сохранения лица и самопрезентации себя как человека, который достоин того, чтобы его стремления и желания воспринимались адресатом серьезно — *пожалуйста, не надо говорить со мной в таком тоне*. Планируемый перлокутивный эффект достигнут — собеседник меняет тактику поведения.

Возможен также сценарий, в котором дискурсивно компетентный собеседник готов к такому тактическому ходу своего коммуникативного партнера и реализует не менее драматургично выстроенную тактику «искреннего непонимания».

Пример 6: *Он проверял звучание... — Чтобы проверить звучание, нужно иметь кой-какой аппарат, при помощи которого можно проверить, например, уши! Но если кому-нибудь в детстве... — Я отказываюсь продолжать разговор в таком тоне, — сказал Андрей Андреевич и закрыл папку. — Какой тон?! Какой тон? — изумился Романус. — Я обращаюсь к писателю, пусть он подтвердит свое возмущение по поводу того, как калечат у нас музыкантов! (Булгаков. Записки покойника) [НКРЯ].*

Имитация непонимания — тактика переспроса, нарочитое удивление реакции собеседника, миролюбивая тональность и попытка объяснить могут быть осмыслены в данной коммуникативной ситуации как тактика сохранения лица партнера.

Ритуализация социальных интеракций в статусно-ориентированных типах дискурса обуславливает их более высокую драматургичность. В ситуациях делового общения, когда коммуникативные партнеры обладают равным статусом, речевой ход, маркированный оборотом *в таком тоне*, может нейтрализоваться:

Пример 7: *Немедленно, вы понимаете?! Немедленно! — Я не позволю так с собой! — отвечал Игорь Вячеславович. — Прекратите! Это несерьезно — в таком тоне! Вы не в курилке, коллега! Возьмите себя в руки! — То-то и оно, что не в курилке, — буркнул второй. — Хорошо, тогда давайте срочно эндоскопию (Волос. Недвижимость) [НКРЯ].*

Жанр предлагаемой коммуникативной ситуации можно условно определить как деловой разговор, обсуждение проблемы с коллегами. Эмоциональный накал дискуссии, невозможность прийти к согласию относительно диагноза воспринимается одним из участников как угроза профессиональному лицу (сомнение в компетентности). Тактика сохранения лица актуализирована речевым шаблоном с призывом изменить тон общения. Ироничное осмысление тактики другим участником ситуации нейтрализует патетику эмоционального обращения, неуместного в ситуации, когда предмет обсуждения — спасение жизни больного. Этот коммуникативный ход отрезвляет первого участника и возвращает к рациональному восприятию проблемы.

Обратимся к ситуациям в институциональном дискурсе, когда участники интеракции обладают неравным статусом. Коммуникант в слабой статусной позиции, как правило, маркирует этим оборотом тактику защиты своего социального лица:

Пример 8: — *Я долго терпела ваш тон. Но эти шутки. Для меня это трагедия, а вы... Ищите, если вам что-то надо, **но беседовать в таком тоне!**.. Опер немедленно отступил: — *Тише, тише, успокойтесь. Я же шучу* (Козырева. Дамская охота) [[НКРЯ].*

Участник коммуникативной ситуации, статус которого в этом институциональном формате выше, может использовать данный метамаркер для сигнала тактики угрозы. Наблюдаем реализацию этой тактики в следующем примере — в беседе офицера (представителя власти) и опального ученого:

Пример 9: — *Да, да, — откликнулся отец. Дядя вынул из кармана портсигар, открыл его, достал длинными, тонкими пальцами папиросу, но курить не стал, только сломал ее и бросил на пол. — Вот что, профессор, — сказал он наконец, с трудом подбирая слова. — **Говорить нам с вами в таком тоне бесполезно. Если вы расположены острить, мне остается только сесть в автомобиль и уехать*** (Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом) [НКРЯ].

В обоих случаях агональная имплицитность, маркированная анализируемым метамаркером, легко поддается толкованию в данных жанровых условиях.

3.3. Маркирование социальной роли и типажные представления о поведении

Драматургичность ситуации находит выражение в стереотипности исполнения участниками своих коммуникативных партий. Такое легко прогнозируемое речевое поведение находит концептуальное закрепление в сознании носителей языка в виде лингвокультурного типажа «обобщенного образа представителя определенной социальной группы в рамках конкретной культуры, узнаваемого по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации» [Карасик, 2007, с. 37].

Рассматриваемый метамаркер частотен для сигнализирования социальной роли, тактики самопрезентации. Импликатура — указание на неуместный тон собеседника и попытка контролировать ход интеракции.

Пример 10: *Нижняя челюсть у отца дрогнула, бородака запырнула. Побледнев от негодования, он дрожащими пальцами застегнул на все пуговицы летнее пальто, поправил пенсне и резким фальцетом закричал: — **Как вы смеете говорить со мной в таком тоне?** Я — преподаватель средне-учебных заведений, коллежский советник Бачей, а это мои дети — Петр и Павел* (Катаев. Беллет парус одинокий) [НКРЯ].

Пример 11: *Но я не позволю в таком тоне разговаривать со мной — русским офицером* (Новиков-Прибой. Цусима) [НКРЯ].

Тональность общения ассоциативно связывается с типовыми представлениями о поведении.

Пример 12: *У этого грека был приятный голос, звучавший необыкновенно искренно и почтительно, именно в таком тоне, не возбуждающем никаких сомнений, как умеют лгать женщинам опытные женолюбцы и сладострастники, имевшие в своей жизни множество легких, веселых минутных связей* (Куприн. Морская болезнь) [НКРЯ].

Пример 13: *Когда выяснилось, что Игорь забирает сына пораньше, все дети замолчали и стали смотреть на Игоря и его сына — Тебе ничего не надо забрать? — спросила воспитательница у Игоря сына таким приторным голосом, словно сама верила, что Игорь поверит в то, что она всегда разговаривает с воспитанниками именно в таком тоне* (Сальников. Отдел) [НКРЯ].

Представляют интерес размышления героя о попытке участника коммуникативной ситуации исполнить профессиональные ролевые предписания в соответствии с социальными ожиданиями.

Тональность как индикатор социально одобряемого или стереотипно ожидаемого ролевого исполнения может быть предметом рефлексии субъектов дискурса. В этом случае наблюдения о тактиках речевого поведения, выпадающих из привычного диапазона ролевого исполнения, представляют особый интерес.

Пример 14: *Кто тебя обидел? Ну, скажи мне! боже мой, у тебя такие сумасшедшие, такие жалкие глаза». Это было глупо, смешно и унижительно. Этого он не мог ожидать, даже не мог бы вообразить, что Дуняша или какая-то другая женщина заговорит с ним в таком тоне* (Горький. Жизнь Клима Самгина) [НКРЯ].

3.4. Экспликация когнитивного плана участников

Отдельного внимания заслуживают дискурсивные отрывки, в которых представлен когнитивный план участников интеракции — рефлексия субъекта дискурса о характере интеракции и прогнозирование дальнейших действий, которое реализуется в смене тактики.

Пример 15: *Он, Эдик, предвидит, однако, что дальнейшая дискуссия в таком тоне должна неизбежно выродиться в вульгарное препирательство, на которое Корнеев мастер, и поэтому он, Эдик, просит высказаться по существу дела* (Стругацкие. Сказка о Тройке) [НКРЯ].

Прагматически нерелевантное поведение участников коммуникативной ситуации в виде акцентирования отношений вместо обсуждения сути вопроса имеет тенденцию перерасти в конфликт. Субъект дискурса про-

гнозирует возможный неблагоприятный ход развития сценария и меняет драматургию события с помощью тактики перехвата инициативы.

Пример 16: — *О чем ты думаешь?* — *осведомилась Вера, дочитав письмо.* — *О кактусах.* — *Ты теперь будешь кактусистом, а не хирургом? В ее голосе он услышал явную враждебность: зачем ей разговаривать с ним в таком тоне?* — *Покуда что хирургом мне трудноато быть, — стараясь сдержаться, ответил Устименко* (Герман. Дорогой мой человек) [НКРЯ].

Колкость собеседника и враждебная тональность высказывания не остаются незамеченными вторым участником ситуации. Мы наблюдаем когнитивный план второго субъекта дискурса, который представляет собой попытку подобрать тактику ответного коммуникативного хода для того, чтобы избежать конфликта.

4. Заключение = Conclusions

Исследование дискурса в рамках драматургичности позволяет предложить новый подход к описанию речевого поведения. Данное исследование представляет попытку анализа драматургичности дискурса с опорой на прагматический метамаркер *в таком тоне*. Использование этого речевого оборота актуализируется сценарными вариантами, конституирующими его прагматический потенциал. Можно предположить, что прагматические метамаркеры содержат свернутую информацию как о правилах и нормах коммуникативного поведения, так и о возможных нарушениях норм кооперативного общения. В жанрах конфликтного общения замысел как определение когнитивного плана (то есть стратегии сообщения) осознаваем в большей степени. Это определяется необходимостью затратить больше когнитивных ресурсов для достижения коммуникативной цели, например, минимизировать риски потери социального лица, сохранить социальное лицо партнера, избежать конфликта. На помощь приходят речевые обороты с прагматически сложившимся функционалом, быстро интерпретируемым партнером по коммуникации, что облегчает коммуникативную координацию речевого поведения. Такие речевые обороты (метамаркеры) буквально эксплицируют неуместную тональность собеседника и сигнализируют возможную смену тактик. Как показал анализ языкового материала, речевой оборот *в таком тоне* маркирует возмущение, которое может быть искренним и намеренно-провокативным. Во втором случае этот метамаркер нарочито используется адресантом, например, для того, чтобы вместо обсуждения сути дела перевести фокус интеракции на отношения между участниками. В этом случае наблюдаем постановочный ход и тактика, реализующая стратегию драматургичности, профилируется ярче. Интенции

коммуниканта в случае формулировки высказываний с использованием метамаркеров выявляются партнером по коммуникации довольно быстро и безошибочно. Имитация адресатом непонимания может быть тактикой сохранения лица или провокации дальнейшей агонизации общения. Альтернативным сценарием является вектор избегания конфликта, и в таком случае драматургичность речевого поведения реализуется в другом ключе.

Случаи агонального общения, как правило, актуализируют акцентированную драматургичность. Перлокутивный эффект подобной коммуникации и реакции адресата могут стать основанием для выявления моделей коммуникации с позиции драматургичности в конкретных жанрах разного вида дискурсов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.10.2023).

Литература

1. *Болдырев Н. Н.* Принцип бесконфликтности языковой коммуникации / Н. Н. Болдырев // *Вопросы когнитивной лингвистики*. — 2023. — № 3. — С. 5—15. — DOI: 10.20916/1812-3228-2023-3-5-15.

2. *Борисова И. Н.* Замысел разговорного диалога в структуре коммуникации / И. Н. Борисова // *Культурно-речевая ситуация в современной России* / под ред. Н. А. Купиной. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. — С. 241—272. — ISBN 5-7525-1112-7.

3. *Горелов И. Н.* Основы психолингвистики / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. — Москва : Лабиринт, 2001. — 304 с. — ISBN 5-87604-141-6.

4. *Гофман И.* Анализ фреймов : эссе об организации повседневного опыта : пер. с англ. / И. Гофман ; под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой. — Москва : Институт социологии РАН, 2003. — 752 с. — ISBN 5-93947-011-4.

5. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман ; пер. с англ. А. Д. Ковалева. — Москва : КАНОН-пресс-Ц, «Кучково поле», 2000. — 304 с. — ISBN 5-93354-006-4.

6. *Гофман Э.* Ритуал взаимодействия : Очерки поведения лицом к лицу / Э. Гофман ; пер. с англ., под ред. Н. Н. Богомоловой, Д. А. Леонтьева. — Москва : Смысл, 2009. — 309 с. — ISBN 978-5-89357-276-6.

7. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Москва : Издательство ЛКИ, 2008. — 288 с. — ISBN 978-5-382-00698-7.

8. *Карасик В. И.* Языковые ключи / В. И. Карасик. — Волгоград : Парадигма, 2007. — 520 с. — ISBN 978-5-903601-03-5.

9. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552-2.

10. Карасик В. И. Языковая пластика общения : монография / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2021. — 536 с. — ISBN 978-5-94244-077-0.
11. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса : монография / А. В. Олянич. — Волгоград : Парадигма, 2004. — 507 с.
12. Прохоров Ю. Е. Русские : коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. — Москва : ФЛИНТА, 2007. — 328 с. — ISBN 978-5-89349-812-7.
13. Седов К. Ф. Дискурс и личность : эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. — Москва : Лабиринт, 2004. — 317 с. — ISBN 5-87604-031-2.
14. Тарасов Е. Ф. Место речевого общения в коммуникативном акте / Е. Ф. Тарасов // Национально-культурная специфика речевого поведения / под ред. А. А. Леонтьева, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова. — Москва : "Наука", 1977. — С. 67—95.
15. Фурс Л. А. Бесконфликтная коммуникация : когнитивная основа ее реализации / Л. А. Фурс // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2023. — № 2. — С. 17—23. — DOI: 10.20916/1812-3228-2023-2-17-23.
16. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности / Ю. Хабермас ; пер. с нем. А. К. Судакова. — Москва : Весь мир, 2022. — 880 с. — ISBN 978-5-7777-0856-4.
17. Gumperz J. J. Interactional Sociolinguistics : A Personal Perspective / J. J. Gumperz // The Handbook of Discourse Analysis / ed. by Deborah Schiffrin, Deborah Tannen, and Heidi E. Hamilton. — Oxford : Blackwell Publishers Ltd, 2001. — P. 215—228.

Статья поступила в редакцию 09.02.2024,
одобрена после рецензирования 07.03.2024,
подготовлена к публикации 15.03.2024.

Material resources

NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorp.ru> (accessed 20.10.2023). (In Russ.).

References

- Boldyrev, N. N. (2023). The principle of conflict-free language communication. *Questions of cognitive linguistics*, 3: 5—15. DOI: 10.20916/1812-3228-2023-3-5-15. (In Russ.).
- Borisova, I. N. (2000). The idea of conversational dialogue in the structure of communication. In: *Cultural and speech situation in modern Russia*. Yekaterinburg: Ural Publishing House. Unita. 241—272. ISBN 5-7525-1112-7. (In Russ.).
- Furs, L. A. (2023). Conflict-free communication: the cognitive basis of its implementation. *Questions of cognitive linguistics*, 2: 17—23. DOI: 10.20916/1812-3228-2023-2-17-23. (In Russ.).
- Gorelov, I. N., Sedov, K. F. (2001). *Fundamentals of psycholinguistics*. Moscow: Labyrinth. 304 p. ISBN 5-87604-141-6. (In Russ.).
- Gumperz, J. J. (2001). Interactional Sociolinguistics: A Personal Perspective. In: *The Handbook of Discourse Analysis*. Oxford: Blackwell Publishers Ltd. 215—228.
- Hoffman, E. (2009). *The ritual of interaction: Essays on face-to-face behavior*. Moscow: Smysl. 309 p. ISBN 978-5-89357-276-6. (In Russ.).
- Hoffman, I. (2003). *Frame analysis: an essay on the organization of everyday experience: Translated from English*. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. 752 p. ISBN 5-93947-011-4. (In Russ.).

- Hoffman, I. (2000). *Presenting oneself to others in everyday life*. Moscow: CANON-press-C, "Kuchkovo field". 304 p. ISBN 5-93354-006-4. (In Russ.).
- Issers, O. S. (2008). *Communicative strategies and tactics of Russian speech*. Moscow: LKI Publishing House. 288 p. ISBN 978-5-382-00698-7. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2002). *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremenna. 477 p. ISBN 5-88234-552-2. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2007). *Language keys*. Volgograd: Paradigm. 520 p. ISBN 978-5-903601-03-5. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2021). *Linguistic plasticity of communication: monograph*. Moscow: Gnosis. 536 p. ISBN 978-5-94244-077-0. (In Russ.).
- Khabermas, Yu. (2022). *Theory of communicative activity*. Moscow: The Whole world. 880 p. ISBN 978-5-7777-0856-4. (In Russ.).
- Olyanich, A. V. (2004). *Presentation theory of discourse: monograph*. Volgograd: Paradigm. 507 p. (In Russ.).
- Prokhorov, Yu. E., Sternin, I. A. (2007). *Russians: communicative behavior*. Moscow: FLINT. 328 p. ISBN 978-5-89349-812-7. (In Russ.).
- Sedov, K. F. (2004). *Discourse and personality: the evolution of communicative competence*. Moscow: Labyrinth. 317 p. ISBN 5-87604-031-2. (In Russ.).
- Tarasov, E. F. (1977). The place of speech communication in a communicative act. In: *National-cultural specificity of speech behavior*. Moscow: Nauka. 67—95. (In Russ.).

*The article was submitted 09.02.2024;
approved after reviewing 07.03.2024;
accepted for publication 15.03.2024.*

Информация для цитирования:

Беспалова Е. А. Мужчины и женщины в браке и вне его (на основе фразеопотребления в медиатекстах) / Е. А. Беспалова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 2. — с. 53—72. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-53-72.

Bespalova, E. A. (2024). Men and Women in Marriage and Beyond: An Analysis of Phrase Usage in Media Texts. *Nauchnyi dialog*, 13 (2): 53-72. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-53-72. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Мужчины и женщины
в браке и вне его (на основе
фразеопотребления
в медиатекстах)**

Беспалова Екатерина Анатольевна
orcid.org/0000-0001-7218-0635
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра теоретической и
прикладной лингвистики
kbespalova@yandex.ru

Юго-Западный
государственный университет
(Курск, Россия)

**Men and Women
in Marriage and Beyond:
An Analysis of Phrase Usage
in Media Texts**

Ekaterina A. Bespalova
orcid.org/0000-0001-7218-0635
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Theoretical
and Applied Linguistics
kbespalova@yandex.ru

Southwest State University
(Kursk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу употребления фразеологизмов брачной тематики в современных медиатекстах. Материал извлечен из Национального корпуса русского языка. Цель исследования — выявление стандартного и нового в значении и функционировании фразеологизмов данной группы во взаимосвязи с ценностными установками носителей современного русского языка. Актуальность исследования обусловлена его лингвопрагматической и аксиологической направленностью. Проведенный анализ свидетельствует о том, что семья продолжает оставаться значимой ценностью для представителей русской лингвокультуры. Отношение общества к теме брака прослеживается в рамках фразеологических блоков, которые показывают (1) положение мужчины и женщины до вступления в брак, (2) в супружеском союзе (этот таксон представлен наибольшим количеством фразеологических единиц), (3) вне брака. При этом на частотные позиции выходят и обороты, связанные с темой гражданского брака. Показано, что эвфемистические обозначения измены чаще соотносятся с деятелем-мужчиной. Медиатексты демонстрируют развитие взглядов на привычные роли мужчины и женщины, констатируют наличие нетрадиционных форм брака. Фразеология брачной тематики активно используется метафорически в отношении различных сфер жизни социума: политики, экономики, спорта и т. п.

Ключевые слова:

фразеологическая единица; брак; семья; муж; жена; медиатекст.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is dedicated to the analysis of the usage of phraseological units related to marriage in contemporary media texts. The material was extracted from the *Russian National Corpus*. The aim of the research is to identify the standard and new meanings and functions of phraseological units in this group in relation to the value orientations of contemporary Russian language speakers. The relevance of the study is determined by its linguistic-pragmatic and axiological orientation. The conducted analysis indicates that family continues to be a significant value for representatives of Russian linguistic culture. Society's attitude towards the topic of marriage is traced within the framework of phraseological blocks, which depict (1) the position of men and women before entering into marriage, (2) within the marital union (this taxon is represented by the largest number of phraseological units), (3) outside of marriage. At the same time, expressions related to civil marriage also emerge in frequent positions. It is shown that euphemistic expressions for infidelity are more often associated with male actors. Media texts demonstrate the development of views on traditional roles of men and women, as well as the presence of non-traditional forms of marriage. Phraseology related to marriage is actively used metaphorically in relation to various spheres of societal life: politics, economy, sports, etc.

Key words:

phraseological unit; marriage; family; husband; wife; media text.

УДК 811.161.1'37

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-53-72

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Мужчины и женщины в браке и вне его (на основе фразеопотребления в медиатекстах)

© Беспалова Е. А., 2024

1. Введение = Introduction

Супружеский союз представляет собой форму близкого некровного родства, традиционно воспринимающегося социумом как норма оформления отношений между людьми, в отличие от связей вне брака, которые оцениваются как антинорма. «Основными семейными ценностями являются счастье, согласие, продолжительность брака, верность» [Краснобаева-Черная, 2018, с. 106].

В рамках семьи как микросоциума во многом прослеживаются взаимоотношения мужчины и женщины, являющихся «ключевыми фигурами гендерной дихотомии» [Деткова, 2015, с. 61].

При описании отношения социума к теме брака важно учитывать стереотипы, связанные с обозначением «места, обязанностей, статуса в семье как социальной структуре» мужчин и женщин [Зыкова, 2003, с. 112]. При этом наблюдаются расхождения в системе «норм и оценок, регламентирующих гендерное поведение» и отражающихся в конкретной лингвокультуре, в том числе в семантике устойчивых сочетаний [Кобелева, 2018, с. 344]. Так, русская фразеология при обозначении женщины отражает «положительное отношение к жене (*подруга жизни*)», ее принадлежности «семье, мужу (*спутница жизни*)» [Борисенко, 2020, с. 41], а сама традиция при достижении девушкой определенного возраста выходить замуж закреплена в выражении *на выданье*.

Фразеология представляет собой уникальный пласт языка, который «фиксирует накопленный социальный опыт восприятия мужского и женского» [Беспалова, 2023, с. 38]. Анализ живого употребления фразеологических единиц (далее — ФЕ), «способных аккумулировать культурные смыслы» [Беспалова и др., 2021, с. 31], дает возможность выявить стандартное и новое в их понимании носителями языка, накопить знания об их лингвопрагматических особенностях, что, с учетом аксиологического вектора исследования, делает его актуальным.

2. Материал, методы, обзор = **Material, Methods, Review**

Целью данной работы является анализ функционирования фразеологических единиц брачной тематики в современных медиатекстах для выявления актуализирующихся значений сочетаний с учетом аксиологических установок современных носителей русского языка, их представлений о браке и моделях поведения мужчины и женщины.

В современных лингвистических работах анализируются способы вербализации гендера во фразеологии, «особенности гендерно маркированных фразеологизмов» в разных языках [Дашиева, 2011, с. 4]. Тесно связаны с ними исследования концепта БРАК, являющегося для русского языкового сознания «ценностным ориентиром» [Михалева, 2009, с. 5], и концепта СЕМЬЯ, который рассматривается через призму лингвокогнитивного и лингвокультурного анализа как допускающий трансформацию и «новые средства вербализации» в меняющихся социально-культурных условиях [Железнова, 2009, с. 7], изучается как «важнейшая социальная категория, цементирующая систему общественных отношений», вербальная экспликация которой позволяет «выявить глубинные трансформации» в понимании семейных ценностей [Дружина и др., 2021, с. 108]. К числу работ, послуживших теоретической основой исследования, относятся также труды, посвященные описанию концептов ЖЕНА [Борисенко, 2020, и др.] и МУЖ [Киселева, 2020, и др.], раскрывающие понятийные признаки данных концептов и уточняющие их структуру. Однако работ, посвященных анализу темы брачных отношений на материале современного фразеопотребления в российской медиасфере, нами не было отмечено.

Проследить развитие фразеологического значения, его соответствие лексикографическим описаниям, а также рассмотреть его через призму ценностей русскоговорящих людей на данном этапе развития языка видится возможным в живом употреблении фразеологизмов, обширно представленном в газетном подкорпусе Национального корпуса русского языка. «Публицистический дискурс представляется одной из наиболее значимых площадок реконструкции аксиологической картины мира» [Дружина и др., 2021, с. 112], что обусловлено актуальностью представленного в нем языкового материала (газетный корпус содержит медиатексты до 2022 года включительно). Кроме того, замечено, что «публицистика быстро реагирует на изменения в употреблении идиом» [Баранов и др., 2007, с. 1115].

В работе используются методы сплошной выборки, наблюдения, лексико-семантического, лексикографического и контекстуального анализа, классификации, систематизации данных.

Единицы для анализа были отобраны из словарей [БСРП; БСЭ; БТФС; РФ; СФСРЯ; Тезаурус; ФСРЛЯ], а также из текстов научных работ по

проблематике исследования, например: [Борисенко, 2020; Деткова, 2015; Кобелева, 2018 и др.]. Материал извлечен по тематическому принципу на основе анализа дефиниций и соотнесенности с темой брачных отношений. Затем был проведен поиск контекстов употребления отобранных единиц по газетному подкорпусу Национального корпуса русского языка (НКРЯ), при этом учитывались примеры из центральных и региональных СМИ. Отметим, что единичные ФЕ из числа выявленных нами ранее по источникам не были обнаружены в текстах НКРЯ, что объясняется их принадлежностью к устаревшей лексике: *в девушках, вступить в закон, принять в закон, составить партию, подавать карету* ‘отказываться выйти замуж’. Такие единицы были исключены из анализа. Таким образом, исследование проведено на материале сформированного нами корпуса устойчивых сочетаний (42 ФЕ), связанных с темой брачных отношений. Согласно газетному подкорпусу НКРЯ выбранные ФЕ характеризуются различным количеством употреблений от 1 до 11045.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Отношение общества к теме брака можно рассмотреть в рамках фразеологических блоков, отражающих статусное положение мужчины и женщины до брака, в браке и вне его.

3.1. Ситуация до женитьбы / замужества в зеркале фразеологии

С положением людей до женитьбы / замужества связаны несколько устойчивых сочетаний, употребляемых в современных медиатекстах. Самое частотное из них — *на выданье* — встречается в газетном корпусе 199 раз (далее индекс употреблений дается в скобках). «Традиционно ... в России считалось, что девушка по достижении определенного возраста должна выйти замуж» [Кобелева, 2018, с. 350], и данная ФЕ отражает факт достижения такого возраста: *...праздник посвящен девушкам «на выданье», которые должны продемонстрировать свое умение вести домашнее хозяйство* [РИА Новости, 07.08.2019]. Наиболее типичный вариант сочетаемости — *девушка на выданье*, однако представлены и другие варианты: *девица, невеста, дочка, барышня, девка*, влияющие на стилистику контекстов.

Медиадискурс демонстрирует расширение семантики ФЕ *на выданье*. Она употребляется в отношении сделки *«по продаже С-400 Турции»* [lenta.ru, 28.08.2017], банка *«Возрождение» (Кандидат «на выданье»)* [Ведомости, 2012.01.19], партии *Рыжкова и Каспарова* [Известия, 24.12.2007] и т. д. Отрываясь от исходного образа, ФЕ используется и для обозначения мужчин: *«парень на выданье»* [lenta.ru, 20.01.2015], *«сын на выданье»* [Известия, 31.05.2006], образ *«завидного парня на выданье»* [КП, 13.01.2006].

Другая ФЕ, связанная с традиционными представлениями русских, — *суженый-ряженный* (50): *Встретила своего суженого-ряженого, замуж вышла* [lenta.ru, 12.07.2017]. Отдельные контексты содержат отсылку к обряду гадания, породившему устойчивое выражение (*незамужние барышни гадают на суженого-ряженого* [КП, 19.12.2010]), или цитируют обрядовые фразы.

Три частотных фразеологизма данной группы связаны с моментом, когда люди предлагают друг другу вступить в брачный союз: *предлагать руку и сердце* (91), *просить руки [и сердца]* (66), *делать предложение* (144).

Традиционно *предлагают руку и сердце* мужчины: *Европейские монархи... не уставали предлагать королеве руку и сердце* [lenta.ru, 15.09.2019]. Но это могут делать и женщины: *... многие россиянки предлагали Сноудену руку и сердце* [Vesti.ru, 24.07.2013], такая активность воспринимается со стороны мужчин скорее как антинорма: *Предлагать любимому руку и сердце лучше в шутку, тогда в случае отказа вы сохраните лицо* (Хочу его женить) [АиФ, 2002.10.24].

Метафорическое обозначение брачного союза популярно в политическом контексте: это может быть союз Грузии с Америкой (*Джигит предлагает руку, сердце и кинжал статуе Свободы* [Известия, 15.06.2006]), политических партий (*СПС предлагает «руку и сердце»* [Известия, 30.10.2003]) или сил (*Париж предлагает Праге руку и сердце* [НГ, 04.04.1997]). Известен и актуализируется анекдот, построенный на развитии образного основания ФЕ: *Предлагаю свою руку и сердце. А заодно печень, почки и костный мозг* [АиФ, 2003.04.23].

ФЕ *просить руки [и сердца]* встречается в газетном корпусе в стандартном бытовом (*едут на праздники к родителям ... просят руки и сердца*) [Коммерсант, 14.12.2020] и политическом контекстах (*Азия просит руки Москвы* [РИА Новости, 10.04.2006]).

Аналогом предыдущих оборотов выступает устойчивое выражение *делать предложение* (144) (*Британская фирма учит мужчин делать предложения своим девушкам* [Vesti.ru, 09.04.2013]), однако чаще оно употребляется не во фразеологическом значении, а как глагольно-именной синоним глагола *предлагать*: *Вам делает предложение иностранный клуб* [СС, 31.01.2009].

3.2. Фразеологические средства номинации брачных отношений

Для обозначения брачных отношений служит ряд устойчивых сочетаний, большая часть из которых называют сам момент вступления в брак (*связывать [скреплять] <себя> узами брака, под венец, брать в жены, брать замуж, выходить замуж, брать в мужья, отдавать [свою] руку и сердце*) или членов брачного союза (*подруга жизни, дражайшая половина, спутник жизни, спутница жизни*).

Образное основание ФЕ *узы [цепи] Гименея [брака]* (108) подчеркивает, с одной стороны, законность союза мужчины и женщины, так как Гименей являлся у древних греков богом брака, освященного законом и религией [БСРП]. С другой стороны, компонент *узы [цепи]* обуславливает некую обременительность положения человека в браке: *Для кого-то узы Гименея — шелковые ленточки, для кого-то — кандалы* [КП, 2007.10.06].

Производный фразеологизм *связывать [скреплять] <себя> узами брака* (208) содержит в своем составе наиболее распространенные варианты глагольного компонента (также встречаются *сочетаться* и *разорвать*): *Раньше большинство россиянок связывали себя узами брака с 18 до 24 лет* [МК, 2019.09.23]. ФЕ употребляется для обозначения союза в сфере спорта (*НХЛ связала себя «узами брака» с ... NBC* [lenta.ru, 2014.09.25]), кино (*Джордж Клуни слишком разносторонен, чтобы связывать себя узами брака с одними только боевиками* [Известия, 2002.07.30]), организации питания (*... решил связать себя узами брака с едой* [lenta.ru, 2015.12.31]) и нетрадиционных отношений (*... люди связывают себя узами брака с животными* [lenta.ru, 2014.12.25]), что свидетельствует о ее актуальности в лексиконе носителей языка.

ФЕ *сочетаться браком* (287) активно употребляется в газетном корпусе, несмотря на наличие в словаре пометы *устаревшее* [СФСРЯ, с. 58]: *Благо желающих сочетаться браком на берегах Невы много* [ПГ, 2017.08.02]. Примеры употребления ФЕ *сочетаться браком* отражают развитие взглядов носителей языка на брак и его формы, поэтому речь может идти о нетрадиционном браке, а также об аномалиях: *Американка сочеталась браком со складским помещением* [lenta.ru, 2012.01.31]; *Житель Китая... решил сочетаться браком с самим собой* [lenta.ru, 2007.01.29]. Как и другие обороты «брачной» тематики, ФЕ употребляется в отношении явлений общественной сферы: *ММВБ и РТС сочетались браком [биржи]* [Коммерсант, 2011.06.29].

ФЕ *отдать [свою] руку и сердце (кому-либо)* (16) употребляется для обозначения традиционного (*... будущая актриса отдает свою руку и сердце соседу* [РИА Новости, 31.05.2006]) и необычного брака (*30-летняя женщина отдала руку и сердце кобре* [КП, 11.07.2014]), а при расширении компонентного состава создается иронический контекст (по аналогии с *предлагать руку и сердце*): *... он находит прекрасную даму, которой готов отдать руку, сердце и все свои познания в области психиатрии* [Ведомости, 2014.10.23].

Несколько фразеологических оборотов содержат в своем составе указание на мужчину или женщину. Два из них отражают ситуацию с позиции женщины. Выражение *выйти замуж* (11045) характеризуется наи-

большей частотностью в силу своей нейтральности и популярности самой темы в СМИ: *Дмитриева вышла замуж за российского космонавта* [ПГ, 2021.08.10]. Устойчивое сочетание *брат в мужья* (11) не обладает высокой употребительностью: *Некрасивого, но умного согласились взять в мужья 20 опрошенных* [АиФ, 1999.12.29].

В других трех фразеологических оборотах деятелем выступает мужчина. Примеры употребления ФЕ *брат в жены* (223), как и в случае с ФЕ *сочетаться браком*, дают представление как о традиционном браке («*русские цари брали в жёны немецких принцесс*» [ПГ, 2013.09.20]), так и об отклонениях (*Мэр мексиканского города ... взял в жены крокодила* [gazeta.ru, 2017.07.04]; *Житель индийской деревни взял в жены гору* [lenta.ru, 2007.12.30]). Синонимичное выражение *брат замуж* (20) в своем употреблении нейтрально (... *их берут замуж заморские принцы* [Известия, 2006.03.03]), что можно сказать и о малочастотном обороте *брат за себя* (2): ... *внучку берет за себя блестящий кавалер* [Известия, 2002.11.21].

Этимологическая основа ФЕ *под венец* связана с религиозным обрядом узаконивания отношений (отсюда однокоренная лексема — *венчание*). Выражение *идти под венец* (а также его варианты с иными глагольными компонентами) «образовано метонимическим переносом наименования головного украшения в виде короны, характерного атрибута церковного обряда венчания» [РФ, с. 87].

ФЕ *под венец* (426) относится к числу высокочастотных оборотов в газетном корпусе, при этом связь с церковным обрядом в контекстах уже не прослеживается, что может быть подчеркнuto заголовком публикации (ср. прямое указание на ЗАГС в названии заметки: *В 2012 году под венец собирались 43,7 % опрошенных (Ростат сообщил о снижении желания женщин оформлять брак в загсе)* [Известия, 16.01.2018]) или самим контекстом (*Лайза Минелли идет под венец в четвертый раз* [Коммерсант, 2001.11.27] — очевидно, что венчание не могло быть многократным).

Данная ФЕ используется в значении ‘установить деловое сотрудничество’ (*Прежде чем паре «банк — застройщик» отправиться под «венец», стороны тщательно изучают друг друга* [Ведомости, 2007.09.17]).

Для обозначения первого месяца брачной жизни в языках разных народов существует выражение *медовый месяц*. «На Руси ... старались не перегружать новоиспеченных супругов сложной работой в это время» [Ду Цзинцзэн и др., 2022, с. 110]. ФЕ *медовый месяц* (1097) активно используется авторами медийных текстов: *Стенден потратила деньги на ... медовый месяц в Турции* [lenta.ru, 2020.12.24]. Однако, помимо названного значения, чаще актуализируется переносное, не связанное со свадебным ритуалом, которое стало закрепляться за выражением уже с середины

XIX века, — ‘первый блаженный период расцвета чего-нибудь, начальный период общественного увлечения чем-нибудь’ [Там же, с. 109]: ... *отсутствие повода для «медового месяца» в отношениях России и США* [Известия, 2020.07.17].

Для обозначения людей, состоящих в браке, в газетном корпусе используются ФЕ *спутница жизни, подруга жизни, дражайшая половина, спутник жизни* и др., которые в Тезаурусе русской идиоматики рассматриваются в рамках таксона «Брак» [Тезаурус ..., с. 798—799].

ФЕ *спутница жизни* (352) (как и *спутник жизни*) содержит указание на долговечность отношений с мужчиной (в течение *жизни*), с которым предполагается пройти жизненный *путь*: *Я искал уже спутницу жизни, а не просто знакомства* [lenta.ru, 16.12.2019]. Зачастую компонентный состав ФЕ расширяется: *спутница долгой жизни* [АиФ, 2001.12.19]. ФЕ может употребляться в целях создания каламбура (*Теперь спутником в необыкновенном вояже стала спутница жизни — жена* [Vesti.ru, 07.07.2016]), а также расширять семантику от близкой исходной (*спутница жизни = возлюбленная* (*На снимке супруг обманутой жены целовался со своей новой спутницей жизни* [gazeta.ru, 23.10.2014]) до посторонней, не связанной с фразеологическим значением (*Об этой спутнице нашей жизни [крапиве] можно рассказать много интересного* [Труд-7, 08.09.2005]).

Синонимом *спутницы жизни* выступает ФЕ *подруга жизни* (108), в употреблении которой в медиатекстах наблюдаются аналогичные тенденции: это использование в значении ‘жена’ (... *не просто дался ему развод с преданной подругой жизни* [Vesti.ru, 08.09.2020]), расширение компонентного состава (*яростная подруга непутевой жизни* [Известия, 27.09.2002]), развитие значения («*Бессонница? ... это подруга всей жизни*» [АиФ, 2001.09.11]).

В основе шуточного выражения *дражайшая половина* (43) лежит представление о жене или муже [МАС] как равнозначной части брачного союза. В газетных текстах так обозначаются и мужчины (... *я пыталась отбить дражайшую половину от навалившихся на него двух исполинов* [КП, 24.10.2013]), и женщины (*несчастные ... мчатся «к ноге» дражайшей половины* [КП, 06.10.2011]).

Частотность употребления ФЕ *спутник жизни* (555) в газетном корпусе значительно превышает аналогичный показатель *спутницы жизни* (352) (что отчасти компенсируется использованием ФЕ *подруга жизни* (108), у которого нет аналога для обозначения мужчины): *Поиск спутника жизни через службу знакомств стал весьма популярным* [ПГ, 2021.09.29]. При этом показательно, что ФЕ *спутник жизни* может употребляться для обозначения женщины (*Вместе с дорогим и верным спутником жизни —*

спругой Верой Константиновной — Николай Егорович радуется успехам дочери [Унечская газета, 20.05.2016]) или вообще человека (*Жители России в рамках опроса рассказали, как проще всего найти спутника жизни* [ПГ, 2018.08.30]), что частично объясняет установленное различие.

ФЕ *дачный муж* встречается в газетном корпусе единожды и подтверждает факт перехода выражения в пассивный запас языка ввиду исчезновения самого образа жизни, который описан в романе Е. Водолазкина «Авиатор»: *Дачные мужья с мая по сентябрь отказывались от городской квартиры (снимать ее было довольно дорого) и после работы ... ехали за город к семье* [Водолазкин, 2020, с. 50]. Упоминание такого типа семейных отношений переносит читателя в прошлое: *Сообщение со столицей позволяло «дачным мужьям» проводить с семьей воскресенье и утром в понедельник отправляться на службу* [Коммерсант, 19.07.2001].

3.3. Использование фразеологических средств при обозначении лиц, не состоявших в браке

Для обозначения людей, не вступавших в брак, в медиатекстах используются ФЕ *старая дева*, *засидеться в девках*, *христова невеста*. Показательно, что все они номинируют женщин, для которых, по традиционным представлениям, выйти замуж считалось нормой: *У наших девушек ... генетический страх — остаться в старых девках до пенсии* [КП, 26.11.2011].

Среди названных оборотов наиболее частотна ФЕ *старая дева* (284). Примеры употребления позволяют реконструировать собирательный образ таких женщин: они не очень привлекательны и оторваны от реальной жизни (*Бледная как моль и пухлая как вареник старая дева, живущая выдуманной жизнью* [lenta.ru, 09.03.2016]), не вполне благополучны (*Старые девы ... люди обездоленные, неудачливые и нездоровые* [АиФ, 2004.04.08]), но этот стереотип, видимо, развенчивается в последнее время («*Сильная и независимая*» *женщина с десятком кошек — ... собирательный образ старой девы* [lenta.ru, 18.12.2016]).

Образ *старой девы* воспринимается негативно, что проявляется и в контекстах, где речь идет о мужчинах (*А мужчины не хотят быть «старыми девами»* [АиФ, 2000.12.30]), птицах (*С возрастом у индеек, особенно оставшихся «старыми девами» ... портится характер* [КП, 24.11.2004]) или даже городах (*Сочи — как старая дева: вроде уже готова отдаться любому, да только желающих нет* [Известия, 04.10.2002]).

ФЕ *засидеться в девках* (33) также в своем значении содержит отрицательный оценочный компонент (*Иная чрезмерно разборчивая невеста упустит время, засидится в девках, да так и останется ни при чем* [НГ, 17.06.1997]), эта ситуация воспринимается обществом как то, что нужно исправить: *Мария ... с умыслом посадила засидевшуюся в девках подругу*

к неуклюжему очкарику [Труд-7, 07.05.2009]. Семьи ‘упущенного шанса’, ‘отсутствия развития’ сохраняются и в контексте, связанном со сферой спорта: [Игроки] это люди самолюбивые, понимающие, что «засиделись в девках», и если в нынешнем году не добьются повышения, то вряд ли сделают это позже [Труд-7, 08.07.2003].

ФЕ *христова невеста* (8) может развивать значения ‘монахиня’ или ‘немолодая женщина, не бывшая замужем’ [ФСРЛЯ, с. 380], но в газетном корпусе актуализируется первое из них: *Другие христовы невесты, то есть монахини, могут тебя неправильно понять* [Красное знамя, 07.04.2013]. Образное основание оборота снимает возможность отрицательной коннотации, содержащейся в значении двух предыдущих оборотов.

3.4. Обозначение особого положения лиц в браке

Два фразеологизма отражают специфическое положение людей, которые формально состоят в браке, но в действительности живут вне его: *соломенный вдовец* (1) и *соломенная вдова* (8). Оба они представляют собой кальку с немецких выражений и называют соответственно ‘мужчину, не живущего с женой’ и ‘женщину, не живущую с мужем’ [ФСРЛЯ, с. 58]: *Соломенный вдовец встречает новую любовь* [lenta.ru, 18.05.2017]; *Он снова угодит в тюрьму, и Мила останется соломенной вдовой* [Труд-7, 23.07.2009].

Устойчивые сочетания, называющие статус лиц в *гражданском браке*, составляют отдельную группу: в понимании этого особого типа отношений нет лексикографической определенности и единой оценки социумом.

«Энциклопедический словарь» 2009 года толкует *гражданский брак* как «оформленный в соответствующих органах государственной власти без участия церкви» [ЭС]; это соответствует дефиниции из дореволюционного фразеологического словаря М. И. Михельсона («без благословения церкви» [БТФС]) и политике советского правительства, боровшегося против института церкви и противопоставившего гражданский брак венчанию, что нашло отражение в декрете советской власти о гражданской форме брака 1918 года [БСЭ]. Далее в «Энциклопедическом словаре» дается примечание: «иногда гражданским браком называют также фактический брак» [ЭС].

«Энциклопедия права» 2015 года разводит два разных значения оборота *гражданский брак*, что соответствует его современному пониманию, хотя первым все же указывается устаревшее толкование: «1) в дореволюционной России форма установления супружеского союза без участия церкви, но при содействии светских органов государственной власти; 2) семейный союз мужчины и женщины, состоявшийся фактически, при котором брачные отношения не оформлены в государственных органах в соответствии с законодательством и не произведен церковный обряд венчания» [ЭП].

Многочисленные примеры употребления в газетном корпусе ФЕ *гражданский брак* (1212), *гражданская жена* (1359) и *гражданский муж* (939) свидетельствуют о том, что актуальным для современных носителей языка является последнее из указанных значений. При этом отношение к этой теме в обществе неоднозначное.

Контексты употребления ФЕ *гражданский муж* демонстрируют чаще нейтральную позицию авторов: *Неофициальная жена Захарова ... на наследство своего гражданского мужа не претендует* [Vesti.ru, 19.06.2020]. При этом так или иначе актуализируется оппозиция положению *законного мужа* [Киселева, 2020, с. 837].

Примеры использования ФЕ *гражданский брак* констатируют, что такая форма отношений становится в российском обществе привычной (*Все больше ... людей предпочитают жить именно в гражданском браке, избегая уз Гименея* [АиФ, 2007.03.06]), однако не обходится без осуждения: *Мужчины ... боятся связывать себя узами брака («Гражданский брак — это нечестно»)* [АиФ, 2003.12.18] (показателен заголовок публикации).

В контекстах употребления ФЕ *гражданская жена* наряду с достаточно нейтральным отношением (*Оформил развод с первой супругой Мариной, чтобы расписаться с гражданской женой* [NEWSru.com, 11.05.2019]) наблюдается острое неприятие такого положения женщины (*Назвавший гражданских жен проститутками протоиерей сравнил женщин с автомобилями* [lenta.ru, 17.02.2020]).

3.5. Фразеологическая номинация измены

ФЕ *ходить налево, наставлять рога, бегать на сторону, смотреть на сторону, по мужикам, по бабам* объединены семей супружеской измены.

Среди ФЕ данной группы наиболее частотен оборот *ходить налево* (65): *Если кто-то в семье ходит налево, другой обязательно это почувствует* [КП, 12.05.2011]. В контексте, связанном с животными, подчеркивается власть инстинкта в таком процессе: *Ученые доказали: грызуны, которые ходят налево, живут меньше верных мышей (читай — мужей)* [КП, 14.02.2012].

Вне сферы брака выражение может использоваться для обозначения «левого» заработка (*«не ходить налево» от своего оркестра* [Известия, 09.09.2013]), политической ориентации (*Не ходи налево! Ходи направо!* («Левые — на площадях, правые — на реке»)) [КП, 02.05.2006]). Один из контекстов привлекает внимание сочетанием отсылки к прецедентному тексту и подтекста, в котором читается фразеологическое значение: *Еще Пушкин заметил, что кот, когда ходит налево, всегда при этом сказки говорит* [Труд-7, 19.09.2002].

Синонимичные предыдущей конструкции *смотреть на сторону* (28) и *ходить на сторону* (16) также репрезентируют эвфемистически ситуа-

цию измены, при этом семь компонентов *налево* ‘не так, как полагается, незаконно’ [МАС] и *сторона* ‘место, расположенное в некотором отдалении от кого-, чего-либо’ [МАС] образуют общее условное пространство, связанное с недопустимым выходом за пределы «правильного» семейного круга. Газетный корпус свидетельствует о том, что такое поведение больше касается мужчин: *2/3 мужчин ходят на сторону? ... Говорят, что у 80 % женатых мужчин есть постоянная любовница или периодически сменяющиеся* [КП, 10.04.2007]. В целом медиадискурс поддерживает сложившийся стереотип женщины-домохозяйки [Телия 1996, с. 264], *ходить на сторону* для нее — антинорма.

Замечено, что «с помощью данных эвфемизмов измена представляется как нечто несерьезное и вполне обыденное» [Бушуева, 2021, с. 239]. А глагольный компонент, входящий в состав ФЕ, способен снизить степень серьезности проступка; так теоретически можно рассматривать значение ФЕ *смотреть на сторону*, хотя на деле оказывается, что за этим обозначением стоит такое же реальное действие, как и в случае с ФЕ *ходить на сторону*: *А некрасивый как раз больше будет глядеть на сторону, ему самоутвердиться надо за счет женского внимания* [КП, 07.02.2009]. Выражение активно используется вне брачной сферы, преимущественно для обозначения деловых отношений: *Если ... сотрудники смотрят на сторону, то такая компания становится убыточной* [Известия, 12.09.2012].

ФЕ *наставлять рога* (30) употребляется в медиатекстах в значении ‘сожительствуя с другим мужчиной, изменять мужу’ [ФСРЛЯ, с. 375]: *В Уругвае супруг, которому наставила рога его жена, имеет право отрезать неверной нос* [Труд-7, 10.04.2003]. В отличие от ограничения, введенного в словарной дефиниции, контекстно речь может идти как о женщине, так и о мужчине: *Артистка или артист наставили рога своему близкому человеку* [АиФ, 2001.09.24].

Во фразеологической паре *по бабам [ходить / бегать]* (48) — *по мужикам [ходить / бегать]* (6) более частотен первый оборот (*по всем бабам прошелся, по бабам* [lenta.ru, 06.11.2019]), что можно расценивать как свидетельство сложившихся представлений о том, что женщины менее склонны к изменам (*Она ... бегала по мужикам, а теперь слёзы льет* [КП, 21.02.2013]).

4. Заключение = Conclusions

Семья продолжает оставаться традиционной ценностью представителей российского общества. Фразеологические средства языка задействуются авторами медийных текстов при обсуждении вопросов, связанных с самим вступлением в брак, официальным оформлением отношений, распределением ролей мужчины и женщины, верностью и т. д.

Проведенный анализ позволил установить предпочтения носителей языка при выборе фразеологических средств, связанных с темой брака, и выявить важные для них акценты. Наиболее частотны в газетном корпусе обороты *выйти замуж, гражданский брак, гражданская жена, гражданский муж, медовый месяц, спутник жизни, спутница жизни, под венец, сочетаться браком, старая дева*; популярность многих из них можно объяснить нейтральностью стилистической оценки и важностью темы брака в медиадискурсе. Наименее частотны ФЕ *соломенная вдова, соломенный вдовец, христова невеста, дачный муж*.

Сохраняется традиционное представление о семье как ценности. Так, нормой является для девушки вступление в брак (ФЕ *на выданье*), а для мужчины и женщины — официальное оформление брачного союза (*предлагать руку и сердце, выходить замуж, брать в жены, сочетаться браком*), а антинормой — положение *старой девы*, которая *засиделась в девках*. Неофициальный *гражданский брак* по-разному воспринимается в медийном дискурсе, о чем говорят разные контекстуальные коннотации — от нейтральной до осуждающей (особенно в отношении *гражданской жены*); высокая частотность употребления этих оборотов свидетельствует о том, что такая форма отношений становится весьма значимой в социуме. Эвфемистические обозначения измены *ходить налево, ходить на сторону* связываются чаще (но не всегда) с актантом-мужчиной, *наставлять рога* — с деятелем-женщиной; судя по газетному корпусу, к измене мужчины склонны больше, чем женщины, что можно объяснить поддерживаемым стереотипом женщины-домохозяйки.

Частотность употребления отдельных ФЕ подтверждает актуальность стереотипов распределения ролей в брачных отношениях: так, ФЕ *брат в мужья* встречается в 20 раз реже, чем *брат в жены*, в этом случае на мужчину приходится роль активного деятеля. Некоторые обороты отражают национальные традиции и обряды (*суженый-ряженый*), а другие демонстрируют разрыв с ними (*под венец*).

Фразеопотребление в медиатекстах демонстрирует сдвиг в понимании привычных ролей мужчины и женщины, стереотипов их поведения: так, *на выданье* оказывается *парень, россиянки* предлагают *руку и сердце*, а *старая дева* является *сильной и независимой женщиной*. Вербализуются и представления о нетрадиционных формах брака.

ФЕ «брачной» семантики метафорически используются в отношении самых разных сфер жизни общества, в первую очередь политики, в также экономики, спорта, искусства, гастрономии. Обыгрывание образного основания ФЕ или прецедентной фразы может служить средством создания ироничного контекста.

Полученные результаты позволяют аккумулировать данные о лингво-прагматических особенностях фразеологии брачной тематики, уточнить связанные с ней аксиологические установки носителей современного русского языка.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. АиФ — *Аргументы* и факты [Электронный ресурс] // Газетный корпус русского языка. — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/results?search> (дата обращения 12.12.2023).
2. БСРП — *Мокиенко В. М.* Большой словарь русских поговорок [Электронный ресурс] / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Москва : Олма Медиа Групп, 2007/ — Режим доступа : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/45887/> (дата обращения 12.12.2023).
3. БСЭ — *Большая советская энциклопедия* [Электронный ресурс]. — 1990. — Режим доступа : <https://gufo.me/dict/bse/> (дата обращения 14.12.2023).
4. БТФС — *Большой толково-фразеологический словарь* [Электронный ресурс] / Сост. М. И. Михельсон, 2004. — Режим доступа : <https://gufo.me/dict/mikhelson/> (дата обращения 14.12.2023).
5. *Ведомости* // Газетный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/results?search> (дата обращения 14.12.2023).
6. *Известия* // Газетный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/results?search> (дата обращения 16.12.2023).
7. *Коммерсант* // Газетный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/results?search> (дата обращения 16.12.2023).
8. КП — *Комсомольская правда* [Электронный ресурс] // Газетный корпус русского языка. — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/results?search> (дата обращения 16.12.2023).
9. *Красное знамя* (Республика Коми) [Электронный ресурс] // Газетный корпус русского языка — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/results?search> (дата обращения 17.12.2023).
10. МАС — *Словарь русского языка : в 4-х т.* [Электронный ресурс] / Под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. — Режим доступа : <https://kartaslov.ru/> (дата обращения 17.12.2023).
11. МК — *Московский комсомолец* [Электронный ресурс] // Газетный корпус русского языка. — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/results?search> (дата обращения 18.12.2023).
12. НГ — *Независимая газета* [Электронный ресурс] // Газетный корпус русского языка. — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/results?search> (дата обращения 17.12.2023).
13. ПГ — *Парламентская газета* [Электронный ресурс] // Газетный корпус русского языка. — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/results?search> (дата обращения 19.12.2023).
14. *РИА Новости* [Электронный ресурс] // Газетный корпус русского языка. — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/results?search> (дата обращения 20.12.2023).

15. РФ — *Бирих А. К.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь : ок. 6000 фразеологизмов / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. — Москва : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. — 926 с. — ISBN 5-17-029253-8.

16. СС — *Советский спорт* [Электронный ресурс] // Газетный корпус русского языка. — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/results?search> (дата обращения 20.12.2023).

17. СФСРЯ — *Бирих А. К.* Словарь фразеологических синонимов русского языка / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. — Москва : АСТ-Пресс, 2001. — 496 с. — ISBN 978-5-6046026-3-8.

18. Тезаурус — *Словарь-тезаурус* современной русской идиоматики / Под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. — Москва : Мир энциклопедий Аванта+, 2007. — 1135 с. — ISBN 978-5-98986-143-9.

19. *Труд-7* [Электронный ресурс] // Газетный корпус русского языка. — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/results?search> (дата обращения 21.12.2023).

20. *Унечская газета* [Электронный ресурс] // Газетный корпус русского языка. — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/results?search> (дата обращения 21.12.2023).

21. ФСРЛЯ — *Фразеологический словарь* русского литературного языка / сост. А. И. Федоров. — Москва : Издательство АСТ, 2001. — 720 с. — ISBN 5-7657-0094-2.

22. ЭП — *Энциклопедия права* [Электронный ресурс]. — 2015. — Режим доступа : https://encyclopediya_prava.academic.ru/1401/ (дата обращения 22.12.2023).

23. ЭС — *Энциклопедический словарь* [Электронный ресурс]. — 2009. — Режим доступа : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/16825/> (дата обращения 23.12.2023).

24. *Gazeta.ru* [Электронный ресурс] // Газетный корпус русского языка/ — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/results?search> (дата обращения 23.12.2023).

25. *Lenta.ru* [Электронный ресурс] // Газетный корпус русского языка. — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/results?search> (дата обращения 23.12.2023).

26. *Vesti.ru* [Электронный ресурс] // Газетный корпус русского языка. — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/results?search> (дата обращения 25.12.2023).

Литература

1. *Баранов А. Н.* Теоретическая концепция словаря-тезауруса современной русской идиоматики / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // *Словарь-тезаурус современной русской идиоматики*. — Москва : Мир энциклопедий Аванта+, 2007. — С. 1112—1125. — ISBN 978-5-98986-139-2, 978-5-98986-143-9.

2. *Беспалова Е. А.* Библиейские фразеологизмы с антропонимическим компонентом в современных медиатекстах / Е. А. Беспалова, А. В. Ельникова // *Научный диалог*. — 2021. — № 6. — С. 29—42. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-29-42.

3. *Беспалова Е. А.* Способы нейтрализации гендерной отнесенности фразеологических единиц (на материале медиатекстов) / Е. А. Беспалова // *Известия Юго-Западного государственного университета*. Серия : Лингвистика и педагогика. — 2023. — Т. 13. — № 1. — С. 37—44. — DOI: 10.21869/2223-151X-2023-13-1-37-44.

4. *Борисенко Т. В.* Концепт ЖЕНА / WIFE в языковом сознании носителей русского и английского языков / Т. В. Борисенко // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*. Серия : Гуманитарные и социальные науки. — 2020. — № 6. — С. 39—46. — DOI: 10.37482/2687-1505-V061.

5. *Бушуева Л. А.* Эвфемистическая репрезентация поступка «измена» в русской лингвокультуре / Л. А. Бушуева // *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*. — 2021. — Т. 40. — № 2. — С. 234—245. — DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-234-245.

6. *Водолазкин Е. Г.* Авиатор / Е. Водолазкин. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. — 410 с. ISBN: 978-5-17-096655-4

7. *Дашиева С. Ц.-Д.* Фразеологическая вербализация гендера лингвокультурологический аспект (на материале бурятского, монгольского, русского и китайского языков) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.22 / С. Ц.-Д. Дашиева. — Улан-Удэ, 2011. — 26 с.

8. *Деткова В. А.* Образ женщины в русских и английских поговорках семантической группы «Семейные отношения» сквозь призму гендерной ментальности / В. А. Деткова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Лингвистика. — 2015. — Т. 12. — № 4. — С. 61—66. — DOI: 10.14529/ling150412.

9. *Дружина Н. Л.* Аксиологический диапазон публицистического дискурса : ценность «семья» (на материале немецкой периодической печати) / Н. Л. Дружина, А. А. Лавицкий // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2021. — № 1. — С. 108—119. — DOI: 10.29025/1994-7720-2021-1-108-119.

10. *Ду Цзинцзэн.* Лингвокультурологические особенности свадебного этикета в русских и китайских обычаях / Ду Цзинцзэн, Сунь Юйно // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2022. — № 1 (219). — С. 102—113. — DOI: 10.23951/1609-624X-2022-1-102-113.

11. *Железнова Ю. В.* Лингвокогнитивное и лингвокультурное исследование концепта «Семья» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Ю. В. Железнова. — Ижевск, 2009. — 27 с.

12. *Зыкова И. В.* Способы конструирования гендера в английской фразеологии / И. В. Зыкова. — Москва : Едиториал УРСС, 2003. — 232 с. — ISBN 5-354-00549-3.

13. *Киселева А. М.* Понятийные признаки в структуре концепта муж (по данным толковых словарей русского языка) / А. М. Киселева // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2020. — Т. 22. — № 3. — С. 831—840. — DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-831-840>.

14. *Кобелева Е. А.* Гендерные стереотипы во фразеологии русского и китайского языков / Е. А. Кобелева // Селекция, технология возделывания и переработки эфиромасличных культур. Труды Института эфиромасличных и лекарственных растений. — 2018. — № 19. — С. 344—353.

15. *Краснобаева-Черная Ж. В.* Опыт осмысления ценностной картины мира во фразеологии : структурная организация (на материале русского, украинского, английского и немецкого языков) / Ж. В. Краснобаева-Черная // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2018. — № 54. — С. 98—116. — DOI: 10.17223/19986645/54/6.

16. *Михалева М. В.* Структура и содержание концепта брак / marriage в языковом сознании русских и американцев : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / М. В. Михалева. — Курск, 2009. — 18 с.

17. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. — 288 с. — ISBN 5-88766-047-3.

*Статья поступила в редакцию 16.01.2024,
одобрена после рецензирования 12.02.2024,
подготовлена к публикации 01.03.2024.*

Material resources

- AiF — Argumenty i fakty. In: *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 12.12.2023). (In Russ.).
- BSE — *The Great Soviet Encyclopedia*. (1990). Available at: <https://gufo.me/dict/bse/> (accessed 12.14.2023). (In Russ.).
- BSRP — Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2007). *The Great Dictionary of Russian sayings*. Moscow: Olma Media Group. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/45887/> (accessed 12.12.2023). (In Russ.).
- BTFS — *A large explanatory phraseological dictionary*. (2004). Available at: <https://gufo.me/dict/mikhelson/> (accessed 12.14.2023). (In Russ.).
- EP — *Encyclopedia of Law*. (2015). Available at: https://encyclopediya_prava.academic.ru/1401/ (accessed 12.22.2023). (In Russ.).
- ES — *Encyclopedic dictionary*. (2009). Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/16825> (accessed 12.23.2023). (In Russ.).
- Gazeta.ru. In: *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 12.23.2023). (In Russ.).
- Izvestia. In: *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 12.16.2023). (In Russ.).
- Kommersant. In: *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 12.16.2023). (In Russ.).
- KP — Komsomolskaya Pravda. In: *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 12.16.2023). (In Russ.).
- Lenta.ru. In: *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 12.23.2023). (In Russ.).
- MAS — *Dictionary of the Russian language: in 4 volumes*. (1999). Moscow: Russian language; Polygraph Resources. Available at: <https://kartaslov.ru> (accessed 17.12.2023). (In Russ.).
- MK — Moskovsky Komsomolets. In: *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 12.18.2023). (In Russ.).
- NG — Nezavisimaya gazeta. In: *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 12.17.2023). (In Russ.).
- PG — Parliamentary newspaper. In: *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 19.12.2023). (In Russ.).
- Red Banner (Komi Republic). In: *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 12.17.2023). (In Russ.).
- RF — Birikh, A. K., Mokienko, V. M., Stepanova, L. I. (2005). *Russian phraseology. Historical and etymological dictionary: about 6000 phraseological units*. Moscow: Astrel: AST: Lux. 926 p. ISBN 5-17-029253-8. (In Russ.).
- RIA Novosti. In: *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 12.20.2023). (In Russ.).
- SFSRYa — Birikh, A. K., Mokienko, V. M., Stepanova, L. I. (2001). *Dictionary of phraseological synonyms of the Russian language*. Moscow: AST-Press. 496 p. ISBN 978-5-6046026-3-8. (In Russ.).
- SS — Soviet sport. In: *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 12.20.2023). (In Russ.).
- The FSRL — *Phraseological dictionary of the Russian literary language*. (2001). Moscow: AST Publishing House. 720 p. ISBN 5-7657-0094-2. (In Russ.).

- Thesaurus — *Dictionary-thesaurus of modern Russian idioms*. (2007). Moscow: The World of Avanta Encyclopedias+. 1135 p. ISBN 978-5-98986-143-9. (In Russ.).
- Trud-7. In: *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 12.21.2023). (In Russ.).
- Unechskaya gazeta. In: *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 12.21.2023). (In Russ.).
- Vedomosti. In: *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 12.14.2023). (In Russ.).
- Vesti.ru. In: *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 12.25.2023). (In Russ.).

References

- Baranov, A. N., Dobrovolsky, D. O. (2007). Theoretical concept of the thesaurus dictionary of modern Russian idiomatics. In: *Dictionary-thesaurus of modern Russian idiomatics*. Moscow: World of Avanta+ Encyclopedias. 1112—1125. ISBN 978-5-98986-139-2, 978-5-98986-143-9. (In Russ.).
- Bespalova, E. A., Elnikova, A. V. (2021). Biblical Phraseological Units with an Anthroponym in Modern Media Texts. *Nauchnyi dialog*, 6: 29—42. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-6-29-42> (In Russ.).
- Bespalova, E. A. (2023). Ways to neutralize the gender attribution of phraseological units (based on the material of media texts). *Proceedings of the Southwestern State University. Series: Linguistics and Pedagogy*, 13 (1): 37—44. DOI: 10.21869/2223-151X-2023-13-1-37-44. (In Russ.).
- Borisenko, T. V. (2020). The concept of WIFE in the linguistic consciousness of native speakers of Russian and English. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, 6: 39—46. DOI: 10.37482/2687-1505-V061. (In Russ.).
- Bushueva, L. A. (2021). Euphemistic representation of the act “treason” in Russian linguoculture. *Issues of journalism, pedagogy, linguistics*, 40 (2): 234—245. DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-234-245. (In Russ.).
- Dashieva, S. Ts.-D. (2011). *Phraseological verbalization of gender linguoculturological aspect (based on the material of Buryat, Mongolian, Russian and Chinese languages)*. Author’s abstract of PhD Diss. Ulan-Ude. 26 p. (In Russ.).
- Detkova, V. A. (2015). The image of a woman in Russian and English parodies of the semantic group “Family relations” through the prism of gender mentality. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 12 (4): 61—66. DOI: 10.14529/ling150412. (In Russ.).
- Druzhina, N. L. (2021). Axiological range of journalistic discourse: the value of “family” (based on the material of the German periodical press). *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*, 1: 108—119. DOI: 10.29025/1994-7720-2021-1-108-119. (In Russ.).
- Du Ts., Sun Yuno. (2022). Linguistic and cultural features of wedding etiquette in Russian and Chinese customs. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*, 1 (219): 102—113. DOI: 10.23951/1609-624X-2022-1-102-113. (In Russ.).
- Kiseleva, A. M. (2020). Conceptual features in the structure of the concept of husband (according to the explanatory dictionaries of the Russian language). *Bulletin of Kemerovo State University*, 22 (3): 831—840. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-831-840>. (In Russ.).

- Kobeleva, E. A. (2018). Gender stereotypes in the phraseology of the Russian and Chinese languages. *Breeding, technology of cultivation and processing of essential oil crops. Proceedings of the Institute of Essential Oils and Medicinal Plants*, 19: 344—353. (In Russ.).
- Krasnobaeva-Chernaya, J. V. (2018). Experience of understanding the value picture of the world in phraseology: structural organization (based on the material of Russian, Ukrainian, English and German languages). *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 54: 98—116. DOI: 10.17223/19986645/54/6. (In Russ.).
- Mikhaleva, M. V. (2009). The structure and content of the concept of marriage in the linguistic consciousness of Russians and Americans. Author's abstract of PhD Diss. Kursk. 18 p. (In Russ.).
- Telia, V. N. (1996). *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects*. Moscow: School of "Languages of Russian Culture". 288 p. ISBN 5-88766-047-3. (In Russ.).
- Vodolazkin, E. G. (2020). *Aviator*. Moscow: AST Publishing House: Editorial office of Elena Shubina. 410 p. ISBN 978-5-17-096655-4. (In Russ.).
- Zheleznova, Yu. V. (2009). *Linguocognitive and linguocultural research of the concept of "Family"*. Author's abstract of PhD Diss. Izhevsk. 27 p. (In Russ.).
- Zykova, I. V. (2003). *Methods of constructing gender in English phraseology*. Moscow: Unified URSS. 232 p. ISBN 5-354-00549-3. (In Russ.).

*The article was submitted 16.01.2024;
approved after reviewing 12.02.2024;
accepted for publication 01.03.2024.*

Информация для цитирования:

Зойдзе Э. А. Текст на обложке книги : о сущности жанра аннотации / Э. А. Зойдзе // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 2. — С. 73—95. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-73-95.

Zoidze, E. A. (2024). Text on Book Cover: Blurb as a Genre. *Nauchnyi dialog*, 13 (2): 73-95. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-73-95. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Текст на обложке книги:
о сущности
жанра аннотации**

Зойдзе Элла Амирановна
orcid.org/0000-0003-0290-986X
кандидат филологический наук, доцент,
кафедра англистики и
межкультурной коммуникации
zoidzee@mgpu.ru

Московский городской
педагогический университет
(Москва, Россия)

**Text on Book Cover:
Blurb as a Genre**

Ella A. Zoidze
orcid.org/0000-0003-0290-986X
PhD in Philology, associate professor,
Department of Anglistics and
Intercultural Communication
zoidzee@mgpu.ru

Moscow City University
(Moscow, Russia)

ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается аннотация к книжным изданиям как жанр книгоиздательского дискурса. Цель — представить обзор имеющегося опыта лингвистического осмысления особенностей жанра, его функционально-прагматической коммуникативной специфики, а также особенностей, связанных с лингвокультурными традициями книгоиздания. Материалом являются научные статьи и монографии на русском и английском языках, вышедшие в период с начала 2000-х годов до настоящего времени, отобранные по ключевым словам. Впервые проведенный обзор степени изученности и актуальных направлений в исследовании заявленного жанра выявил проблему несостоявшегося терминологического обозначения данного жанра как в отечественной, так и в зарубежной практике. Предложен и обоснован подход к размежеванию существующих терминов. Обобщены и систематизированы функции текстов жанра издательской аннотации, за основу предложено принять функциональное двуединство информирования и убеждающего воздействия. Выявлено незначительное количество сопоставительных и диахронических исследований, результаты которых были бы полезны для обоснования происходящего, по мнению ряда лингвистов, трансформационного процесса в рамках исследуемого жанра. Сделан вывод о переходе аннотации к книжным изданиям из разряда справочного аппарата в область маркетинговой коммуникации, рекламы и продвижения книги.

Ключевые слова:

издательская аннотация; рекламная аннотация; книгоиздательский дискурс; реклама и продвижение книги.

REVIEW ARTICLES

Abstract:

This article examines the annotation to book editions as a genre of publishing discourse. The aim is to provide an overview of the existing linguistic understanding of the genre's characteristics, its functional-pragmatic communicative specificity, as well as the features related to the linguistic and cultural traditions of book publishing. The material consists of scientific articles and monographs in Russian and English published from the early 2000s to the present, selected based on keywords. The first review of the degree of research and current directions in the study of the declared genre revealed a problem of an unsettled terminological designation of this genre both in domestic and foreign practice. An approach to differentiating existing terms is proposed and justified. The functions of texts in the genre of publishing annotation are summarized and systematized, with the functional duality of informing and persuasive impact proposed as the foundation. A small number of comparative and diachronic studies were identified, the results of which would be useful for justifying the ongoing transformation process within the studied genre, according to some linguists. The conclusion is drawn that the annotation to book editions is shifting from being a reference apparatus to the realm of marketing communication, advertising, and book promotion.

Key words:

publishing annotation; blurb; publishing discourse; book advertising and promotion.

УДК 808.2+655.535.54+81'42

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-73-95

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Текст на обложке книги: о сущности жанра аннотации

© Зойдзе Э. А., 2024

1. Введение = Introduction

Рост количества текстов, создаваемых человеком и генерируемых с помощью искусственного интеллекта, необходимость быстро и эффективно ориентироваться в обилии информации — все это ведет к росту востребованности малоформатных текстов, способных в сжатой форме емко описать суть и значимые особенности более объемного первоисточника. Как следствие, аннотация — один из самых востребованных сегодня жанров в книгоиздательской практике [Ухова, 2017; Агаркова, 2020]. Вне зависимости от первоисточника цель жанра аннотации — краткое изложение основного содержания, характеристик и особенностей основного текста. Но при текущем объеме информационных потоков, обилии предлагаемых товаров и услуг невозможно ограничиться только сухим описанием фактов об объекте — будь то фильм, или книга, или туристический маршрут. Такие понятия, как реклама, продвижение и позиционирование, прочно вошли в повседневную и профессиональную сферу жизни человека. В связи с этим важно обратить внимание на особенность нынешней реальности, которая состоит в том, что маркетинговый дискурс проникает в огромное количество сфер, традиционно не ассоциирующихся с получением материальной выгоды как движущей цели развития. Одна из таких сфер, вобравшая в себя за последние десятилетия существенную долю маркетинговых составляющих, таких как реклама и продвижение, позиционирование и PR, — это книгоиздание. Издательские тексты не могут не адаптироваться к новым условиям работы социального института по формированию аудитории читателей, книжной культуры, реализации просветительской деятельности, которая теперь неотделима от маркетинговой и PR деятельности.

Современное состояние института книгоиздания и книгораспространения можно охарактеризовать как переход в конкурентную среду рынка в условиях роста объемов массовой литературы [Бугрова, 2013]. Новый

тип коммуникации — не элитарной, а массовой [Викулова, 2016] — не может сказаться на издательских текстах, которые теперь вынуждены соответствовать маркетинговым стратегиям продвижения издаваемых книг.

Аннотация — неотъемлемая часть аппарата книги. От качества аннотации во многом зависит, сочтет ли потенциальный читатель аннотируемое произведение подходящим для него, совместимым с его запросами [Викулова, 2016], а следовательно, определит успех самого издания на рынке. Создавая из рукописи книгу, издатель применяет целый комплекс средств, который носит название «упаковка / packaging», термин, повсеместно применяемый в товарной рекламе. По отношению к такому синтетическому продукту, как книга, данный термин подразумевает элементы обложки (иллюстрации, имя автора, название произведения, название издательства и книжной серии, информация об авторе, цитаты-отзывы о книге, информация о премиях и наградах и т. д.) [Книжный маркетинг ..., 1996].

Безусловно, помимо аннотации (вербально-опосредованный текст) при выборе книг читатели могут ориентироваться и на другие элементы книжной «упаковки» [Тарасевич, 2020]. Однако аннотация, как правило, включает в себя целый ряд аттракторов (имя автора, название произведения, литературные премии, оценочные высказывания критиков и других писателей), которые сконцентрированы в небольшом по объему тексте и тем самым, позволяют читателю получить комплексное представление о книге.

Интерес к аннотации как к представителю малоформатных, вторичных, паратекстовых и метатекстовых жанров появился сравнительно недавно, как и интерес к издательскому дискурсу в целом. Коммуникативная практика издателя, опосредованная периферийными текстами (паратекстами), привлекала внимание французских исследователей в конце XX века [Genette, 1987]. Предложенная Ж. Женеттом концепция паратекста актуальна и по сей день, к ее положениям обращаются большинство лингвистов, изучающих жанр аннотации. Так, в работе М. С. Басич встречается такое описание аннотации как «the blurb is a metatextual paratext» (аннотация типа blurb — это метатекстовый паратекст) (здесь и далее перевод наш. — Э. З.) [Васи́с, 2021, р. 117], из которого мы делаем вывод о том, что структурно аннотация не относится к основному тексту книги, а содержательно — комментирует / описывает основную авторский текст. Как отмечает Н. В. Васильева, в «персональной хронологии» [Васильева, 2018, с. 172] читателя знакомство с произведением начинается с аннотации, что сближает ее с заголовком, вместе они стоят в начале коммуникативной цепи маркетингового воздействия [Ухова, 2017] издательского паратекста на потенциального читателя при выборе им книги.

Товарная реклама едва ли применима в книжном маркетинге, так как потребность в покупке книги и чтении формируется искусственным образом [Ярова, 2010]. Реклама и продвижение в книгоиздательском дискурсе отличаются отсутствием прямых призывов к покупке, при этом жанр аннотации, находясь на переднем фронте борьбы за читателя, как правило, не подразумевает прямых действий адресатов, но воздействует, информируя.

Способствуя реализации стратегии продвижения интеллектуального продукта среди массового читателя, аннотация сочетает множество функций и тактик воздействия, синтез которых в ограниченном по объему тексте делает данный жанр интересным для изучения. Помимо этого, обобщение существующего опыта лингвистического описания жанра аннотации к книге способно определить наметившиеся тенденции в изменении структуры и содержания подобных текстов, в степени учета издателями установленного регламента и размывания границ жанра под воздействием как западных традиций, так и в целом маркетинговой составляющей книгоиздательской деятельности.

Таким образом, жанр аннотации интересен, во-первых, своей лингвопрагматической спецификой, а во-вторых, соотношением объективного и субъективного (фактов и оценок). Из этого следует, что комплексное изучение жанра аннотации в перспективе позволит не только прийти к теоретическим выводам о лингвокультурных отличиях жанра, его структурных, языковых и прагматических особенностях, но и актуализировать стандарты и требования к подобным текстам, принятые и функционирующие в нашей стране. Более того, анализ аннотаций к книгам разных жанров позволит сформулировать рекомендации составителям таких текстов, что может найти практическое применение в процессе подготовки кадров, в программах учебных дисциплин, связанных с маркетинговой лингвистикой, филологией, книгоиздательской деятельностью.

Упоминание о необходимости актуализации требований ГОСТ и межгосударственного стандарта по информации, библиотечному и издательскому делу в отношении издательской аннотации неслучайно. Уже сейчас специалисты отмечают как противоречия в самих требованиях, так и расхождения между предписываемыми характеристиками аннотации и реальными фактами на книжном рынке [Суходольская, 2014, с. 293].

Одно из ведущих руководств для авторов и издателей «Справочник издателя и автора. Редакционно-издательское оформление книги», комментируя требования ГОСТа, отмечает необходимость учета рекламно-пропагандистских целей при составлении и расположении аннотации к книге. Авторы справочника также отмечают, что аннотация должна обладать самостоятельной ценностью, чему, на их взгляд, может повредить

формализация и шаблонность [Мильчин и др., 2018, с. 617—618]. Таким образом, рассмотрение жанра аннотации должно учитывать значительное число факторов: расположение, соотношение информации и оценки (объективного и субъективного), тип и жанр издания, особенности адресата и, конечно, языковые особенности, обусловленные всеми перечисленными факторами.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Обзорно-теоретический характер статьи определил материал и ведущие методы исследования. Объектом изучения в данной статье является издательская аннотация в совокупности своих внутрижанровых вариаций и лингвокультурных особенностей. Цель данной статьи — обобщить существующий отечественный и зарубежный опыт в области изучения жанра аннотации, функционирующего в книгоиздательском дискурсе. С опорой на метод анализа и обобщения представлена оценка степени изученности проблемы и наиболее активно исследуемых аспектов жанра аннотации. Для выявления сходств в представлении функционально-прагматических особенностей жанра аннотации в работах современных лингвистов использовался метод кластеризации. Часть статьи, содержащая обзор терминов, применяемых для обозначения исследуемого жанра, основана на методе словарных дефиниций, сравнительно-сопоставительном методе, применяемом к терминам и их определениям, фигурирующим как в научных публикациях, так и в специальных лексикографических изданиях. Научные публикации, как материал исследования, отобраны для анализа методом критериальной выборки, в основе которой лежит тематический принцип, поддерживаемый автоматическим отбором текстов научных статей по ключевым словам «*аннотация*», «*blurb*» из таких баз данных, как Elibrary и Google Scholar. Из выборки текстов по ключевому слову «*аннотация*» исключались те, в которых речь шла об аннотации типа «*abstract*», то есть о другом виде вторичного текста, не относящемся к издательскому паратексту книги. Синтетический метод применялся для очерчивания перспективных направлений в исследовании жанра издательской аннотации.

Материалом исследования послужили научные статьи и монографии на русском и английском языках, посвященные жанру аннотации (в англоязычной терминологии *blurb*) или упоминающие его и опубликованные в период с начала 2000-х годов до настоящего времени. В выборку вошли 35 статей на русском языке и 10 на английском, а также 3 англоязычных текста, являющиеся главами монографий. Значительное количественное расхождение объясняется, на наш взгляд, двумя причинами. Объективно, в англоязычном научном дискурсе представлено немного работ, по-

свящённых текстам данного жанра, а среди имеющихся лишь небольшой процент размещен в открытом доступе. Меньшее по сравнению с русскоязычным научно-лингвистическим дискурсом количество публикаций на английском языке по теме исследования, с нашей точки зрения, может быть связано с тем, что в англоязычной лингвокультуре данный жанр является более устоявшимся, а изменения затрагивают в основном носитель текстовой информации, то есть перемещение аннотации типа *blurb* в интернет-пространство, которое по-своему влияет на «текстовое мышление» и восприятие информации пользователем [Ионина, 2010, с. 33]. В нашей же книгоиздательской практике сталкиваются прежние и новые традиции оформления околотекстового пространства книги, что ведет к необходимости осмысления и упорядочивания новых форм речевого взаимодействия в системе автор — издатель — книга — читатель.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Проблема терминологической неупорядоченности

Название данного подраздела сообщает о том, что сложность представляет уже сам выбор термина для обозначения исследуемого текстотипа. Полагаем, что тексты, находящиеся в фокусе нашего внимания, входят в гипержанр [Маркетинговая лингвистика ..., 2019, с. 150] аннотации, включающий ряд речевых жанров. В научных работах можно встретить такие двухкомпонентные термины для обозначения разновидности аннотации, которая относится к «аппарату издания» [Викулова, 2012, с. 65] книги, как *издательская аннотация, обложечная аннотация, прикнижная аннотация, рекламная аннотация*. Кроме этого, встречаются и иные обозначения жанра: *оценочный комментарий издательства, текст на обложке книги, рекламное объявление на четвертой странице обложки, книжная рекламная аннотация, рекламное эссе*. В зарубежных исследованиях данного жанра и типа текста, как правило, используется термин *blurb* или *cover blurb / back cover blurb*. Трактовка данного термина может быть широкой и узкой, в первом случае *blurb* объединяет в себе такие текстовые элементы, как *synopsis, summary, endorsements / advance praise*. В качестве альтернативы сравнительно недавно появившемуся термину *blurb* в англоязычной среде бытуют еще два наименования: *flap copy, jacket copy*. Анализ ряда научных работ показывает, что данные термины часто используются как синонимичные. Мы, в свою очередь, в настоящей работе будем использовать термин *blurb* как наиболее универсальное обозначение исследуемого жанра и текстотипа, функционирующего как в границах книги, так и за ее пределами (на сайтах магазинов, издательств, в интернет-каталогах) в англоязычной книгоиздательской дискурсивной практике.

Что касается русскоязычного термина, то размежевание существующих терминов позволит получить представление о внутренней классификации в жанре аннотации, а также укажет на имеющиеся отличия в практике применения разных видов аннотаций книг в российском и англо-американском книгоиздании (книгоиздательская практика Великобритании и США). На данном этапе отметим, что при поверхностном рассмотрении русскоязычных терминов и понятий очевиден тот факт, что авторы, выбирая тот или иной из них, выводят на первый план один из аспектов жанра: адресант — издатель (*издательская аннотация*), носитель — книга (*прикнижная аннотация*), местоположение — обложка (*обложечная аннотация*), функция — реклама (*рекламная аннотация*).

Как показывает практика, современные издания книг в России отражают некий переходный этап в развитии и становлении жанра аннотации к изданиям разных типов. Так, известно, что четвертая страница обложки книги не всегда заполняется текстом, при этом оборот титульного листа (или оборот передней сторонки обложки) всех издаваемых в России книг должен содержать издательскую аннотацию, в то время как в англо-американской традиции эта часть издания книги не содержит подобных текстов, более того, содержание и оформление аннотации в них не регламентируется стандартами и ГОСТ, есть лишь рекомендации по объему аннотаций, традиционно размещаемых на четвертой сторонке обложки книги.

Издательский словарь-справочник А. Э. Мильчина включает два термина — *аннотация* и *издательская аннотация*. Под первым подразумевается текст аннотированной каталожной карточки, который функционально отличается от издательской аннотации. Отметим, что в современных изданиях текст, представленный в аннотированной каталожной карточке на обороте титульного листа (как правило), и текст, вынесенный на четвертую страницу обложки или суперобложки, могут как полностью совпадать, так и отличаться. Например, четвертая страница обложки может помимо дублирования аннотации из карточки дополнительно содержать краткую информацию об авторе и / или цитату из произведения, а также фрагменты отзывов от авторитетных лиц. Критерий расположения аннотации в издании представляется ненадежным, так как сами словарные статьи приводят одни и те же части издания для обеих аннотаций: 1) «А. может быть напечатана в составе макета аннотированной каталожной карточки <...>, на клапане суперобложки, на задней сторонке обложки, на обороте тит. л.»; 2) «аннотация изд-ва, помещенная в издании на обороте тит. л., последней сторонке обложки, переплета, клапане суперобложки» [Мильчин, 2003, с. 35; с. 133].

Для сравнения приведем примеры из другого специального лексикографического источника, в котором словарная статья для термина *аннотация*

включает его разновидность — рекомендательную (пропагандирующую) аннотацию. Согласно пояснению, она «должна привлечь внимание читателя к книге, но не обещать того, чего в книге нет» [Издательские термины и понятия ..., 2008, с. 4]. В словаре А. Э. Мильчина также можно найти свидетельство существования нескольких разновидностей аннотации, в статье к термину *клапан* читаем: «К. суперобложки используется изд-вом для рекламно-информационных текстов — изд. аннотации, творческой биографии и портрета автора, рекламно-информационных списков выпущенных и (или) подготавливаемых к изданию книг и т. п.» [Мильчин, 2003, с. 194].

Таким образом, делаем вывод, что в современном российском книгоиздании сосуществуют два вида аннотаций — одна носит справочный характер и нужна не только и не столько читателю, сколько специалистам библиотечного дела, а вторая предназначена именно для привлечения потенциального читателя. Уточним, что на практике один и тот же текст может быть дважды представлен в одном книжном издании — на обороте титульного листа и на четвертой странице обложки. При этом аннотация в составе каталожной карточки на обороте титульного листа далеко не всегда лишена элементов оценочности и манипулятивных приемов.

Обратимся к англоязычному термину *blurb*, который определяется как «a short piece of writing that praises and promotes something, especially a paragraph on the cover of a book» (небольшой текст, который что-то продвигает, в особенности текст на обложке книги) в словаре издательских терминов [Dictionary of Publishing and Printing ..., 2006, p. 26]. В практическом руководстве по книжному маркетингу дается такое определение: «A sales pitch printed on the jacket or cover of a book or one used in an advertisement of it. Coined by Gelett Burgess in 1907 as a term meaning to hyperbolize or aggrandize one's own wares» (рекламный / продающий текст, напечатанный на суперобложке или обложке книги или использующийся в рекламе книги. Термин введен в оборот Г. Берджесом в 1907 году в значении преувеличенной (гиперболизированной) [положительной] оценки своих товаров) [Carter, 1983, p. 298]. Из приведенных определений можно сделать вывод о расположении аннотации — обложка книги, а также о ее функции — реклама и продвижение. Из второго определения мы также узнаем о происхождении термина и его первоначальном значении.

Продолжая поиск наиболее точного термина для исследуемого жанра, прокомментируем позицию Н. Г. Иншаковой, согласно которой в аппарате издания существуют два вида аннотаций: **издательская**, которая сочетает справочные и рекомендательные функции, регламентируется государственными стандартами, и **рекламная**, которая располагается на четвертой странице обложки — заметной позиции по отношению к основному тексту

книги, в то время как издательская, как правило, занимает место на обороте титульного листа. Таким образом, автор указывает на дистанцирование двух типов аннотаций в издании, что, по ее мнению, демонстрирует и их разное назначение при общности основной типологической особенности жанра — краткая характеристика издания. Издательская аннотация отвечает за информирование читателя, представление ему книги, а рекламная — за эмоциональный или иной отклик читателя, приводящий в идеале к покупке книги [Иншакова, 2014].

Проблема терминологического характера в русскоязычном книгоиздательском дискурсе связана с тем, что термин *аннотация* распространяется на разные виды текстов, рекламных и нерекламных. Аннотация научной статьи или аннотация лекарственного препарата заметно отличаются по структуре и содержанию от аннотации литературного произведения. О. В. Чупрына объясняет это культурной и текстологической лакуной российского книгоиздательского дискурса, в котором нет соответствия термину *blurb* [Чупрына, 2020]. В англоязычном дискурсе для разных аннотаций существуют разные наименования: *abstract*, *synopsis*, *blurb*, но последний термин интерпретируется как отечественными, так и зарубежными исследователями неодинаково. Одни исследователи отождествляют его с краткой характеристикой книги в сочетании с цитатами — положительными отзывами авторитетных источников, другие — исключительно с этими цитатами-отзывами без описания содержания книги [Cronin et al., 2005]. При этом в книгоиздательской терминологии есть и другие единицы: *endorsement*, *praise*, которые иногда отождествляются исследователями с аннотацией типа *blurb*, которая, как нам видится, сегодня должна рассматриваться как совокупность описания книги, информации об авторе, положительной оценки в форме цитат, а также для некоторых изданий указания читательского адреса. Основанием, по которому нельзя отождествлять термины *blurb* и *endorsement*, является авторство, ср. анонимность издательской аннотации типа *blurb* и обязательное наличие подписи автора в хвалебном отзыве о книге, то есть *endorsement*.

Таким образом, можно заключить, что в обоих языках в той или иной степени наблюдается терминологическая неупорядоченность. Даже с учетом существования двух разных типов аннотаций, таких как *abstract* и *blurb*, некоторые авторы не вполне четко разделяют их, например, говоря о стандартах и требованиях к этим текстам [Чупрына, 2020]. Важно понимать, что требования Американского национального стандарта к структуре и расположению аннотации в издании обращены не к *blurb*, а именно к *abstract* — аннотации научного произведения. В целом апелляция к российским ГОСТам и стандартам представляется спорной и нерелевантной в тех работах, где речь идет об аннотациях типа *blurb*, которые если и регламентируются, то только

в плане рекомендуемого объема слов и расположения в книге [Clark et al., 2014]. Тем более спорным видится опора на определение аннотации / издательской аннотации из ГОСТа в работах, посвященных иноязычным аннотациям к литературным произведениям [Рябцева, 2020; Агаркова, 2020].

Представляется, что решение этой проблемы позволило бы не только лингвистам вести исследования с опорой на универсальную терминологию, но и практики-составители аннотаций к литературным произведениям получили бы более четкое понимание о продукте их текстовой деятельности. Со своей стороны, предлагаем применять термин *рекламная издательская аннотация* по отношению к тексту, расположенному на четвертой странице обложки книги. За текстом на обороте титульного листа в таком случае может быть закреплен термин *прикнижная аннотация* или *издательская аннотация*. Последний вариант кажется более предпочтительным, так как выступает гиперонимом по отношению к рекламной издательской аннотации, что объясняется присутствующими в рекламной разновидности аннотации дополнительными элементами, такими как краткая биографическая справка об авторе, цитаты из книги, отзывы специалистов, выражающие положительную оценку и т. д.

В свою очередь, считаем возможным рассматривать англоязычный термин *blurb* как обозначение совокупности понятий, соотносительных с номинациями *synopsis* и *praise / endorsement*. Поясним, что в составе и рекламной издательской аннотации, и *blurb* могут быть как тексты, непосредственно созданные коллективным издателем (и потому анонимные), так и тексты, созданные конкретными личностями, при этом отбор и оптимизация цитатного материала входит в задачу издателя [Ухова, 2017; Тарасевич, 2020], а значит, конечный продукт может быть отнесен к издательским текстам (паратекстам).

3.2. Функционально-прагматическая характеристика жанра

Один их подходов к описанию функциональной сущности жанра аннотации — сравнение с другими речевыми жанрами. Так, А. Д. Назарова выделяет два родственных жанра — рекламу и рецензию [Назарова, 2017], что на наш взгляд, отражает единство информации и воздействия через положительную оценку. При этом важно уточнение Л. В. Уховой о том, что рецензия далеко не всегда дает положительную оценку, в то время как для аннотации книги всегда отбираются хвалебные высказывания, что приводит к мысли о некоей оптимизации и селективности текста [Ухова, 2017].

Как отечественные, так и зарубежные авторы отмечают полифункциональный характер издательской аннотации, в их работах можно встретить различные наименования этих функций. Приведем некоторые из них списком, объединив те, которые, на наш взгляд, описывают одну и ту же

функцию: информативная / информирующая / репрезентативная / справочная или функция сообщения; рекламная / продвигающая; агитационная / рекомендательная / императивная или апеллятивная; коммуникативная; функция убеждения или персуазивная функция; эстетическая; оценочная; парольная; метаязыковая (для нехудожественной литературы). Вывод, который можно сделать из представленного перечня функций, состоит в том, что издательская аннотация — это синтез объективного и субъективного, при этом важно отметить, что субъективное в ней выражается так, чтобы, не искажая факты о книге, сформировать такой горизонт ожиданий у читателя, который должен привести его к покупке / выбору именно этой книги.

Таким образом, на одном полюсе функционально-прагматического своеобразия издательской аннотации находится информирование при помощи фактов о книге, сюжете и авторе, рациональных аргументов, а на другом — убеждающее воздействие при помощи эмоциональных аргументов, гиперболизированной положительной оценки, апелляции к ценностям целевой группы читателей.

Полифункциональность издательской аннотации также сопряжена с пересечением и взаимопроникновением некоторых функций. Например, на четвертой странице обложки книги М. Петросян приводится такой текст: *«Роман «Дом, в котором...» Мариам Петросян писала почти 20 лет. Еще неизданная рукопись «одного из главных романов нулевых» попала в короткий список премии «Большая книга», а после публикации роман получил целый ряд литературных премий («Русская премия», «Студенческий букер», «Портал» и другие) и невероятный успех у читателей, растущий с каждым годом.*

Сегодня «Дом, в котором...» переведен на десяток европейских языков, его включают в школьную программу по внеклассному чтению, изучают в университетах, посвящают научные статьи и диссертации.

На окраине города, среди стандартных новостроек стоит Серый Дом, в котором живут Сфинкс, Слепой, Лорд, Табаки и многие другие. Неизвестно, происходит ли Лорд из благородного рода, но вот Слепой действительно слеп, а Сфинкс — мудр. Для каждого здесь есть своя кличка, каждого — Дом принимает или отвергает. Один день в Доме, хранящем уйму тайн, порой вмещает столько, сколько нам в Наружности не прожить и за целую жизнь» [Петросян, 2022]. Последний абзац — это сокращенный вариант аннотации из каталожной карточки. Остановимся на первых двух абзацах приведенного текста на обложке книги. Первый состоит всего из двух предложений, но сочетает объективное (время создания романа и завоеванные премии) с субъективным — оценочным. Оценка вплетается в информативную часть при помощи прилагательных: *одного*

из главных романов, невероятный успех. Во втором абзаце составители аннотации обосновывают довольно расплывчатое и трудно доказуемое утверждение о растущем год от года успехе романа у читателей, приводя аргумент о научном интересе к роману, о его признании за рубежом, о его ценности для воспитания молодого поколения.

Как и в ряде других примеров оформления четвертой страницы обложки российских изданий, отмечается следующее: составители текста, призванного воздействовать на адресата-читателя, могут использовать один и тот же текст из аннотированной каталожной карточки, дополнив его краткой биографией автора с его фотографией или цитатой из книги. Текст из аннотированной каталожной карточки может быть видоизменен как содержательно, так и структурно (часто за счет более широких возможностей четвертой страницы обложки для использования различных параграфемных средств).

Функционально-прагматическое единство жанра издательской аннотации обеспечивается взаимодействием всех перечисленных ранее функций. Сложно представить и найти пример не только рекламной издательской, но и аннотации в составе аннотированной каталожной карточки, лишенной какой-либо оценочности. Даже в научных, учебных, справочных изданиях необходимо давать оценку, хотя бы с точки зрения новизны, уникальности, актуальности, ценности содержания книги. Безусловно, какие-то функции будут специфичными для аннотаций к определенным литературным произведениям, так, эстетическая функция вряд ли актуальна для научно-популярных изданий, а метаязыковая — для изданий художественной литературы. Объединяющим, на наш взгляд, для всех издательских аннотаций будет двуединство функции информирования и убеждающего воздействия, которое, в свою очередь, может опираться на те аргументы, которые будут иметь вес для продвижения конкретного произведения.

Переходя к функциям, выделяемым для аннотации типа *blurb* в англоязычном дискурсе, приведем точку зрения, согласно которой данный «заинтересованный» / «предвзятый» (*interested genre*) жанр служит цели убеждения продавца, рецензента и покупателя-читателя в ценности книги [Kathralia, 2022]. Поясним, что «заинтересованность» или «предвзятость» жанра аннотации противопоставляется «незаинтересованности» или «непредвзятости» жанра рецензии (*disinterested genre*) [Ibid.]. Для аннотации (*blurb*) характерна двойственность функции — описание продукта и позитивная оценка на риторическом и лингвистическом уровнях. С. Катралиа отмечает, что содержание *blurb* зависит от аннотируемого произведения и отражает (копирует) его жанровые особенности. Отличия также будут и на лексико-грамматическом уровне.

Информация, которую включают составители рекламной издательской аннотации (или blurb), носит ограниченный тематический характер: вряд ли найдется пример, в котором бы присутствовало упоминание всех возможных характеристик книги или данных о ее авторе. Видится, что содержание аннотации можно обобщенно разделить на три части: информация об авторе, информация о сюжете и / или особенностях произведения (может быть дана в виде цитат из книги), а также положительные отзывы в виде цитат. Отметим, что такая часть аннотации, как читательский адрес, присутствует далеко не всегда, в основном адресат эксплицитно обозначается для книг в жанре нон-фикшн.

Информация об авторе, в свою очередь, может быть представлена его краткой биографией, описанием процесса работы над книгой, завоеванными премиями и наградами, оценкой его творчества, в том числе через сравнение с другими известными писателями и авторами (довольно распространенный прием в аннотациях к художественным произведениям).

Если в функционально-прагматическом плане рекламная издательская аннотация в российском книгоиздании и blurb в англо-американском книгоиздании схожи, главным отличием российского книгоиздательского дискурса является все еще недостаточно развитый институт рецензирования литературных произведений в средствах массовой информации [Книжный маркетинг ..., 1996].

Примечательно, что данный факт по-прежнему актуален, несмотря на годы развития рекламной составляющей в аннотациях к литературным произведениям в России. Лишь в некоторых изданиях научно-популярной и в целом нон-фикшн литературы можно встретить цитаты-отзывы экспертов, лидеров мнений, известных в определенной сфере специалистов. Художественные произведения российских авторов по-прежнему не сопровождаются фрагментами хвалебных отзывов, в то время как в западном (англо-американском) книгоиздании все больше места в книге отводится подобным текстам. Можно встретить издания, где первые несколько страниц книги, а также четвертая (а иногда и первая) страница обложки полностью заняты так называемыми *endorsements*. В изданиях переводной литературы, выходящих на нашем рынке, сохраняются лингвокультурные особенности оформления издания — отзывы на обложке переводятся, как и текст, кратко описывающий содержание книги.

3.3. Освещение различных аспектов жанра аннотации к книжным изданиям в современных исследованиях

В отечественных и зарубежных исследованиях рассматриваемый жанр анализируются в следующих выделенных нами направлениях: жанровая структура и типологическая характеристика текстов, лингвопрагмати-

ческие и функциональные особенности, а также сопоставительные (как внутриязыковые, так и межязыковые) исследования и диахронические исследования. Раскроем предметную область по каждому из направлений. Аннотацию к книжным изданиям рассматривают как рекламный / продвигающий / «заинтересованный» или «предвзятый» жанр (*interested genre*) [Gea-Valor, 2005, 2011; Воронина и др., 2016; Рябцева, 2020; Викулова, 2016; Анисимова, 2016, Sacchiani, 2007; Bacić, 2021; Önder, 2013; Чупрына, 2020; Ухова, 2017; Кузнецова, 2022, Kathpalia, 2022; Jalilifar et al., 2018]. Некоторые авторы сравнивают традиционную печатную и аннотацию в цифровой форме на сайтах книжных магазинов, издательств, в рекламных интернет-каталогах [Kathpalia, 2022; Черкунова, 2020]. Нередко встречаются работы, ставящие проблему трансформации или эволюции исследуемого жанра [Агаркова и др., 2018; Ухова, 2017; Бугрова, 2013; Ярова, 2010].

Лингвопрагматические и функциональные особенности аннотации анализируются с точки зрения коммуникативной структуры текстов и функциональной перспективы, в них выделяются первичные и вторичные коммуникативные ходы или функции (*moves* и *sub-moves*). От прагматики неотделимы средства ее языковой репрезентации, а также средства речевого воздействия, которые присутствуют в рамках каждой функции или коммуникативного хода [Kathpalia, 2022; Basturkman, 2009; Bacić, 2021; Агаркова и др., 2018; Бугрова, 2014; Покалюхина и др., 2014; Назарова, 2017; Викулова и др., 2014].

Сопоставительные исследования затрагивают как внутрижанровую вариативность, например, в аннотациях к разным типам изданий, так и различия между текстами данного жанра в различных языках. Что касается изданий разного типа, то авторы обращаются в подавляющем большинстве работ к художественной литературе [Бугрова, 2014; Гаврик, 2021; Лаевская, 2010; Воронина и др., 2016; Рябцева, 2020; Черкунова и др., 2021 и т. д.]. Помимо этого рассматриваются учебные издания [Basturkman, 2009; Черкунова, 2020], научные и научно-популярные произведения [Кулинич и др., 2021; Покалюхина и др., 2014; Черкунова, 2020; Воронина и др., 2016; Cronin et al., 2005; Gea-Valor, 2011].

Заметно крайне малое количество как кросскультурных, так и диахронических исследований [Önder, 2013; Marčiulionienė, 2006; Gea-Valor et al., 2009]. Последний факт можно объяснить технической сложностью реализации исследования, так как весьма непросто найти релевантный материал для сравнения, далеко не все издания прошлых лет доступны для просмотра даже в интернете, не говоря уже о конкретной части книги — ее четвертой странице обложки или обороте титульного листа.

На наш взгляд, создание модели жанра, описание коммуникативной структуры и функционального своеобразия аннотации к книжным изданиям в работах отечественных и зарубежных авторов выполняются по-разному. В большинстве работ, изданных в России, Украине и Беларуси, исследование ведется от функции аннотации к ее лингвистической и риторической реализации, в то время как зарубежные авторы, пишущие об аннотациях к англоязычным изданиям, как правило, начинают с выделения коммуникативных ходов и их подтипов, затем раскрывая их языковую специфику. Видится, что содержание понятия «коммуникативный ход» / «move», «sub-move» включает и то, что в отечественном научном дискурсе понимается под функцией.

Анализ коммуникативных ходов, или функций, состоит не столько в наименовании каждого отдельного хода, сколько в установлении интенции адресанта, стоящей за языковой и риторической реализацией определенного коммуникативного хода, например, такие ходы, как «оценка» или «читательский адрес» (в терминологии С. Катпалия «appraising the book» и «targeting the market»), усиливают первоочередную функцию аннотации (blurb) — продвижение книги. Несмотря на то, что названия ходов варьируются от автора к автору, представляется возможным выделить три основных: *identification move* (идентификация), *book / author appraisal move* (положительная оценка автора и/или книги), *targeting the market move* (читательский адрес). Разумеется, у них может быть более подробная внутренняя классификация, однако три обозначенных хода могут быть приняты за инвариантную модель, элементы которой, как и подтипы, могут сосуществовать или быть представлены изолированно.

4. Заключение = Conclusions

Рекламная издательская аннотация — термин, предлагаемый нами в данной статье, — служит обозначением важнейшего маркетингового инструмента, благодаря которому путь книги к «своему» читателю может быть короче. В условиях огромного выбора книг на рынке встреча книжной новинки или нового издания классического произведения с потенциальным читателем во многом возможна именно благодаря аннотации. Такая аннотация при своей вторичности обладает собственной ценностью, без нее не обходится ни одно издание. Именно аннотация как один из паратекстовых жанров книгоиздательского дискурса меняется под влиянием маркетинговых коммуникаций, становясь продвигающим рекламным жанром, отдаляясь от роли справочного аппарата издания. Проведенный обзор исследований данного дискурсивного жанра не претендует на всеобъемлющий характер, но при этом в ходе осмысления имеющегося опыта анализа жанра удалось выявить как имеющиеся проблемы, так и перспективы для

дальнейших исследований. К проблемным вопросам по-прежнему принадлежит необходимость упорядочения и систематизации терминологии (особенно в русском языке). Предложенный нами термин *рекламная издательская аннотация*, не является окончательным решением проблемы, но позволяет развести два типа текстов, расположенных на расстоянии друг от друга в текстовом поле книги.

Двуединство функции жанра рекламной издательской аннотации будет релевантным для любого типа издания, а специфические функции следует закрепить за аннотациями к конкретным видам литературы. Например, внутри функции воздействия релевантна апеллятивная функция, которая, в свою очередь, по-разному будет проявляться в аннотациях к художественной, научной, нон-фикшн литературе, а также литературе для детей (двойная адресация).

Используемый зарубежными авторами подход к описанию коммуникативно-функциональной структуры жанра аннотации (blurb) вполне применим и в отечественной практике, особенно сейчас, когда жанр переживает не только формальные, но и содержательные изменения.

Обзор показал, что исследуемый жанр относится к издательскому пара-тексту, представляет собой вторичный метатекстовый малоформатный жанр. Большинство авторов согласны друг с другом в его трактовке как продвигающего рекламного жанра, функционирующего на пересечении маркетингового и книгоиздательского дискурсов. Особенности рекламируемого товара также сказываются на применяемых стратегиях и тактиках. Массовость аудитории не влечет за собой исчезновение интеллектуальной составляющей в рекламе и продвижении книги, лингвистические и риторические особенности аннотации подтверждают это.

В отношении перспектив дальнейшего изучения заявленного жанра представляется необходимым развивать как внутри-, так и межъязыковые исследования, которые позволят установить закономерности в практике книжной рекламы посредством аннотации на определенном временном срезе и в определенных лингвокультурах. Не менее важны и диахронические исследования, благодаря которым с большей объективностью можно будет судить об эволюционных / трансформационных процессах, происходящих в исследуемом жанре.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. *Издательские термины и понятия* : словарь с комментариями / Г. Ф. Низяева. — Владивосток : ДВО РАН, 2008. — 40 с.

2. Мильчин А. Э. Издательский словарь-справочник. — 2-е изд., испр. И доп. / А. Э. Мильчин. — Москва : Олма-пресс, 2003. — 560 с. — ISBN 5-224-04560-6.
3. Мильчин А. Э. Справочник издателя и автора. Редакционно-издательское оформление издания. 5-е изд. / А. Э. Мильчин, Л. К. Чельцова. — Москва : Издательство Студии Артемия Лебедева, 2018. — 1010 с. — ISBN 978-5-98062-137-7.
4. Петросян М. Дом в котором ... / М. Петросян. — Москва : Лайнбук, 2022. — 960 с. — ISBN 9785904584696.
5. *Dictionary of Publishing and Printing* — 3rd edition. — London : A&C Black, 2006. — 321 p.

Литература

1. Агаркова О. А. Аргументная природа текста аннотации / О. А. Агаркова // Мир науки, культуры, образования. — 2020. — № 2 (81). — С. 496—498. — DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00382.
2. Агаркова О. А. Эволюция прикнижной аннотации / О. А. Агаркова, Т. В. Макшанова // Мир науки, культуры, образования. — 2018. — № 2 (69). — С. 593—595.
3. Анисимова Т. В. Принципы классификации жанров рекламы книги / Т. В. Анисимова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. — 2016. — Т. 15. — № 4. — С. 104—113. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2016.4.11.
4. Бугрова Е. Д. Аннотация к переводной массовой литературе как инструмент воздействия на читателя / Е. Д. Бугрова // Коммуникативные исследования. — 2014. — № 1 (1). — С. 65—72.
5. Бугрова Е. Д. Эволюция жанра аннотаций к переводной массовой литературе / Е. Д. Бугрова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2 : Гуманитарные науки. — 2013. — № 2 (114). — С. 82—88.
6. Васильева Н. В. Текст на обложке книги : место в классификации вторичных текстов / Н. В. Васильева ; отв. ред. Н. Н. Трошина. — Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2018. — С. 169—182.
7. Викулова Л. Г. Издательский дискурс, или как себя рекламирует книга / Л. Г. Викулова // Эволюция и трансформация дискурсов : сборник научных статей. — Самара : Самарский государственный университет, 2016. — С. 104—112.
8. Викулова Л. Г. Лингвопрагматические особенности прикнижной аннотации во французском издательском дискурсе / Л. Г. Викулова, Н. С. Иванова // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. — 2014. — № 2. — С. 6—16.
9. Викулова Л. Г. Издательский дискурс в системе общения "автор — издатель — читатель" / Л. Г. Викулова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. — 2012. — № 2s (18). — С. 63—69.
10. Воронина К. А. Черты рекламы в аннотациях к художественно-литературным, научно-популярным и научным изданиям : сопоставительный аспект / К. А. Воронина, М. Я. Розенфельд // Сопоставительные исследования 2016 : Продолжающееся научное издание, Воронеж, 05 февраля 2016 года. — Воронеж : Издательство Истоки, 2016. — Выпуск 13. — С. 177—181.
11. Гаврик Р. В. Коннотативная лексика в оценочном комментарии издательства к художественному произведению на английском языке / Р. В. Гаврик // Балтийский гуманитарный журнал. — 2021. — Т. 10. — № 2 (35). — С. 235—238. — DOI: 10.26140/bgз3-2021-1002-0062.

12. *Иншакова Н. Г.* Аннотация в современном контексте книжного издания / Н. Г. Иншакова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2014. — № 6. — С. 72—83.

13. *Ионина А. А.* Особенности создания и восприятия текста в Интернете / А. А. Ионина // Вестник МГПУ. Серия : Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2010. — № 2 (6). — С. 33—39.

14. *Книжный маркетинг* : Руководство к действию : Сб. статей / Пер. с англ. — Москва : Terra, 1996. — 432 с. — ISBN 5-300-00418-9.

15. *Кузнецова К. А.* Издательская аннотация на четвертой странице обложки книги как продвигающий текст / К. А. Кузнецова // Crede Experto : транспорт, общество, образование, язык. — 2022. — № 1. — С. 181—195. — DOI: 10.51955/23121327_2022_1_181.

16. *Кулинич М. А.* Аннотации и рекламные объявления на четвертой стороне обложки книг как малоформатные тексты / М. А. Кулинич, А. И. Шамшина // Поволжский педагогический вестник. — 2021. — Т. 9. — № 3 (32). — С. 55—61.

17. *Лаевская Т. Е.* Издательская аннотация к художественному тексту : современный облик жанра / Т. Е. Лаевская // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. — 2010. — № 2 (59). — С. 155—159.

18. *Маркетинговая лингвистика.* Закономерности продвигающего текста. — Москва : Общество с ограниченной ответственностью "ФЛИНТА", 2019. — 164 с. — ISBN 978-5-9765-3987-7.

19. *Назарова А. Д.* Прагматические и структурно-семантические особенности британских книжных рекламных аннотаций / А. Д. Назарова // Современная англистика и американистика : актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : Сборник материалов Первой межвузовской научно-практической конференции, Москва, 27 апреля 2017 года / Научный редактор О. Г. Чупрына. Составитель и отв. ред. О. Я. Федоренко. — Москва : Московский государственный областной университет, 2017. — С. 127—131.

20. *Покалюхина М. В.* Непрямая коммуникация в рекламных аннотациях (на материале англоязычных научно-популярных книг) / М. В. Покалюхина, М. А. Кулинич // Европейский журнал социальных наук. — 2014. — № 6—3 (45). — С. 222—229.

21. *Рябцева Э. Г.* Модель жанра рекламной аннотации к художественному тексту / Э. Г. Рябцева. — Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2020. — 413 с.

22. *Суходольская А. В.* Книгоиздательский дискурс как среда функционирования прикнижной аннотации / А. В. Суходольская // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сборник материалов I (XV) Международной конференции молодых ученых (3—5 апреля 2014 г.). — 2014. — Выпуск 15. — Т. 2. — С. 291—294.

23. *Тарасевич К. Т.* Аннотация как текстовый элемент обложки художественных изданий России и Беларуси / К. Т. Тарасевич // Русский и белорусский языки в контексте глобализации : материалы междунар. науч.-практ. конф., Москва, 30 мая 2019 г. — Минск : МГЛУ, 2020. — С. 161—167. — ISBN 5-85716-420-6.

24. *Ухова Л. В.* Издательская аннотация: к вопросу о трансформации жанра / Л. В. Ухова // Филологические чтения ЯрГУ им. П. Г. Демидова : материалы конференции, Ярославль, 22—23 мая 2017 года. — Ярославль : Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 2017. — С. 356—359. — ISBN 978-5-8397-1114-3.

25. *Черкунова М. В.* Аспекты параграфемной организации малоформатных рекламных текстов (на материале аннотаций учебной и научной литературы) / М. В. Черкунова // Российская наука : актуальные проблемы лингвистики, переводоведения и педагогики : Сборник научных статей II Международной научно-практической конференции,

Самара, 12 апреля 2020 года. — Самара : Самарский государственный экономический университет, 2020. — С. 84—88.

26. Черкунова М. В. Динамические свойства аннотаций к англоязычным произведениям художественной литературы / М. В. Черкунова, Е. В. Пономаренко // Филологические науки в МГИМО. — 2021. — Т. 7. — № 2 (26). — С. 98—107. — DOI: 10.24833/2410-2423-2021-2-26-98-107.

27. Чупрына О. Г. Обложечная аннотация как продвигающий текст / О. Г. Чупрына // Иностранные языки в высшей школе. — 2020. — № 3 (54). — С. 105—114. — DOI: 10.37724/RSU.2020.54.3.010.

28. Ярова И. В. Формы рекламирования книги / И. В. Ярова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. — 2010. — № 1 (11). — С. 200—204.

29. Bacić M. The Syntactic Features of Promotional Language in Book Blurbs / M. Bacić // Nasledje Kragujevac. — 2021. — Vol. 18 (48). — Pp. 117—131. — DOI: 10.46793/NasKg2148.117B.

30. Basturkmen H. Back Cover Blurbs : Puff Pieces and Windows on Cultural Values / H. Basturkmen // On the Dynamic Nature of Genre : A Diachronic Study of Blurbs. — London : Palgrave, Macmillan, 2009. — Pp. 68—83. — ISBN-13 978-0-230-22433-9.

31. Cacchiani S. From narratives to intensification and hyperbole : Promotional uses of book blurbs [Electronic resource] / S. Cacchiani // Proceedings of the Corpus Linguistics Conference, University of Birmingham. — July 2007. — Access mode : http://ucl.lancs.ac.uk/publications/CL2007/paper/79_Paper.pdf (accessed 21.11.2023).

32. Carter R. A. Trade book marketing : a practical guide / R. A. Carter. — New York : Bowker, 1983. — 339 p.

33. Clark G. Inside Book Publishing / G. Clark, A. Phillips. — London : Routledge, 2020. — 396 p. — ISBN 978-1-351-26572-0.

34. Cronin B. Patterns of puffery : an analysis of non-fiction blurbs / B. Cronin, K. La Barre // Journal of librarianship and information science. — 2005. — Vol. 37(1). — Pp. 17—24. — DOI: 10.1177/0961000605052156.

35. Gea-Valor M. L. Advertising books : a linguistic analysis of blurbs / M. L. Gea-Valor // Iberica. — 2005. — V. 10. — Pp. 41—62.

36. Gea-Valor V. L. On the Dynamic Nature of Genre : A Diachronic Study of Blurbs / M. L. Gea-Valor, M. I. Ros // On the Dynamic Nature of Genre : A Diachronic Study of Blurbs. — London : Palgrave, Macmillan, 2009. — Pp. 199—216. — ISBN-13 978-0-230-22433-9.

37. Gea-Valor M. L. Promoting ELT Material : A Genre-Analysis Approach to English Dictionary Blurbs / M. L. Gea-Valor // Multiple Voices in Academic and Professional Discourse : Current Issues in Specialised Language Research, Teaching and New Technologies. — Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2011. — Pp. 22—31. — ISBN 978-1-4438-2971-7.

38. Genette G. Seuils / G. Genette. — Paris : Le Seuil, 1987. — 426 p.

39. Jalilifar A. Investigating Metadiscourse Markers in Book Reviews and Blurbs : A Study of Interested and Disinterested Genres / A. Jalilifar, S. Hayati, A. Don // Research Journal Studies about Languages. — 2018. — № 33. — Pp. 90—107. — DOI: 10.5755/j01.sal.33.0.19415.

40. Kathpalia S. S. Persuasive Genres. Old and New Media. — London : Routledge, 2022. — 220 p. — ISBN 9780429243721.

41. Marčiulionienė V. Publisher's blurb on English books of fiction : a diachronic genre analysis / V. Marčiulionienė // Filologija. — 2006. — № 11. — Pp. 61—71.

42. Önder N. Generic structure and promotional elements in best-selling online book blurbs : a cross-cultural study / N. Önder // Iberica. — 2013. — Vol. 25. — Pp. 171—194.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024,
одобрена после рецензирования 30.01.2024,
подготовлена к публикации 03.02.2024.

Material resources

- Dictionary of Publishing and Printing. 3rd edition.* (2006). London: A&C Black. 321 p.
- Milchin, A. E., Cheltsova, L. K. (2018). *Publisher's and author's Handbook. 5th ed.* Moscow: Artemy Lebedev Studio Publishing House. 1010 p. ISBN 978-5-98062-137-7. (In Russ.).
- Milchin, A. E. (2003). *Publishing dictionary-reference book. 2nd ed.* Moscow: Olma-press. 560 p. ISBN 5-224-04560-6. (In Russ.).
- Petrosyan, M. (2022). *The house in which ...* Moscow: Linebook. 960 p. ISBN 9785904584696. (In Russ.).
- Publishing terms and concepts: dictionary with comments.* (2008). Vladivostok: FEB RAS. 40 p. (In Russ.).

References

- Agarkova, O. A. (2020). Argumentative nature of the abstract text. *The world of science, culture, and education, 2 (81):* 496—498. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00382. (In Russ.).
- Agarkova, O. A., Makshanova, T. V. (2018). Evolution of the book annotation. *The world of science, culture, and education, 2 (69):* 593—595. (In Russ.).
- Anisimova, T. V. (2016). Principles of classification of genres of book advertising. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics, 15 (4):* 104—113. DOI: 10.15688/jvolsu2.2016.4.11. (In Russ.).
- Bacić, M. (2021). The Syntactic Features of Promotional Language in Book Blurbs. *Nasledje Kragujevac, 18 (48):* 117—131. DOI: 10.46793/NasKg2148.117B.
- Basturkmen, H. (2009). Back Cover Blurbs: Puff Pieces and Windows on Cultural Values. In: *On the Dynamic Nature of Genre: A Diachronic Study of Blurbs.* London: Palgrave, Macmillan. 68—83. ISBN-13 978-0-230-22433-9.
- Book marketing: A guide to action: Collection of articles.* (1996). Moscow: Terra. 432 p. ISBN 5-300-00418-9. (In Russ.).
- Bugrova, E. D. (2014). Abstract to translated mass literature as a tool for influencing the reader. *Communicative research, 1 (1):* 65—72. (In Russ.).
- Bugrova, E. D. (2013). The evolution of the genre of annotations to translated mass literature. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 2: Humanities, 2 (114):* 82—88. (In Russ.).
- Cacchiani, S. (2007). From narratives to intensification and hyperbole: Promotional uses of book blurbs. *Proceedings of the Corpus Linguistics Conference, University of Birmingham. Jul.y* Available at: http://ucrel.lancs.ac.uk/publications/CL2007/paper/79_Paper.pdf (accessed 21.11.2023).
- Carter, R. A. (1983). *Trade book marketing: a practical guide.* New York: Bowker. 339 p.
- Cherkunova, M. V. (2020). Aspects of the paragraph-based organization of small-format advertising texts (based on the material of annotations of educational and scientific

- literature). In: *Russian Science: actual problems of linguistics, translation studies and pedagogy: Collection of scientific articles of the II International Scientific and Practical Conference, Samara, April 12, 2020*. Samara: Samara State University of Economics. 84—88. (In Russ.).
- Cherkunova, M. V., Ponomarenko, E. V. (2021). Dynamic properties of annotations to English-language works of fiction. *Philological sciences at MGIMO*, 7 (2) / (26): 98—107. DOI: 10.24833/2410-2423-2021-2-26-98-107. (In Russ.).
- Chupryna, O. G. (2020). Cover abstract as a promotional text. *Foreign languages in higher education*, 3 (54): 105—114. DOI: 10.37724/RSU.2020.54.3.010. (In Russ.).
- Clark, G. (2020). *Inside Book Publishing*. London: Routledge. 396 p. ISBN 978-1-351-26572-0.
- Cronin, B. (2005). Patterns of puffery: an analysis of non-fiction blurbs. *Journal of librarianship and information science*, 37 (1): 17—24. DOI: 10.1177/0961000605052156.
- Gavrik, R. V. (2021). Connotative vocabulary in the publisher's evaluative commentary on a work of fiction in English. *Baltic Humanitarian Journal*, 10 / 2 (35): 235—238. DOI: 10.26140/bgz3-2021-1002-0062. (In Russ.).
- Gea-Valor, M. L. (2005). Advertising books: a linguistic analysis of blurbs. *Iberica*, 10: 41—62.
- Gea-Valor, M. L. (2011). Promoting ELT Material: A Genre-Analysis Approach to English Dictionary Blurbs. In: *Multiple Voices in Academic and Professional Discourse: Current Issues in Specialised Language Research, Teaching and New Technologies*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing. 22—31. ISBN 978-1-4438-2971-7.
- Gea-Valor, V. L., Ros, M. I. (2009). On the Dynamic Nature of Genre: A Diachronic Study of Blurbs. In: *On the Dynamic Nature of Genre: A Diachronic Study of Blurbs*. London: Palgrave, Macmillan. 199—216. ISBN-13 978-0-230-22433-9.
- Genette, G. (1987). *Seuils*. Paris: Le Seuil. 426 p. (In Franc.).
- Inshakova, N. G. (2014). Abstract in the modern context of a book publication. *Philological sciences. Scientific reports of the higher school*, 6: 72—83. (In Russ.).
- Ionina, A. A. (2010). Features of the creation and perception of text on the Internet. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Philology. Theory of language. Language education*, 2 (6): 33—39. (In Russ.).
- Jalilifar, A., Don, A. (2018). Investigating Metadiscourse Markers in Book Reviews and Blurbs: A Study of Interested and Disinterested Genres. *Research Journal Studies about Languages*, 33: 90—107. DOI: 10.5755/j01.sal.33.0.19415.
- Kathalia, S. S. (2022). *Persuasive Genres. Old and New Media*. London: Routledge. 220 p. ISBN 9780429243721.
- Kulinich, M. A., Shamshina, A. I. (2021). Annotations and advertisements on the fourth side of the book cover as small-format texts. *Volga Pedagogical Bulletin*, 9 / 3 (32): 55—61. (In Russ.).
- Kuznetsova, K. A. (2022). Publishing abstract on the fourth page of the book cover as a promotional text. *Crede Experto: transport, society, education, language*, 1: 181—195. DOI: 10.51955/23121327_2022_1_181. (In Russ.).
- Laevskaya, T. E. (2010). Publishing abstract to a literary text: the modern look of the genre. *Proceedings of the Gomel State University named after F. Skoriny*, 2 (59): 155—159. (In Russ.).
- Marčiulionienė, V. (2006). Publisher's blurb on English books of fiction: a diachronic genre analysis. *Filologija*, 11: 61—71.
- Marketing linguistics. The patterns of the promoting text*. (2019). Moscow: FLINT Limited Liability Company. 164 p. ISBN 978-5-9765-3987-7. (In Russ.).

- Nazarova, A. D. (2017). Pragmatic and structural-semantic features of British book advertising annotations. In: *Modern English and American Studies: actual problems of linguistics and literary studies*. Moscow: Moscow State Regional University. 127—131. (In Russ.).
- Önder, N. (2013). Generic structure and promotional elements in best-selling online book blurbs: a cross-cultural study. *Iberica*, 25: 171—194.
- Pokalyukhina, M. V., Kulinich, M. A. (2014). Indirect communication in advertising annotations (based on the material of English-language popular science books). *European Journal of Social Sciences*, 6—3 (45): 222—229. (In Russ.).
- Ryabtseva, E. G. (2020). *A model of the genre of advertising annotation to a literary text*. Krasnodar: Kuban State University. 413 p. (In Russ.).
- Sukhodolskaya, A. V. (2014). Publishing discourse as a medium for the functioning of a book annotation. *Actual problems of linguistics and literary studies: a collection of materials of the I (XV) International Conference of Young Scientists (April 3—5, 2014)*, 15 (2): 291—294. (In Russ.).
- Tarasevich, K. T. (2020). Abstract as a textual element of the cover of art publications of Russia and Belarus. In: *Russian and Belarusian languages in the context of globalization: materials of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, May 30, 2019*. Minsk: MGLU. 161—167. ISBN 5-85716-420-6. (In Russ.).
- Ukhova, L. V. (2017). Publishing abstract: on the question of genre transformation. In: *Philological readings of P. G. Demidov YarSU: conference materials, Yaroslavl, May 22—23, 2017*. Yaroslavl: Yaroslavl State University named after P. G. Demidov. 356—359. ISBN 978-5-8397-1114-3. (In Russ.).
- Vasilyeva, N. V. (2018). *The text on the cover of the book: a place in the classification of secondary texts*. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. 169—182. (In Russ.).
- Vikulova, L. G. (2014). Linguopragmatic features of the book annotation in the French publishing discourse. *Scientific and pedagogical journal of Eastern Siberia Magister Dixit*, 2: 6—16. (In Russ.).
- Vikulova, L. G. (2012). Publishing discourse in the communication system “author — publisher — reader”. *Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University*, 2s (18): 63—69. (In Russ.).
- Vikulova, L. G. (2016). Publishing discourse, or how the book advertises itself. In: *Evolution and transformation of discourses: a collection of scientific articles*. Samara: Samara State University. 104—112. (In Russ.).
- Voronina, K. A., Rosenfeld, M. Ya. (2016). Features of advertising in annotations to fiction, popular science and scientific publications: a comparative aspect. In: *Comparative studies 2016: Ongoing scientific publication, Voronezh, February 05, 2016, 13*. Voronezh: Istoki Publishing House. 177—181. (In Russ.).
- Yarova, I. V. (2010). Forms of book advertising. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 1 (11): 200—204. (In Russ.).

*The article was submitted 09.01.2024;
approved after reviewing 30.01.2024;
accepted for publication 03.02.2024.*

Информация для цитирования:

Кружкова О. В. Вандабно нанесенные тексты : потенциал «мягкой силы» / О. В. Кружкова, М. Р. Бабикова, С. Д. Робин // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 2. — с. 96—117. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-96-117.

Kruzhkova, O. V., Babikova, M. R., Robin, S. D. (2024). Vandalized Texts: Soft Power Potential. *Nauchnyi dialog*, 13 (2): 96-117. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-96-117. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Вандабно нанесенные тексты: потенциал «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Кружкова Ольга Владимировна

orcid.org/0000-0002-2569-8789

кандидат психологических наук, доцент,
лаборатория перспективных
социосредовых исследований
galiat1@yandex.ru

Бабикова Марина Рашитовна

orcid.org/0000-0003-0814-5936

кандидат филологических наук,
кафедра межкультурной коммуникации,
риторики, русского языка как
иностранного
mrbabikova@uspu.ru

Робин Сергей Дмитриевич

orcid.org/0000-0002-1920-4834

лаборатория перспективных
социосредовых исследований
robinseryi@gmail.com

Уральский государственный
педагогический университет
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 23-28-01487,
<https://rscf.ru/project/23-28-01487/>

**Vandalized Texts:
Soft Power Potential**

Olga V. Kruzhkova

orcid.org/0000-0002-2569-8789

PhD in Psychology, Associate Professor,
Laboratory of Advanced
Socio-Environmental Research
galiat1@yandex.ru

Marina R. Babikova

orcid.org/0000-0003-0814-5936

PhD in Philology, Department
of Intercultural Communication, Rhetoric,
Russian as a Foreign Language
mrbabikova@uspu.ru

Sergey D. Robin

orcid.org/0000-0002-1920-4834

Laboratory of Advanced
Socio-Environmental Research
robinseryi@gmail.com

Ural State Pedagogical University
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-01487,
<https://rscf.ru/project/23-28-01487/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Принимая во внимание повышенное загрязнение городских пространств вандалскими преобразованиями, важно учитывать воздействие, которое они производят на наблюдателя. Цель исследования — выявление потенциала «мягкой силы» вандално нанесенных текстов через определение особенностей их восприятия и запоминания с учетом тематики текста и лингвистического приема, используемого для привлечения внимания. В качестве материалов привлекается 21 фотоизображение вандално нанесенных текстов, зафиксированных в пространстве среды крупных городов РФ, которые были использованы как стимульный материал. В основе исследования лежит изучение восприятия и запоминания вандално нанесенных текстов посредством лабораторного эксперимента с применением айтрекера (выборка — 20 человек). Выявлено, что от 19 до 67 % вандално нанесенных текстов запоминаются при единоразовом предъявлении (13 сек.). Наибольшая запоминаемость характерна для политических текстов, позитивную оценку имеют креолизованные тексты, основанные на языковой игре. Наиболее уязвимой для потенциала «мягкой силы» вандално нанесенных текстов является погружающая глазодвигательная стратегия респондентов. Авторы приходят к выводу о том, что вандално нанесенные тексты легко запоминаются, привлекая внимание наблюдателя особыми лингвистическими приемами организации текста.

Ключевые слова:

вандално нанесенные тексты; граффити; технология мягкой силы; запоминание текстов граффити; глазодвигательные стратегии.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Considering the increased pollution of urban spaces by vandalistic transformations, it is important to take into account the impact they have on observers. The aim of this study is to identify the potential of “soft power” in vandalized texts by determining the characteristics of their perception and memorization, taking into account the theme of the text and the linguistic device used to attract attention. The study utilizes 21 photo images of vandalized texts recorded in the urban environment of major cities in the Russian Federation, which were used as stimulus material. The research is based on the examination of the perception and memorization of vandalized texts through a laboratory experiment using an eye-tracker (sample size — 20 individuals). It was found that 19 to 67% of vandalized texts are remembered upon single exposure (13 seconds). Political texts exhibit the highest memorability, while creolized texts based on language play receive positive evaluation. The most vulnerable to the potential of “soft power” in vandalized texts is the immersive eye-catching strategy of respondents. The authors conclude that vandalized texts are easily remembered, attracting the observer’s attention through unique linguistic devices in text organization.

Key words:

vandalized texts; graffiti; soft power technology; memorization of graffiti texts; eye-catching strategies.

УДК 811.161.1'42:75

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-96-117

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Вандально нанесенные тексты: потенциал «мягкой силы»

© Кружкова О. В., Бабикова М. Р., Робин С. Д., 2024

1. Введение = Introduction

Современные города насыщены вандальными преобразованиями среды, которые производятся без надлежащих для этого санкций отдельными лицами или группами людей, реализующими неинституциональные практики «права на город», осуществляемые на уровне обживаемого урбанистического пространства

Современные города насыщены вандальными преобразованиями среды, которые производятся без надлежащих для этого санкций отдельными лицами или группами людей, реализующими неинституциональные практики «права на город», осуществляемые на уровне обживаемого урбанистического пространства [Лефевр, 2015; Радина и др., 2022]. В обыденном сознании вандально нанесенные изображения или тексты, стрит-арт и граффити не разделяются, то есть воспринимаются явлениями одного порядка [Курбатова и др., 2013]. Происходит это в том числе из-за того, что современное уличное искусство только начинает перерастать из маргинального движения в концептуальное искусство, заявляя о себе в городском пространстве зачастую без получения соответствующего разрешения [Acker, 2013], бросая «вызов устоявшимся нормам урбанистического поведения» [Архипова, 2016, с. 31]. Для дифференциации данных явлений предлагаются различные критерии, однако, на наш взгляд, определяющим здесь является признак санкционированности [Функции ..., 2018; Ten Eyck, 2016], нежели художественной ценности [Заславская и др., 2012] или социального позитивного отклика публики [Архипова, 2016]. «Несанкционированные художественные активности, то есть происходящие без законных процедур согласования, без учета мнений собственников преобразуемых объектов, автоматически становятся проявлениями вандализма» [Шугуров, 2023, с. 89]. В нашем исследовании под *вандально нанесенными текстами* мы будем понимать несанкционированно выполненные на поверхностях городской среды граффити различной тематической направленности.

Сами вандальные изменения приобретают различные формы: изображения, деформация и уничтожение объектов и пр. Но наиболее распространенную категорию представляют собой вандально нанесенные или несанкционированные тексты, к которым относятся тегирование, несанкционированная реклама, граффити. Их расположение в большинстве случаев делает данные тексты доступными для прочтения существенным числом невольных наблюдателей, чьи интересы, позиции, желания, установки могут быть как конгруэнтными содержанию подобных текстов, так и противоречить ему. Текст несет определенную смысловую нагрузку, и вандально нанесенные тексты по-разному могут воздействовать на людей [Halsey et al., 2002], могут трактоваться различным образом, в зависимости от собственного содержания или от опыта наблюдателя [Бабикова, 2023; Городской вандализм ..., 2021]. Сам факт наличия воздействия неоспорим даже при однократном столкновении наблюдателя с вандально нанесенным текстом, а, как правило, прочтения бывают не единичны при регулярном повторении маршрута или частом нахождении человека в определенной локации городского пространства. В этом контексте несанкционированные тексты целесообразно рассматривать в рамках концепции «мягкой силы» (soft power), то есть реализации технологии, способной скрыто формировать определенные состояния, потребности, незаметно корректировать мнения, оценки, настроения наблюдателя. Однако исследования в данной области крайне малочисленны и ограничены, как правило, изучением влияния самого факта наличия вандализма на чувство безопасности наблюдателя [Crosby et al., 2019; Women's safety, 2022; Jamme et al., 2018], а не воздействия содержания вандально нанесенных текстов на прочитывающего их.

Несанкционированные граффити не только нарушают целостность и благоустройство городских объектов, но и самовольно изменяют символические значения места и практики управления [Dovey et al., 2012; Young, 2005]. В отличие от произведений искусства, для просмотра которых человек осознанно приходит в музей, имея определенную мотивационную готовность, граффити принуждает наблюдателя к восприятию себя наравне с архитектурой или рекламой, но при этом вступает в противоречие с их регламентами, нарушает не только закон и социальные нормы, но и личные границы наблюдателя [Шугуров, 2023; Dovey et al., 2012].

На восприятие графических преобразований на улицах городов, безусловно, влияет контекст — то пространство и его смысловое наполнение, поведенческие активности, в котором находится граффити или иной вариант вандальных изменений. Вопрос значимости контекста для восприятия граффити был исследован австрийскими учеными, которые сравнивали глазодвигательную активность при восприятии современного искусства

в музее и в уличном пространстве. Обнаружилось, что время восприятия, субъективные оценки красоты и интереса к объектам современного искусства были существенно выше в ситуации музейной экспозиции, за исключением случаев восприятия граффити, где контекст не влиял на результат [Gartus et al., 2014]. Также было показано, что изначальная установка на предпочтение граффити или современного искусства предопределяет более высокий рейтинг соответствующего произведения. При этом самые высокие оценки эстетичности и интереса получали граффити, представленные на улице, и произведения современного искусства, представленные в музее (по сравнению с граффити, представленными в музее, или произведениями современного искусства, размещенными на улицах города) [Gartus et al., 2015].

Достаточно часто вандальные повреждения среды города воспринимаются как маркеры ее неблагополучия и небезопасности для людей, находящихся в ней [Crosby et al., 2019; Women's safety ..., 2022; Jamme et al., 2018], ассоциируются с преступностью [Halsey et al., 2002]. При этом при оценке глазодвигательной активности обнаруживается увеличенное время пребывания взгляда на объектах, указывающих на неблагоустроенность городского пространства, и это касается не только его технических характеристик, но и оценки следовых эффектов от присутствия других людей, например, следов вандализма [Crosby et al., 2019]. Установлено, что задержки взгляда и его фиксации при прогулках в пространстве города также связаны с элементами уличного искусства, в том числе граффити [Mitschke et al., 2017]. Исследования особенностей задержки взгляда при восприятии граффити как вандально нанесенных текстов позволяют предположить, что призывы и послания, заложенные в них, имеют существенный воздействующий потенциал. Агрессивные, бесцеремонные, «вламывающиеся» в информационно-визуальное пространство города, односторонние и недиалогичные, явно не направленные на конкретного наблюдателя вандально нанесенные тексты являются метафорическими «выкриками» пропаганды [Архипова, 2016; Acker, 2013] и инструментом реализации «мягкой силы».

Используемые в вандально нанесенных текстах способы трансляции информации как посредством визуальных изменений, так и с помощью иных смысловых компонентов (супраграфемные средства, переключение языковых кодов, использование небуквенных символов / знаков, включение рисунков в текстовое поле, трансляция философских размышлений или дискурсивных элементов) формируют привлекающее и удерживающее внимание смысловое пространство, что отвечает требованиям технологии «мягкой силы», которая заключается в достижении стратегических целей без обращения к внешнему материализованному давлению или насилию.

Технология «работает» на знаково-символическом и идейно-ценностном уровнях, активизирует стереотипы общественного восприятия, приводя в действие архетипичные образы и коллективные представления [Русакова, 2010]. Таким образом, вандально нанесенные тексты могут иметь выраженный потенциал «мягкой силы», под которым мы понимаем совокупность возможностей и средств данной технологии для ненасильственного достижения поставленной цели посредством изменения установок, желаний, устремлений и ценностей реципиентов, новое поведение которых, воспринимаемое ими как внутренне иницируемое, и будет итоговым результатом действия технологии (Joseph Samuel Nye Jr.) [Цит. по: Леонова, 2018, с. 101—102].

Целью представленного исследования стало выявление потенциала «мягкой силы» вандально нанесенных текстов через установление особенностей их восприятия и запоминания респондентами с учетом тематики текста и лингвистического приема, используемого для привлечения внимания.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Теоретическая рамка исследования. Исследование построено на основе понимания вандально нанесенных текстов как несанкционированно созданных в пространстве города воздействующих на наблюдателя стимулов [Архипова, 2016; Acker, 2013; Gartus et al., 2014; Gartus et al., 2015], транслирующих определенные ценности, установки, позиции и настроения [Функции вандализма ..., 2018] с применением лингвистических приемов привлечения внимания [Бабилова, 2023; Кружкова и др., 2023; Литвин, 2017], за счет которых реализуется их воздействующий потенциал «мягкой силы» [Леонова, 2018; Русакова, 2010].

Материалы. Исследование проводилось на основе материалов, собранных в рамках процедуры фотофиксирования реальных вандальных актов в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Челябинске и других мегаполисах РФ. Изначально из картотеки авторов, содержащей 2000 фотографий, было отобрано 21 изображение вандально нанесенных текстов. Изображения отбирались с учетом читабельности текста, качества изображения, многообразия тематик (бытийная — Б, политическая — П, религиозная — Р), лингвистических приемов привлечения внимания (языковая игра — ЯИ, дискурсивный текст — Д, философствование — Ф [Кружкова и др., 2023]). Отобранный стимульный материал был подготовлен для демонстрации на айтрекере (фотографии вандально нанесенных текстов в естественной городской среде, занимающие одинаковую площадь на экране и предъявляемые с одинаковой яркостью). Порядок следования изображений определялся через рандомизированный отбор, но был одинаков

для всех респондентов. Для снижения краевого эффекта в начале демонстрации и в конце демонстрации были добавлены по два изображения бомбингового характера, то есть художественно изображенных аббревиатур, которые впоследствии не анализировались.

Выборка. В исследовании приняли участие 20 представителей молодежи Екатеринбурга в возрасте от 20 до 30 лет ($X_{\text{ср}} = 23,95$), из них 10 девушек и 10 юношей. Каждый участник исследования заполнял информированное согласие на проведение окулографического исследования неинвазивным методом, а также согласие на демонстрацию ему вандально нанесенных текстов различного содержания.

Методы. Исследование проводилось с применением стационарного айтрекера Tobii Pro Spectrum с частотой дискретизации 150 Hz. Стимульный материал демонстрировался на экране ЖК монитора Eizo FlexScan EV245, разрешение экрана 1920x1080. Расстояние от глаз испытуемых до поверхности экрана 53—63 см. После проведения процедуры калибровки каждому участнику исследования предъявлялась и проговаривалась инструкция. Далее демонстрировались 25 изображений с вандально нанесенными текстами. Каждое изображение на экране монитора находилось 13 секунд, вход на изображение осуществлялся единообразно принудительно с белого слайда с фиксированной точкой внимания, расположенной за пределами установленных границ изображений. По завершении работы на айтрекере участники исследования заполняли анкету, где им предлагалось указать через воспроизведение на запомнившиеся вандально нанесенные тексты, а также отметить, какие из запомнившихся текстов вызвали негативные или позитивные эмоции.

Ограничения экспериментального исследования. Ситуация восприятия вандально нанесенных текстов в условиях естественной городской среды и поведенческой активности человека в ней существенно отличается от пространства лабораторного эксперимента. В силу данного обстоятельства целесообразно рассматривать результаты, полученные в ходе представленного исследования, как «идеальные», то есть освобожденные от контекста и позволяющие оценить влияние характеристик вандально нанесенных текстов (их длину, тематику, лингвистические приемы привлечения внимания, визуальную организацию и креолизованность) на их восприятие и запоминание участниками исследования, то есть на реализацию потенциала «мягкой силы». Безусловно, в условиях естественной городской среды данный потенциал будет реализован иначе, ослабляясь или усиливаясь иными объективными обстоятельствами (местом расположения, размером и заметностью изображения, контекстом его предъявления, динамикой и практиками управления самой городской средой и пр.).

Методы математико-статистической обработки данных. Обработка результатов осуществлялась на базе статистического пакета IBM SPSS Statistics 19. Были применены частотный анализ и описательные статистики, ANOVA, корреляционный анализ Пирсона, иерархический кластерный анализ, сравнительный анализ для независимых выборок Стьюдента, таблицы сопряженности (критерий Хи-квадрат).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Анализ запоминаемости вандально нанесенных текстов

В проведенном исследовании запоминаемость изображений с вандально нанесенными текстами оценивалась через их воспроизведение, то есть наличие целенаправленного припоминания текста с изображения (или его части, позволяющей соотнести его с определенным изображением) без дополнительных стимулов и особых усилий со стороны участника исследования. В среднем респонденты воспроизводили $7,3 \pm 2,7$ изображений с вандально нанесенными текстами, где минимум — 4 воспроизведенных изображения, 14 — максимум воспроизведенных изображений (рис. 1).

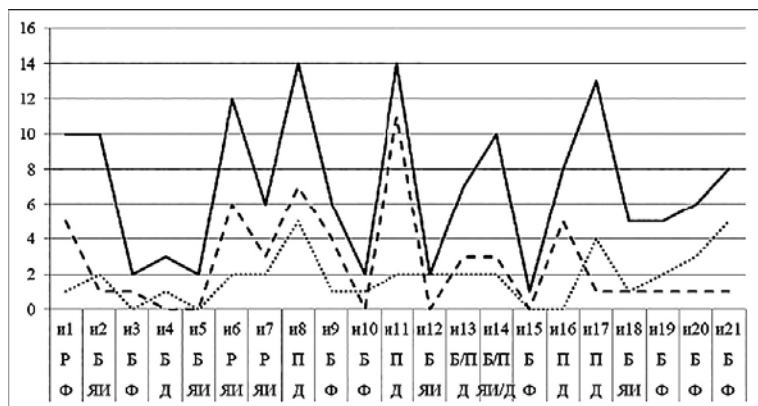

Рис. 1. Профиль частоты запоминания (воспроизведения) изображений с вандально нанесенными текстами

Примечание: сплошная линия — общее число воспроизведений, пунктирная линия — частота воспроизведений с указанием на негативные эмоции, точечная линия — частота воспроизведений с указанием на положительные эмоции.

Наибольшей запоминаемостью обладают тексты политической тематики, отражающие остроту социальной ситуации, а также зачастую содержащие яркий эмоциональный посыл (в том числе через использование оскорблений), а среди наименее запоминаемых текстов фигурируют, как

правило, тексты бытийной направленности, что подтверждается результатами ANOVA: Levene's test: $F=0,035$ при $p=0,966$; характеристики модели $F=12,98$ при $p<0,001$, $R^2=61,9\%$, $X_{cp,B}=4,33$, $X_{cp,\Pi}=12,25$, $X_{cp,P}=9,33$ (случай смешанных типов не учитывались).

Лингвистический же прием, используемый для привлечения внимания, особого значения для запоминания и воспроизведения вандально нанесенного текста не имеет (ANOVA: Levene's test: $F=0,920$ при $p=0,418$; характеристики модели $F=2,76$ при $p=0,092$).

Общая запоминаемость вандально нанесенных текстов взаимосвязана с эмоционально насыщенным запоминанием, что подтверждается корреляционным анализом. Так, общая частота воспроизведения связана с частотой воспроизведения с указанием на негативные эмоции ($r=0,746$ при $p<0,001$), а также с частотой воспроизведения с указанием на позитивные эмоции ($r=0,599$ при $p=0,004$). Частота воспроизведения изображений с указанием на негативные эмоции и с указанием на позитивные эмоции между собой не взаимосвязаны ($r=0,180$ при $p=0,435$). Тем не менее общее число эмоционально валентных воспроизведений достаточно точно предсказывает в целом частоту запоминания и воспроизведения изображений с вандально нанесенными текстами (регрессионная модель: $F=61,93$ при $p<0,001$, $R^2=75,3\%$, $\beta=0,875$ при $p<0,001$).

Применение иерархического кластерного анализа позволило выделить группы вандально нанесенных изображений в зависимости от их запоминаемости (табл. 1). Всего было выделено 5 кластеров, изображения в которых имели специфические особенности, определяющие общую динамику их запоминания. Порядок следования кластеров представлен в соответствии с дендрограммой, математически построенной в ходе проведения иерархического кластерного анализа.

Первый кластер — изображения со средней запоминаемостью и относительно сбалансированностью позитивной и негативной эмоциональной валентности. В данный кластер попали все вандальные тексты на религиозную тематику (например, «Кто сын еретика — тот не друг Христу!»), а также философские тексты, раскрывающие аспекты бытийности человека (например, «Жизнь — это шутка, и я смеюсь, хотя на самом деле юмора не понял»). По составу данные вандально нанесенные тексты имеют не более 15 слов в каждом случае.

Второй кластер представлен изображениями с минимальной запоминаемостью, однако в плане эмоциональных оценок здесь преобладают позитивные реакции над негативными. Изображения данного кластера в основ-

1 Здесь и далее пунктуация и орфография вандально нанесенных текстов представлена в соответствии с их презентацией в городской среде.

Таблица 1

Результаты разделения изображений вандално нанесенных текстов на кластеры по запоминанию и их описательные статистики

№ кластера	Номер изображения	Прием привлечения	Тематика	Дендрограмма	Средняя частота воспроизведения по кластеру		
					общая	негативные	позитивные
1	1	Р	Ф		7,43	2,71	2,29
	6	Р	ЯИ				
	4	Б	Д				
	7	Р	ЯИ				
	13	Б/П	Д				
	20	Б	Ф				
	21	Б	Ф				
2	10	Б	Ф		2,71	0,43	0,86
	19	Б	Ф				
	3	Б	Ф				
	5	Б	ЯИ				
	18	Б	ЯИ				
	12	Б	ЯИ				
3	15	Б	Ф		7,00	4,50	0,50
	9	Б	Ф				
4	16	П	Д		13,67	6,33	3,67
	11	П	Д				
	17	П	Д				
5	8	П	Д		10,00	2,00	2,00
	2	Б	ЯИ				
	14	Б/П	ЯИ/Д				

ном относится исключительно к бытийной тематике и основаны на приемах языковой игры или философствования. Существенные затруднения в запоминании указанных текстов вызывало то, что они многословны (некоторые содержат несколько десятков слов) и / или требуют дополнительной когнитивной нагрузки как для их прочтения, так и для понимания заложенных в них смыслов. Тем не менее изображения данного кластера наиболее инте-

ресны в контексте технологий «мягкой силы», поскольку эти тексты преимущественно воспринимаются как вызывающие позитивные эмоции, с одной стороны, с другой — они ориентированы на интеллектуального читателя, способного «разгадать» послание с повышенной когнитивной трудностью, возникающей за счет приемов языковой игры или философствования.

Третий кластер состоит из двух изображений, которые объединяет высокая сложность прочтения как из-за выбранных шрифтов («наивное письмо» с существенно искаженным или «детским» написанием букв), так и из-за неочевидности смысла сообщения (набор неразделенных пробелами слов или неоконченные предложения). Данные изображения имеют среднюю степень запоминаемости, но при этом основной реакцией на них являются негативные эмоции.

Четвертый кластер представлен изображениями на политическую тематику, имеющими наиболее высокую запоминаемость и воспроизводимость. Здесь, как и в предыдущем случае, преобладают негативные эмоциональные оценки изображений. Данные вандално нанесенные тексты характеризуются лаконичностью (2—5 слов), использованием оскорбительной лексики и дополнительным усилением смысловой нагрузки через применение символических изображений.

Пятый кластер состоит из изображений с относительно высокой запоминаемостью, обращенных к теме межличностных отношений (детско-родительских, романтических), эмоциональная оценка которых сбалансирована. Длина текстов здесь составляет 3—6 слов, однако их прочтение и осмысление требует дополнительной когнитивной нагрузки со стороны наблюдателя.

Результаты анализа запоминаемости вандално нанесенных текстов показали существенные различия в воспроизведении в зависимости от их тематики. Наиболее часто запоминаются политические вандално нанесенные тексты, которые злободневны, отражают тревоги и надежды просматривающего изображение молодого человека. «Выразительность протестного письма, а также объем покрытых им поверхностей значительно увеличивается в периоды социальных трансформаций» [Скиперских, 2014, с. 108], что соотносится с актуальной социально-политической ситуацией. Лаконичность и относительная широкая распространенность политических вандално нанесенных текстов, то, что они «на слуху», приводят к более простому их запоминанию при разовой демонстрации и воспроизведению при необходимости. Однако, как отмечает У. С. Швиндт, не все вандално нанесенные тексты (граффити) воспринимаются обывателями именно в политическом контексте. Политическую ориентацию нелегального стрит-арта чаще замечают эксперты (люди, профессионально сопря-

женные с уличным искусством), для обывателей большое значение имеет эстетическая сторона изображения или креолизованного текста. «Явная политизированность и злободневность «отпугивают» жителей и кажутся слишком агрессивными» [Швиндт, 2021, с. 112]. Это созвучно с нашими результатами: именно политические вандально нанесенные тексты вызывают у респондентов не просто запоминание их содержания, но и самый значительный негативный эмоциональный отклик. Для горожан, по данным социологического исследования У. С. Швиндт, большую ценность представляют граффити с гуманистическим и эстетическим контекстом, направленные на «освещение “вечных” вопросов, содержащие юмор и вызывающие улыбку» [Швиндт, 2021, с. 112]. В рамках нашего исследования это также находит свое подтверждение, поскольку доминирующие позитивные эмоциональные реакции респонденты демонстрировали по отношению к вандально нанесенным текстам бытовой тематики с применением лингвистических приемов управления вниманием по принципу языковой игры (текст как шарада) или философствования.

3.2. Анализ восприятия вандально нанесенных текстов

Позитивный отклик имеют в целом вандально нанесенные тексты с использованием лингвистического приема привлечения внимания «языковая игра». Для проведения качественного анализа восприятия изображений с вандально нанесенными текстами с учетом зон внимания и траекторий движения взгляда были выбраны три изображения креолизованных текстов, в основу которых положен прием языковой игры, ориентированной на разгадывание «шарады», ребуса, зашифрованного сообщения или части его смысла [Литвин, 2017]. В целом данные тексты могут трактоваться как имеющие множественный смысл индивидуальной интерпретации при их прочтении наблюдателем и ориентированные на удержание внимания наблюдателя или повторный возврат его внимания для полного их понимания.

Изображение «Делай добро и беги (домой)» (рис. 2-а): здесь языковая игра реализована посредством стилистической фигуры — антитезы. Основной смысл фразы заключается в сокрытии совершения добрых дел как высоконравственной установки. Однако текст, выстроенный на основе антитезы, вызывает у адресатов особый интерес и провоцирует возникновение дополнительных смыслов благодаря соединению контрастных действий. Кроме того, такая форма вандализма способна провоцировать развитие диалога, что представлено в данном примере: «делай добро» — это фрагмент, созданный одним автором, «и беги домой» — это дополнение, внесенное другим человеком. Также часть фразы «делай добро» дополнена буквой «z», которая может трактоваться как подпись автора или в рамках иных смысловых (например, политических) нагрузок.

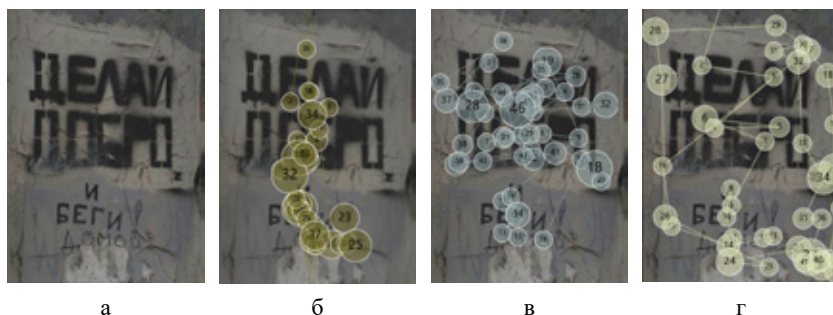

Рис. 2. Примеры стратегий глазодвигательной активности на изображении вандально нанесенного текста «Делай добро и беги домой!»

При восприятии данного изображения респонденты продемонстрировали три стратегии движения глаз. Первая стратегия (рис. 2-б) — вертикальное прочтение текста (саккадические движения преимущественно сверху вниз, без фиксации на всех элементах графического вандализма); вторая стратегия (рис. 2-в) — соединение смыслов (множественные саккадические движения между каждым элементом креолизованного текста); третья стратегия (рис. 2-г) — соединение смыслов и средовое любопытство (множественные саккадические движения между всеми элементами, а также оценка взглядом «холста»), когда респондент не только полностью просматривает текст и все его элементы, но и пытается определить, где этот текст расположен, для более полного понимания смысловых нагрузок и возникающих нюансов понимания. Связь между применяемой стратегией и запоминанием отсутствует ($\chi^2=5,231$ при $p=0,073$), однако есть различие между первой и второй стратегией в длительности самой большой фиксации (Levene's test: $F<0,001$ при $p=0,993$; T-test: $t=-2,852$ при $p=0,011$). Так, при стратегии вертикального прочтения среднее время самой длительной фиксации в два раза больше, чем при стратегии соединения смыслов ($X_{cp1}=1847,67$ мс; $X_{cp2}=967,39$ мс), что может свидетельствовать о «зависании» на одном месте при затруднении в понимании смысла текста и изображения в целом респондентами, продемонстрировавшими первую стратегию восприятия.

«Искусство вне рамок» (рис. 3-а). Языковая игра в данном граффити реализуется благодаря игре воображения, возможной из-за визуальной части — рамки. Сама рамка формируется за счет иллюзорного (субъективного) контура, описанного G. Kanizsa [Захаров, 2015; Kanizsa, 1955]. Текст усиливает иллюзию и «программирует» наблюдателя на когнитивный поиск рамок, которых на самом деле нет.

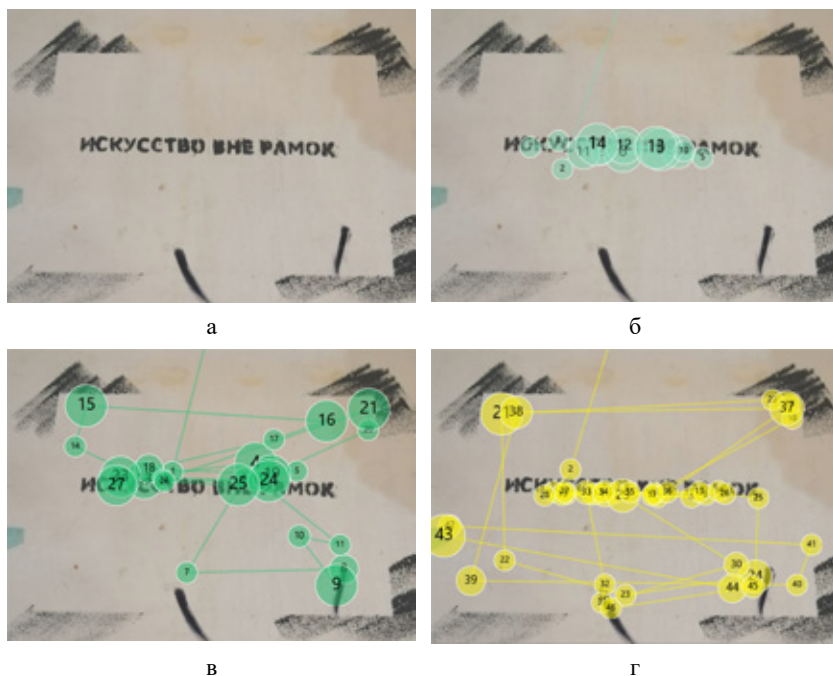

Рис. 3. Примеры стратегий глазодвигательной активности на изображении вандаально нанесенного текста «Искусство вне рамок»

При восприятии данного изображения респонденты продемонстрировали три стратегии движения глаз. Первая стратегия (рис. 3-б) — игнорирование программы, текст читается вне визуального контекста и определенной иллюзорной рамки; вторая стратегия (рис. 3-в) — частичное следование программе (саккадические движения не до конца очерчивают иллюзорный контур); третья стратегия (рис. 3-г) — полное выполнение программы (саккадические движения глаз полностью очерчивают контур, также присутствуют элементы пространственного любопытства, когда саккады выходят за пределы иллюзорной рамки изображения). Связь между применяемой стратегией и запоминанием отсутствует ($\chi^2=1,217$ при $p=0,544$), однако наблюдается статистически значимое различие в среднем времени самой длительной фиксации между респондентами, демонстрирующими первую и третью стратегию (Levene's test: $F=4,049$ при $p=0,069$; T-test: $t=2,840$ при $p=0,016$). Так, при стратегии игнорирования программы среднее время самой длительной фиксации в три раза больше, чем при стратегии полного выполнения программы ($X_{cp1}=2669,00$ мс; $X_{cp3}=834,57$

мс), что может свидетельствовать о фиксации на одном месте при затруднении в понимании смысла текста и использованного приема языковой игры у респондентов, продемонстрировавших первую стратегию.

«Свобода слова». Языковая игра в рассматриваемом варианте также основана на сочетании разных семиотических кодов: вербальном и визуальном (рис. 4). Прочтение смысла граффити, заложенного автором, возможно только благодаря целостному восприятию, так как вербальный и визуальный компоненты в данном примере находятся в поддерживающей корреляции.

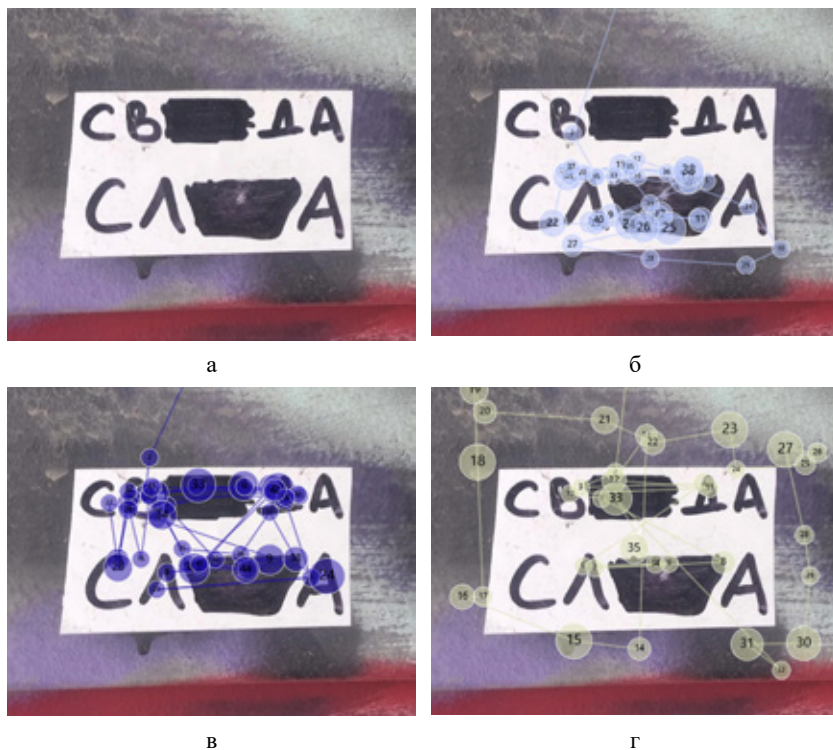

Рис. 4. Примеры стратегий глазодвигательной активности на изображении вандально нанесенного текста «Свобода слова»

При восприятии данного изображения респонденты продемонстрировали три стратегии движения глаз. Первая стратегия (рис. 5-б) — фрустрация — длительные фиксационные дрейфы перед закрасненной (спрятанной) буквой слова, что свидетельствует о существенных затруднениях в прочтении текста и, следовательно, понимании его смысла. Вторая стра-

тегия (рис. 5-в) — разгадывание — длительные фиксационные дрейфы перед закрашенной буквой, а также множественные саккадические движения между словами и пропущенной буквой свидетельствуют о поиске решения для скрытых букв текста, соотнесении слов между собой для восстановления смысловой нагрузки целостного креолизованного текста. Третья стратегия (рис. 5-г) — легкое угадывание и средовое любопытство — демонстрирует беглое прочтение текста без особых затруднений, понимание его смысла и проявление средового любопытства для формирования представлений о расположении текста. Связь между применяемой стратегией и запоминанием отсутствует ($\chi^2=2,593$ при $p=0,274$), однако наблюдается статистически значимое различие в среднем времени первой фиксации на изображении между респондентами, демонстрирующими вторую и третью стратегию (Levene's test: $F=0,795$ при $p=0,392$; T-test: $t=-2,320$ при $p=0,041$). Так, при стратегии разгадывания среднее время первой фиксации несколько меньше, чем при стратегии легкого угадывания ($X_{cp2}=153,40$ мс; $X_{cp3}=198,00$ мс).

Опираясь на специфику глазодвигательной активности при восприятии вандално нанесенных текстов с использованием приемов языковой игры, можно предложить типологию стратегий прочтения и оценить связанный с ними потенциал технологии «мягкой силы»:

1. Упрощенная стратегия: линейное прочтение текста, ознакомление с элементами осуществляется последовательно и длительно, возникает ощущение «залипания» на отдельных фрагментах графических повреждений, что обусловлено непониманием отдельных частей и тем более креолизованного текста в целом. В данной ситуации адресату сложно уловить смысл, который был заложен автором, что в итоге приводит к непониманию идеи граффити и его игнорированию. Кроме того, концентрация внимания только на отдельной области графического повреждения провоцирует ограниченный режим восприятия текста, без учета всего объема информации. Таким образом, попытки считать смысл сводятся к минимуму, полученная из граффити информация не усваивается, и человек с большой долей вероятности забывает увиденное. В такой ситуации прагматический потенциал технологии «мягкой силы» минимальный и имеет силу только в ситуации влияния на посвященного читателя.

2. Погружающая стратегия (познающая): адресат просматривает все элементы и считывает скрытые смыслы. Данная стратегия требует от человека большего внимания, включенности, в связи с чем у адресата случается инсайт, а такой опыт имеет высокую субъективную ценность. Адресат в данном случае принимает условия игры создателя текста и участвует в ней, такое положение дел способствует запоминанию информации: «Сам

процесс и результат дешифровки игрового кода доставляет реципиенту удовольствие, подкрепляет запоминание» [Адясова и др., 2017, с. 38]. Такой способ знакомства с текстом вполне способен на длительное время задерживаться в сознании человека, оказывать влияние на его мнение и участвовать в процессе формирования новых индивидуальных когнитивных схем. В данном случае потенциал технологии «мягкой силы» будет реализован в полном объеме, так как при таком прочтении адресат способен эмоционально реагировать на содержание провокационного материала.

3. Стратегия средового любопытства характеризуется просмотром и фиксацией не только конкретного текста, но и всего, что окружает. С одной стороны, это эффективная стратегия: смысл усложняется за счет другого контекста; с другой — она поверхностная, так как происходит рассеивание и короткие фиксации внимания. В данном случае оценка потенциала технологии «мягкой силы» мало предсказуема, так как непонятно, что может перейти в долгосрочную память адресата в виде «мозаичного» варианта восприятия смыслов.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Вандально нанесенные тексты даже при разовом предъявлении в течение 13 секунд запоминаются и воспроизводятся респондентами по окончании демонстрации всего корпуса изображений достаточно хорошо (от 19 % до 67 % воспроизведенных вандально нанесенных текстов отдельными участниками исследования).

2. Относительно тематики наибольшей запоминаемостью для респондентов обладают политические тексты по сравнению с бытовыми или религиозными. При этом используемый лингвистический прием для привлечения внимания (языковая игра, философствование или дискурсивный текст) не взаимосвязан с успешностью запоминания и воспроизведения данных текстов.

3. Все продемонстрированные в ходе исследования вандально нанесенные тексты могут быть разделены на 5 групп по запоминаемости и выраженности эмоциональной валентности их субъективной оценки участниками исследования. В ходе кластеризации были выделены дополнительные факторы, значимые для запоминания вандально нанесенных текстов: длина и разборчивость текста, наличие законченной и очевидной мысли в содержании, использование приемов креолизации.

4. Единственная группа вандально нанесенных текстов, чья средняя позитивная эмоциональная оценка превалирует над негативной, — это бы-

товые креолизованные тексты, где используется преимущественно лингвистический прием языковой игры.

Анализ стратегий глазодвигательной активности при восприятии вандално нанесенных текстов с использованием языковой игры позволяет выделить три обобщенные (типичные) стратегии: упрощенная, погружающая (познающая) и стратегия средового любопытства. При этом у погружающей стратегии наблюдается наибольшая уязвимость для реализации потенциала «мягкой силы» вандално нанесенных текстов и их смысловой нагрузки, призывов, высказываний в связи с выраженной когнитивной активностью респондента по познанию самого текста и всех его смысловых нагрузок.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Литература

1. *Адясова О. А.* Реклама как Текст воздействия : графический код языковой игры / О. А. Адясова, Т. А. Гридина // Филологический класс. — 2017. — № 4 (50). — С. 37—43. — DOI: 10.26710/fk17-04-05.
2. *Архипова Н. А.* Восприятие граффити в городском пространстве-китч или искусство? / Н. А. Архипова // Гуманитарные основания социального прогресса : Россия и современность. — Москва : Московский государственный университет дизайна и технологии, 2016. — Ч. 2. — С. 30—35. — ISBN 978-5-87055-356-6.
3. *Бабилова М. Р.* Элементы языковой игры в графических повреждениях городского пространства / М. Р. Бабилова // Язык. Право. Общество. — Пенза : Пензенский государственный университет, 2023. — С. 48—50. — ISBN 978-5-907666-76-4.
4. *Городской вандализм в восприятии молодежи : эмпирическое исследование атрибуции его причин / К. В. Злоказов, Ю. М. Каряни, А. Г. Каряни, А. В. Шахматов // Психология и право. — 2021. — Т. 11. — № 3. — С. 77—93. — DOI: 10.17759/psylaw.2021110306.*
5. *Заславская А. Ю.* «Стрит-арт» или искусство уличных интервенций / А. Ю. Заславская, М. М. Серова // Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура. — 2012. — № 1. — С. 11—16.
6. *Захаров И. М.* Низкоуровневые и высокоуровневые процессы в восприятии иллюзорных контуров / И. М. Захаров // Теоретическая и экспериментальная психология. — 2015. — № 3. — С. 83—101.
7. *Кружкова О. В.* Социально-психологические механизмы реализации soft-power потенциала вандално нанесенных текстов / О. В. Кружкова, М. Р. Бабилова // Социальная психология : вопросы теории и практики. — Москва : Московский государственный психолого-педагогический университет, 2023. — С. 436—438. — ISBN 978-5-94051-289-9.
8. *Курбатова Т. Н.* Граффити : субкультура или вандализм / Т. Н. Курбатова, Р. С. Васильева // Психология и право. — 2013. — № 2. — С. 22—32.

9. *Лефевр А.* Производство пространства / А. Лефевр. — Москва : Strelka Press, 2015. — 432 с. — ISBN 978-5-906264-41-1.

10. *Леонова О. Г.* Джозеф Най и «мягкая сила» : попытка нового прочтения / О. Г. Леонова // Социально-гуманитарные знания. — 2018. — № 1. — С. 101—114.

11. *Литвин Е. А.* Граффити в итальянских городах как лингводидактический материал / Е. А. Литвин // Язык и текст. — 2017. — Т. 4. — № 3. — С. 87—107. — DOI: 10.17759/langt.2017040310.

12. *Радина Н. К.* Реализуя право на город : интерпретации и номинация городских объектов горожанами (на материале эргоурбанимов нестоличных мегаполисов) / Н. К. Радина, Д. А. Крупная // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2022. — № 5. — С. 172—195. — DOI: 10.14515/monitoring.2022.5.2098.

13. *Русакова О. Ф.* Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии / О. Ф. Русакова // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения РАН. — 2010. — № 10. — С. 173—192.

14. *Скиперских А. В.* Поверхности протеста : особенности политического письма в современной России / А. В. Скиперских // Политическая лингвистика. — 2014. — № 1. — С. 108—113.

15. *Функции вандализма в молодежном поведении : от личности к обществу* / О. В. Кружкова, И. В. Воробьева, Р. Ю. Порозов, Б. Зарбова // Образование и наука. — 2018. — Т. 20. — № 10. — С. 95—120. — DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-95-120.

16. *Швиндт У. С.* Эстетическая и проблемная ориентация стрит-арта в восприятии городского населения (на примере Екатеринбурга) / У. С. Швиндт // Koinon. — 2021. — Т. 2. — № 2. — С. 100—115. — DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.005.

17. *Шугуров П. Е.* Уличное искусство Владивостока. Причины отсутствия / П. Е. Шугуров // Первая открытая научная конференция исследователей стрит-арта в рамках III Форума уличного искусства. — Санкт-Петербург : Институт исследования стрит-арта, 2023. — С. 87—94. — ISBN 978-5-6041429-6-7.

18. *Acker Ch. P.* Flip the script A Guidebook for Aspiring Vandals and Typographers / Ch. P. Acker. — New York : Gingko Press in association with Upper Playground, 2013. — 224 p. — ISBN 978-1-58423-460-9.

19. *Carrington V.* I write, therefore I am : texts in the city / V. Carrington // Visual Communication. — 2009. — № 8 (4). — Pp. 409—425. — DOI: 10.1177/1470357209343356.

20. *Cresswell T.* Place : A Short Introduction Place : A Short Introduction / T. Cresswell. — Oxford : Blackwell, 2004. — 153 p. — ISBN 1405106719.

21. *Crosby F.* Does it look safe? An eye tracking study into the visual aspects of fear of crime / F. Crosby, F. Hermens // Quarterly Journal of Experimental Psychology. — 2019. — № 72 (3). — Pp. 599—615. — DOI: 10.1177/1747021818769203.

22. *Diniz M. A.* Graffiti and crime in Belo Horizonte, Brazil : The broken promises of broken windows theory / M. A. Diniz, C. S. Mark // Applied Geography. — 2021. — № 131 (2). — Pp. 102459. — DOI: 10.1016/j.apgeog.2021.102459.

23. *Dovey K.* Placing Graffiti : Creating Character in Inner-city Melbourne / K. Dovey, S. Wollan, I. Woodcock // Journal of Urban Design. — 2012. — № 17 (1). — Pp. 21—41. — DOI: 10.1080/13574809.2011.646248.

24. *Gartus A.* The effects of visual context and individual differences on perception and evaluation of modern art and graffiti art / A. Gartus, N. Klemer, H. Leder // Acta Psychologica. — 2015. — № 156. — Pp. 64—76. — DOI: 10.1016/j.actpsy.2015.01.005.

25. *Gartus A.* The white cube of the museum versus the gray cube of the street : The role of context in aesthetic evaluations / A. Gartus, L. Helmut // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts.* — 2014. — № 8. — Pp. 311—320. — DOI: 10.1037/a0036847.

26. *Halsey M.* The meanings of graffiti and municipal administration / M. Halsey, A. Young // *Australian and New Zealand Journal of Criminology.* — 2002. — № 35. — Pp. 165—186. — DOI: 10.1375/acri.35.2.165.

27. *Jamme H.-T. W.* Between “broken windows” and the “eyes on the street:” Walking to school in inner city San Diego / H.-T. W. Jamme, D. Bahl, T. Banerjee // *Journal of Environmental Psychology.* — 2018. — № 55. — Pp. 121—138. — DOI: 10.1016/j.jenvp.2018.01.004.

28. *Kanizsa G.* Margini quasi-percettivi in campi con stimolazione omogenea / G. Kanizsa // *Rivista di Psicologia.* — 1955. — № 49 (1). — Pp. 7—30.

29. *Mitschke V.* Exploring everyday encounters with street art using a multimethod design / V. Mitschke, J. Goller, H. Leder // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts.* — 2017. — № 11 (3). — Pp. 276—283. — DOI: 10.1037/aca0000131.

30. *Ten Eyck T. A.* Justifying graffiti : (Re)defining societal codes through orders of worth / T. A. Ten Eyck // *The Social Science Journal.* — 2016. — № 53 (2). — Pp. 218—225. — DOI: 10.1016/j.soscij.2014.11.007.

31. *Women’s safety* perception assessment in an urban stream corridor. Developing a safety map based on qualitative GIS / I. Gargiulo, X. Garcia, M. Benages-Albert, J. Martinez, K. Pfeffer, P. Vall-Casas // *Landscape and Urban Planning.* — 2022. — № 198 (4). — Pp. 103779. — DOI: 10.1016/j.landurbplan.2020.103779.

32. *Young A.* Judging the Image : Art, Value, Law / A. Young. — London : Routledge, 2005. — 208 p. — ISBN 9780415301848.

*Статья поступила в редакцию 02.01.2024,
одобрена после рецензирования 03.03.2024,
подготовлена к публикации 18.03.2024.*

References

- Acker, Ch. P. (2013). *Flip the script A Guidebook for Aspiring Vandals and Typographers.* New York: Gingko Press in association with Upper Playground. 224 p. ISBN 978-1-58423-460-9.
- Adyasova, O. A., Gridina, T. A. (2017). Advertising as a text of influence: the graphic code of a language game. *Philological class, 4 (50):* 37—43. DOI: 10.26710/fk17-04-05. (In Russ.).
- Arkipova, N. A. (2016). Perception of graffiti in urban space -kitsch or art? In: *Humanitarian foundations of social progress: Russia and modernity, 2.* Moscow: Moscow State University of Design and Technology. 30—35. ISBN 978-5-87055-356-6. (In Russ.).
- Babikova, M. R. (2023). Elements of the language game in graphic damages of urban space. In: *Language. Right. Society.* Penza: Penza State University. 48—50. ISBN 978-5-907666-76-4. (In Russ.).
- Carrington, V. (2009). I write, therefore I am: texts in the city. *Visual Communication, 8 (4):* 409—425. DOI: 10.1177/1470357209343356.
- Cresswell, T. (2004). *Place: A Short Introduction Place: A Short Introduction.* Oxford: Blackwell. 153 p. ISBN 1405106719.

- Crosby, F., Hermens, F. (2019). Does it look safe? An eye tracking study into the visual aspects of fear of crime. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 72 (3): 599—615. DOI: 10.1177/1747021818769203.
- Diniz, M. A., Mark, C. S. (2021). Graffiti and crime in Belo Horizonte, Brazil: The broken promises of broken windows theory. *Applied Geography*, 131 (2): 102459. DOI: 10.1016/j.apgeog.2021.102459.
- Dovey, K., Wollan, S., Woodcock, I. (2012). Placing Graffiti: Creating Character in Inner-city Melbourne. *Journal of Urban Design*, 17 (1): 21—41. DOI: 10.1080/13574809.2011.646248.
- Functions of vandalism in youth behavior: from personality to society. (2018). *Education and Science*, 20 (10): 95—120. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-95-120. (In Russ.).
- Gartus, A., Klemer, N., Leder, H. (2015). The effects of visual context and individual differences on perception and evaluation of modern art and graffiti art. *Acta Psychologica*, 156: 64—76. DOI: 10.1016/j.actpsy.2015.01.005.
- Gartus, A., Helmut, L. (2014). The white cube of the museum versus the gray cube of the street: The role of context in aesthetic evaluations. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 8: 311—320. DOI: 10.1037/a0036847.
- Halsey, M., Young, A. (2002). The meanings of graffiti and municipal administration. *Australian and New Zealand Journal of Criminology*, 35: 165—186. DOI: 10.1375/acri.35.2.165.
- Jamme, H.-T. W., Bahl, D., Banerjee, T. (2018). Between “broken windows” and the “eyes on the street:” Walking to school in inner city San Diego. *Journal of Environmental Psychology*, 55: 121—138. DOI: 10.1016/j.jenvp.2018.01.004.
- Kanizsa, G. (1955). Margini quasi-percettivi in campi con stimolazione omogenea. *Rivista di Psicologia*, 49 (1): 7—30. (In Ital.).
- Kruzhkova, O. V., Babikova, M. R. (2023). Socio-psychological mechanisms of realization of soft-power potential of vandally applied texts. In: *Social psychology: questions of theory and practice*. Moscow: Moscow State Psychological and Pedagogical University. 436—438. ISBN 978-5-94051-289-9. (In Russ.).
- Kurbatova, T. N., Vasilyeva, R. S. (2013). Graffiti: subculture or vandalism. *Psychology and Law*, 2: 22—32. (In Russ.).
- Lefevre, A. (2015). *Production of space*. Moscow: Strelka Press. 432 p. ISBN 978-5-906264-41-1. (In Russ.).
- Leonova, O. G. (2018). Joseph Nye and “soft power”: an attempt at a new reading. *Socio-humanitarian knowledge*, 1: 101—114. (In Russ.).
- Litvin, E. A. (2017). Graffiti in Italian cities as a linguodidactic material. *Language and text*, 4 (3): 87—107. DOI: 10.17759/langt.2017040310. (In Russ.).
- Mitschke, V., Goller, J., Leder, H. (2017). Exploring everyday encounters with street art using a multimethod design. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 11 (3): 276—283. DOI: 10.1037/aca0000131.
- Radina, N. K., Krupnaya, D. A. (2022). Realizing the right to the city: interpretations and nomination of urban objects by citizens (based on the material of ergourbanonyms of non-metropolitan megacities). *Monitoring public opinion: economic and social changes*, 5: 172—195. DOI: 10.14515/monitoring.2022.5.2098. (In Russ.).
- Rusakova, O. F. (2010). The concept of “soft power” in modern political philosophy. *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 10: 173—192. (In Russ.).

- Schwindt, U. S. (2021). Aesthetic and problematic orientation of street art in the perception of the urban population (on the example of Yekaterinburg). *Koinon*, 2 (2): 100—115. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.005. (In Russ.).
- Shugurov, P. E. (2023). Street art of Vladivostok. Reasons for absence. In: *The first open scientific conference of street art researchers within the framework of the III Street Art Forum*. St. Petersburg: Institute of Street Art Research. 87—94. ISBN 978-5-6041429-6-7. (In Russ.).
- Skiperskikh, A. V. (2014). Surfaces of protest: features of political writing in modern Russia. *Political linguistics*, 1: 108—113. (In Russ.).
- Ten Eyck, T. A. (2016). Justifying graffiti: (Re)defining societal codes through orders of worth. *The Social Science Journal*, 53 (2): 218—225. DOI: 10.1016/j.soscij.2014.11.007.
- Urban vandalism in the perception of youth: an empirical study of attribution of its causes. *Psychology and Law*, 11 (3): 77—93. DOI: 10.17759/psylaw.2021110306. (In Russ.).
- Women’s safety perception assessment in an urban stream corridor. Developing a safety map based on qualitative GIS. (2022). *Landscape and Urban Planning*, 198 (4): 103779. DOI: 10.1016/j.landurbplan.2020.103779.
- Young, A. (2005). *Judging the Image: Art, Value, Law*. London: Routledge. 208 p. ISBN 9780415301848.
- Zakharov, I. M. (2015). Low-level and high-level processes in the perception of illusory contours. *Theoretical and experimental psychology*, 3: 83—101. (In Russ.).
- Zaslavskaya, A. Yu., Serova, M. M. (2012). “Street art” or the art of street interventions. The messenger of the SSASU. *Urban planning and architecture*, 1: 11—16. (In Russ.).

*The article was submitted 02.01.2024;
approved after reviewing 03.03.2024;
accepted for publication 18.03.2024.*

Информация для цитирования:

Меркурьева Н. Ю. Краткие предложения ответных реплик из диалогов «Гамлета» в русских переводах / Н. Ю. Меркурьева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 2. — с. 118—135. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-118-135.

Merkuryeva, N. Yu. (2024). Short Sentences of Responsive Replies from Dialogues of ‘Hamlet’ in Russian Translations. *Nauchnyi dialog*, 13 (2): 118-135. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-118-135. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Краткие предложения
ответных реплик
из диалогов «Гамлета»
в русских переводах**

Меркурьева Наталья Юрьевна
orcid.org/0009-0006-4144-3694
кандидат химических наук, доцент,
доцент кафедры юриспруденции
nata2lya1@mail.ru

Московский городской университет
управления Правительства Москвы
имени Ю. М. Лужкова
(Москва, Россия)

**Short Sentences
of Responsive Replies
from Dialogues of ‘Hamlet’
in Russian Translations**

Natalia Yu. Merkuryeva
orcid.org/0009-0006-4144-3694
PhD in Chemistry, Associate Professor,
Jurisprudence Department
nata2lya1@mail.ru

Moscow Metropolitan Governance
Yury Luzhkov University
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматриваются диалогические единства, ответные реплики которых содержат краткие повествовательные структуры, состоящие из репрезентирующих или замещающих слов, таких как *we do, it will, they are not* и др. В качестве источника лингвистического материала использован текст пьесы У. Шекспира «Гамлет» и его переводы на русский язык, выполненные Н. Полевым, А. Кронебергом в XIX веке, Б. Пастернаком, М. Лозинским, А. Радловой в XX веке, В. Ананьиным, И. Пешковым в XXI веке. Обсуждаются лексико-грамматические и стилистические характеристики кратких английских структур, анализируются подходы переводчиков к их интерпретации. Выявлено, что в текстах переводов краткие предложения-репрезентанты отражены повтором отдельных слов предложения реплики-зачина (*sledi — слежу*), идиоматическими выражениями (*чего нет, того нет*); словами-предложениями (*да, нет, верно*), сочетаниями *совершенно верно, точно так*, отымперативными маркерами (*не сомневайтесь*). Показано, что авторами русских переводов сохраняется назначение реплик с предложениями-репрезентантами в шекспировском тексте: в плане взаимодействия персонажей — как информативного или фатического элемента речи, обеспечивающего связность диалогов, в плане воздействия на аудиторию — как инструмента, помогающего зрителю лучше ориентироваться в происходящем на сцене.

Ключевые слова:

переводоведение; репрезентанты предложений; переводы Шекспира; исторический синтаксис; авторский стиль; диалогические единства; ответные реплики.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article explores dialogic units with responsive utterances containing brief narrative structures consisting of representing or substituting words, such as *we do, it will, they are not, etc.* The linguistic material is sourced from the text of Shakespeare's play 'Hamlet' and its translations into Russian by N. Plev, A. Kroneberg in the 19th century, B. Pasternak, M. Lozinsky, A. Radlova in the 20th century, V. Ananyin, I. Peshkov in the 21st century. The lexical-grammatical and stylistic characteristics of concise English structures are discussed, along with the translators' approaches to their interpretation. It is revealed that in the translation texts, representative sentences are reflected by repeating individual words of the initiating utterance (*sledi [follow] — slezhu [I follow]*), idiomatic expressions (*chego net, togo net [what is not, that is not]*), sentence-words (*da, net, verno [yes, no, correct]*), combinations like (*sovershenno verno [absolutely correct]*, *tochno tak [just like that]*), imperative markers (*ne somnevaytes' [do not doubt]*). The authors of Russian translations maintain the function of utterances with representative sentences in Shakespeare's text: in terms of character interaction — as an informative or phatic speech element ensuring coherence in dialogues, in terms of audience impact — as a tool helping viewers better navigate the stage events.

Key words:

translation studies; sentence representatives; Shakespeare translations; historical syntax; authorial style; dialogic units; responsive utterances.

УДК 81'255.2

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-118-135

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Краткие предложения ответных реплик из диалогов «Гамлета» в русских переводах

© Меркурьева Н. Ю., 2024

1. Введение = Introduction

Находясь на «оживленном перекрестке культур и языков», проблемы художественного перевода были и остаются в зоне повышенного внимания [Моташкова, 2016, с. 103]. Что касается обращения переводчиков к творчеству драматургов эпохи Елизаветы I, то интерес к пьесам этого периода неуываедем, в первую очередь потому, что в них сочетаются аристократические и народные элементы, а это «впоследствии отражается и на всей английской культуре» [Володарская, 2011, с. 51].

Активное освоение русской литературой шекспировского творчества приходится на конец XVIII — первую половину XIX веков [Захаров и др., 2009, с. 101]. История инволюции трагедии «Гамлет» в русскую культуру насчитывает почти два столетия активного и всестороннего обращения к всемирно значимому английскому источнику, за это время выполнено более тридцати его переводов — от Сумарокова (1748 год) до Ананьина (2010 год) [Моташкова, 2016, с. 104]. Однако, как установлено, вариативность перевода (как явление прежде всего лексическое [Макаров, 2018, с. 100], которое может быть подвергнуто машинному анализу) со временем не возрастает. На это влияют два основных фактора: наличие исторических изменений в языке и невозможность или нежелание создателей перевода опираться на весь корпус предыдущих текстов [Макаров и др., 2019, с. 187].

Каждое новое поколение переводчиков пытается передать шекспировские строки на русском языке в соответствии с духом своей эпохи, в этой связи корпус шекспировских переводов на русском языке представляет собой уникальный материал для анализа, поскольку в нем находят свое отражение различные пласты русской и мировой культуры, диалог культур и эпох, прошлое и настоящее [Гайдин, 2017а, с. 170—171]. Исследователи указывают на то, что принципиальной сложностью в точности перевода

становится различие в строении английского и русского языков [Сердечная и др., 2023, с. 352] и «слишком близкое следование оригиналу, предпринятое переводчиком, зачастую создает “корявые” фразы» [Дамман и др., 2022, с. 55]. Некоторые переводчики стремятся как можно точнее передать слова Шекспира и при этом соблюсти принцип эквивалентности, другие предлагают довольно «вольные» переводы, которые скорее следует рассматривать как литературные или театральные адаптации, третьи пытаются соблюсти баланс между точностью и удобочитаемостью [Гайдин, 2017, с. 57].

Несмотря на то, что «...основные линии драматургии Шекспира, ее содержание, ее социальные, философские, этические и прочие концепции были уже в XIX веке донесены до русского читателя и зрителя с достаточной верностью и полнотой», с течением времени работа над переводами Шекспира продолжается — меняется поэтика, меняется стиль перевода, яснее выражается мысль, «человеческая речь звучит естественнее, уже хотя бы потому, что современнее» [Левик, 1968, с. 94—95].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источником лингвистического материала послужили фрагменты текста пьесы У. Шекспира «Гамлет», содержащие диалогические единства (ДЕ) с предложениями-репрезентантами в реплике-реакции, а также их переводы, выполненные Н. Полевым (1836), А. Кронебергом (1844), Б. Пастернаком (1941), М. Лозинским (1933), А. Радловой (1937), И. Пешковым (2009), В. Ананьиним (2010). Для исследования применялись методы проведения сплошной выборки изучаемого материала, лингвистического исследования языковых фактов, лингвистического описания, сравнительно-сопоставительного анализа.

Изучаемые в настоящей работе краткие структуры, являющиеся компонентами разговорной диалогической речи, не имеют общепринятого названия. Исследователи используют термины *репрезентанты предложений* [Жуйкова и др., 2018; Прибыток, 2013; Яшина, 2004, 2017], *коммуникемы* [Вершинина, 2010], *эллиптические предложения* [Viber et al., 2007, p. 1106].

Обычно под репрезентацией понимают «соотнесенность слова как знака с предметами, явлениями и ситуациями реальной действительности» [Вуттке, 2012, с. 46], в англистике же репрезентация «определяется как синтаксический процесс редуцирования, воплощающий принцип представительства частью целого, что отличает репрезентацию от других синтаксических процессов: замещения и эллипсиса» [Яшина, 2004, с. 4].

Репрезентанты возможно рассматривать как неполное предложение, поскольку зачастую логически полная структура предложения может быть восстановлена. В то же время неполными синтаксическими единицами

они воспринимаются только в письменной речи. В устной диалогической речи «общность ситуации и фоновых знаний делают репрезентанты такими же полноценными единицами, как и конвенциональные предложения» [Прибыток, 2013, с. 6].

Репрезентант представляет собой нераспространенную структуру, состоит из «представителей» подлежащего (как правило, личного местоимения) и сказуемого (служебного глагола — глагола-связки, вспомогательного или модального, — употребляющегося в утвердительной или отрицательной форме), причем компонент предикативности в нем всегда, а именной компонент — в большинстве случаев представлены дейктическими элементами [Прибыток, 2013, с. 6—9; Прибыток, 2015, с. 67—69], поскольку «репрезентанты клауз контекстуально зависимы от предшествующей единицы, которую они репрезентируют» [Яшина, 2017а, с. 126].

Говоря о функциях рассматриваемых кратких структур, исследователи причисляют их к оценочным высказываниям, выполняющим функции выражения положительного или отрицательного отношения к тому, о чем говорится, таким образом являющимся экспрессивами согласия или несогласия [Яшина, 2017б, с. 134—135]. Также отмечается фатическая функция репрезентантов, их употребление в качестве стимулятивов (для проверки надежности контакта и активизации собеседника), простых ресептивов (в качестве сигналов получения информации) и ресептивов-комменсивов (для вступления в процесс коммуникации) [Прибыток, 2013, с. 6—9].

В настоящей работе, основываясь на вышесказанном и не вдаваясь в терминологические тонкости, будем называть исследуемые структуры *краткими предложениями-репрезентантами*, поскольку они, с одной стороны, в предикативном отношении практически не отличаются от предложения (характеризуются модальностью, построены по определенной структурной и интонационной моделям), но, с другой стороны, не существуют вне предложений реплик-зачинов и в лексико-грамматическом плане полностью зависимы от последних.

Изучение разговорных элементов, употребленных в письменных памятниках, позволяет сделать предположения относительно некоторых характеристик «живой» разговорной речи ушедших эпох. Доказано, что драматические тексты, особенно комедийного характера, наиболее близки к разговорной речи [Culpeper et al., 2000]. В этой связи понятен неиссякаемый интерес исследователей к изучению текстов пьес, при котором, разумеется, принимаются во внимание искусственность ряда реплик, отредактированность предложений, сосредоточенность драматурга не столько на форме высказываний, сколько на их содержании, литературные традиции периода и пр. [Salmon, 1987а, 1987б; Wikberg, 1975; Tottie et al., 2009].

Интерпретация разговорных элементов переводчиками разных периодов представляет интерес, поскольку отражает как индивидуальные особенности переводящего (его владение средствами русского языка, умение передать свои ощущения, оценивание возможности сохранения или опущения реплики и др.), так и воздействие социума на переводящего (влияние других переводов, намерение подготовить текст для публикации, необходимость работы под специальный заказ режиссера, например для создания театральной постановки и пр.).

Поскольку вариативность переводов исследована методом машинного анализа (см. выше) и не выявлено какого-либо значительного ее изменения в зависимости от времени написания перевода, в настоящей работе мы не ставим цели обнаружить различия в работе переводчиков разных эпох. Далее мы будем подходить к каждому тексту как к индивидуальному речевому произведению и рассматривать переводы не столько в сравнении, сколько пытаясь проанализировать восприятие каждым переводчиком реплик шекспировских персонажей. На основании полученных данных предстоит выяснить, как носитель русского языка может воспринимать структуры английской диалогической речи, состоящие из слов-репрезентантов и отсутствующие в русском языке.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Краткие предикативные структуры, предложения-репрезентанты, можно видеть в диалогах драматических произведений, созданных как предшественниками, так и современниками Шекспира. Так, например, Николас Юдалл включает ДЕ «*Thou hittest me!*» «*So I will*» в текст пьесы «Ральф Ройстер Дойстер», датируемой 1553 годом. В пьесе Бена Джонсона «Заговор Катилины», написанной в 1611 году, видим ДЕ «*And is Sempronia there?*» «*She is*».

В «Гамлете» У. Шекспир употребляет несколько ДЕ с репликами-ответами, представленными предложениями-репрезентантами. Рассмотрим некоторые из них, разделив для удобства анализа на три группы. Деление на группы произведем по принципу лексико-грамматического соответствия предложений реплики-зачина и ответной реплики. К первой группе отнесем ДЕ, в краткой структуре реплики-ответа которых будут повторяться элементы предложения реплики-зачина, ко второй группе отнесем ДЕ, в предложении реплики-реакции которых глагол будет представлен словом-заместителем глагола предложения реплики-зачина (вследствие диалогического характера отрывков именные и / или глагольные компоненты предложений ответных реплик в ДЕ первой и второй групп представлены дейктическими элементами), в третьей группе объединим ДЕ, в структуре

ответных реплик которых использованы глагол и местоимение, не употребленные в предложении реплики-зачина.

3.1. Подходы к переводу кратких предложений, имеющих в своем составе элементы, повторяющие главные члены предложения реплики-зачина

Краткое предложение реплики-ответа в ДЕ этой группы построено местоимением и глаголом, повторяющимися из предложения реплики-зачина. Логично предположить, что предложение-репрезентант в таком ДЕ будет воспринято как повтор фрагмента предложения реплики-зачина в функции заместителя для слова-предложения *Да / Нет*, стилистически нейтрального или отражающего вежливо-уважительное отношение к собеседнику более высокого ранга. Рассмотрим перевод нескольких отрывков, имеющих в своем составе ДЕ первой группы.

Обмен репликами происходит между Гамлетом и Горацио:

(1)

Ham.: I will watch to-night; Perchance 'twill walk again.

Hor.: I warrant it will.

В иницирующей реплике Гамлет повествует о своем намерении — быть «на часах» ночью — и объясняет его тем, что призрак может придти еще раз. Ответная реплика является фатической, в ней Горацио выражает свое мнение, которое у него не запрашивалось, проявляя тем самым участие к делам и чувствам принца. Реплика Горацио состоит из двух компонентов. Предикативные элементы реплики-зачина *'twill* повторяются в компоненте *it will*, представляющим слово-предложение *yes*. Компонент *I warrant*, глагол которого фиксируется в английском с конца 1300-х годов и происходит от старофранцузского *warrantir* (имеющего несколько значений, в том числе ‘охранять, защищать, гарантировать’), можно понять примерно как ‘я отвечаю за истинность сказанного’ [Etymology Dict.].

Только на один из этих компонентов *I warrant* обращают внимание читателя в своем переводе М. Лозинский и И. Пешков соответственно: «*Сегодня буду с вами; Быть может, вновь придет он.*» «*Я ручаюсь*» и «*Мне б глянуть только. Придет, возможно, снова.*» «*Я ручаюсь*». А. Радлова, видимо, для связи реплик, добавляет слова за это: «*Нынче ночью На страже буду я, Быть может, он Опять придет.*» «*За это я ручаюсь*». А. Кронеберг показывает высокую степень уверенности говорящего в высказанном собеседником предположении словом *наверно*, а также вводит в состав реплики отсутствующее в оригинальном тексте обращение: «*Я эту ночь не сплю: случиться может, Что онь опять придет.*» «*Наверно, принц*». Б. Пастернак отражает оба компонента шекспировского варианта — повторяет глагол *придет* из реплики-зачина (как эквивалент для *'twill*) и под-

бирает слово *наверняка* для *I warrant*: «Я стану с вами на ночь. Может статься, Он вновь придет.» «Придет наверняка». В. Ананьин, видимо, во избежание близкого повтора, заменяет слово *явится* из стимулирующей реплики на слово *придет*, а компонент *I warrant* отражает сочетанием *не сомневаюсь*: «Сегодня ночью вместе постоем. Вдруг явится...» «Придет, не сомневаюсь». Н. Полевой делает реплику более многословной за счет привлечения обращения, повтора слова *придет* и отражает компонент *I warrant* императивом *поверьте*: «Въ эту ночь На стражъ съ вами самъ я стану. Может быть, Онъ вновь придетъ...» «Повѣрьте, принцъ, придетъ».

В следующем отрывке Гамлет обращается сначала к Полонию с просьбой поторопить актеров, затем, после ухода Полония, к Розенкранцу и Гильденстерну:

(2)

Ham.: Bid the players make haste. [Exit Polonius]

Will you two help to hasten them?

Ros. & Guil.: We will, my lord. [Exeunt Rosencrantz and Guildenstern]

Первое предложение реплики Гамлета представляет собой императив, Шекспир не уточняет реакцию на нее Полония. Второе предложение реплики, высказывание, направленное Розенкранцу и Гильденстерну, понимается ими как косвенный речевой акт — приказ принца уйти вслед за Полонием. Их отзывная реплика, хоть и является фатической, необходима в тексте для того, чтобы зритель лучше понял происходящее на сцене. Реплика включает два компонента: предикативное сочетание *we will* (глагол повторяется из предложения реплики-зачина, местоимение *you* представлено дейктическим *we*) и обращение *my lord*.

Все авторы при переводе включают обращение *принц, милорд, мой господин* в состав реплики, делая ее таким образом наиболее учтивой. При передаче компонента *we will* наблюдаем два подхода. М. Лозинский использует нейтральное *да*: «Скажите актерам поторопиться.» «Не можете ли и вы оба поторопить их?» «Да, принц». И. Пешков и А. Радлова для указания на готовность выполнить просьбу принца используют также стилистически относительно нейтральные слова *хорошо* и *конечно* соответственно: «Прикажите актерам поспешить.» «Может, и вы воведем поторопите их?» «Хорошо, мой господин» и «Прикажите актерам поторопиться.» «Вы мне оба можете их поторопить?» «Конечно, милорд». А. Кронеберг и В. Ананьин подбирают эмоционально окрашенное слово *охотно*: «Велите актерамъ поспѣшить.» «Не угодно ли вамъ обоимъ помочь имъ?» «Охотно, принцъ» и «Прикажите артистам поторопливаться.» «Вы, оба, не можете ему?» «Охотно, принц». Б. Па-

стернак подчеркивает рвение говорящих, употребляя слово *немедленно*: «*Велите актерам поторопиться.*» «*Вы б не пошли вдвоем поторопить их?*» «*Немедленно, милорд.*». Н. Полевой не включает в текст перевод для *We will, my lord*, он перерабатывает отрывок — реплику «*Такъ велите же имъ приготовиться поскорѣе*» в его варианте произносит Полоний, который после этого сразу покидает сцену вместе с Розенкранцем и Гильденстерном.

В следующем ДЕ показан диалог Гамлета с Розенкранцем:

(3)

Ham.: Do they hold the same estimation they did when I was in the city? Are they so followed?

Ros.: No, indeed they are not.

Реплика Гамлета содержит два вопроса, причем второй подчеркивает, что принц ожидает ответа. В краткой реплике видим три компонента — слово-предложение *no* и сочетание *they are not*, разделенные наречием *indeed*. Совершенно очевидно, что информативным ответом служит компонент *no*, а два другие — фатические, которые можно рассматривать как эмоционально усиливающие отрицательный ответ или же делающие реплику более объемной, а значит, и более любезной, уважительной.

Все переводчики делают ответную реплику достаточно объемной, используя разные подходы. В. Ананьин опускает слово-предложение *нет*, показывая отрицательный ответ идиоматическим выражением *чего нет, того нет*, а также включает дискурсивный маркер *честно говоря*: «*Та ли у них репутация, как в бытность мою в городе? По-прежнему в зените успеха?*» «*Честно говоря, чего нет, того нет.*». Другие переводчики, аналогично наблюдаемому в оригинальном тексте, размещают в начале реплики-ответа слово *нет*. И. Пешков повторяет его дважды, в начале и финале реплики, разделяя словом *теперь*: «*Они сейчас в таком же почете, как в то время, что я был в городе? Все по-прежнему?*» «*Нет, теперь — нет.*». Б. Пастернак также использует повтор слов *нет*, размещая между ними сочетание в *том-то и дело, что*: «*Ценят ли их так же, как когда я был в городе? Такие же ли у них сборы?*» «*Нет, в том-то и дело, что нет.*». М. Лозинский располагает после *нет* дискурсивный маркер *по правде*, дополняя реплику предложением *этого уже не бывает*: «*Таким же ли они пользуются почетом, как в те времена, когда я был в городе? Так же ли их посещают?*» «*Нет, по правде, этого уже не бывает.*». А. Радлова делает ответ более категоричным, добавляя элемент *совсем не так*: «*А они в таком же почете, как когда я был в городе? Их так же посещают?*» «*Нет, совсем не так.*». А. Кронеберг передает ответ достаточно мягко, добавляя к *нет* уточняющее *уже не столько*: «*Что, пользуются они тьмь*

же уважением, как и прежде, когда я былъ въ городъ? Попржежнему ихъ посѣщаютъ?» «Нѣтъ, уже не столько».

3.2. Подходы к переводу кратких предложений, имеющих в своем составе слова-заместители главных членов предложения реплики-зачина

Краткое предложение-репрезентант в ДЕ этой группы построено глаголом *do*, представляющим глагол-сказуемое опорного предложения, и дейктическим местоимением. Предложение-репрезентант может восприниматься в структурном плане как *do*-перифраза, а также как редуцированное до *We do* «полное» предложение *We do hold the watch to-night*, как наблюдаем в приведенном ниже диалоге (в пользу второго предположения свидетельствует то, что составное сказуемое, построенное из глагола *do* и знаменательного глагола, в повествовательном предложении без отрицания активно использовалось в Тюдоровском английском, частотность его употребления пошла на спад только к 1700 году [McMahon, 2006, p. 150; Nevalainen, 2006, p. 200—201]):

(4)

Ham.: [...] Hold you the watch to-night?

Mar. & Ber.: We do, my lord.

Гамлет спрашивает Марцелла и Бернардо, они ли «на часах» сегодня, и ожидает ответа. В реплике-реакции элемент *we do* означает информативный положительный ответ, функционируя как краткое *yes*. Многословность реплики может быть связана со стремлением автора сделать обращение солдат к особе королевской крови максимально почтительным.

А. Кронеберг предпочитает передать реплику одним словом-предложением *да*: «*На эту ночь вы въ карауле?*» «*Да*». М. Лозинский сопровождает ответ *да* обращением: «*Сегодня кто на страже? Вы?*» «*Да, принц*». Б. Пастернак строит предложения реплик таким образом, чтобы они содержали разные местоимения — вопросительное в иницилирующей и личное в ответной: «*Кто ночью в карауле?*» «*Мы, милорд*». Той же логике следует В. Ананьин: «*Кто ночью на часах?*» «*Мы, принц*». А. Радлова и И. Пешков употребляют местоимения (дейктические *вы* — *мы*) в обеих репликах диалога «*Сегодня вы на страже?*» «*Мы, милорд*» и «*Вы ночью на часах?*» «*Мы, господин*», что мы наблюдаем и в оригинальном тексте. Н. Полевой выбирает прием повтора глагола из предложения реплики-зачина: «*Нынѣ Вы будете ль на стражѣ?*» «*Будемъ, принцъ*».

В следующем отрывке обмен репликами происходит между Полонием и Королевой:

(5)

Pol.: You know sometimes he walks four hours together Here in the lobby.

Queen: So he does indeed.

Полоний сообщает о привычке Гамлета, поэтому реплика Королевы может быть понята как фатическая, сообщающая о ее восприятии слов Полония, или же как сигнал для слушающего, что она знает о привычке сына прогуливаться по вестибюлю. Предикативная часть краткого предложения реплики Королевы построена повторяющимся из предложения реплики-зачина местоимением *he*, глагол *does* в ответной реплике соотносится с *walks* в предшествующей реплике. В реплике также размещены два местоимения — *so* начинает конструкцию и, скорее всего, служит для связности реплик. Слово *indeed*, известное с начала XIV века в виде предложного сочетания *in dede* (со значениями ‘на самом деле, по правде, в действительности’), которое в начале 1600-х стало записываться слитно [Etymology Dict.], вероятно, служит для подтверждения истинности сказанного.

Из исследованных текстов только в переводе И. Пешкова наблюдаем использование повтора глагола *гуляет* из предложения реплики-зачина: «*Гуляет он часа четыре кряду Здесь в холле иногда.*» «*Гуляет, да.*» М. Лозинский ответную реплику представляет в виде одного слова-предложения *да*: «*Вы знаете, он иногда часами Гуляет здесь по галерее.*» «*Да.*» В. Ананьин также выражает содержание ответной реплики одним словом — наречием *верно*: «*Он, знаете, привычку приобрел Гулять часами в галерее.*» «*Верно.*» Другие авторы включают в состав реплики несколько слов, видимо, пытаясь, следуя оригиналу, сделать ее более объемной. А. Радлова и А. Кронеберг сочетают слово-предложение *да* с другими элементами: «*Вы знаете, иной раз он гуляет Часа четыре здесь, по галерее.*» «*Да, это верно*» и «*Вы знаете, онъ въ этой галлерей Часа четыре иногда гуляетъ.*» «*Да, правда.*» Б. Пастернак употребляет слово *верно*, усиленное словом *совершенно*: «*...Он бродит тут часами напролет По галерее.*» «*Совершенно верно.*» Н. Полевой использует сочетание *точно так*: «*Вы знаете, что иногда часа четыре Она здѣсь гуляетъ въ галереѣ.*» «*Точно такъ.*»

3.3. Подходы к переводу кратких предложений, не имеющих лексико-грамматической связи с предложением реплики-зачина

Краткие предложения реагирующей реплики ДЕ этой группы содержат сочетание «местоимение + *will*», отсутствующее в предложении иницирующей реплики. Глагол *will* имеет импликацию намерения или воли, поскольку происходит от древнеанглийского *willan*, *wyllan* имеющих значения ‘желать, хотеть; быть готовым; собираться’ [Etymology Dict.]. В этой связи понятно, почему иницирующая реплика таких ДЕ всегда содержит императивное предложение. Реплика-реакция в ДЕ третьей группы, вероятно, будет восприниматься фатической, если адресат использует ее в качестве сигнала того, что сообщение адресанта им воспринято, или информативной, если адресат не соглашается выполнить требуемое адресантом действие.

Следующий диалог представляет отрывок из разговора Гамлета с призраком:

(6)

Ghost: Mark me.

Ham.: I will.

В переводах М. Лозинского, В. Ананьина и И. Пешкова Гамлет репликой-ответом передает свое состояние: «*Так слушай.*» «*Я готов*» (М. Лозинский), «*Тогда внимай.*» «*Готов!*» (В. Ананьин), «*Внемли.*» «*Стремлюсь я*» (И. Пешков). Б. Пастернак и А. Кронеберг интерпретируют *I will* как сообщение Гамлета о своих действиях: «*Следи за мной.*» «*Слежу*» и «*Внимай!*» «*Я слушаю*». А. Радлова передает ответ принца словом-предложением *да*: «*Так слушай.*» «*Да*». Н. Полевой строит ответную реплику императивным предложением: «*Внимай мне!*» «*Говори!*»

Обмен репликами между Полонием и его слугой Рейнальдо видим в отрывке

(7)

Pol.: Give him this money and these notes, Reynaldo.

Rey.: I will, my lord.

Рейнальдо сообщает о восприятии приказа хозяина одним словом-предложением *да* или *слушаю* в переводах М. Лозинского и А. Кронеберга: «*Вот деньги и письмо к нему, Рейнальдо.*» «*Да, господин мой*» и «*Отдай ему, Рейнольдо, эти деньги И письма.*» «*Слушаю*». Причем в первом случае обращение сохраняется, во втором — опускается. Комбинацию *да* и *слушаю*, сопровождающуюся обращением, подбирает для интерпретации краткой реплики А. Радлова: «*Вот деньги и письмо к нему, Рейнальдо.*» «*Да, слушаю, милорд*». Персонаж сообщает о действии (*исполню приказ, отдам* или *вручу*), которое намеревается совершить, в текстах В. Ананьина, Б. Пастернака, Н. Полевого: «*Тут деньги и письмо ему, Рейнальдо.*» «*Отдам, хозяин*»; «*Вот деньги и письмо к нему, Рейнальдо.*» «*Вручу, милорд*»; «*Ну, поняль ли? Воть деньги и бумаги.*» «*Исполню твой приказь*». Можно видеть, что переводчики избегают повторов. И. Пешков в обеих репликах повторяет глагол в виде пары *отдайте — отдам*: «*Отдайте ему деньги и бумаги.*» «*Отдам, мой господин*».

Далее приведем отрывок из разговора Гамлета с Горацио и Марцеллом, в котором принц просит сохранить в тайне произошедшее:

(8)

Ham.: Never make known what you have seen to-night.

Hor. & Mar.: My lord, we will not.

Во всех изучаемых текстах переводчики сохраняют обращение в виде *милорд, мой господин, принц*. Пару *не говорить — не скажем* в предложе-

ниях реплик используют Б. Пастернак и А. Кронеберг: «*О происшедшем чур не говорить.*» «*Не скажем, принц*» и «*Не говорить, что видѣли вы ночью.*» «*Не скажемъ, принцъ*». Слово-заместитель, отражающее намерение говорящих в виде *не станем, не будем*, включают в ответное предложение М. Лозинский и А. Радлова: «*Вовек не разглашать того, что было.*» «*Принц, мы не станем*» и «*Прошу вас никогда не открывать Того, что нынче ночью вы видали.*» «*Милорд, не будем*». Н. Полевой строит реплику-реакцию с использованием повторения слова *никому* из реплики-зачина: «*Ни слова никому, что было въ эту ночь!*» «*Принцъ! Никому!*» И. Пешков следует тому же принципу, и в его варианте Горацио и Марцелл повторяют слово *вовек* из реплики Гамлета: «*Что видели — вовек не разглашать.*» «*Вовек, мой господин*». В. Ананьин обходится без глагола при интерпретации реплики Гамлета и передает реплику Горацио и Марцелла императивом: «*Про эту ночь — нигде, ни с кем, ни слова.*» «*Не сомневайтесь, принц*».

4. Заключение = Conclusions

Рассмотренные краткие предложения реплик-реакций, репрезентанты предложений иницирующих реплик, употребляются в ДЕ оригинального текста Шекспира как вместе со словами-предложениями *Да / Нет*, являясь дополнительными элементами реплики-реакции, так и вместо *Да / Нет*, заменяя их, и выполняют как фатическую, так и информативную функции. На подбор лексических эквивалентов для предложений-репрезентантов влияют личные предпочтения переводчиков, которые не зависят от времени создания перевода. Так, например, воспринимая репрезентант как повтор определенной части предложения реплики-зачина, переводчики при подготовке русских вариантов текста используют формы одного и того же слова в обеих репликах: «*Что видели — вовек не разглашать.*» «*Вовек, мой господин*» или «*Следи за мной.*» «*Слежу*». Если репрезентант понимается как многословный и, соответственно, более утиный эквивалент для ответа *да* или *нет*, то русская реплика также будет многословной: «*Исполню твой приказъ*», «*Нет, по правде, этого уже не бывает*». Если краткая структура понимается как дополнительный элемент для эмоционального усиления односложного ответа *Да / Нет*, эквивалент для нее сохраняют, располагая его главным образом, как и в оригинальном тексте, в постпозиции к *Да / Нет*: «*Нет, в том-то и дело, что нет*», «*Нет, теперь — нет*», «*Да, это верно*».

Если краткая реплика-реакция рассматривается как фатическая и не влияющая на смысл происходящего на сцене, она может быть опущена целиком, редуцирована с опущением эквивалента для репрезентанта (как для *I warrant it will — «Я ручаюсь»* или «*За это я ручаюсь*»), редуцирова-

на до одного слова-предложения (как для *So he does indeed* — «Да» или «Верно»). Принимая решение о необходимости сохранения или опущения краткой реплики или ее элементов, переводчики пытаются уловить интенцию Шекспира относительно воздействия на аудиторию, поскольку, несмотря на свою краткость, такие реплики помогают зрителю лучше понимать логику происходящего на сцене, позволяют, в частности, замедлить темп речи героев и, соответственно, скорость самого действия, если это необходимо для выделения определенных слов, подчеркивания важности происходящего, указания на состояние говорящих и пр.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. *Вильям Шекспир*. Гамлет. Трагедия в 5 актах / Перевод А. Радловой. — Москва-Ленинград : Искусство, 1938. — 254 с.
2. *Гамлет*. Трагедия В. Шекспира. Перевод А. Кронеберга. — Харьков : Въ университетской типографіи, 1844. — 220 с.
3. *Трагическая история о Гамлете, принце Датском*. Перевод М. Л. Лозинского // Вильям Шекспир. Избранные драмы в новых переводах. — Москва-Ленинград : Государственное издательство художественной литературы, 1934. — С. 9—146.
4. *Уильям Шекспир*. Гамлет, принц Датский. — Санкт-Петербург : Азбука, 2023. — 224 с. — ISBN 978-5-389-02142-6.
5. *Уильям Шекспир*. Гамлет [Электронный ресурс] / Пер. В. Ананьина. — Режим доступа : https://fictionbook.ru/author/uilyam_shekspir/gamlet_valeriyi_ananin/read_online.html?page=2 (дата обращения 23.12.2023).
6. *Шекспир Вильям*. Гамлет, принц Датский: трагедия в пяти действиях Виллиама Шекспира ; пер. с англ. Н. А. Полевого. — Санкт-Петербург : Изд-во А. С. Суворина, 1910. — 148 с.
7. *Шекспир*. Гамлет : в поисках подлинника [Электронный ресурс] / Перевод, подготовка текста оригинала, комментарии и вводная статья И. В. Пешкова ; Перевод под ред. Г. Н. Шелогуровой. — Москва : Лабиринт, 2003. — Режим доступа : http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_hamlet16.txt (дата обращения 23.12.2023).
8. *Jonson B*. *Catiline His Conspiracy. A tragedy, acted in the year 1611. by the King's Majesty's servants* / B. Johnson. — London : Printed for D. Minwinter, P. Knapton, 1739. — 107 p.
9. *Shakespeare William*. *Hamlet // Four Tragedies*. — London : Penguin Books, 1996. — 951 p.
10. *Shakespeare William*. *King Lear // Four Tragedies*. — London : Penguin Books, 1996. — 951 p.

Литература

1. *Вершинина Е. В.* Фразеологические ряды коммуникем английского языка : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19, 10.02.04 / Е. В. Вершинина. — Ростов-на-Дону, 2010. — 23 с.

2. *Володарская Э. Ф.* Язык и стиль Шекспира : эвфунизм и его месть в творчестве драматурга / Э. Ф. Володарская // Вопросы филологии. — 2011. — № 1 (37). — С. 50—59.
3. *Вуттке Н. А.* Явление репрезентации в русском языке / Н. А. Вуттке // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. — 2012. — № 1. — С. 46—57.
4. *Гайдин Б. Н.* Онлайн-программа сравнительного тезаурусного анализа русских переводов произведений У. Шекспира : итоги первого года / Б. Н. Гайдин. // Горизонты гуманитарного знания. — 2017а. — № 6. — С. 169—182. — DOI: 10.17805/ggz.2017.6.10.
5. *Гайдин Б. Н.* Шекспир в современной русской культуре : национальное и глобальное / Б. Н. Гайдин // Горизонты гуманитарного знания. — 2017б. — № 6. — С. 47—71. — DOI: 10.17805/ggz.2017.6.4.
6. *Дамман Е. А.* Особенности развития переводческой мысли на примере переводов отрывка трагедии У. Шекспира «Гамлет» на русский язык / Е. А. Дамман, И. С. Гамбург // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». — 2022. — Т. 19. — № 3. — С. 52-61. — DOI: 10.14529/ling220307.
7. *Жуйкова П. С.* Прагматические функции англоязычных клауз с инвертированным порядком слов / П. С. Жуйкова, Н. В. Шершукова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 5—1 (83). — С. 98—102.
8. *Захаров Н. В.* Шекспир и шекспиризм в России / Н. В. Захаров, В. А. Луков // Знание. Понимание. Умение. — 2009. — № 1. — С. 98—106.
9. *Левик В.* Нужны ли новые переводы Шекспира? / В. Левик // Мастерство перевода 1966. — Москва : Советский писатель, 1968. — С. 93—104.
10. *Макаров В. С.* О вариативности переводов ранних комедий Шекспира : некоторые замечания / В. С. Макаров // Горизонты гуманитарного знания. — 2018. — № 6. — С. 96—122.
11. *Макаров В. С., Гайдин Б. Н.* Вариативность переводов Шекспировских пьес : представление и анализ с помощью платформы Version variation visualisation. Итоги проекта. / В. С. Макаров // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. — 2019. — № 29. — С. 186—188.
12. *Моташкова С. В.* Лингвосинергетический анализ творчества Б. Л. Пастернака — переводчика трагедии У. Шекспира «Гамлет» / С. В. Моташкова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2016. — № 4. — С. 103—107.
13. *Прибыток И. И.* Основы синтаксиса английского языка / И. И. Прибыток. — Москва : Флинта : Наука, 2015. — 445 с. — ISBN 978-5-9765-2125-4.
14. *Прибыток И. И.* Репрезентанты предложений в английском языке / И. И. Прибыток // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. — 2013. — Т. 13. — № 4. — С. 5—11.
15. *Сердечная В. В.* Переводческая, критическая и творческая рецепция Шекспира в наследии Сигизмунда Кржижановского / В. В. Сердечная, Д. Н. Жаткин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 347—367. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-347-367.
16. *Яшина Е. В.* Репрезентанты английских предложений и клауз : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Е. В. Яшина. — Саратов, 2004. — 26 с.
17. *Яшина Е. В.* Актуализация репрезентантов клауз в верификативных вопросах / Е. В. Яшина // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации : Материалы докладов IX Международной конференции. — Саратов : Саратовская гос. юридическая акад., 2017а. — С. 125—128. — ISBN 978-5-7924-1362-7.

18. Яшина Е. В. Экспрессивы согласия-несогласия, выраженные репрезентантами клауз, в составе полипредикативных цепочек / Е. В. Яшина // В сборнике «Язык и мир изучаемого языка». — Саратов : СОИРО, 2017б. — С. 133—135.

19. Biber D. Longman Grammar of Spoken and Written English / D. Biber. — Edinburgh : Longman, 2007. — 1204 p.

20. Culpeper J. Data in historical pragmatics. Spoken interaction (re)cast as writing / J. Culpeper, M. Kytö // Journal of Historical Pragmatics. — 2000. — № 1 (2). — Pp. 175—199.

21. Etymology Dictionary Online [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.etymonline.com>. (accessed 10.01.2024).

22. McMahon A. Restructuring Renaissance English / The Oxford History of English / A. McMahon. — Oxford : Oxford University Press, 2006. — Pp. 147—177.

23. Nevalainen T. Mapping Change in Tudor English / The Oxford History of English / T. Nevalainen. — Oxford : Oxford University Press, 2006. — Pp. 178—211.

24. Tottie G. Tag Questions in English. The First Century / G. Tottie, S. Hoffmann // Journal of English Linguistics. — 2009. — V. 37. — № 2. — Pp. 130—161.

25. Salmon V. Elizabethan colloquial English in the Falstaff plays. In Vivian Salmon & Edwina Burness (eds.), A reader in the language of Shakespearean drama / V. Salmon. — Amsterdam : Benjamins, 1987a. — Pp. 37—60.

26. Salmon V. Sentence structures in colloquial Shakespearian English. A reader in the language of Shakespearean drama / V. Salmon. — Amsterdam : Benjamins, 1987b. — Pp. 265—317.

27. Wikberg K. Yes-no questions and answers in Shakespeare's plays. A study in text linguistics / K. Wikberg. — Åbo, Finland : Åbo Akademi, 1975. — 240 p.

Статья поступила в редакцию 30.01.2024,
одобрена после рецензирования 15.03.2024,
подготовлена к публикации 18.03.2024.

Material resources

Hamlet. (1844). *The tragedy of V. Shakespeare*. Kharkov: University Printing House. 220 p. (In Russ.).

Jonson, B. (1739). *Catiline His Conspiracy. A tragedy, acted in the year 1611. by the King's Majesty's servants*. London: Printed for D. Minwinter, P. Knapton. 107 p.

Shakespeare William. Hamlet. (1996). *Four Tragedies*. London: Penguin Books. 951 p.

Shakespeare William. King Lear. (1996). *Four Tragedies*. London: Penguin Books. 951 p.

Shakespeare. *Hamlet: in search of the original*. (2003). Moscow: Labyrinth. Available at: http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_hamlet16.txt (accessed 12/23/2023). (In Russ.).

The tragic story of Hamlet, Prince of Denmark. (1934). Moscow-Leningrad: State Publishing House of Fiction. 9—146. (In Russ.).

William Shakespeare. *Hamlet*. Available at: https://fictionbook.ru/author/uilyam_shekspir/gamlet_valeriyi_ananin/read_online.html?page=2 (accessed 12/23/2023). (In Russ.).

William Shakespeare. *Hamlet, Prince of Denmark*. (2023). St. Petersburg: Azbuka. 224 p. ISBN 978-5-389-02142-6. (In Russ.).

William Shakespeare. *Hamlet, Prince of Denmark: a Tragedy in five Acts by William Shakespeare*. (1910). St. Petersburg: Publishing house of A. S. Suvorin. 148 p. (In Russ.).

William Shakespeare. Hamlet. Tragedy in acts. (1938). Moscow-Leningrad: Iskusstvo. 254 p. (In Russ.).

References

- Biber, D. (2007). *Longman Grammar of Spoken and Written English*. Edinburgh: Longman. 1204 p.
- Culpeper, J., Kytö, M. (2000). Data in historical pragmatics. Spoken interaction (re)cast as writing. *Journal of Historical Pragmatics*, 1 (2): 175—199.
- Damman, E. A., Hamburg, I. S. (2022). Features of the development of translation thought on the example of translations of a passage of the tragedy of W. Shakespeare “Hamlet” into Russian. *Bulletin of SUSU. The series “Linguistics”*, 19 (3): 52—61. DOI: 10.14529/ling220307. (In Russ.).
- Etymology Dictionary Online*. Available at: <https://www.etymonline.com>. (accessed 10.01.2024).
- Gaidin, B. N. (2017a). Online program for comparative thesaurus analysis of Russian translations of works by W. Shakespeare: results of the first year. *Horizons of humanitarian knowledge*, 6: 169—182. DOI: 10.17805/ggz.2017.6.10. (In Russ.).
- Gaidin, B. N. (2017b). Shakespeare in modern Russian culture: national and global. *Horizons of humanitarian knowledge*, 6: 47—71. DOI: 10.17805/ggz.2017.6.4. (In Russ.).
- Levik, V. (1968). Do we need new translations of Shakespeare? In: *Mastery of translation 1966*. Moscow: Soviet Writer. 93—104. (In Russ.).
- Makarov, V. S. (2018). On the variability of translations of Shakespeare’s early comedies: some remarks. *Horizons of humanitarian knowledge*, 6: 96—122. (In Russ.).
- Makarov, V. S., Gaidin, B. N. (2019). Variability of translations of Shakespeare’s plays: representation and analysis using the Version variation visualization platform. The results of the project. *Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon’s University for the Humanities*, 29: 186—188. (In Russ.).
- McMahon, A. (2006). *Restructuring Renaissance English*. Oxford: Oxford University Press. 147—177.
- Motashkova, S. V. (2016). Linguosynergetic analysis of the work of B. L. Pasternak. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 4: 103—107. (In Russ.).
- Nevalainen, T. (2006). *Mapping Change in Tudor English*. Oxford: Oxford University Press. 178—211.
- Pribitok, I. I. (2015). *Fundamentals of the syntax of the English language*. Moscow: Flint: Nauka. 445 p. ISBN 978-5-9765-2125-4. (In Russ.).
- Pribitok, I. I. (2013). Representatives of sentences in English. *Izvestiya Saratov University. A new series. Series: Philology. Journalism*, 13 (4): 5—11. (In Russ.).
- Salmon, V. (1987a). *Elizabethan colloquial English in the Falstaff plays*. In Vivian Salmon & Edwina Burness (eds.). Amsterdam: Benjamins. 37—60.
- Salmon, V. (1987b). *Sentence structures in colloquial Shakespearean English. A reader in the language of Shakespearean drama*. Amsterdam: Benjamins. 265—317.
- Serdechnaya, V. V., Zhatkin, D. N. (2023). Translation, Critical, and Creative Reception of Shakespeare in Legacy of Sigizmund Krzhizhanovsky. *Nauchnyi dialog*, 12 (5): 347—367. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-5-347-367> (In Russ.).
- Tottie, G. (2009). Tag Questions in English. *The First Century. Journal of English Linguistics*, 37 (2): 130—161.

- Vershinina, E. V. (2010). *Phraseological series of English language communication*. Author's abstract of PhD Diss. Rostov-on-Don. 23 p. (In Russ.).
- Volodarskaya, E. F. (2011). Shakespeare's language and style: Euphuism and its revenge in the work of the playwright. *Questions of philology, 1 (37)*: 50—59. (In Russ.).
- Wikberg, K. (1975). *Yes-no questions and answers in Shakespeare's plays. A study in text linguistics*. Åbo, Finland: Åbo Akademi. 240 p.
- Wuttke, N. A. (2012). The phenomenon of representation in the Russian language. *Bulletin of Syktyvkar University. The Humanities series, 1*: 46—57. (In Russ.).
- Yashina, E. V. (2017a). Actualization of clause representatives in verification issues. In: *Foreign languages in the context of intercultural communication: Proceedings of the IX International Conference*. Saratov: Saratov State Law Academy. 125—128. ISBN 978-5-7924-1362-7. (In Russ.).
- Yashina, E. V. (2017b). *Expressions of agreement and disagreement expressed by clause representatives as part of polypredicative chains*. Saratov: SOIRO. 133—135. (In Russ.).
- Yashina, E. V. (2004). *Representatives of English sentences and clauses*. Author's abstract of PhD Diss. Saratov. 26 p. (In Russ.).
- Zakharov, N. V. (2009). Shakespeare and Shakespeareanism in Russia. *Knowledge. Understanding. Ability, 1*: 98—106. (In Russ.).
- Zhuikova, P. S., Shershukova, N. V. (2018). Pragmatic functions of English-language clauses with inverted word order. *Philological sciences. Questions of theory and practice, 5—1 (83)*: 98—102. (In Russ.).

*The article was submitted 30.01.2024;
approved after reviewing 15.03.2024;
accepted for publication 18.03.2024.*

Информация для цитирования:

Оленев С. В. Принципы транслатологии в современной когнитивной парадигме / С. В. Оленев, Л. В. Кушнина, К. В. Пермякова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 2. — С. 136—156. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-136-156.

Olenev, S. V., Kushnina, L. V., Permyakova, K. V. (2024). Translation Principles in Modern Cognitive Paradigm. *Nauchnyi dialog*, 13 (2): 136-156. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-136-156. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Принципы транслатологии
в современной когнитивной
парадигме**

Оленев Станислав Владимирович¹

orcid.org/0000-0002-7116-1309

кандидат филологических наук, доцент
Института иностранных языков,
корреспондирующий автор
olenestan@yandex.ru

Кушнина Людмила Вениаминовна²

orcid.org/0000-0003-4360-7243

доктор филологических наук,
профессор кафедры иностранных языков,
лингвистики и перевода
lkushnina@yandex.ru

Пермякова Кристина Валерьевна²

orcid.org/0000-0001-6066-1300

кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков,
лингвистики и перевода
kpuctu@rambler.ru

¹ Северо-Восточный нефтяной университет
(Дацин, Китай)

² Пермский национальный исследовательский
политехнический университет
(Пермь, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой
поддержке Северо-Восточного нефтяного
университета, научный проект «Исследование
метафоры в политическом дискурсе
и ее переводческой адаптации» (2023—2025)

**Translation Principles
in Modern Cognitive Paradigm**

Stanislav V. Olenev

orcid.org/0000-0002-7116-1309

PhD in Philology, Associate Professor,
Institute of Foreign Languages,
Corresponding author
olenestan@yandex.ru

Kushnina Lyudmila Veniaminovna

orcid.org/0000-0003-4360-7243

PhD in Philology, Professor,
Department of Foreign
Languages, Linguistics and Translation
lkushnina@yandex.ru

Permyakova Kristina Valerievna

orcid.org/0000-0001-6066-1300

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Languages,
Linguistics and Translation
kpuctu@rambler.ru

¹ North-East Petroleum University
(Daqing, China)

² Perm National Research Polytechnic University
(Perm, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by the North-East Petroleum University, scientific
project “Study of Metaphor in Political Discourse
and Its Translation Adaptation” (2023—2025)

ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье на основании обобщения идей антропоцентрической функциональной лингвистики обсуждаются когнитивно-коммуникативные принципы современной транслатологии, базирующейся на когнитивной парадигме, которая обращена к речемыслительной деятельности переводчика, оперирующего информацией, знанием, смыслами, содержащимися в текстах и дискурсах. Цель исследования — разработка принципов транслатологии с позиций данной парадигмы. Методология исследования базируется на авторской концепции переводческого пространства, оперирующей понятиями когниция, синергия, гармония; на понятии «эпистемическая ситуация», раскрывающем смысловую экстралингвистическую основу научного текста как триединства онтологии, методологии и аксиологии; на когнитивных исследованиях языка и перевода. Реализованный в статье методологический подход к практическому анализу перевода основан на принципах синергетики, раскрывающих закономерности сложных лингвокогнитивных систем. Аксиологическая установка перевода базируется на представлении о гармонии как смысловой соразмерности, выступающей критерием качества перевода. Материалом эмпирического анализа того, как действуют принципы транслатологии, послужили фрагменты текстов научно-философского дискурса Ролана Барта и Мишеля Фуко на русском и французском языках. В результате исследования охарактеризованы антропоцентрический, эпистемологический и рефлексивно-концептуальный принципы транслатологии.

Ключевые слова:

транслатология; переводческое пространство; эпистемология; антропоцентризм; переводчик; когниция; переводоведение.

REVIEW ARTICLES

Abstract:

The article discusses the cognitive-communicative principles of modern translation studies based on the cognitive paradigm, which focuses on the cognitive activities of translators and the information, knowledge, and meanings contained in texts and discourses. The aim of the research is to develop principles of translation studies from the perspective of this paradigm. The research methodology is based on the author's concept of translation space, which operates with the concepts of cognition, synergy, and harmony; the concept of "epistemic situation," which reveals the extralinguistic semantic basis of scientific texts as a triad of ontology, methodology, and axiology; and cognitive studies of language and translation. The methodological approach to the practical analysis of translation implemented in the article is based on the principles of synergy, which reveal the regularities of complex linguo-cognitive systems. The axiological orientation of translation is based on the idea of harmony as a semantic proportionality, which serves as a criterion for translation quality. Fragments of texts from the scientific-philosophical discourse of Roland Barthes and Michel Foucault in Russian and French served as empirical material for analyzing how the principles of translation studies work. As a result of the research, anthropocentric, epistemological, and reflexive-conceptual principles of translation studies are characterized.

Key words:

translation studies; translation space; epistemology; anthropocentrism; translator; cognition; translation theory.

УДК 81'25

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-136-156

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Принципы транслатологии в современной когнитивной парадигме

© Оленев С. В., Кушнина Л. В., Пермякова К. В., 2024

1. Введение = Introduction

Ключевые идеи транслатологии, которую можно трактовать как текстоориентированную теорию перевода, сформулированы учеными относительно давно [Комиссаров, 1988; Алексева, 2008 и др.].

Исследование теории перевода (англ. *translatology*, франц.: *traductologie*) опирается на принципы, формируемые в соответствии с научной парадигмой, доминирующей в данный культурно-исторический период. На первый взгляд, в настоящее время разработка проблем транслатологии текста не представляется необходимой ввиду ее связи с лингвистикой текста и, соответственно, с лингвистическим переводоведением. С одной стороны, современный этап развития теории перевода трудно назвать в полной мере лингвистически ориентированным. В течение последних десятилетий отечественное переводоведение постепенно смещалось от лингвистического к коммуникативному, дискурсивному, когнитивному направлениям и подходам исследования (см. современные отечественные работы, тяготеющие к различным направлениям обновления или консервации теоретической концепции переводоведения [Алексева, 2013; Жеребин, 2021; Казакова, 2016; Котюрова и др., 2023; Митягина, 2017; Оленев и др., 2023; Прошина, 2013; Ремхе, 2011; Теория перевода..., 2020; Чистова, 2021; Шимановская, 2012; Языковая личность переводчика..., 2011]). С другой стороны, нельзя забывать, что при всех парадигмах переводчик имеет дело с текстом, устным или письменным. Иными словами, именно общий, «объемный» взгляд на транслатологию позволит придать новый импульс ее изучению. В фокусе наших научных интересов находится *процессуальная транслатология*, ориентированная на *ментальную деятельность переводчика*, воспринимающего, понимающего, *порождающего текст*, что естественным образом укладывается в когнитивную парадигму и является предметом изучения когнитивного переводоведения.

Исходные положения транслатологии содержатся в статье В. Н. Комиссарова «Смысловая стратификация текста как переводческая проблема», в которой автор прочно занимает позиции лингвоцентризма и текстоцентризма [Комиссаров, 1988]. Полагаем, что когнитивная парадигма перевода восходит к лингвоцентрической парадигме и немислима без нее, поэтому напомним не утратившие, на наш взгляд, актуальности положения, высказанные В. Н. Комиссаровым.

Во-первых, рассматривая содержание текста как сложный информативный комплекс, автор считает, что эквивалентность текстов оригинала и перевода предполагает общность разных частей информативных комплексов, то есть «не тождественность, а достаточную общность их содержания для целей коммуникации в конкретных условиях» [Там же, с. 41].

Во-вторых, если содержание двух текстов (оригинала и перевода), то есть их смысловые структуры эквивалентны, то следует различать три уровня эквивалентности: вертикальную, горизонтальную, глубинную, — которые соответствуют уровням переводческого понимания.

Вертикальный уровень означает, что достигается структурное подобие текстов, основанное на тематическом признаке: переводчик выстраивает логико-тематическую структуру текста, отражающую описываемую в тексте реальность.

Горизонтальный уровень отражает взаимодействие текстовых единиц, что делает текст связным, передавая временные, пространственные, модальные признаки, но при этом варьируются способы связности, не совпадающие в языках.

Глубинный уровень предполагает оперирование переводчиком смыслами, их интерпретацию, что приводит к выполнению общекоммуникативной функции текста перевода. При этом глубина понимания индивидуальна как для переводчика, так и для реципиента: «Поскольку конкретно-контекстуальный смысл высказывания и всего текста во многом зависит от индивидуальных знаний, эмоций, ассоциаций коммуникантов, он неодинаков для каждого из них» [Там же, с. 46]. На глубинном уровне понимания, согласно В. Н. Комиссарову, особо значимы текстовые импликации, требующие от переводчика аналитического мышления, эмоциональной восприимчивости и художественного чутья.

Эти соображения представляются чрезвычайно важными при обсуждении современных принципов транслатологии. Особенно важны идеи о глубинном уровне понимания текста переводчиком, что имеет непосредственное отношение к когнитивным составляющим процесса перевода. Можно сказать, что формирование аналитического мышления и эмоцио-

нальной восприимчивости переводчика — важнейший мировоззренческий принцип, основополагающий для транслатологии.

И. С. Алексеева осуществила классификацию текстов с позиций транслатологии на основе таких параметров, как вид информации (когнитивная, эмоциональная, экспрессивная, оперативная), источник информации (коллективный, групповой, индивидуальный), реципиент сообщения (коллективный, групповой, индивидуальный), цель коммуникации (осознанные намерения создателя текста — автора или переводчика), что позволило ей охарактеризовать 25 типов текста — от научного текста до личного письма [Алексеева, 2008].

Признавая фундаментальную значимость выявленных параметров, мы полагаем, что данная классификация не отражает масштаба транслатологических преобразований исходного текста в текст перевода, который сформировался в современной лингвистике и теории перевода благодаря когнитивно-дискурсивной парадигме исследований.

Проблема транслатологии текста поднимается в работе Е. С. Петровой о переводоориентированном тексте [Петрова, 2000]. Автор обращается к теории деконструкции Ж. Деррида, согласно которой рассмотрение текста деконструкционистами «обычно сводится к рассмотрению перевода, к влиянию перевода на смысловое, знаковое восприятие подлинника» [Там же, с. 134].

Как видим, идеи и принципы транслатологии регулярно оказываются в поле зрения исследователей, что свидетельствует об актуальности данной проблемы. Рассматривая транслатологию как своего рода «науку в науке» — теорию текста в теории перевода или теорию перевода в теории текста, мы считаем необходимым обозначить принципы этой науки, что позволит на новом уровне познать закономерности перевода как когнитивного процесса, обеспечивающего разносторонний переводческий дискурс в различных сферах жизнедеятельности.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Выявление принципов когнитивной транслатологии стало возможным благодаря использованию теоретических положений и концепций, принадлежащих как авторам данной статьи, так и коллегам из Пермского государственного национального исследовательского университета — профессорам М. П. Котуровой и Л. М. Алексеевой, чьи труды в области функциональной стилистики и типологии перевода позволили приступить к решению исследовательской задачи. Особую значимость в выявлении нового ракурса исследования процесса перевода представляют работы в области когнитивной лингвистики и когнитивного переводоведения. Именно инте-

гративный подход позволяет сформировать понимание основных принципов когнитивной транслатологии.

Методологические установки проводимого исследования базируются на следующих фундаментальных положениях, сформулированных и обоснованных в отечественной лингвистике.

1. «Человек не отражает мир в языке, а конструирует его с помощью языка в своем сознании» [Болдырев, 2016, с. 10]. Идея об активной инструментально-преобразующей роли языка как средства познания и категоризации мира является одной из ключевых в современной когнитивной парадигме языкознания и смежных гуманитарных наук.

2. Процесс порождения смысловой структуры текста происходит в соответствии с эпистемической ситуацией. Это понятие, обоснованное М. П. Котуровой в 1996 году, образует триединство онтологического, методологического и аксиологического компонентов. Позднее Е. А. Баженова расширила данное понятие, усилив его персонологический, личностный характер за счет рефлексивного и коммуникативно-прагматического компонентов. С позиций современного речеведения М. П. Котурова пишет: «Бесспорно справедливым можно считать, что «эпистемическая ситуация — это совокупность взаимосвязанных признаков познавательной деятельности в *единстве* составляющих ее онтологического, методологического, аксиологического, рефлексивного и коммуникативно-прагматического компонентов, оказывающих закономерное влияние на формирование научного текста и определяющих его стилевую специфику» [Котурова и др., 2008, с. 47—48].

3. Понятие эпистемической ситуации может быть использовано в качестве модели анализа процесса перевода: «К онтологии мы относим такие явления, которые характеризуют, на наш взгляд, предметное содержание знания о переводе. К их числу мы относим дефиниции перевода, его трактовки в различных переводческих школах, свойства и функции перевода... к методологии перевода мы относим все разнообразие переводческих моделей и вытекающих из них методов и приемов перевода, а также принципы и стратегии переводческой деятельности. Что касается аксиологии перевода, она соотносится с оценкой качества, выбором соответствующих критериев перевода...» [Кушнина, 2018, с. 126]. В последующих работах понятие эпистемической ситуации было уточнено в свете авторской концепции переводческого пространства, онтологический аспект которого формирует когнитивный, методологический — синергия, аксиологический — гармония.

4. Речемыслительную деятельность переводчика необходимо исследовать с когнитивных позиций: «Переводческая обработка сложной гетерогенной информации, где слово оказывается ассоциированным не с реали-

ей, а с ее пониманием, сложившимся в акте “языкового созидания народа”, является когнитивным процессом» [Пшенкина, 2005, с. 124].

5. Процесс перевода анализируется с позиций создания целостности переводческой экосреды и установления экологического равновесия между текстами оригинала и перевода, при котором параметром успешности становится экологичность: «В рамках экологии перевода ученые продолжают опираться на произведенные тексты и добиваться их экологичности, то есть естественного восприятия чужой целевой культурой [Чистова, 2022, с. 62].

В качестве эмпирического материала в нашей работе использованы фрагменты научных текстов французского философа и теоретика культуры Мишеля Фуко в оригинале и переводе. В его работе «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук», впервые опубликованной в 1966 году и переведенной на русский язык в 1977 году Н. С. Автономовой и В. П. Визгиным, речь идет о том, что слова и вещи как бы образуют единый сложно устроенный текст, который является частью реального мира и формирует систему мыслительных конструктов, обеспечивающих единораздельность процессов и продуктов культуры, идей и мнений того или иного периода существования науки [Foucault, 1966; Фуко, 1994]. Кроме того, для расширения эмпирической базы исследования мы обратились к анализу фрагментов книги «Мифологии» (“Mythologies”) известного французского философа и семиолога Ролана Барта, в которой автор, анализируя современную массовую культуру, дает семиотическое объяснение механизма зарождения различных мифов в обществе. Оригинальный текст впервые опубликован в 1957 году, на русский язык книга переведена в 1996 году.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В результате анализа и обобщения теоретического материала нами выявлены три основополагающих принципа транслатологии в когнитивном освещении: антропоцентрический, эпистемологический и рефлексивно-концептуальный.

3.1. Принцип антропоцентризма

В качестве исходного принципа транслатологии мы рассматриваем *антропоцентризм*, придавая первостепенное значение языковой личности субъектов переводческой коммуникации: автора, переводчика и реципиента.

Как известно, антропоцентризм лежит в основе многих современных теорий и концепций. Среди них теория языковой личности, теория языковой личности переводчика, лингвоперсонология и др. Теория языковой личности, представленная в работах многих отечественных исследователей [Оленев, 2016], послужила основанием разработки теории языковой / рече-

вой / коммуникативной личности переводчика [Бушев 2010; Красных, 2003; Пшенкина, 2005; Ремхе, 2011; Языковая личность переводчика. ..., 2011]. Новые веяния внесла в них лингвоперсонология [Голев, 2004; Иванцова, 2008]. Антропологические принципы также положены в основу авторской концепции переводческого пространства как синергетической модели перевода [Kushnina, 2017], согласно которой в сознании переводчика формируется не только особая переводческая картина мира, но и гармоничное переводческое мировоззрение. Мы исходим из положения о том, что текст оригинала представляет собой систему гетерогенных смыслов, которые разворачиваются в его полях. При этом мы выделяем как текстовые поля, так и поля субъектов переводческой коммуникации, в каждом из которых формируется свой смысл. Переводчик осуществляет анализ смысловых полей и формулирует стратегию перевода. Она заключается в том, что он вычленяет доминирующие смыслы, которые вызывают трудности перевода, прогнозирует возможности синергетического приращения смыслов в поисках смыслового равновесия и сообразности, то есть гармонии. Если анализ не вызывает трудностей, переводчик использует приемы и способы адекватного или эквивалентного перевода. Иными словами, установление гармоничных отношений между текстами оригинала и перевода не является повсеместным, а происходит только в тех случаях, когда появляются препятствия при переводе, для преодоления которых иноязычному и инокультурному реципиенту придется искать дополнительные пояснения, комментарии и пр., все то, что мы называем переводческим метатекстом или метапереводом. Разумеется, в некоторых случаях переводчик сознательно выбирает создание метатекста, но это другой вид его деятельности.

В связи с тем, что наше внимание в рамках данной статьи сосредоточено на субъектности перевода, напомним нашу трактовку полей субъектов переводческой коммуникации: поле автора, поле переводчика, поле реципиента; предположительно, смыслы каждого из полей не идентичны и не тождественны, но соразмерны и соотносимы. Переводчику необходимо мысленно представить поле автора и спрогнозировать поле реципиента. Понимание авторского (интенционального) смысла подразумевает выявление интенций, намерений, пресуппозиций автора; изучение его научной, творческой, художественной биографии; знакомство с его предыдущими текстами в конкретной сфере и с предыдущими переводами (если они существуют). Понимание смысла поля реципиента означает, что переводчик представляет целевого читателя, выстраивая соответствующий рефлексивный смысл. Один и тот же текст может быть предназначен для разных реципиентов, что диктует переводчику выбор языковых средств и необходимые синергетические, культурно ориентированные приращения, ко-

торые происходят в фатическом (текстовом) поле — поле принимающей культуры.

Проиллюстрируем сказанное на примере перевода научного текста Р. Барта с французского языка на русский.

Фрагмент оригинала из книги R. Barthes «Mythologies»:

Critique muette et aveugle

...Le vrai visage de ces professions saisonnières d'inculture, c'est ce vieux mythe obscurantiste selon lequel l'idée est nocive, si elle n'est contrôlée par le "bon sens" et le "sentiment": le Savoir, c'est le Mal, tous deux ont poussé sur le même arbre: la culture est permise à condition de proclamer périodiquement la vanité de ses fins et les limites de sa puissance; la culture idéale ne devrait être qu'une douce effusion rhétorique, l'art des mots pour témoigner d'un mouillement passager de l'âme. Ce vieux couple romantique du coeur et de la tête n'a pourtant de réalité que dans une imagerie d'origine vaguement gnostique, dans ces philosophies opiacées qui ont toujours formé finalement l'appoint des régimes forts, où l'on se débarrasse des intellectuels en les envoyant s'occuper un peu de l'émotion et de l'inéffable [Barthes, 1957, p. 35].

Фрагмент перевода:

Слепые критики

...Истинная суть таких сезонных признаний в необразованности — старинный обскурантистский миф, согласно которому идея всегда вредна, если она не контролируется "здравым смыслом" и "чувством"; Знание есть Зло, недаром они росли на одном и том же дереве; культура допустима лишь при условии, что периодически заявляет о тщете своих задач и ограниченности своих возможностей; в таком смысле идеальная культура представляет собой лишь сладкие риторические излияния, искусство свидетельствовать словом о своей минутной душевной растроганности. Однако старинная романтическая пара «сердце и голова» обретает реальность лишь в рамках более или менее гностической образности, в тех дурманящих философских представлениях, которые в конечном счете всегда служили опорой режимам сильной власти — там от интеллектуалов отделяются, отправляя их заниматься эмоциями да невыразимостями [Барт, 2008, с. 98].

Проанализируем перевод данного фрагмента с антропоцентрических позиций. Признавая значимость поля автора в переводческом пространстве, в рамках данной статьи в фокусе нашего внимания два других субъекта: переводчик и реципиент. Важно оценить, насколько гармонично переводчик перевел текст и насколько реципиент его понял. Например, в тексте перевода мы наблюдаем проявления гармоничности, то есть приращения смыслов, так как переводчику удастся не только передать образность оригинала, но и

усилить ее: *ces philosophies opiacées* (букв. философия, отравленная опиум) переведено как *tex дурмящих философских представлений*; *de l'émotion et de l'inéffable* (букв.: эмоциями и невыразимостью) переведено как *эмоциями да невыразимостями*. С другой стороны, мы наблюдаем переводческие ошибки, связанные с буквалистским подходом к переводу, что мы расцениваем как дисгармоничный перевод: 1) *critique muette et aveugle* переведено как *слепонемые критики* 2) *le vrai visage de ces professions saisonnières d'inculture...* переведено как *истинная суть таких сезонных признаний в необразованности...* Мы считаем, что переводческая дисгармония приводит к непониманию реципиентом истинного смысла текста.

Таким образом, в рассмотренном фрагменте научного перевода наблюдаем элементы как гармоничности, так и дисгармоничности. Иными словами, принцип антропоцентризма может быть соблюден / не соблюден при переводе. Как видим, достижение гармонии означает реализацию антропоцентричности перевода.

Мы полагаем, что в ситуации гармонии перевод приобретает субъектно-ориентированный, личностный характер. Именно на уровне субъектности реализуется когнитивный потенциал текста перевода, что может быть исследовано на уровне языкового сознания переводчика.

Т. Г. Пшенкина, исследуя языковое сознание переводчика, вводит понятие *субъективной актуальности*, пристрастности, что позволяет ему при встрече с релевантной информацией активизировать свою концептуальную систему. Ученый приходит к следующему выводу: «В результате в концептуальной системе на различных уровнях осознаваемости отражается, переживается и континуально преобразуется весь познавательный и коммуникативный опыт человека: чувственный и логический, рациональный, эмоциональный и фантазийный, языковой и доязыковой» [Пшенкина, 2005, с. 128]. Формирование базовых когнитивных структур осуществляется в процессе речесмыслопорождения и речесмысловосприятия переводчика, которые активизируют «коррелирующие познавательные пространства индивидов с разным этническим сознанием» [Там же], то есть всех субъектов переводческой коммуникации.

В рассматриваемом отношении важно, что и личность переводчика, и личности автора и реципиента играют ведущую роль в процессе восприятия и порождения текста, что обуславливает значимость принципа антропоцентризма для когнитивной транслатологии.

3.2. Эпистемологический принцип

Следующий принцип мы определяем как *эпистемологический*, имея в виду эпистему перевода, трактовка которой основана на понятии эпистемической ситуации, введенном М. П. Котюровой для характеристики

смысловой структуры научного текста в единстве онтологии, методологии и аксиологии. Автор данного термина определяет его как основную единицу смысла текста, как абстрактную модель научного знания и соотносит с понятиями «коммуникативная ситуация» и «суперконцепт» в когнитивной лингвистике. Утверждается, что «онтологический компонент эпистемической ситуации связан с предметным содержанием знания, то есть научным осмыслением явлений реального мира (природы, человека и общества) <...> Методологический компонент характеризует познавательную деятельность в отношении способов получения, развития и обоснования научного знания, а также в плане его репрезентации в содержательно-логических формах понятий, категорий, идей, концепций, <...> аксиологический компонент соотносится с оценочной природой познания, субъект которого (ученый) является не только мыслящим человеком, но и человеком оценивающим» [Котюрова, 2020, с. 36—37].

Изучив компоненты эпистемической ситуации, представляющие собой совокупность взаимосвязанных признаков познавательной деятельности, мы пришли к выводу об их универсальности, применимости к любому типу текстов, как научных, так и ненаучных, как первичных, так и вторичных (текстов перевода).

Соотнесение компонентов эпистемической ситуации с компонентами переводческого пространства позволяет заключить, что *онтология перевода* — это *когниция*, когнитивная деятельность переводчика в ее антиномичности, проявляющейся в оппозициях симметрии / асимметрии, объективного / субъективного, рационального / интуитивного, стереотипного / творческого, осознаваемого / неосознаваемого, алгоритмического / эвристического и т. д.; *методология перевода* — это *синергия смыслов* в переводческом пространстве; *аксиология перевода* — это *гармония*, или гармоничный перевод.

Можно предположить, что не только концепция переводческого пространства, но и любая другая модель перевода соотносима с эпистемической ситуацией. Об этом пишет Е. А. Баженова, обогащая представление об эпистемической ситуации посредством включения в нее еще двух компонентов: рефлексивного и коммуникативно-прагматического: «Поскольку научное познание ориентировано на коммуникацию, то эпистемическая ситуация соотносится не только с собственно познавательной, но и с текстообразующей деятельностью ученого, в результате которой когнитивное преобразуется в коммуникативное» [Баженова, 2001, с. 32]. Вполне очевидно, что текстообразующая деятельность касается не только ученого, но и коммуникативной деятельности в целом, автора любого типа текста: законодательного, мемуарного, рекламного, художественного, публицистического и т. п.

Если эпистемическая ситуация — неотъемлемое свойство текста, можно предположить, что гармоничность текста перевода предполагает наличие в нем всех компонентов эпистемической ситуации. Эта идея становится особенно значимой в переводе: переводчику необходимо транспортировать не только «многосмыслие» оригинала, но и его эпистемическое содержание, раскрывающее онтологические, методологические и аксиологические составляющие текста. Иными словами, выраженность эпистемической ситуации в тексте перевода является важнейшей предпосылкой достижения его высокого качества.

Соотносительность компонентов эпистемической ситуации в текстах оригинала и перевода характеризует целостность текста перевода как единство смысла, то есть успешное решение переводческой задачи — воссоздание целостности смыслового содержания текста в другой культурной среде.

Так мы приходим к выводу, что эпистемологический принцип необходимо учитывать при изучении когнитивной транслатологии.

3.3. Рефлексивно-концептуальный принцип

Следующий принцип обозначим как рефлексивно-концептуальный, то есть для транслатологии важно знать тип коммуникации и тип текста, важнейшими параметрами которого выступают *концептуальность* и связанные с ней *рефлексивные действия переводчика*. Здесь мы опираемся на результаты исследований научного, технического и поэтического типов текста, изложенные в монографии [Алексеева и др., 2012], а также на данные, полученные в диссертации [Ушакова, 2017].

Задача Л. М. Алексеевой — «показать непосредственную зависимость перевода научного текста от его текстовых свойств» [Алексеева и др., 2012, с. 35]. В связи с этим особое значение придается *рефлексивным действиям переводчика*, воспринимающего текст как репрезентант научного знания: он выявляет значащие единицы научного текста, логическую структуру смысла целостного текста, прослеживая в тексте доказательство истинности научного предположения. Типологический взгляд на перевод, таким образом, с позиции авторов, заключается в следующем постулате: «Обусловленность перевода типом текста выражается в том, что разные типы текста требуют от переводчика различные компетенции, формирующие множество разных методик» [Там же, с. 6]. Кроме того, новая транслатологическая парадигма опирается на понятие переводческой личности, что убедительно показано на примере перевода научного и художественного типов текста. Если научный перевод ориентирован на трансляцию уподобленного реальности описания мира, то художественный поэтический перевод — на специфику переосмысленного индивидуальностью изображения действительного мира, чувств, эмоций, внутренних переживаний.

Как поясняет Л. М. Алексеева, научный перевод соотносится с научным типом текста и типом коммуникации. Будучи противоречивым явлением, научный текст выступает творческим типом текста и отражает индивидуальное интеллектуальное усилие автора, в то же время научный текст актуализирует и упорядочивает результаты познания, главным средством которого является логика. Поэтому переводчик должен не только находить значения терминов по словарям, но и моделировать новое знание в собственном сознании, поскольку «объект деятельности переводчика — сконструированный переводчиком смысл исходного текста, являющийся продуктом и одновременно процессом авторской мысли» [Там же, с. 34].

Таким образом, если типологическим параметром научного текста Л. М. Алексеева называет *концептуальность*, придавая особое значение *рефлексивным* действиям переводчика, то это дает нам основание сформулировать рефлексивно-концептуальный принцип транслатологии, согласно которому гармоничный текст перевода научного текста возможен при условии передачи в нем концептуального содержания исходного текста.

Проиллюстрируем данный принцип на примере научного текста в оригинале и переводе. Проанализируем соотносимые фрагменты известной монографии «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» Мишеля Фуко в оригинале на французском языке [Foucault, 1966] и в переводе на русский язык [Фуко, 1994].

Фрагмент текста оригинала:

La prose du monde

1. Les quatre similitudes

Jusqu'à la fin du XVI e siècle, la ressemblance a joué un rôle batisseur dans le savoir de la culture occidentale. C'est elle qui a conduit pour une grande part l'exégèse et l'interruption des textes ; c'est elle qui a organisé le jeu des symboles, permis des connaissances des choses visibles et invisibles, guidé l'art de les représenter. Le monde s'enroulait sur lui-même : la terre répétant le ciel, les visages se mirant dans les étoiles, et l'herbe enveloppant dans ses tiges les secrets qui servaient à l'homme. La peinture imitait l'espace. Et la représentation — qu'elle fût fête ou savoir — se donnait comme répétition : théâtre de la vie ou miroir du monde, c'était là le titre de tout langage, sa manière de s'annoncer et de formuler son droit à parler [Foucault, 1966, p.].

Фрагмент текста перевода:

Проза мира

1. Четыре типа подобия

Вплоть до конца XVI столетия категория сходства играла конструктивную роль в знании в рамках западной культуры. Именно она в значительной степени определяла толкование и интерпретацию текстов: ор-

ганизовывала игру символов, делая возможным познание вещей, видимых и невидимых, управляла искусством их представления. Мир замыкался на себе самом: земля повторяла небо, лица отражались в звездах, а трава скрывала в своих стеблях полезные для человека тайны. Живопись копировала пространство. И представление — будь то праздник или знание — выступало как повторение: театр жизни или зеркало мира — вот как именовался любой язык, вот как он возвещал о себе и утверждал свое право на самовыражение [Фуко, 1994, с. 54].

Сопоставительный анализ текстов оригинала и перевода показал, что переводчику удалось найти гармоничное переводческое решение. Мы пришли к такому выводу на основании следующих размышлений. Во-первых, текст перевода полностью соответствует научному типу текста в области лингвистики, что прослеживается выбором таких языковых единиц, как *категория, конструктивная роль, интерпретация текстов, познание, язык*. Во-вторых, текст перевода характеризуется концептуальностью, то есть он выступает репрезентантом научного знания, как и текст оригинала, акцентируя внимание на конструктивной роли категории сходства. В-третьих, он передает намерение автора как продуцента текста выявить значимость идеи подобия при интерпретации текста и, возможно, при восприятии языковой картины мира. Но гармоничное переводческое решение базируется не столько на точной, буквальной передаче авторского замысла, соотносённости с типом текста и типом коммуникации, сколько на необходимом приращении новых смыслов, расширяющих горизонт понимания сначала для переводчика, а затем и для читателя. Обозначим маркеры синергии: 1) термин *la ressemblance* (букв. *подобие, сходство*) представлен в тексте перевода как *категория сходства*, что придает ему научность, так как *сходство* как таковое можно наблюдать и в обыденной жизни; 2) исходное выражение *formuler son droit à parler* (букв.: *сформулировать свое право говорить*) заменено на другое: *утверждал свое право на самовыражение*. Как видим, в переводе происходит усиление, интенсификация исходного смысла, то есть лексемы *говoreние* и *самовыражение* имеют разные имплицитные смыслы; 3) выражение *s'était là le titre de tout langage* (букв.: *таков был заголовок любой речевой деятельности*) переведено фразой: *вот как именовался любой язык*; заметим, что термин *язык* имеет словарное соответствие *langue*, в то время как *langage* означает *речевая деятельность*. 4) нейтральный глагол оригинала *s'annoncer* (букв. *сообщать, извещать; сообщаться, извещаться*) переведен как *возвещал о себе*, что придает высказыванию большую эмоциональность и метафоричность.

Наряду с научным переводом и научным типом коммуникации с позиций новой транслатологической парадигмы изучается технический

перевод и, соответственно, технический тип коммуникации. Так, в исследованиях А. О. Ушаковой была описана текстовая категория техничности и разработана типология технических текстов. Во-первых, были описаны собственно технические тексты, представленные технической документацией в виде проектной документации, конструкторской документации, технической документации. Во-вторых, описаны смешанные технические тексты, а именно: научно-технический текст, рекламный технический текст, технико-экономический текст. Важным для переводчика является также выявление трех уровней техничности при переводе технических текстов, что позволило выявить простые технические тексты (пользовательские инструкции, потребительские инструкции, спецификации, маркетинговые статьи и пр.), сложные технические тексты (инструкции по установке оборудования, по сборке технических объектов, спецификации на технические продукты и др.), сверхсложные технические тексты (тексты стандартов, патентов, аналитических отчетов и др.) [Ушакова, 2017]. Автор приходит к выводу, что в когнитивном аспекте техничность как глобальная текстовая категория технического текста выступает средством отражения технического знания в профессиональном техническом / филологическом мышлении переводчика-субъекта, а само переводческое решение выступает результатом взаимодействия алгоритма как процесса поиска оптимального решения и эвристики как направленного поиска решения. Таким образом, можно сказать, что техничность как категория технического текста выступает частным случаем концептуальности как категории научного текста, что в целом следует рассматривать в контексте действия рефлексивно-концептуального принципа транслатологии.

3.4. Обсуждение

Выявление принципов современной транслатологии выполнено в работе в рамках системной и когнитивной парадигм. Системное видение перевода, основанное на понятиях эпистемической ситуации, показывает значимость онтологического, методологического и аксиологического элементов, которые, с точки зрения представлений об эпистеме перевода, представлены когницией, синергией и гармонией. Текст как единица анализа транслатологии обладает данными системными качествами, в равной степени касающимися текстов оригинала и перевода.

В то же время текст перевода, несомненно, обладает определенными качествами и свойствами, отражающими когнитивный компонент эпистемы перевода. Так, в настоящей статье проанализированы три принципа транслатологии: антропоцентрический, эпистемологический и рефлексивно-концептуальный. Как показано в работе, эти принципы определяют выбор переводческого решения, что можно рассматривать в качестве тексто-

образующего фактора, формирующего речемыслительные операции, осуществляемые переводчиком. Следует согласиться с суждением И. Н. Ремхе, которое созвучно полученным нами результатам: «Переводчика необходимо рассматривать при этом как интерпретатора, выявляя присущие ему когнитивные стратегии, особенности формирования его когнитивной базы, а также устройства и функционирования когнитивных механизмов его сознания» [Ремхе, 2011, с. 264].

Сложность речемыслительной деятельности переводчика как объекта научного исследования обуславливает междисциплинарность современной транслатологии и многообразие взаимно дополнительных принципов, лежащих в ее основании, что подчас может производить впечатление методологической эклектики, однако это совсем не так. Т. А. Казакова в связи с этим совершенно верно отмечает, что «любой научный подход к переводу неизбежно выходит за пределы отыскания межъязыковых закономерностей. Вовлечение в орбиту интересов переводоведения научного инструментария герменевтики, теории информации, психосемиотики и других обусловленных “человеческим фактором” областей науки способствует становлению переводоведения как самостоятельной научной дисциплины с непротиворечивым метаязыком и собственной методологией» [Казакова, 2016, с. 83].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, в рамках данной статьи нами выявлены и охарактеризованы три основополагающих принципа транслатологии: антропоцентрический, эпистемологический, рефлексивно-концептуальный.

На основе вышесказанного мы приходим к выводу, что принцип антропоцентризма — ключевой для разработки транслатологии. Его реализация определяется вниманием к таким аспектам, как «многосмыслие» текста оригинала, синергия смыслов текста перевода, субъективная актуальность языкового сознания переводчика, субъектность перевода.

Согласно эпистемологическому принципу, текст перевода, будучи вторичным по отношению к тексту оригинала, должен отражать смысловое триединство, представленное онтологией, методологией и аксиологией, что применительно к переводческому пространству означает когницию, синергию и гармонию.

Рефлексивно-концептуальный принцип, рассмотренный на примере научного и технического типов текста, демонстрирует значимость концептуального фактора как типологической доминанты перевода.

Дальнейшие исследования позволят сформулировать дополнительные принципы транслатологии, нацеленные на выявление закономерностей перевода.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Литература

1. *Алексеева И. С.* Антропоцентризм и текстоцентризм в современной теории и философии перевода / И. С. Алексеева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2013. — № 2. — С. 183—187.
2. *Алексеева И. С.* Текст и перевод. Вопросы теории / И. С. Алексеева. — Москва : Международные отношения, 2008. — 184 с. — ISBN 978-5-7133-1318-0.
3. *Алексеева Л. М.* Типология перевода : монография / Л. М. Алексеева, Н. В. Шуметова. — Пермь : Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2012. — 198 с. — ISBN 978-5-7944-2019-7.
4. *Баженова Е. А.* Научный текст в аспекте политекстуальности / Е. А. Баженова. — Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2001. — 272 с. — ISBN 5-8241-0243-0.
5. *Барт Р.* Мифологии / Р. Барт ; пер с фр., вступ. ст. и коммент. С. Н. Зенкина. — Москва : Академический Проект, 2008. — 351 с. — ISBN 978-5-8291-0979-0.
6. *Болдырев Н. Н.* Когнитивные схемы языковой интерпретации / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2016. — № 4. — С. 10—20. — DOI: 10.20916/1812-3228-2016-4-10-20.
7. *Бушев А. Б.* Языковая личность профессионального переводчика / А. Б. Бушев. — Тверь : Лаборатория деловой графики, 2010. — 265 с. — ISBN 978-5-9045-0504-2.
8. *Голев Н. Д.* Лингвоперсоналогическая вариативность языка / Н. Д. Голев // Известия Алтайского государственного университета. — 2004. — № 4 (34). — С. 041—045.
9. *Жеребин А. И.* Компаративные этюды Юрия Тынянова в свете теории перевода / А. И. Жеребин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2021. — № 18 (2). — С. 262—276. — DOI: 10.21638/spbu09.2021.202.
10. *Иванцова Е. В.* Проблемы формирования методологических основ лингвоперсоналогии / Е. В. Иванцова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2008. — № 3 (4). — С. 27—43.
11. *Казакова Т. А.* Метаязык переводоведения : термины и определения / Т. А. Казакова // Санкт-Петербургского университета. Серия 9 : Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2016. — № 4. — С. 75—85. — DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.406.
12. *Комиссаров В. Н.* Смысловая стратификация текста как переводческая проблема / В. Н. Комиссаров // Текст и перевод / отв. ред. А. Д. Швейцер. — Москва : Наука, 1988. — С. 7—23. — ISBN 5-02-010893-6.
13. *Котюрова М. П.* Дискурсивные «ловушки», или Прописные истины речеведения / М. П. Котюрова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2020. — Т. 12. — Вып. 1. — С. 34—44. — DOI: 10.17072/2073-6681-2020-1-34-44.
14. *Котюрова М. П.* Культура научной речи : текст и его редактирование / М. П. Котюрова, Е. А. Баженова. — Москва : Флинта : Наука, 2008. — 280 с. — ISBN 978-5-9765-0279-6.
15. *Котюрова М. П.* О дифференциации функциональной стилистики и речеведения / М. П. Котюрова, Е. А. Баженова, Л. В. Кушнина // Дискурсивные основания речеведения: научный текст –новое знание — перевод : коллективная монография / под общ.

ред. М. П. Котюровой. — Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2023. — С. 16—39. — ISBN 978-5-7944-3950-2.

16. *Красных В. В.* «Свой» среди «чужих» : миф или реальность? / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2003. — 375 с. — ISBN 5-94244-004-2.

17. *Кушниина Л. В.* Современная эпистема перевода / Л. В. Кушниина // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы IX Междунар. науч. конф. (Челябинск, 18—20 апреля 2018 г.). — Челябинск : Изд-во Челяб. Гос. ун-та, 2018. — Т. 2. — С. 125—128. — ISBN 978-5-7271-1493-3.

18. *Митягина В. А.* Социопрагматическое измерение транслатологической парадигмы : коммуникативное действие в переводе / В. А. Митягина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2017. — Т. 16. — № 3. — С. 30—40. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.3.3.

19. *Оленев С. В.* Аспектирующие и синтезирующие (системные) подходы к изучению языковой личности / С. В. Оленев // Языковая личность : моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология / под ред. Н. Д. Голева и Н. В. Мельник. — Москва : ЛЕНАНД, 2016. — Ч. 2. — С. 7—27. — ISBN 978-5-9710-2659-4.

20. *Оленев С. В.* Стратегии перевода названий китайских книг и фильмов на русский язык / С. В. Оленев, С. О. Гордеева, Е. А. Аникеенко // Мир науки, культуры, образования. — 2023. — № 4 (101). — С. 412—415.

21. *Петрова Е. С.* Переводоориентированный текст и метаграмматика / Е. С. Петрова // Первые Федоровские чтения. Университетское переводоведение. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2000. — Выпуск 1. — С. 133—140. — ISBN 5-8465-0008-0.

22. *Прошина З. Г.* Опосредованный перевод в перспективе экотранслатологии / З. Г. Прошина // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2013. — № 4. — С. 9—17.

23. *Пшенкина Т. Г.* Психолингвистические основания вербальной посреднической деятельности переводчика / Т. Г. Пшенкина. — Барнаул : Барнаульский государственный педагогический университет, 2005. — 240 с. — ISBN 5-88210-305-3.

24. *Ремхе И. Н.* Языковая личность переводчика и когнитивные особенности переводческого процесса / И. Н. Ремхе // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. — 2011. — № 24 (239). — С. 262—264.

25. *Теория перевода* в классической и современной исследовательской парадигме: онтология, методология, аксиология : коллективная монография / под ред. Л. В. Кушниной. — Москва : Флинта, 2020. — 336 с. — ISBN 978-5-9765-4260-0.

26. *Ушакова А. О.* Текстовая категория техничности и ее функционирование в оригинале и переводе : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / А. О. Ушакова. — Ижевск, 2017. — 23 с.

27. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко ; пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой ; вступ. ст. Н. С. Автономовой. — Санкт-Петербург : А-сad, 1994. — 407 с. — ISBN 5-85962-021-7.

28. *Чистова Е. В.* Когнитивный менеджмент мультимодальных коммуникаций синхронных переводчиков / Е. В. Чистова. — Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2022. — 224 с. — ISBN 978-5-7638-4629-4.

29. *Чистова Е. В.* Локализация веб-сайтов в перспективе экокognитивной транслатологии (на материале сайтов российских компаний) / Е. В. Чистова // Вестник Во-

ронезского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2021. — № 1. — С. 29—38. — DOI: 10.17308/lic.2021.1/3235.

30. Шимановская Л. А. Современные теории перевода и их использование в работе с англоязычной научной статьёй биотехнологического профиля / Л. А. Шимановская // Вестник Казанского технологического университета. — 2012. — № 20. — С. 253—259.

31. Языковая личность переводчика : коллективная монография / отв. ред. Л. А. Нефедова ; науч. ред. М. В. Загидуллина. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2011. — 420 с. — ISBN 978-5-7271-1098-0.

32. Bartes R. *Mythologies* / R. Bartes. — Paris : Éditions du Seuil, 1957. — 267 p. — ISBN 2-02-002582-5.

33. Foucault M. *Les mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines* / M. Foucault. — Paris : Editions Gallimard, 1966. — 400 p. — ISBN 978-2070224845.

34. Kushnina L. *Tournant synergétique dans la traductologie d'aujourd'hui* / L. Kushnina // *Cognitivisme et traductologie. Approches sémantiques et psycholinguistiques*. Sous la direction de Guy Achard-Bayle et Christine Durieux. — Paris : Classiques Garnier, 2017. — Pp. 137—154. — ISBN 978-2406099420.

Статья поступила в редакцию 29.01.2024;
одобрена после рецензирования 11.03.2024;
подготовлена к публикации 16.03.2024.

References

- Alekseeva, I. S. (2013). Anthropocentrism and textocentrism in modern theory and philosophy of translation. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2: 183—187. (In Russ.).
- Alekseeva, I. S. (2008). *Text and translation. Questions of theory*. Moscow: International Relations. 184 p. ISBN 978-5-7133-1318-0. (In Russ.).
- Alekseeva, L. M., Shutemova, N. V. (2012). *Typology of translation: monograph*. Perm: Perm. state National University. issl. Univ. 198 p. ISBN 978-5-7944-2019-7. (In Russ.).
- Bartes, R. (1957). *Mythologies*. Paris: Éditions du Seuil. 267 p. ISBN 2-02-002582-5. (In Frenc.).
- Barth, R. (2008). *Mythology*. Moscow: Academic Project. 351 p. ISBN 978-5-8291-0979-0. (In Russ.).
- Bazhenova, E. A. (2001). *Scientific text in the aspect of politextuality*. Perm: Publishing House of Perm. Unita. 272 p. ISBN 5-8241-0243-0. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2016). Cognitive schemes of linguistic interpretation. *Questions of cognitive linguistics*, 4: 10—20. DOI: 10.20916/1812-3228-2016-4-10-20. (In Russ.).
- Bushev, A. B. (2010). *The linguistic personality of a professional translator*. Tver: Laboratory of Business Graphics LLC. 265 p. ISBN 978-5-9045-0504-2. (In Russ.).
- Chistova, E. V. (2022). *Cognitive management of multimodal communications of simultaneous interpreters*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. 224 p. ISBN 978-5-7638-4629-4. (In Russ.).
- Chistova, E. V. (2021). Localization of websites in the perspective of ecocognitive translatology (based on the material of the websites of Russian companies). *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 1: 29—38. DOI: 10.17308/lic.2021.1/3235. (In Russ.).
- Foucault, M. (1966). *Les mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines*. Paris: Editions Gallimard. 400 p. ISBN 978-2070224845. (In Frenc.).

- Foucault, M. (1994). *Words and things. Archeology of the Humanities*. St. Petersburg: A-cad. 407 p. ISBN 5-85962-021-7. (In Russ.).
- Golev, N. D. (2004). Linguopersonological variability of language. *Proceedings of the Altai State University*, 4 (34): 041—045. (In Russ.).
- Ivantsova, E. V. (2008). Problems of formation of methodological foundations of linguopersonology. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 3 (4): 27—43. (In Russ.).
- Kazakova, T. A. (2016). Metalinguage of translation studies: terms and definitions. *St. Petersburg University. Series 9: Philology. Oriental studies. Journalism*, 4: 75—85. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.406. (In Russ.).
- Komissarov, V. N. (1988). Semantic stratification of text as a translation problem. In: *Text and translation*. Moscow: Nauka. 7—23. ISBN 5-02-010893-6. (In Russ.).
- Kotyurova, M. P. (2008). *Culture of scientific speech. The text and its editing*. Moscow: Flint: Nauka. 280 p. ISBN 978-5-9765-0279-6. (In Russ.).
- Kotyurova, M. P. (2020) Discourse ‘Traps’ or Truisms of Stylistics. *Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology*, 12(1): 34—44. DOI: 10.17072/2073-6681-2020-1-34-44. (In Russ.).
- Kotyurova, M. P., Bazhenova, E. A., Kushnina, L. V. (2023). On differentiation of functional stylistics and speech production. In: *Discursive foundations of speech production: scientific text—new knowledge — translation: collective monograph*. Perm: Perm State National Research University. 16—39. ISBN 978-5-7944-3950-2. (In Russ.).
- Kotyurova, M. P. (2012). *Stylistics of scientific speech: textbook. manual. 2nd ed., ispr*. Moscow: Academy. 240 p. ISBN 978-5-7695-8509-8. (In Russ.).
- Krasnykh, V. V. (2003). “One’s own” among “strangers”: myth or reality? Moscow: Gnosis. 375 p. ISBN 5-94244-004-2. (In Russ.).
- Kushnina, L. (2017). Tournant synergetique dans la traductologie d’aujourd’hui. In: *Cognitivism et traductologie. Approches sémantiques et psychologiques. Sous la direction de Guy Achard–Bayle et Christine Durieux*. Paris: Classiques Garnier. 137—154. ISBN 978-2406099420. (In French).
- Kushnina, L. V. (2018). Modern episteme of translation. In: *Word, utterance, text in cognitive, pragmatic and cultural aspects: materials of the IX International Scientific Conference (Chelyabinsk, April 18—20, 2018)*, 2. Chelyabinsk: Publishing House of the Chelyabinsk State University. 125—128. ISBN 978-5-7271-1493-3. (In Russ.).
- Mityagina, V. A. (2017). Sociopragmatic dimension of the translational paradigm: communicative action in translation. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2. Linguistics*, 16 (3): 30—40. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.3.3. (In Russ.).
- Olenev, S. V. (2016). Aspecting and synthesizing (systemic) approaches to the study of linguistic personality. In: *Linguistic personality: modeling, typology, portraiture. Siberian linguopersonology*, 2. Moscow: LENAND. 7—27. ISBN 978-5-9710-2659-4. (In Russ.).
- Olenev, S. V., Gordeeva, S. O., Anikeenko, E. A. (2023). Strategies for translating the titles of Chinese books and films into Russian. *The world of science, culture, and education*, 4 (101): 412—415. (In Russ.).
- Petrova, E. S. (2000). Translation-oriented text and metagrammatics. In: *The first Fedorov readings. University Translation Studies*, 1. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. 133—140. ISBN 5-8465-0008-0. (In Russ.).
- Proshina, Z. G. (2013). Indirect translation in the perspective of ecotranslatology. *Bulletin of the Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication*, 4: 9—17. (In Russ.).

- Pshenkina, T. G. (2005). *Psycholinguistic foundations of the verbal mediation activity of the translator*. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University. 240 p. ISBN 5-88210-305-3. (In Russ.).
- Remkhe, I. N. (2011). Linguistic personality of the translator and cognitive features of the translation process. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art history*, 24 (239): 262—264. (In Russ.).
- Shimanovskaya, L. A. (2012). Modern translation theories and their use in working with an English-language scientific article of a biotechnological profile. *Bulletin of the Kazan Technological University*, 20: 253—259. (In Russ.).
- The linguistic personality of the translator: a collective monograph*. (2011). Chelyabinsk: Publishing house of Chelyabinsk State University. 420 p. ISBN 978-5-7271-1098-0. (In Russ.).
- The theory of translation in the classical and modern research paradigm: ontology, methodology, axiology: a collective monograph*. (2020). Moscow: Flint. 336 p. ISBN 978-5-9765-4260-0. (In Russ.).
- Ushakova, A. O. (2017). *The textual category of technicality and its functioning in the original and translation*. Author's abstract of PhD Diss. Izhevsk. 23 p. (In Russ.).
- Zherebin, A. I. (2021). Comparative studies of Yuri Tynyanov in the light of the theory of translation. *Bulletin of the St. Petersburg University. Language and literature*, 18 (2): 262—276. DOI: 10.21638/spbu09.2021.202. (In Russ.).

*The article was submitted 29.01.2024;
approved after reviewing 11.03.2024;
accepted for publication 16.03.2024.*

Информация для цитирования:

Сигал К. Я. Метаязыковое внимание и пунктуация / К. Я. Сигал // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 2. — С. 157—175. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-157-175.

Seagal, K. Ya. (2024). Metalinguistic Attention and Punctuation. *Nauchnyi dialog*, 13 (2): 157-175. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-157-175. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Метаязыковое внимание
и пунктуация**

Сигал Кирилл Яковлевич
orcid.org/0000-0001-9400-4587
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник,
отдел экспериментальных
исследований речи
kjseagal@yandex.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

**Metalinguistic Attention
and Punctuation**

Kirill Ya. Seagal
orcid.org/0000-0001-9400-4587
Doctor of Philology,
Chief Researcher,
Department of Experimental
Speech Research
kjseagal@yandex.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предлагается анализ феномена метаязыкового внимания применительно к пунктуационному маркированию сложносочиненных предложений с общим второстепенным членом (детерминантом), выражающих соединительные отношения. В качестве материала для исследования использован микрокорпус, составленный путем выборочного извлечения предложений преимущественно из текстов русской художественной прозы XX—XXI веков. Актуальность исследования заключается в том, что в современной теории пунктуации, все чаще обращающейся к исследованиям метаязыковых операций, еще не обсуждался вопрос о метаязыковом внимании и его участии в оперировании знаками препинания. Разъяснено, что метаязыковое внимание представляет собой сосредоточение на определенном объекте и включение его в акт метаязыковой рефлексии. Метаязыковое внимание отличается направленностью на деятельность с объектом, произвольностью, распределенным характером, опорой на апперцепцию. В процессе пунктуационного маркирования метаязыковое внимание выполняет прогностическую и контролируемую функции. Продемонстрировано, что при пунктуационном маркировании сложносочиненных предложений с общим второстепенным членом (детерминантом) метаязыковое внимание фокусируется на их отдельных составляющих (общем компоненте и средстве связи), с одной стороны, и на их структурно-семантической целостности, с другой.

Ключевые слова:

метаязыковое внимание; пунктуация; пунктуационное маркирование; синтаксис; сложносочиненное предложение; общий второстепенный член предложения; детерминант; соединительные отношения.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article offers an analysis of the phenomenon of metalinguistic attention in relation to the punctuation marking of compound sentences with a common secondary element (determinant) expressing conjunctive relations. The research material consists of a microcorpus compiled by selectively extracting texts mainly from Russian fiction prose of the 20th–21st centuries. The relevance of the study lies in the fact that in contemporary punctuation theory, which increasingly draws on research on metalinguistic operations, the question of metalinguistic attention and its involvement in punctuation marking has not yet been discussed. It is clarified that metalinguistic attention represents a focus on a specific object and its inclusion in the act of metalinguistic reflection. Metalinguistic attention is characterized by its directedness towards activity with the object, its arbitrariness, distributed nature, and reliance on apperception. In the process of punctuation marking, metalinguistic attention performs prognostic and controlling functions. It is demonstrated that in the punctuation marking of compound sentences with a common secondary element (determinant), metalinguistic attention is focused on their individual constituents (common element and linking means) on the one hand, and their structural-semantic integrity on the other.

Key words:

metalinguistic attention; punctuation; punctuation marking; syntax; compound sentence; common secondary element; determinant; conjunctive relations.

УДК 811.161.1*367+003.086

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-157-175

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Метаязыковое внимание и пунктуация

© Сигал К. Я., 2024

К 135-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна

<...> мы пользуемся метаязыком, не осознавая
метаязыкового характера наших операций.

Р. О. Якобсон

The emphasis should be <...> on understanding
how attention is involved in our goal-directed linguistic cognition.

R. K. Mishra

1. Введение = Introduction

В современной теории пунктуации, как известно, на первый план выходит исследование пунктуационной «упаковки» высказывания, где пишущий воплощает в знаках препинания свои смысловые интенции, с одной стороны, и сведения о конструктивно-синтаксических и коммуникативно-синтаксических факторах, лежащих в основе пунктуационных действий, с другой. В наши дни здесь по-новому осмысливается и фигура пишущего: он рассматривается не просто как тот, кто обладает пунктуационным навыком и способен тем самым осуществить правилообразное пунктуационное действие, но как тот, кто творчески использует ресурсы пунктуации — важнейшего компонента порождения высказывания в условиях письменной речи — и у кого владение пунктуацией связано со всеми когнитивными и собственно речевыми механизмами, участвующими в продуцировании высказывания на письме.

Представляется, что наиболее многообещающим может оказаться анализ взаимодействия пунктуационного маркирования и внимания. В новейших трудах по когнитивной лингвистике отмечается, что «структура языка сама по себе указывает (indicates) на вовлеченность внимания» [Mishra, 2015, p. 14] и что «внимание <...> определяет использование языка: фокус внимания ограничивает (constrains) то, что говорится, а также то, как это говорится» [Tenbrink, 2020, p. 93]. В рамках лингвистики предпочтитель-

нее было бы ставить вопрос о связи пунктуационного маркирования не столько с вниманием как таковым, сколько с его особой формой — метаязыковым вниманием.

Целями настоящей статьи являются обоснование понятия «метаязыковое внимание» и определение основных особенностей метаязыкового внимания, обеспечивающих семантико-структурную адекватность пунктуационной «упаковки» высказывания. Кроме того, в статье предпринят анализ пунктуационного маркирования сложносочиненных предложений с общим второстепенным членом (детерминантом), направленный на выяснение возможностей метаязыкового внимания как объяснительного инструмента. Обращение к данному пунктуационному явлению обусловлено тем, что от пишущего здесь «требуется постоянное *внимание* (курсив мой. — К. С.) и к содержанию высказывания, и к его форме, то есть к синтаксической структуре предложения» [Абакумов, 1950, с. 72—73].

Актуальность исследования заключается в том, что, во-первых, в современной теории пунктуации востребован подход к пунктуационному маркированию как к речевому действию, опосредованному метаязыковыми операциями пишущих (ср., например, [Георгиева, 2021]); во-вторых, никогда прежде не обсуждался вопрос о метаязыковом внимании и его участии в оперировании знаками препинания; в-третьих, на основе представлений о метаязыковом внимании рассмотрены способы пунктуационного маркирования сложносочиненных предложений с общим второстепенным членом (детерминантом), а именно: нулевой пунктуационный знак [Шварцкопф, 2004] и разделительная (одиночная) запятая.

Научная новизна статьи состоит в том, что в ней разработаны основы теории метаязыкового внимания применительно к функционированию пунктуации, с одной стороны, и показано применение этой теории к анализу пунктуационного маркирования сложносочиненных предложений с общим второстепенным членом (детерминантом), с другой.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Необходимо отметить, что сложносочиненные предложения с общим второстепенным членом (детерминантом) относятся к малочастотным синтаксическим построениям. В некоторых довольно значительных по объему текстах не встречается ни одного прецедента их употребления. Именно поэтому микрокорпус, состоящий из 120 сложносочиненных предложений с общим второстепенным членом (детерминантом), собирался путем выборочного извлечения в основном из текстов русской художественной прозы XX—XXI веков в течение нескольких лет. При составлении этого микрокорпуса учитывались не только сложносочиненные предложения,

выражающие собственно соединительные отношения и обладающие одиночным союзом (чаще всего — *и*) и общим второстепенным членом (детерминантом) в инициальной позиции, типа *По вечерам розовело За-москворечье и отчаянно кричали в садах галки* (К. Г. Паустовский. Романтики) [П-2, с. 99], но и сложносочиненные предложения с неинициальной позицией общего второстепенного члена (детерминанта), с повторяющимся союзом *и...и*, с анафорическим компонентом во второй предикативной части, а также бессоюзные сложные предложения (фактически — сложносочиненные предложения бессоюзного типа) с общим второстепенным членом (детерминантом).

В пунктуационном плане сложносочиненные предложения с общими предикативными, непредикативными и служебными (связкой, частицей) компонентами и одиночным соединительным союзом представляют собой одно и то же явление [Правила..., 2014, с. 247—249; Холодов, 1975, с. 39—40]. Пунктуационное маркирование этих синтаксических построений основано на принципе пунктуационной аналогии, согласно которому «в сходных конструкциях по аналогии ставятся одинаковые знаки препинания» [Блинов, 1990, с. 6]. Существенно, что в рассматриваемом случае пунктуационной аналогии именно общий второстепенный член (детерминант) создает образец пунктуационного маркирования сложносочиненных предложений при наличии «координатора», то есть дополнительного (по отношению к союзу) показателя «одинаковости, однородности, равноправия» [Холодов, 1975, с. 40]. Эта пунктуационная аналогия, как оказывается, имеет свой предел. Так, по мнению С. Н. Подболотовой, общим компонентом сложносочиненных предложений может быть обращение [Подболотова, 1992, с. 8]. Приводя пример из повести Ю. В. Бондарева «Юность командиров»: — *Нет, Стена, и в армии есть страсти, и они движут людьми!* [Бон, с. 422], — она «снимает» запятую перед союзом *и*. Однако писатель вовсе не ошибся: обращение не соотносится здесь одинаково с предикативными частями сложносочиненного предложения, выражающего соединительно-распространительные отношения.

При характеристике метаязыкового внимания, в том числе применительно к пунктуации, был использован аналитический метод, позволяющий осуществить экстраполяцию релевантных особенностей внимания в сферу метаязыковой деятельности. Непосредственно при исследовании пунктуационных фактов с точки зрения метаязыкового внимания применялись такие общенаучные методы, как наблюдение и сопоставление, и такие лингвистические методы, как структурно-семантический анализ, синтаксический эксперимент в виде трансформаций перестановки и замены, дискурсивный анализ вариантов пунктуационного маркирования.

Термин *метаязыковое внимание*, предложенный двадцать лет назад [Сигал, 2004, с. 192 и сл.], спорадически использовался так, как если бы за ним стояло самоочевидное понятие. При этом стоит подчеркнуть, что, размышляя о «метаязыковой функции» [Якобсон, 1975, с. 202], а также о «метаязыковом осознании (metalinguistic awareness)» [Mertz et al., 2009] и о «метаязыковой рефлексии» [Шумарина, 2011], лингвисты стремятся обычно охватить одним термином предназначенность языка к описанию собственными средствами, с одной стороны, и метаязыковую активность носителей языка, с другой. Если в первом случае этот подход вполне допустим, то во втором случае он препятствует появлению более детализированного представления о том, как происходит обращение к языку как объекту (а не только как средству осуществления) речемыслительной деятельности. Очевидно, для того, чтобы подвергнуть нечто метаязыковой рефлексии, необходимо направить свое сознание на этот объект, сосредоточиться на нем, а также на том, как обычно оперируют им, то есть, иначе говоря, необходимо поставить его в фокус метаязыкового внимания. При том, что взаимодействие языка и внимания стало предметом многих обстоятельных исследований в области когнитивной лингвистики [Кубрякова, 2012, с. 181—194; Талми, 2006; Mishra, 2015], феномен метаязыкового внимания не выделялся в них и, соответственно, не получил какого-либо освещения.

Проблема пунктуационного маркирования сложносочиненных предложений с общим второстепенным членом (детерминантом) рассматривается как лингвистами [Архангельская и др., 2005; Холодов, 1975, с. 47—54], так и методистами [Блинов, 1990, с. 156—158]. Так, в лингвистике занимаются поиском особых показателей, демонстрирующих, что тот или иной второстепенный член в сложносочиненных предложениях является подлинным либо «кажущимся “общим” элементом» [Архангельская и др., 2005, с. 61], а также обоснованием того, что «использование / неиспользование запятой применяется как средство разграничения семантических оттенков в данных предложениях» [Холодов, 1975, с. 52]. В методике пунктуации констатируют отсутствие у многих пишущих навыка учитывать общий второстепенный член (детерминант) при пунктуационном прогнозировании. Согласно Г. И. Блинову, причинами этого являются «связь общего зависимого члена, выходящая за рамки цепочки слов», которая устанавливается внутри первой предикативной части, и размещение общего второстепенного члена не в начале сложносочиненного предложения [Блинов, 1990, с. 157]. Как кажется, подспудно во всех этих исследованиях вызревала необходимость осмыслить рассматриваемые пунктуационные факты с точки зрения метаязыкового внимания.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. К теории метаязыкового внимания (применительно к пунктуации)

Несмотря на то, что в когнитивной лингвистике внимание называют «загадочным явлением (baffling phenomena)» [Mishra, 2015, p. 47], здесь вынуждены учитывать фактор внимания, вступающий в сложные взаимосвязи с «осознанием и автоматизированными процессами (awareness and automated processes)» [Tenbrink, 2020, p. 95]. Можно полагать, что разные формы внимания так или иначе участвуют в управлении речевой деятельностью, хотя почти все они довольно опосредованно связаны со спецификой речевой деятельности и языка как ее первоосновы. Метаязыковое внимание, наоборот, представляет собой такую форму внимания, в которой непосредственно отражен и обобщен опыт речевой деятельности, накапливающийся у языковой личности в течение всей жизни.

Метаязыковое внимание запускает процесс метаязыковой рефлексии, который воплощается, с одной стороны, в метаязыковых действиях и операциях (в частности, пунктуационных), а с другой — в метаязыковой «инкрустации» сообщения и в его метаязыковой оценке извне. Метаязыковое внимание не возникает само по себе: оно формируется в процессе обучения и «оттачивается» в упражнениях. Согласно С. Л. Рубинштейну, «внимание к объекту, будучи предпосылкой для направленности на него действия, является вместе с тем и результатом какой-то деятельности» [Рубинштейн, 2001, с. 41]. По отношению к метаязыковому вниманию это утверждение особенно верно. Метаязыковое внимание проявляется только тогда, когда речевая деятельность осуществляется не в полностью автоматизированном режиме, когда неотъемлемым условием ее осуществления является самоконтроль (и даже саморедактирование). В иных условиях наблюдается замыкание метаязыкового внимания на себя, не дающее от мгновенной аттенциональной «вспышки» перейти к акту метаязыковой рефлексии.

В рамках когнитивной лингвистики ближе всех к раскрытию особенностей метаязыкового внимания подошел Л. Талми. Согласно этому исследователю, «внимание в языке является градуальным»; «внимание обычно скорее привлекается к референту», то есть к «семантическому содержанию, чем к форме или структуре языкового выражения»; «внимание чаще направлено на единицы более высокого <...> уровня, чем на единицы низших уровней» [Талми, 2006, с. 24]. Названные особенности метаязыкового внимания (у Л. Талми, «внимания в языке») не исчерпывают, однако, специфики этой формы внимания как когнитивного процесса. Применительно к пунктуационному маркированию (хотя, по-видимому, не исключительно

к нему) необходимо выделить следующие существенные особенности метаязыкового внимания.

Во-первых, метаязыковое внимание характеризуется привязкой не столько к объекту, сколько к деятельности с ним. По этой причине метаязыковое внимание целесообразно определять как «направленность и сосредоточенность сознания на деятельности с объектами» [Дормашев и др., 1995, с. 40], то есть словами, синтаксическими конструкциями и т. д. Если пишущий не научен оперировать знаком препинания, то есть действовать с ним в определенных условиях, то у него не возникает потребности зафиксировать внимание на тех условиях, которые требуют поставить / не поставить знак препинания.

Во-вторых, метаязыковое внимание отличается произвольностью. Как подчеркивает П. Я. Гальперин, «внимание произвольное есть внимание планомерное <...> Наличие <...> плана <...> позволяет вести контроль, а вместе с тем и направлять внимание на то, на что мы хотим его направить, а не на то, что “само бросается в глаза”» [Гальперин, 2001, с. 540]. Именно произвольный характер метаязыкового внимания дает возможность пишущему отождествлять пунктуационные позиции и применять знаки препинания в них так, как этого требуют норма, узус и привычные способы пунктуационного самовыражения.

В-третьих, метаязыковое внимание носит распределенный характер. Обычно метаязыковое внимание выступает как «по крайней мере двухфокальное внимание», как «концентрация его не в одном, а в двух или большем числе различных фокусов» [Рубинштейн, 2001, с. 43]. Это вызвано тем обстоятельством, что многие пунктуационные действия предполагают учет нескольких условий. Так, в примере из К. Г. Паустовского нужно сфокусировать внимание не только на том, что это сложносочиненное предложение с общим темпоральным детерминантом *по вечерам*, занимающим инициальную позицию, но и на том, что предикативные части связаны соединительным союзом *и*, причем неповторяющимся (ср. [Блинов, 1990, с. 156]). Единство этих трех условий («фокусов»), фиксируемое метаязыковым вниманием, побуждает пишущего отказаться от постановки запятой перед союзом *и*.

В-четвертых, метаязыковое внимание во многом опирается на «апперцепцию», которая «представляется <...> как бы накопленным капиталом внимания» [Выготский, 2001, с. 75]. В сфере пунктуации действительность метаязыкового внимания напрямую зависит от того, как часто пишущий употребляет ту или иную синтаксическую конструкцию и насколько полными являются его сведения о разнообразных условиях ее реализации. Чем богаче пунктуационный опыт пишущего, тем более чувствительным к тонкостям и нюансам пунктуации становится его метаязыковое внима-

ние. В этом смысле метаязыковое внимание, говоря словами Л. С. Выготского, является «целью в себе» [Там же].

Безусловно, наиболее явственно метаязыковое внимание проявляется в условиях письма, так как «весь процесс контроля над письменной речью остается в пределах деятельности самого пишущего» [Лурия, 1998, с. 270]. Метаязыковое внимание активизируется при письме потому, что именно в этом регистре допустим «сознательный анализ средств <...> выражения» [Там же, с. 272]. В письменной речи пунктуационные позиции и знаки препинания (в том числе нулевые), участвующие в их маркировании, непременно и, что особенно важно, непреднамеренно попадают в фокус метаязыкового внимания. Ведь, действительно, «в письме есть нечто еще более метаязыковое (сравнительно с устным дискурсом. — К. С.), поскольку лингвистический аппарат становится артефактом» [Mertz et al., 2009, p. 265]: знаки препинания в письменных высказываниях представляют в «снятом» виде метаязыковые операции, в которых отображено проецирование пишущими разных аспектов этих высказываний (структурного, семантического и т. д.) на пунктуационную норму (реже — узус и личный вкус). Совсем не случайно Л. Р. Зиндер называет знаки препинания «метаязыковыми семасиограммами» [Зиндер, 1987, с. 73], а М. Георгиева отмечает, что «пунктуационный знак сам по себе является метаязыком» [Георгиева, 2021, с. 9].

При этом важно понимать, что метаязыковое внимание не выступает как константная величина в процессе становления пунктуационных навыков. Изначально метаязыковое внимание носит предельно редуцированный характер и сводится к «видению знаков препинания» [Григорян, 1982, с. 56]. Так, у первоклассников ведущая роль визуально-констатирующего начала в метаязыковом внимании связана с необходимостью запомнить знаки препинания и привыкнуть фокусироваться на них (ср. эксперимент, описанный Л. Т. Григорян [Там же, с. 57—58]). По мере формирования пунктуационных навыков визуально-констатирующее начало в метаязыковом внимании уходит на задний план, а более активным становится его визуально-прогнозирующее начало. Благодаря этому метаязыковое внимание обычно сосредоточено на тех особенностях письменного высказывания, которыми обусловлена постановка конкретных знаков препинания. Получается, что если метаязыковое внимание визуально-констатирующего типа обращено преимущественно к знаку препинания, то метаязыковое внимание визуально-прогнозирующего типа — к пунктуационной позиции.

Вслед за С. Л. Рубинштейном принято считать, что «внимание своего особого содержания не имеет» [Рубинштейн, 2001, с. 39]. Применительно к метаязыковому вниманию это не так: содержанием метаязыкового внимания является все то в языке и устной / письменной речи, что когда-либо

было подвергнуто осознанию, чем можно оперировать намеренно, в отношении чего осуществим контроль. В связи с этим допустимо полагать, что в метаязыковом внимании представлен в «свернутом» виде акт метаязыковой рефлексии во всей его полноте.

3.2. Пунктуационное маркирование сквозь призму метаязыкового внимания: сложносочиненные предложения с общим второстепенным членом (детерминантом)

Приступая к анализу пунктуационной «упаковки» конкретной синтаксической структуры с точки зрения метаязыкового внимания, напомним об одной специфической черте внимания как такового: «<...> мы фокусируемся на отдельных свойствах объектов, чтобы синтезировать их в целостный образ, а также обладаем способностью к сканированию (передвижению фокуса) <...> в пределах <...> объектов» [Кубрякова, 2012, с. 188]. Метаязыковое внимание в сфере пунктуационного маркирования тоже обеспечивает как воссоздание целостного образа письменного высказывания (в том числе планируемого), так и сканирование его по отдельным частям и по отдельным аспектам. Поэтому-то метаязыковое внимание не только определяет семантико-структурную адекватность пунктуационного маркирования внутри письменного высказывания, но и обуславливает «согласованность» пунктуационных маркеров со смысловой организацией микротекста. При пунктуационном маркировании сложносочиненных предложений с общим второстепенным членом (детерминантом) имеют место фокусирование метаязыкового внимания на наличии / отсутствии общего компонента, на средстве связи, на семантико-структурных «сдвигах» соединительных отношений и, главное, передвижение фокуса метаязыкового внимания, позволяющее обнаружить все значимые в пунктуационном плане особенности таких предложений.

Специфика общего второстепенного члена (детерминанта) сложносочиненных предложений состоит в том, что он выполняет одинаковую синтаксическую функцию в каждой из предикативных частей. При этом от общего второстепенного члена (детерминанта) как такового не зависит способ пунктуационного маркирования на границе частей сложносочиненного предложения. Общий второстепенный член (детерминант) создает своеобразный семантический фон (чаще всего — локативный и / или темпоральный), обеспечивающий цельно-событийную интерпретацию содержащихся в сложносочиненном предложении предикаций. В таких синтаксических структурах, по замечанию Т. М. Николаевой, «общий локализатор делает предложение рассказом об одном событии» [Николаева, 2000, с. 293]. В тема-рематической организации сложносочиненных предложений общий второстепенный член (детерминант), занимающий ини-

циальную позицию, выступает как единый тематический компонент. При одиночном соединительном союзе *и* он вполне мог бы в случае необходимости отделяться от остальной части сложносочиненного предложения знаком «тире», отражающим его интонационную обособленность [Холодов, 1975, с. 52]. Ср.: *По вечерам — розовело Замоскворечье и отчаянно кричали в садах галки* (трансформ).

В структуре двухчастного сложносочиненного предложения общие второстепенные члены (детерминанты) могут находиться в начале всего предложения, в середине первой части и в конце второй, причем «передвижение их в составе предложения не связано с задачами актуализации» [Шведова, 2005, с. 184]. Именно позиционное варьирование общего второстепенного члена (детерминанта) требует предельной концентрации метаязыкового внимания: ведь, не обнаружив этот общий непредикативный компонент в сложносочиненном предложении с одиночным союзом *и*, пишущий может ошибочно поставить запятую. Ср.: *Со всех сторон плескалась вода и гудело равнодушное море* (К. Г. Паустовский. Колхида) [П-2, с. 509]; *Гоняются над лугом друг за дружкой веселые стрекозы и перепархивают разноцветные бабочки* (И. С. Соколов-Микитов. Красное лето) [С-М, с. 39]; *Я краснею и издательство краснеет за такие «опечатки»* (Из записи выступления А. А. Реформатского) [Кас, с. 597]. Общие второстепенные члены (детерминанты), находящиеся не в начале сложносочиненного предложения, беспрепятственно могут быть перемещены в эту позицию. Ср.: *Над лугом гоняются друг за дружкой веселые стрекозы и перепархивают разноцветные бабочки* (трансформ); *За такие «опечатки» я краснею и издательство краснеет* (трансформ).

В фокус метаязыкового внимания могут попасть сразу несколько общих компонентов, хотя в случае сложносочиненного предложения с одиночным союзом *и* фокусирование даже на одном из них не приведет к ошибочно поставленной запятой. Ср. в повести А. Г. Битова «Человек в пейзаже»: *В образе была уже ночь и затеплились гнилушки* [Бит, с. 379]; *Почерк у него (у брата. — К. С.) был замечательный и конспект образцовый* [Там же, с. 389]. В первом сложносочиненном предложении имеются два общих детерминанта — локативный и темпоральный, расположенные в начале и в середине первой предикативной части дистантно по отношению друг к другу; во втором — общий субъектно-локативный детерминант и общая связка, контактно расположенные в середине первой предикативной части.

Метаязыковое внимание пишущих бывает ориентировано на поиск в предикативных частях сложносочиненных предложений разных второстепенных членов (детерминантов), выполняющих одну и ту же синтаксическую функцию. Если они находят во второй части, например, «свое

собственное обстоятельство места» [Архангельская и др., 2005, с. 61], то больше не фокусируются на обстоятельстве места в первой части, поскольку этот второстепенный член предложения, по их мнению, не может быть общим, и ставят запятую. Однако далеко не всегда запятая, вызванная подобной сверхгенерализацией, может быть обоснована в лексико-грамматической структуре сложносочиненного предложения. Ср.: *А за широко распахнутыми окнами шумно ссорятся воробьи и где-то отчаянно звенит трамвай* (Ф. А. Вигдорова. Мой класс) [Виг, с. 142]. В данном предложении представлен нулевой знак препинания, причем это единственно приемлемый пунктуационный маркер. Хотя в обеих предикативных частях есть свой локативный детерминант, неопределенное местоименное наречие *где-то* не совпадает в референциальном плане с предложно-падежной словоформой *за окнами* и образует с ней словосочетание *за окнами где-то*. Это означает, что локативный детерминант, занимающий инициальную позицию в первой предикативной части (*за окнами*), является общим второстепенным членом.

В отдельных случаях фиксацию метаязыкового внимания на общем второстепенном члене (детерминанте) невозможно осуществить внутри сложносочиненного предложения, так как функция общности не определяется однозначно. Так, на слух предложение *Маячат впереди далекие горы да однообразно желтеют уже освободившиеся от снега пологие холмы* (И. С. Соколов-Микитов. В тундре) [С-М, с. 165] может быть понято двояко: либо как описание только того, что видится впереди, либо как описание того, что видится впереди, и того, что видится не только впереди. Очевидно, что в первом случае запятая недопустима (*впереди* — общий локативный детерминант), а во втором — допустима (*впереди* — локативный детерминант только в первой предикативной части). При обращении к предшествующему предложению становится ясно, что сам писатель имел в виду первое толкование (на это у И. С. Соколова-Микитова указывает и отсутствие запятой перед соединительным союзом *да*). Ср.: *Идешь, идешь, бывало, и ничто как будто не изменяется перед глазами* [Там же]. В микротексте писатель выдерживает единую дейктико-смысловую линию ('перед глазами', 'впереди'), в которую оказалось включено и сложносочиненное предложение с общим второстепенным членом (детерминантом).

Концентрация метаязыкового внимания на общем второстепенном члене (детерминанте) неотделима от фокусирования на средстве связи между предикативными частями: одиночный соединительный союз определяет использование нулевого пунктуационного знака, бессоюзная связь и повторяющийся соединительный союз — разделительной запятой. Ср.: *Ночью печально и широко шумело море и было холодно* (К. Г. Паустовский. Экетки для колониальных товаров) [П-3, с. 50]; *Под солнцем курилась*

стень, свистали суслики, дремали курганы, омываемые полынными ветрами (А. Веселый. Россия, кровью умытая) [Вес, с. 330]; ***И поезд шел теперь, казалось, веселее, и небо было чище, и солнце ласковее*** (В. А. Кочетов. Чего же ты хочешь?) [Коч, с. 291]. В бессоюзном сложном предложении и в сложносочиненном предложении с повторяющимся союзом *и...и*, включающих по три предикативных части, общие компоненты (локативный детерминант в первом случае; темпоральный детерминант и персуазивный вводно-модальный компонент — во втором) семантически «тесно связывают такие предложения в одно целое» [Правила..., 1956, с. 77], разделительная запятая ставится в них на чисто синтаксических основаниях.

Правда, если в сложносочиненном предложении с повторяющимся союзом *и...и* возникает фразеологическая слитность, в том числе аллюзивного типа, то разделительная запятая в нем маловероятна. Ср.: *Одна половинка меня затребовала, чтобы я немедленно отключила мобильный и убрала в сумку. Так и учительница останется довольна и папа будет знать, что, если игнорировать дочку девять месяцев, на десятый она может не взять трубку* (Ю. Кузнецова. Первая работа: Возвращение) [Куз, с. 190—191]. В этом предложении с общим детерминантом образа действия ощутима аллюзия к пословице *И волки сыты, и овцы целы* ‘Обе стороны довольны результатом дела’ [Бирих и др., 2005, с. 114], где по аналогии со свободно-синтаксическим генотипом имеется разделение посредством запятой. В узусе представлен, однако, и нулевой знак препинания, отражающий фразеологический характер этого выражения. Ср.: *Причем у вас воспитательное средство не то, которое ведет к цели, а то, при котором меньше скандалов, меньше крика <...>, когда и волки сыты и овцы целы* (А. С. Макаренко. Из опыта работы) [М, с. 305—306].

Почти свободная вариантность нулевого пунктуационного знака и разделительной запятой в сфере сложносочиненных предложений с общим второстепенным членом (детерминантом), возникающая вследствие семантико-структурных «сдвигов» соединительных отношений, привлекает к себе метаязыковое внимание в его особой концентрации. Это обусловлено тем, что даже незначительное преобразование соединительных отношений за счет сем ‘распространительности’ и / или ‘результативности’ может приводить к разрушению значимого для пунктуационного маркирования семантического эталона сложносочиненных предложений с общим второстепенным членом (детерминантом) и с одиночным союзом *и*. Подобному преобразованию может способствовать, например, наличие во второй предикативной части такого местоименного компонента, который вступает в анафорическую связь с субстантивным компонентом из первой предикативной части сложносочиненного предложения.

При таком условии пунктуационное оформление даже одного и того же предложения, рассматриваемое в ракурсе издательско-текстологической истории литературного произведения, порой оказывается различным. Так, если при издании рассказа К. Г. Паустовского «Белая радуга» в 1958 году сложносочиненное предложение *Иногда в горах срывались лавины и над ними столбом стояла белая пыль* [П-1, с. 117] было напечатано без разделительной запятой перед союзом *и*, то в издании 1983 года эта запятая появилась [П-3, с. 353]. Нет сомнений в том, что в первом случае сложносочиненное предложение было осмыслено как конструкция с общим темпоральным детерминантом, а во втором — как конструкция, не имеющая общего второстепенного члена (детерминанта). Представляется, что метаязыковое внимание выделило в первом случае собственно соединительные отношения, а во втором — соединительно-распространительные и соединительно-результативные отношения одновременно.

Однако конкуренция этих семантико-структурных интерпретаций далеко не всегда получает отражение в разграничении пунктуационных маркеров. Преимущественно подобные сложносочиненные предложения с анафорической связью оформляются без разделительной запятой. Ср.: *Зимой заборчик совсем заносит снегом и его вообще не видно* (Ю. Я. Яковлев. Сын летчика) [Як, с. 73]. Это означает, что соединительные отношения в сложносочиненных предложениях с общим второстепенным членом (детерминантом) носят «формальный характер» [Холодов, 1975, с. 47] и что метаязыковое внимание фиксируется в структурах с анафорической связью прежде всего на единой синтаксической форме сложносочиненных предложений с общим второстепенным членом (детерминантом) и с одиночным союзом *и*.

4. Заключение = Conclusions

В заключение остановимся на наиболее важных теоретических положениях и эмпирических обобщениях, которые могут быть сформулированы на основе представленного исследования.

Метаязыковое внимание является своеобразным первоначалом метаязыковой рефлексии, обеспечивающим фокусирование на определенном объекте, и в то же время в «свернутом» виде включает в себя всю полноту акта метаязыковой рефлексии. Метаязыковое внимание отличается такими особенностями, как направленность на деятельность с объектом, произвольность, распределенный характер, опора на апперцепцию.

В сфере пунктуационного маркирования метаязыковое внимание функционирует посредством двух механизмов: фокусирования и сканирования (то есть передвижения фокуса), причем в их динамическом единстве. Метаязыковое внимание позволяет осуществить анализ пунктуаци-

онной позиции, то есть условий для применения знака препинания, как по отдельным ее составляющим, так и в целом. В процессе пунктуационного маркирования метаязыковое внимание выполняет прогностическую и контролирующую функции.

Участие метаязыкового внимания в пунктуационном маркировании сложносочиненных предложений с общим второстепенным членом (детерминантом) состоит преимущественно в фокусировании на общем компоненте и средстве связи. В то же время метаязыковым вниманием отмечается формально-обобщенный характер соединительных отношений, обеспечивающий отождествление пунктуационной позиции сложносочиненных предложений с общим второстепенным членом (детерминантом) в условиях семантико-структурного «сдвига» и стабильность ее оформления нулевым знаком препинания (при одиночном союзе) либо разделительной запятой (при бессоюзной связи или при повторяющемся союзе).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Бирях А. К.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А. К. Бирях, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. — Москва : АСТ, 2005. — 926 с. — ISBN 5-17-029253-8.
2. Бит — *Битов А. Г.* Обоснованная ревность : повести / А. Г. Битов. — Москва : АСТ ; Редакция Елены Шубиной, 2022. — 491 с. — ISBN 978-5-17-148286-2.
3. Бон — *Бондарев Ю. В.* Собрание сочинений. В 6-ти т. Батальоны просят огня ; Юность командиров : Повести / Ю. В. Бондарев. — Москва : Художественная литература, 1984. — Т. 1. — 455 с.
4. Вес — *Веселый А.* Россия, кровью умытая : роман / фрагмент / А. Веселый. — Москва : Вече, 2023. — 528 с. — ISBN 978-5-4484-3217-0.
5. Виг — *Вигдорова Ф. А.* Мой класс : повесть / Ф. А. Вигдорова. — Москва : Детская литература, 2022. — 301 с. — ISBN 978-5-08-006408-1.
6. Кас — *Касаткин Л. Л.* Обсуждение 2-го издания учебника А. А. Реформатского «Введение в языкознание» 22 июня 1956 года / Л. Л. Касаткин // Семиотика, лингвистика, поэтика : к столетию со дня рождения А. А. Реформатского. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — С. 593—639. — ISBN 5-9551-0049-0.
7. Коч — *Кочетов В. А.* Чего же ты хочешь? : роман / В. А. Кочетов. — Москва : Вече, 2021. — 480 с. — ISBN 978-5-4484-3004-6.
8. Куз — *Кузнецова Ю.* Первая работа : Возвращение / Ю. Кузнецова. — Москва : КомпасГид, 2017. — 352 с. — ISBN 978-5-00083-406-0.
9. М — *Макаренко А. С.* Собрание сочинений: в 7 томах / А. С. Макаренко. — Москва : АПН РСФСР, 1951. — Т. 5. — 511 с.
10. П-1 — *Паустовский К. Г.* Собрание сочинений : в 6 томах / К. Г. Паустовский. — Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1958. — Т. 5. — 663 с.

11. П-2 — *Паустовский К. Г.* Собрание сочинений : в 9 томах / К. Г. Паустовский. — Москва : Художественная литература, 1981. — Т. 1. — 623 с.
12. П-3 — *Паустовский К. Г.* Собрание сочинений. В 9-ти т. / К. Г. Паустовский. — Москва : Художественная литература, 1983. — Т. 6. — 623 с.
13. С-М — *Соколов-Микитов И. С.* От весны до весны / И. С. Соколов-Микитов. — Ленинград : Детская литература, 1964. — 176 с.
14. Як — *Яковлев Ю. Я.* Письмо с вулканического острова : Рассказы / Ю. Я. Яковлев. — Москва : Детская литература, 1965. — 256 с.

Литература

1. *Абакумов С. И.* Методика пунктуации. 2-е изд. / С. И. Абакумов. — Москва : Издательство АПН РСФСР, 1950. — 116 с.
2. *Архангельская Ю. В.* Что такое «общий элемент» в сложносочиненных предложениях и как быть с запятой? / Ю. В. Архангельская, Е. С. Павлова // Русская речь. — 2005. — № 4. — С. 60—63.
3. *Блинов Г. И.* Методика изучения пунктуации в школе. 2-е изд. / Г. И. Блинов. — Москва : Просвещение, 1990. — 208 с. — ISBN 5-09-001105-2.
4. *Выготский Л. С.* Психология и педагогика внимания / Л. С. Выготский // Психология внимания : Хрестоматия. — Москва : ЧеРо, 2001. — С. 53—76. — ISBN 5-88711-149-6.
5. *Гальперин П. Я.* К проблеме внимания / П. Я. Гальперин // Психология внимания : Хрестоматия. — Москва : ЧеРо, 2001. — С. 534—542. — ISBN 5-88711-149-6.
6. *Георгиева М.* Метаезик и пунктуация / М. Георгиева. — София : Университетско издательство «Св. Климент Охридски», 2021. — 128 с. — ISBN 978-954-07-5093-4.
7. *Григорян Л. Т.* Обучение пунктуации в средней школе : (Методическое исследование) / Л. Т. Григорян. — Москва : Педагогика, 1982. — 120 с.
8. *Дормашев Ю. Б.* Психология внимания / Ю. Б. Дормашев, В. Я. Романов. — Москва : Тривола, 1995. — 347 с. — ISBN 5-88415-018-0.
9. *Зиндер Л. Р.* Очерк общей теории письма / Л. Р. Зиндер. — Ленинград : Наука, 1987. — 112 с.
10. *Кубрякова Е. С.* В поисках сущности языка : Когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. — Москва : Знак, 2012. — 208 с. — ISBN 978-5-9551-0461-4.
11. *Лурия А. Р.* Язык и сознание / А. Р. Лурия. — Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. — 416 с. — ISBN 5-222-00265-9.
12. *Николаева Т. М.* От звука к тексту / Т. М. Николаева. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — 679 с. — ISBN 5-7859-0117-X.
13. *Подболотова С. Н.* Сложносочиненные предложения с непредикативными общими компонентами в современном русском языке : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / С. Н. Подболотова. — Ростов-на-Дону, 1992. — 20 с.
14. *Правила русской орфографии и пунктуации.* — Москва : Учпедгиз, 1956. — 176 с.
15. *Правила русской орфографии и пунктуации.* Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. — Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2014. — 432 с. — ISBN 978-5-462-00930-3.
16. *Рубинштейн С. Л.* Внимание / С. Л. Рубинштейн // Психология внимания : Хрестоматия. — Москва : ЧеРо, 2001. — С. 39—52. — ISBN 5-88711-149-6.

17. Сигал К. Я. Сочинительные конструкции в тексте : Опыт теоретико-экспериментального исследования (на материале простого предложения) / К. Я. Сигал. — Москва : Гуманитарий, 2004. — 404 с. — ISBN 5-98499-010-5.
18. Талми Л. Феномены внимания / Л. Талми // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2006. — № 2. — С. 23—44.
19. Холодов Н. Н. Сложносочиненные предложения в современном русском языке / Н. Н. Холодов. — Смоленск : Издательство СГПИ им. К. Маркса, 1975. — Часть I. — 165 с.
20. Шварцкопф Б. С. О пунктуационном нулевом знаке / Б. С. Шварцкопф // Семиотика, лингвистика, поэтика : к столетию со дня рождения А. А. Реформатского. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — С. 366—370. — ISBN 5-9551-0049-0.
21. Шведова Н. Ю. Русский язык : Избранные работы / Н. Ю. Шведова. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — 640 с. — ISBN 5-88744-0570.
22. Шумарина М. Р. Язык в зеркале художественного текста. (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы) / М. Р. Шумарина. — Москва : ФЛИНТА ; Наука, 2011. — 328 с. — ISBN 978-5-9765-1119-4.
23. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм : «за» и «против». Сборник статей. — Москва : Прогресс, 1975. — С. 193—230.
24. Mertz E. Metalinguistic awareness / E. Mertz, J. Yovel // *Cognition and pragmatics* / D. Sandra, J.-O. Östman, J. Verschueren (eds.). — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2009. — Pp. 250—271. — ISBN 978-90-272-0780-7.
25. Mishra R. K. Interaction between attention and language systems in human. A cognitive science perspective / R. K. Mishra. — New Delhi : Springer, 2015. — 260 p. — ISBN 978-81-322-2591-1.
26. Tenbrink Th. Cognitive discourse analysis : An introduction / Th. Tenbrink. — Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2020. — 271 p. — ISBN 978-1-108-43684-7.

Статья поступила в редакцию 16.11.2023,
одобрена после рецензирования 30.01.2024,
подготовлена к публикации 12.02.2024.

Material resources

- Birikh, A. K., Mokienko, V. M., Stepanova, L. I. (2005). *Russian phraseology. Historical and etymological dictionary*. Moscow: AST. 926 p. ISBN 5-17-029253-8. (In Russ.).
- Bit — Bitov, A. G. (2022). *Justified jealousy: stories*. Moscow: AST; Edited by Elena Shubina. 491 p. ISBN 978-5-17-148286-2. (In Russ.).
- Bon — Bondarev, Yu. V. (1984). *Collected works. In 6 vols., 1. Battalions ask for fire; The youth of commanders: Stories*. Moscow: Fiction Literature. 455 p. (In Russ.).
- Kasatkin, L. L. (2004). Discussion of the 2nd edition of A. A. Reformatzky's textbook "Introduction to Linguistics" on June 22, 1956. In: *Semiotics, linguistics, poetics: to the centenary of the birth of A. A. Reformatzky*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 593—639. ISBN 5-9551-0049-0. (In Russ.).
- Koch — Kochetov, V. A. (2021). *What do you want?: a novel*. Moscow: Veche. 480 p. ISBN 978-5-4484-3004-6. (In Russ.).
- Kuz — Kuznetsova, Yu. (2017). *The first job: The Return*. Moscow: KompasGid. 352 p. ISBN 978-5-00083-406-0. (In Russ.).

- M — Makarenko, A. S. (1951). *Collected works. In 7 volumes, 5*. Moscow: APN RSFSR. 511 p. (In Russ.).
- P-1 — Paustovsky, K. G. (1958). *Collected works. In 6 volumes, 5*. Moscow: State Publishing House of Fiction Literature. 663 p. (In Russ.).
- P-2 — Paustovsky, K. G. (1981). *Collected works. In 9 volumes, 1*. Moscow: Fiction Literature. 623 p. (In Russ.).
- P-3 — Paustovsky, K. G. (1983). *Collected works. In 9 volumes, 6*. Moscow: Fiction Literature. 623 p. (In Russ.).
- S-M — Sokolov-Mikitov, I. S. (1964). *From spring to spring*. Leningrad: Children's Literature. 176 p. (In Russ.).
- Ves — Vesely, A. (2023). *Russia, washed with blood: a novel / fragment*. Moscow: Veche. 528 p. ISBN 978-5-4484-3217-0. (In Russ.).
- Vig — Vigdorova, F. A. (2022). *My class: a story*. Moscow: Children's Literature. 301 p. ISBN 978-5-08-006408-1. (In Russ.).
- Yak — Yakovlev, Yu. Ya. (1965). *Letter from a volcanic island: Stories*. Moscow: Children's Literature. 256 p. (In Russ.).

References

- Abakumov, S. I. (1950). *Methods of teaching punctuation*. 2nd ed. Moscow: Publishing House of the APN RSFSR. 116 p. (In Russ.).
- Arkhangelskaya, Yu. V., Pavlova, E. S. (2005). What is a “common element” in compound sentences and what should be done with a comma? *Russian speech*, 4: 60—63. (In Russ.).
- Blinov, G. I. (1990). *Methods of studying punctuation at school. 2nd ed*. Moscow: Prosveshchenie. 208 p. ISBN 5-09-001105-2. (In Russ.).
- Dormashev, Yu. B. (1995). *Psychology of attention*. Moscow: Trivola. 347 p. ISBN 5-88415-018-0. (In Russ.).
- Galperin, P. Ya. (2001). To the problem of attention. In: *Psychology of attention: A textbook*. Moscow: Chero. 534—542. ISBN 5-88711-149-6. (In Russ.).
- Georgieva, M. (2021). *Metalinguage and punctuation*. Sofia: University Publishing House “St. Kliment Ohridski”. 128 p. ISBN 978-954-07-5093-4. (In Bulg.).
- Grigoryan, L. T. (1982). *Teaching punctuation at secondary school: (Methodical research)*. Moscow: Pedagogy. 120 p. (In Russ.).
- Kholodov, N. N. (1975). *Compound sentences in modern Russian, 1*. Smolensk: Publishing House of the K. Marx SSPI. 165 p. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S. (2012). *In search of the essence of language: Cognitive research*. Moscow: Znak. 208 p. ISBN 978-5-9551-0461-4. (In Russ.).
- Luria, A. R. (1998). *Language and consciousness*. Rostov-on-Don: Phoenix. 416 p. ISBN 5-222-00265-9. (In Russ.).
- Mertz, E. (2009). Metalinguistic awareness. In: *Cognition and pragmatics*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 250—271. ISBN 978-90-272-0780-7.
- Mishra, R. K. (2015). *Interaction between attention and language systems in human. A cognitive science perspective*. New Delhi: Springer. 260 p. ISBN 978-81-322-2591-1.
- Nikolaeva, T. M. (2000). *From sound to text*. Moscow: Languages of Russian Culture. 679 p. ISBN 5-7859-0117-X. (In Russ.).
- Podbolotova, S. N. (1992). *Compound sentences with non-predicative common components in modern Russian*. Author's abstract of PhD Diss. Rostov-on-Don. 20 p. (In Russ.).

- Rubinstein, S. L. (2001). Attention. In: *Psychology of attention: A textbook*. Moscow: Chero. 39—52. ISBN 5-88711-149-6. (In Russ.).
- Rules of Russian spelling and punctuation*. (1956). Moscow: Uchpedgiz. 176 p. (In Russ.).
- Rules of Russian spelling and punctuation. The Complete Academic Handbook*. (2014). Moscow: AST-PRESS BOOK. 432 p. ISBN 978-5-462-00930-3. (In Russ.).
- Schwarzkopf, B. S. (2004). On punctuation zero sign. In: *Semiotics, linguistics, poetics: to the centenary of the birth of A. A. Reformatsky*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 366—370. ISBN 5-9551-0049-0. (In Russ.).
- Seagal, K. Ya. (2004). *Coordinative constructions in the text: The experience of theoretical and experimental research (based on the material of a simple sentence)*. Moscow: Humanities. 404 p. ISBN 5-98499-010-5. (In Russ.).
- Shumarina, M. R. (2011). *Language in the mirror of a literary text. (Metalinguistic reflection in the works of Russian prose)*. Moscow: FLINT; Nauka. 328 p. ISBN 978-5-9765-1119-4. (In Russ.).
- Shvedova, N. Y. (2005). *Russian language: Selected works*. Moscow: Languages of Slavic culture. 640 p. ISBN 5-88744-0570. (In Russ.).
- Talmi, L. (2006). Phenomena of attention. *Questions of cognitive linguistics*, 2: 23—44. (In Russ.).
- Tenbrink, Th. (2020). *Cognitive discourse analysis: An introduction*. Cambridge; New York: Cambridge University Press. 271 p. ISBN 978-1-108-43684-7.
- Vygotsky, L. S. (2001). Psychology and pedagogy of attention. In: *Psychology of attention: A textbook*. Moscow: Chero. 53—76. ISBN 5-88711-149-6. (In Russ.).
- Yakobson, R. O. (1975). Linguistics and poetics. In: *Structuralism: "for" and "against"*. Collection of articles. Moscow: Progress. 193—230. (In Russ.).
- Zinder, L. R. (1987). *An essay on the general theory of writing*. Leningrad: Nauka. 112 p. (In Russ.).

*The article was submitted 16.11.2023;
approved after reviewing 30.01.2024;
accepted for publication 12.02.2024.*

Информация для цитирования:

Шигуров В. В. Собственно грамматический тип ступенчатой транспозиции субстантивной словоформы *рядом* в подкласс наречий образа действия / В. В. Шигуров, Т. А. Шигурова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 2. — С. 176—197. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-176-197.

Shigurov, V. V., Shigurova, T. A. (2024). Grammatical Type of Stepwise Transposition of Nominal Word Form ‘ryadom’ [near] into Subclass of Manner Adverbs. *Nauchnyi dialog, 13* (2): 176-197. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-176-197. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Собственно грамматический тип ступенчатой транспозиции субстантивной словоформы *рядом* в подкласс наречий образа действия

Шигуров Виктор Васильевич

orcid.org/0000-0002-4898-6484
WoS Researcher ID ABG-5770-2021
ScopusAuthorID 56584484400

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка,
корреспондирующий автор
shigurov@mail.ru

Шигурова Татьяна Алексеевна

orcid.org/0000-0001-5342-8471
WoS Researcher GVU-4201-2022
ScopusAuthorID 56584529200

доктор культурологии, доцент,
профессор кафедры культурологии и
библиотечно-информационных ресурсов
shigurova_tatyana@mail.ru

Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарева
(Саранск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-00674 «Исследование адвербиализации как типа ступенчатой транспозиции субстантивных словоформ в системе частей речи русского языка»

Grammatical Type of Stepwise Transposition of Nominal Word Form ‘ryadom’ [near] into Subclass of Manner Adverbs

Victor V. Shigurov

orcid.org/0000-0002-4898-6484
WoS Researcher ID ABG-5770-2021
ScopusAuthorID 56584484400

Doctor of Philology, Professor, Head
of the Department of Russian Language,
Corresponding author
shigurov@mail.ru

Tatyana A. Shigurova

orcid.org/0000-0001-5342-8471
WoS Researcher GVU-4201-2022
ScopusAuthorID 56584529200

Doctor of Cultural Studies,
Associate Professor, Professor,
Department of Cultural Studies
and Library and Information Resources
shigurova_tatyana@mail.ru

National Research Ogarev
Mordovia State University
(Saransk, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science Foundation, project number 24-28-00674 “Study of Adverbialization as a Type of Stepwise Transposition of Nominal Word Forms in the System of Parts of Speech in the Russian”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного анализа языкового механизма транспозиции, продуцирующего в речи огромный пласт периферийных и гибридных образований. Изучение степеней адвербиальной транспозиции существительных показало, что существуют определенные закономерности взаимодействия семантического и грамматического в структуре адвербиализующихся словоформ. На примере словоформы *рядом* продемонстрированы разные стадии адвербиализации форм творительного падежа, фиксирующие степень их отхода от существительных и сближения с наречиями. В результате использования методики оппозиционного анализа (со шкалой переходности) и индексации установлено, что в зоне периферии адвербиального класса находятся собственно грамматические (функциональные) наречия, не нарушающие смыслового тождества исходных лексем и представляющие их особый (адвербиальный) тип употребления. Анализ синкретичной структуры периферийного наречия *рядом* показал, что оно демонстрирует, с одной стороны, 4 % соответствия своих дифференциальных признаков признакам исходного ядерного существительного *рядом*, а с другой — 64 % соответствия дифференциальным признакам ядерного отсубстантивного наречия *рядом*. Полученные наблюдения могут быть использованы в дальнейшей разработке проблем межкатегориальной транспозиции и синкретизма языковых единиц, а также в создании транспозиционной грамматики русского языка.

Ключевые слова:

наречие; грамматическая транспозиция; адвербиализация; рядом.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of the study is determined by the necessity of a systematic analysis of the linguistic mechanism of transposition, which produces a vast range of peripheral and hybrid formations in speech. The investigation of degrees of adverbial transposition of nouns has revealed certain regularities in the interaction of semantic and grammatical aspects within the structure of adverbialized word forms. Using the example of the word form 'ryadom' [near], different stages of adverbialization of instrumental case forms have been demonstrated, indicating the degree of deviation from nouns and convergence with adverbs. By employing the methodology of oppositional analysis (with a scale of transitivity) and indexing, it has been established that within the periphery of the adverbial class, there are proper grammatical (functional) adverbs that do not disrupt the semantic identity of the original lexemes and represent a distinct (adverbial) type of usage. The analysis of the syncretic structure of the peripheral adverb 'ryadom' [near] has shown that it exhibits 4% correspondence to the differential features of the core noun 'ryadom' ('row' in the instrumental case) and 64% correspondence to the differential features of the core adverb 'ryadom' [near]. These findings can be utilized in further exploration of intercategory transposition and syncretism of linguistic units, as well as in the development of a transpositional grammar for the Russian.

Key words:

adverb; grammatical transposition; adverbialization; near.

УДК 811.161.1*367.624.5

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-176-197

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Собственно грамматический тип ступенчатой транспозиции субстантивной словоформы *рядом* в подкласс наречий образа действия

© Шигуров В. В., Шигурова Т. А., 2024

1. Введение = Introduction

Изучение механизма транспозиции языковых единиц в системе частей речи является одной из актуальных задач современной лингвистики. Это определяется тем, что благодаря этому механизму в речи возникает огромное количество переходных (периферийных, гибридных) структур, позволяющих кратко, но семантически емко передавать мысли и чувства человека [Воротников, 2003, с. 82; Кустова, 2018, с. 380—390; Падучева, 2019; Shigurov et al., 2016, с. 237—245]. При транспозиции происходят изменения в структуре единиц, перемещающихся из одной части речи в другую, что находит отражение в комбинаторике и пропорции признаков взаимодействующих классов слов. Установлено, что «включенная» в ту или иную транспозицию языковая единица претерпевает два типа преобразований: с одной стороны, она утрачивает свойства исходного класса слов, а с другой — приобретает признаки производного класса (а иногда и нескольких классов слов — при пересечении ряда транспозиционных процессов) (см., например: [Шигуров, 2020, с. 42—55]).

Методологической базой послужили работы по транспозиции (в иной терминологии — трансляции, конверсии, синтаксической деривации, трансформации и т. п.), выполненные учеными разных стран (см., например: [Балли, 1955; Курилович, 1962; Кубрякова, 1981; Теньер, 1988; Мельчук, 1995; Урысон, 1996; Кравцов, 2016; Marchand, 1967; Eichinger, 1982; Stekauer, 1996; Elsen, 2011]).

Исходной посылкой является признание того, что транспозиция в системе частей речи имеет ступенчатую природу: в разных условиях речи одна и та же словоформа способна представлять разную степень отхода от исходного класса и приближения к новому классу. При этом транспозиционный процесс, в который вовлечена та или иная словоформа, может

иметь как сугубо грамматический (функциональный) характер, то есть протекать в недрах исходной лексемы, выступая в качестве особого типа употребления словоформы, так и функционально-семантический характер, связанный с выходом за пределы семантической зоны исходной лексемы. В первом случае мы имеем на выходе грамматические омонимы, функционирующие в семантической зоне исходной лексемы, во втором — грамматические и лексические омонимы; ср., например, с одной стороны, причастие *мытые хозяйкой фрукты* и отпричастное прилагательное *мытые фрукты*, не нарушающие смыслового тождества исходной глагольной лексемы *мыть*, и с другой стороны, самостоятельные лексемы — страдательное причастие *потерянный кошелек* и отпричастное прилагательное *потерянный вид* (см.: [Буланин, 1976 и др.]).

О разных стадиях адвербиализации существительных говорилось в работах таких исследователей, как А. А. Потебня, В. В. Виноградов, Т. С. Тихомирова, В. В. Бабайцева, О. П. Ермакова, М. В. Панов, В. Б. Евтюхин, И. В. Высоцкая, И. Р. Выхованец и др. [Потебня, 1958; Виноградов, 1986; Тихомирова, 1958; Бабайцева, 2000; Высоцкая, 2006 и др.]. Феномен адвербиальной транспозиции существительных, сопровождаемой изоляцией, а иногда и лексикализацией их грамматических форм, исследовался на материале башкирского, удмуртского, таджикского, татарского и других языков (см. диссертационные работы [Байгарина, 2007; Шибанов, 2011; Джабборов, 2005; Сайдашева, 2006 и др.]), а также через призму конверсии и грамматикализации — на материале немецкого и английского [Авагян, 2021], русского и французского языков [Кравцов, 2016].

Новизна данного исследования связана с тем, что в нем использована методика индексации, позволяющая в количественных параметрах определить степень собственно грамматической (функциональной) адвербиализации субстантивной словоформы, установить особенности взаимодействия семантического и грамматического факторов в ее структуре.

Цель работы — определить характер функциональной адвербиализации существительных в форме творительного падежа типа *рядом* в русском языке; выявить степени и предел их продвижения в сторону ядерных наречий; произвести исчисление индексов соответствия функциональных наречий (типа *рядом*) типичным представителям исходного и конечного этапов адвербиальной транспозиции.

Предметом исследования является переходная зона между существительными и наречиями, предметом рассмотрения — словоформы, эксплицирующие сферу периферии отсубстантивных наречий. На материале словоформы *рядом* выявлены степени адвербиализации существительных в зоне периферийных отсубстантивных наречий; просчитаны индексы,

характеризующие степень соответствия функционального наречия *рядом* ядерному существительному *рядом* и ядерному наречию *рядом*.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В данной работе изложен опыт исследования степеней функциональной адвербиализации существительных без предлогов с опорой на методы оппозиционного анализа и индексации. В качестве материала для исследования послужили типовые контексты употребления словоформы *рядом*, демонстрирующие разные стадии адвербиализации. Широко использовались собственные примеры автора, а также предложения, которые извлечены из Национального корпуса русского языка и отмечены аббревиатурой [НКРЯ]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>. Кроме того, в работе применялись элементы дистрибутивного и компонентного анализа, лингвистический эксперимент.

В основе настоящего исследования лежит методика разноаспектного анализа типов ступенчатой транспозиции языковых единиц в области семантико-грамматических классов слов и семантико-синтаксических рядов вводно-модальных единиц и предикативов, с привлечением количественных приемов обработки материала, которая изложена и апробирована в ряде работ автора данной статьи (см., например: [Шигуров, 2016; 2020]).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В результате исследования установлено, что данный тип транспозиции языковых единиц в наречия имеет ступенчатый характер. Это значит, что одна и та же субстантивная словоформа (типа *рядом*) способна демонстрировать в разных условиях речи неодинаковую степень отхода от исходного класса существительных и приближения к классу наречий.

Исследование лексикографической разработки периферийного наречия *рядом* показало, что лексическое значение его точно такое же, как и у наречия *рядком*, а именно ‘в один ряд, в одну линию’. См. два значения, выделяемые, например, в «Большом толковом словаре русского языка»: «РЯДКОМ, нареч. Разг. 1. Рядом. *Сядем рядком, поговорим ладком (Погов.). 2. В один ряд, в одну линию. Рюмки поставлены в серванте р. Деревья посадили р. <Рядком с кем-чем, в знач. предлога. Рядом с кем-, чем-л. Устраивайся рядком с нами. РЯДКОМ» [БТСРЯ, 2000, с. 1138]. Аналогичное толкование находим в академическом «Словаре русского языка»: «РЯДКОМ, нареч. Разг. 1. То же, что рядом. [Ананий Яковлев] Давно тоже мы рядком-то с ней не сиживали. Писемский, Горькая судьбина. Две-три пожилые приживалки, совершенно без речей, сидели рядком у окна и почтительно ожидали чаю. Достоевский, Село Степанчиково. 2. В один ряд,

в одну линию. *Вазочки с вареньем расставлены рядом по вышитой дорожке, посланной через весь стол посредине* Конашевич, О себе и своем деле» [СлРЯ, т. 3, с. 749].

В один синонимический ряд входят определительно-качественные наречия образа действия с общим значением ‘в один ряд, в одну линию’: *рядком, рядом, в ряд*.

Раздельно пишущееся отсубстантивное образование *в ряд* фиксируется в «Толковом словаре служебных частей речи русского языка» Т. Ф. Ефремовой [Ефремова, 2004, с. 120] как качественно-обстоятельственное наречие, имеющее прямое адвербиальное значение ‘один около другого, в одну линию’ и переносное значение ‘наравне с кем-либо или с чем-либо’. В этом же словаре отмечена и возможность употребления данного наречия в роли несогласованного определения. К сожалению, иллюстративного подтверждения семантики и функций наречия в этом словаре не приводится.

Как показывают наблюдения, однокоренные наречия-синонимы *рядом, в ряд, рядом* употребляются в русском языке в основном при глаголах, обозначающих положение тела в пространстве (*сидеть, лежать, стоять, висеть*) или изменение положения предмета (*встать, лечь, сесть, присесть, садиться, улечься и т. п.*), а также расположение предметов в одну линию в каком-либо месте или каузацию такого положения (*располагаться / расположиться, разложить, расставить, поставить, повесить, посадить, положить* т. п.), реже — разные виды перемещения предмета в пространстве (*идти, плыть* и др.).

В «Национальном корпусе русского языка» [НКРЯ] представлены контексты употребления синонимичных отсубстантивных наречий *в ряд, рядомком, рядом* со значением ‘в одну линию’ при разных глагольных формах, а именно:

— при финитных (личных) формах глагола:

(а) *Жаров мимо старта, где с распростертыми крыльями выстроились в ряд самолеты, мимо крайней палатки поплелся тихо по узкой лесной тропе, сам не зная куда и зачем идет...* (Д. Фурманов. *Летчик Тихон Жаров*, 1923) [НКРЯ]; *Они ехали в ряд, поталкивая каблуками лошадей, оживленно разговаривая* (М. Шолохов. *Тихий Дон*) [НКРЯ]; *Ночь идет ребяты. Звезды встали в ряд. Словно у Кронштадта корабли стоят* (В. Савельев. *Дневник*, 1934) [НКРЯ];

(б) *Королев собрал подишпники по всему подъезду и сложил на подоконнике рядом* (А. Иличевский. *Матисс* // «Новый Мир», 2007) [НКРЯ]; *Лишь три деревянных салатника, большой, средний и маленький, выстроились среди битого стекла рядомком, как миски трёх медведей* (Е. Ярцева. *Справедливая примета* // Журнал «Кукумбер», 2008) [НКРЯ]; *Женатые*

сыновья **рядком поставили** свои, построенные сообща жилища, — образовалась целая улица (П. Сиркес. Труба исхода, 1990—1999) [НКРЯ]; Дорогой Садо, — сказал ему Горький, — сядем **рядком** и поговорим ладком (Л. Саксон. Принц Уэльский // «Октябрь», 2001) [НКРЯ];

(в) *Солдаты, как были — с винтовками, в шинелях, — вошли в каземат и **выстроились рядом*** (В. Шульгин. Саперный бунт: Воспоминания 1907 года, 1920—1940) [НКРЯ];

— при инфинитивных формах глагола:

(а) *Зиновьев, приказав дворецкому выпустить всех содержащихся в тюрьме князя, велел им всем **встать в ряд** на дворе* (К. Масальский. Стрельцы, 1832) [НКРЯ]; *На другой, подложив подушку, села царица. Остальным комендант приказал **встать в ряд**. В комнате было полутемно* (А. Яковлев. Омут памяти, 2001) [НКРЯ];

(б) *Если бы людей **поместить рядком** на расстоянии метра друг от друга, то они окружили бы шар Земли 200 раз* (К. Циолковский. Вне Земли, 1916) [НКРЯ];

(в) *Одновременно П. Н. Яблочков догадывается просто **поставить стержни рядом**, столбиком, и проложить между ними изолятор, не пропускающий тока* (Приручение света // «Трамвай», 1990) [НКРЯ];

— при причастных формах глагола:

(а) ***Выстроенные в ряд**, стояли огромные длинношеие чудовища, Крохотные гномы суетились вокруг них, подкатывая снаряды, дергали веревку, отбегали* (И. Эренбург. Необычайные похождения Хулио Хуренито, 1921) [НКРЯ]; *И здесь, совсем близко, под каменным обрывом, все у той же самой реки, без устали спешившей к морю, увидели они свой лагерь — просторные палатки, **стоявшие на поляне в ряд*** (Р. Фраерман. Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви, 1935—1940) [НКРЯ];

(б) *Леша... открыл один из трех ржавых холодильников, **стоявших рядком** у печки, достал свернутый плоский кусок вяленого мяса, с желтыми валиками жира* (А. Иличевский. Горло Ушулука // «Октябрь», 2007) [НКРЯ]; *Распахнула створки, уставилась задумчиво на **висящие рядком** джинсы, рубахи и джемпера* (М. Зосимкина. Ты проснешься, 2015) [НКРЯ]; *На переднем плане, сразу за проходной и воротами, виднелись четыре элингга — серебристые, длинные, с выступающими полукольцами ребер, они напоминали гигантских гусениц, **улегшихся рядком** отдохнуть* (Н. Подольский. Книга Легиона // «Октябрь», 2001) [НКРЯ];

(в) *...Три двора, **выстроенные рядом**, принадлежали трои владельцам, состояли каждый на своем положений, платили разные оброки...* (М. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина, 1887—1889) [НКРЯ];

— при дееспричастных формах глагола:

(а) *Эту половину отгородили от оставшейся для семьи вождя, **раставив в ряд** сундучки с домашним скарбом, и Амнундак предложил гостям ложиться спать* (В. Обручев. Земля Санникова, 1924) [НКРЯ]; *С береговой стороны на ровном отмывном обрыве, укрепленном плетнем и камнями, как крепостные стены, стояли, **вытянувшись в ряд**, лучшие постройки Хлыновска — его хлебные амбары* (К. Петров-Водкин. Моя повесть, 1930) [НКРЯ]; *Тут же стояли, **выстроившись в ряд**, узенькие плоские бидончики с очень яркими этикетками* (А. Пантелеев. Ленька Пантелеев, 1938—1952) [НКРЯ]; *Витя остервенело выхватывал рыбин из воды, Коля подносил их к бревну и, **уложив рядком**, обкладывал крапивой* (В. Астафьев. Затеси (1999) // «Новый Мир», 2000) [НКРЯ];

(б) *В-третьих, нельзя допускать, чтобы автомобили, **выстраиваясь рядком** вдоль подъездов и обочин, создавали лишние неудобства жильцам и играющим на улице детям и препятствовали безопасному передвижению внутри кварталов* (И. Макарова. Социально ответственный бизнес // «Мир & Дом. City», 15.05.2003) [НКРЯ]; *Там отдыхающие стукали костяшками домино, болтали, сидя **рядком** на длинных скамейках* (Ф. Кнорре. Весенняя путевка, 1971) [НКРЯ].

Примеры употребления определительно-качественных наречий в функции несогласованного определения при абстрактных существительных в Национальном корпусе русского языка отсутствуют, хотя теоретически они не исключены. Вполне возможны, на наш взгляд, конструкции типа:

- ***Выстраивание фигур в ряд** заняло определенное время;*
- *Утомительное **движение** путников **рядком** окончательно вымотало путников;*
- ***Расположение** всадников **рядом** обеспечивало возможность быстрого и слаженного маневра.*

В современных толковых словарях русского языка отсубстантивное наречие *в ряд* не упоминается. Наречие же *рядком* трактуется составителями словарей как адвербиальная лексема; определительно-качественное наречие *рядом* отмечается только в «Словаре современного русского литературного языка» [ССРЛЯ, т. 12, стлб. 1670] и в некоторых других словарях (с. далее).

Исследование типовых контекстов употребления субстантивной словоформы *рядом* свидетельствует о том, что они могут демонстрировать разные степени отхода от исходной субстантивной лексемы *ряд* и приближения к ядерному наречию *рядом*.

СТАДИИ АДВЕРБИАЛЬНОЙ ТРАНСПОЗИЦИИ словоформы *рядом* можно представить в виде следующих ступеней (звеньев) на шкале пере-

ходности: **А / С(ущ)** (ядерное существительное с полным набором основных семантико-грамматических свойств данной части речи, употребляющееся в роли управляемого объектного или субъектного дополнения) > **Аб / С(ущ) н(ареч)** (периферийное существительное с адъективными и / или субстантивными распространителями, выступающее во вторичной, адвербиальной функции обстоятельства) > **аБ / с(ущ) Н(ареч)** (периферийное наречие, функционирующее как грамматический омоним существительного в семантической зоне исходной лексемы) > **Б / Н(ареч)** (ядерное отсубстантивное наречие, нарушающее смысловое тождество исходной лексемы и функционирующее как лексический и грамматический омоним существительного). Проиллюстрируем указанные ступени (звенья) шкалы переходности на примерах из «Национального корпуса русского языка»:

Звено **А / С(ущ)** на шкале переходности, эксплицирующее типы употребления ядерных существительных:

(1) *Если, например, напитки «Херши» обладают устойчивым «вкусом победы», то «Кока-кола» обладает «вкусом свободы», как это было заявлено в семидесятые и восьмидесятые годы целым рядом восточноевропейских перебежчиков* (В. Пелевин. Generation «П», 1999) [НКРЯ] (ядерное существительное в функции дополнения со значением ‘некоторое количество однородных предметов, лиц’);

Звено **Аб / С(ущ) н(ареч)** на шкале переходности, представленное контекстами употребления периферийных существительных:

(2) *Начали его строить еще немцы и воздвигли самое основное — около 20 каменных быков, которые выстроились рядом островков поперек реки* (С. Голицын. Записки беспогонника, 1946—1976) [НКРЯ] (периферийное существительное в функции обстоятельства образа действия со значением ‘совокупность однородных предметов, расположенных в одну линию’);

Звено **аБ / с(ущ) Н(ареч)** на шкале переходности, включающее типовые контексты употребления периферийных наречий:

(3) *Для этого необходимо вывернуть винт с рукояткой (4) и половинки велосипеда повернуть на петлях (1 и 2) вокруг оси (3) на 180° так, чтобы колеса велосипеда расположились рядом* (рис. 5) (Руководство по эксплуатации велосипеда, 1978) [НКРЯ] (периферийное отсубстантивное наречие в функции обстоятельства образа действия со значением ‘в ряд, в одну линию’);

Звено **Б / Н(ареч)** на шкале переходности, соотносительное с ядерными наречиями:

(4) *Мы сидели рядом, беседуя о литературе, живописи, театре* (С. Довлатов. Дорога в новую квартиру, 1987) [НКРЯ] (ядерное отсубстантивное наречие в функции обстоятельства места со значением ‘возле, около’).

В результате исследования установлено, что стадия гибридных, субстантивно-адвербиальных образований [аб / с(ущ) н(ареч)] на шкале переходности не представлена словоформой *рядом*: при одиночном употреблении она сразу трансформируется в периферийное наречие в роли обстоятельства образа действия.

Данная адвербиальная транспозиция представляет собой наречный тип употребления исходной лексемы, то есть имеет сугубо функциональный характер (в зоне периферии наречий), а затем при дальнейшем продвижении словоформы к ядерным наречиям, расширяет сферу своего употребления, выходя за пределы семантической зоны исходной субстантивной лексемы и формируя новое, адвербиальное значение места. В итоге образуются два типа омонимов — грамматический (функциональный) (5) — в зоне периферии наречий — и лексико-грамматический — в зоне ядерных наречий (6). Ср. их употребление в следующих контекстах:

(5) *Березки на пригорке выстроились **рядом*** ('в ряд, в линию');

(6) *Мы жили **рядом*** ('очень близко').

Оба указанных наречия соотносятся в современном языке с существительным в форме творительного падежа *рядом*:

(7) *Шахматист остался доволен выстроенным **рядом** фигур.*

При функциональной и функционально-семантической адвербиализации субстантивная словоформа *рядом* меняет свою частеречную принадлежность, что связано с действием двух механизмов грамматикализации — расширением сферы употребления и декатегоризацией, то есть утратой грамматических категорий (род, число, падеж), общей словоизменительной парадигмы и смены синтаксического окружения, а также функциональной нагрузки (о разных типах и механизмах грамматикализации языковых единиц на материале английского и немецкого языков см., например, диссертационное исследование: [Авагян, 2021, с. 6—7, 11, 13]). Только на уровне ядра наречий происходит лексикализация словоформы, позволяющая связывать этот семантико-грамматический процесс со словообразованием. Локальное наречие *рядом* может быть истолковано с синхронной точки зрения как суффиксальное образование (*ряд* > *рядом*), а в диахроническом аспекте — как результат морфолого-синтаксического словообразования, адвербиализации формы творительного падежа существительного *рядом*.

В примерах (1—3) представлены контексты, демонстрирующие три этапа функциональной, то есть собственно грамматической транспозиции субстантивной лексемы *ряд* в класс определительно-качественных наречий. Предел, последнюю стадию адвербиализации исследуемой словоформы, эксплицируют контексты употребления ядерного наречия *рядом* [Б /

Н(ареч)] (4, 6), возникшего вследствие функционально-семантической адвербиализации существительного. Адвербиализации такого типа подвержена и субстантивная словоформа *даром*, на базе которой сформировались два ядерных наречия образа действия — *даром* со значением ‘бесследно, без последствий’ (*Это для него даром не пройдет*) и *даром* в значении ‘зря, напрасно, без ощутимого результата’, функционирующие как самостоятельные лексические единицы, то есть за пределами семантической зоны существительного *дар*.

Что касается периферийного наречия *рядом*, развившего в результате адвербиализации значение ‘в ряд’ (см.: [ССРЛЯ, т. 12, стлб. 1670]), то это, в сущности, особый, адвербиальный тип употребления словоформы, не нарушающей смыслового тождества исходной субстантивной лексемы. Ей соответствует ступень **аБ / с(уш) Н(ареч)** на шкале переходности. Ср. типовые контексты:

Субстантивный тип употребления словоформы *рядом* в значении ‘последовательность однородных предметов, располагающихся в одну линию’:

(8) *Шахматист был восхищен выстроенным рядом фигур;*

Адвербиальный тип употребления словоформы (*рядом*) в значении ‘в ряд, в одну линию’:

(9) *Березки на пригорке выстроились рядом.*

В примерах (8—9) мы имеем дело с одной и той же лексемой *ряд*, изменяющей при адвербиализации свой функциональный статус — существительное или наречие. Семантическое тождество лексемы в таких случаях очевидно. Различие касается только ее частеречных характеристик, синтаксических функций — дополнения или обстоятельства (о полифункциональности знаков языка см., например: [Панков, 2013, с. 451—452; 2016, с. 434—439]):

Функциональный тип транспозиции в наречия сопряжен с кардинальными сдвигами на уровне (частеречной) семантики, морфологии, морфемики и синтаксиса словоформы *рядом*. Речь идет об изменениях двоякого рода: она, с одной стороны, утрачивает категориальные свойства исходного существительного — субстанциальную семантику, классификационную категорию рода, словоизменительные категории и парадигмы числа и падежа, систему флексий, способность употребляться в первичной синтаксической функции дополнения, синтагматические характеристики класса существительных (адъективные согласуемые слова и распространители в виде косвенных падежей субстантивных словоформ), а с другой — приобретает основные признаки адвербиального класса — семантику вторичного признака, неизменяемость, первичную функцию обстоятельства. Кроме того, при адвербиализации изменяются лексико-грамматические разряды

словоформы *рядом*: она входит в подкласс определительно-качественных наречий, утрачивая связи с разрядами нарицательных, неодушевленных и конкретных существительных.

Вместе с тем при функциональной адвербиализации мы не наблюдаем выхода субстантивной словоформы *рядом* за пределы семантической зоны существительного: тождество исходной лексемы, как уже сказано, в таких случаях сохраняется.

Функциональное наречие *рядом* в высказываниях вроде *Березки на пригорке выстроились рядом* относится к адвербиальной лексике, имеющей фиксированную сферу действия. Для нее характерно несентенциальное употребление: будучи тесно связаны по смыслу с глагольным компонентом высказывания, такие наречия выполняют функцию модификатора глагола, заключающуюся в передаче внутренней характеристики какого-либо события, ситуации. Семантика функционального наречия *рядом* может быть интерпретирована путем перифразы с использованием союза *как*: ‘То, как были выстроены березки на пригорке, напоминало (имело) форму ряда, линии’. Для высказываний с исследуемым наречием образа действия исключена перифраза с союзом *что*: *То, что березки были выстроены на пригорке, было рядом’.

Аналогичную ситуацию наблюдаем при употреблении функционального наречия *даром* с фиксированной сферой действия в значении ‘безвозмездно’: *Книги были отданы детскому дому даром*. Иными словами: ‘То, как были отданы книги, было безвозмездно’. Ср. невозможность перифразы: *То, что книги были отданы, было безвозмездно.

При сентенциальном же употреблении определительно-качественные наречия способны представлять внешнюю характеристику обозначаемой ситуации, допуская семантическую интерпретацию при помощи перифраз с союзом *что*. В этом плане примечательно, например, ядерное отсубстантивное наречие *даром* в значении ‘бесполезно’ (*Все силы и время были потрачены даром*), интерпретируемое посредством перифразы: ‘То, что потрачены все силы и время, было напрасно’ (о сентенциальном и несентенциальном употреблении наречий с фиксированной и плавающей сферами действия см., например: [Dik, 1972, pp. 96—121; Богуславский, 1985, с. 55—56 и др.; Рудницкая, 1993, с. 12—14; Филипенко, 2003, с. 33—147; Циммерлинг, 2021, с. 218—219 и др.]).

Из вышесказанного следует, что результатом собственно грамматической (функциональной) адвербиализации *рядом* стало образование адвербиального типа употребления исходной лексемы в рамках внутрисловной полисемии; ср.: (*доволен выстроенным*) *рядом (фигур)* (существительное) — (*фигуры выстроены*) *рядом, то есть в ряд, в одну линию* (наречие).

В структуре периферийного, то есть собственно функционального наречия *рядом*, употребляющегося в роли одиночного обстоятельства образа действия происходят изменения на уровне комбинаторики и пропорции признаков взаимодействующих при адвербиализации классов слов — существительных (*ряд / рядом*) и наречий (*рядом* в значениях ‘около, возле’; ‘очень близко’).

Путем индексирования степеней собственно-грамматической адвербиализации наречия *рядом* определим, в какой мере его дифференциальные признаки соответствуют признакам исходного существительного (*дар / даром*) и производного ядерного наречия (*даром*).

Как показывает исследование, у периферийного наречия *рядом* и исходного существительного *ряд* (*рядом*) имеются черты сходства и различия. Будем обозначать их в виде баллов. В качестве интегрального признака у них следует назвать смысловое тождество исходной лексемы, которая характеризуется как собственно субстантивным, так и адвербиальным употреблением (1 балл). Семантической предпосылкой для функциональной адвербиализации словоформы *рядом* послужило лексическое значение существительного ‘совокупность однородных, расположенных один за другим, один подле другого, в линию’ (*Он был удивлен выстроенным рядом фигур*) (см.: [ССРЛЯ, т. 12, стлб. 1660], на основе которого сформировалось адвербиальное значение ‘в ряд, в одну линию’ (*Березки вдоль забора выстроились рядом*) [Ефремова, 2004, с. 563]).

Отличают периферийное наречие *рядом* от исходного существительного *ряд* (*рядом*) отсутствие таких характеристик, как: 1) частеречная семантика предмета (предметности); ср.: *доволен выстроенным рядом фигур (чем?) и фигуры были выстроены рядом, в одну линию (как?)*; 1 балл; 2) принадлежность к субстантивным подклассам (нарицательное, неодушевленное, конкретное); 3 балла; 3) категория рода (в форме мужского рода: *восхищаться ровным рядом сосен...*); 1 балл; 4) категория числа с противопоставлением форм ед. и множ. числа: ср.: *ряд / ряды домов*; 2 балла; 5) категория падежа с противопоставлением шести падежных форм: *ряд, ряда и т. п.*; 6 баллов; 6) изменяемость; парадигмы как структурные признаки двух категорий — падежа и числа); 1 балл; 7) флексийные морфемы в структуре слова, эксплицирующие частеречную семантику предмета и три категории — рода (в единственном числе), числа и падежа; ср. соотносительность омонимичных морфем — флексии *-ом* у субстантивной словоформы *рядом* (*проход заставлен рядом стульев*) и сформировавшегося на ее основе суффикса *-ом* у функционального периферийного наречия *рядом* (*Березки выстроились рядом*); 1 балл; 8) иной состав основы, что обусловлено ее расширением в адвербиализованной словоформе в связи с трансформацией флексии *-ом*

в суффикс *-ом*; 1 балл; 9) первичные синтаксические функции существительного как части речи — подлежащее и дополнение); ср., например, существительное в функции дополнения (*Шахматист доволен удачно выстроенным рядом фигур*) и периферийное наречие в функции обстоятельства образа действия (*Березки вдоль забора выстроились рядом, в одну линию*); 2 балла; 10) синтагматика существительного — его сочетаемость с зависимыми согласуемыми и управляемыми распространителями (*Все восхищались стройным рядом березок*); 2 балла; 11) сильное управление как способ связи творительного падежа имени с главным компонентом словосочетания; ср. а) управление творительным падежом в словосочетаниях с глаголами и прилагательными типа *восхищаться, доволен — изящно выстроенным рядом фигур* и б) примыкание периферийного отсубстантивного наречия к словам, не образующим с творительным падежом связь управление: *выстроиться рядом* (о березках, фигурах и т. п.) (1 балл).

Следует добавить также, что, в отличие от исходного существительного, функциональное наречие *рядом* (12) может иметь синкретичную атрибутивно-обстоятельную функцию: ***Расположение*** *всадников рядом* **давало возможность для быстрого и слаженного маневра** (1 балл); (13) для периферийного наречия *рядом* характерна также особая лексическая сочетаемость: они употребляются глаголами, выражающими положение тела в пространстве (*сидеть, стоять и т. п.*) или изменение положения предмета (*встать, сесть, присесть, садиться и т. п.*), а также расположение предметов в одну линию в каком-либо месте или каузацию такого положения (*располагаться / расположиться, разложить, расставить, поставить и т. п.*), реже — разные виды перемещения предмета в пространстве (*идти, плыть и некоторые другие*); все эти глаголы не способны управлять творительным падежом имени; ср. управление субстантивной словоформой: *восхищаться стройным рядом березок* (1 балл).

В итоге функциональное наречие *рядом* отличается от грамматического омонима-существительного *рядом* 23 дифференциальными признаками, что соответствует 23 баллам.

При грамматической адвербиализации существительного *рядом* происходит расширение сферы употребления и декатегоризация формы творительного падежа, что приводит к изменению ее частеречного статуса, то есть преобразованию в наречие, однако без лексикализации словоформы. Словоформа *рядом* утрачивает категориальные свойства существительного — субстанциальную семантику, грамматические категории и парадигмы, претерпевая изменения на уровне морфемной структуры и состава основы. Изменяется ее синтаксическое поведение, утрачивается принадлежность к лексико-грамматическим разрядам существительных,

происходят сдвиги в области лексической сочетаемости и др. Вместе с тем в зоне периферии класса наречий обособление и изоляция одиночно употребляемого существительного в фиксированных падежно-числовых формах от общей парадигмы исходной субстантивной лексемы (*ряд*) не приводят к нарушению тождества исходной лексемы и появлению новой лексической единицы. Это чисто грамматический процесс, не связанный со словообразованием. Речь идет, как уже сказано, об особом адвербиальном типе употребления словоформы *рядом*.

В зоне ядра наречий словоформа *рядом* из периферийного наречия переживает в ядерное, правда, с другим разрядовым значением — места; ср.: *Рядом никого не было*. В таких случаях адвербиализация имеет уже функционально-семантический характер: она приводит к образованию наречия как отдельной лексической единицы языка, то есть к лексикализации словоформы (см. также: [Норман, 2016, с. 108]). В отличие от отсубстантивных ядерных адвербиалов *кругом*, *верхом* функциональное наречие периферийного типа *рядом* акцентологически не отличается от исходной субстантивной словоформы; ср.: *Они воспользовались спасательным кругом — Школьники бежали стадион кругом; Все наблюдали за верхом строящегося здания — Всадники всю дорогу ехали верхом; Дизайнер доволен стройным рядом посаженных берез — Матросы выстроились на палубе рядом*.

Для более точного определения степени соответствия периферийного наречия *рядом* со значением ‘в ряд, в одну линию’ исходному существительному *ряд* (*рядом*) произведем исчисление первого индекса его адвербиализации (x_1) по формуле соответствия:

$$x_1 [\text{рядом с(ущ)} \text{Н(ареч)}] = 1 / (1 + 23) = 0, 04 (4\%)$$

На данном этапе адвербиализации наречие *рядом* обнаруживает 4 % соответствия своих признаков признакам исходного существительного (*ряд* / *рядом*). Аналогичным образом может быть просчитана степень соответствия данного периферийного наречия ядерным наречиям, возникшим в результате адвербиализации функционально-семантического типа. Для сравнения возьмем ядерное локальное наречие *рядом*. Установлено, что периферийное наречие *рядом* и ядерное наречие *рядом* обнаруживают как интегральные, так и различительные признаки. Мы не будем учитывать те свойства существительного, которые были утрачены ими в процессе адвербиализации и уже учитывались при сравнении периферийного наречия с исходным ядерным существительным, а именно: грамматические категории, парадигмы, первичные функции и др.

Приведем примеры употребления периферийного наречия *рядом* в значении ‘в ряд, в одну линию’ (10) и ядерного наречия *рядом* со значениями ‘возле, около’ (11а) и ‘по соседству, очень близко’ (11б):

(10) (а) *После ремонта колеса велосипеда расположились **рядом**, в одну линию;*

(б) *Матросы на палубе выстроились **рядом**;*

(11) (а) *На столе стояла железная кружка, **рядом** лежал кусок ржаного хлеба;*

(б) *Мы жили в то время **рядом**.*

Как показало исследование, периферийное определительно-качественное наречие *рядом* объединяет с ядерным пространственным наречием *рядом* комплекс дифференциальных признаков, таких как: 1) частеречная семантика вторичного признака (признака признака); 1 балл; 2) неизменяемость как результат утраты при адвербиализации словоизменительных категорий и парадигм (падежа и числа); 1 балл; 3) членимость основы периферийного и ядерного наречия на морфы; наличие в их структуре корня (*ряд-*) и суффикса (*-ом*); 1 балл; 4) первичная синтаксическая функция обстоятельства (образа действия / места), совмещаемая иногда с функцией несогласованного определения; ср. синкретизм функций в сравниваемых наречиях: *Расположение всадников **рядом** обеспечивало им большую свободу для маневра* (какое? каким образом?); *Присутствие **рядом** посторонних его раздражало* (где? какое?); 1 балл; 5) предложенческая связь детерминантного типа, реализующая, например, условно-следственные или пространственные отношения) (ср.: *При расположении **рядом** у всадников было бы больше возможностей для маневра*; ***Рядом** было красивое озеро*); 1 балл; 6) примыкание как способ присловной подчинительной связи с главным словом; ср.: (*матросы*) *построились **рядом** / (они) жили **рядом***; 1 балл; 7) наличие семантического согласования при употреблении с глаголами движения, положения тела в пространстве, имеющими общие с наречиями семы в смысловой структуре; ср.: *сидеть **рядом*** ('в ряд, в одну линию') / ***рядом*** ('около, близко'); 1 балл. Всего, таким образом, у сравниваемых отсубстантивных наречий периферийного и ядерного типа семь общих дифференциальных признаков.

Отграничивают периферийное наречие (*фигуры были выстроены **рядом***) от ядерного наречия *рядом* (*располагался **рядом** родник*) такие дифференциальные признаки, как: 1) отсутствие у периферийного наречия омонимичного лексического значения, которое привело бы к выходу адвербиализованного существительного за пределы семантической зоны исходной лексемы; ср. смысловое тождество исходного существительного при функциональной адвербиализации творительного падежа имени (*доволен **рядом** высаженных березок > березки на пригорке выстроились **рядом***) и нарушение такого смыслового тождества лексемы при функционально-семантической адвербиализации словоформы *рядом* (*они жили все*

это время рядом); 2 балла; 2) принадлежность к подклассу определительных наречий образа действия; ср. локальное значение у ядерного *рядом*; 1 балл; 3) неспособность употребляться в качестве лексико-грамматического омонима по отношению к исходной субстантивной словоформе; ср. два типа омонимов, сформировавшихся на базе адвербиализовавшейся словоформы *рядом*: а) функциональный омоним *рядом* в значении ‘в ряд, в одну линию’: *Дизайнер доволен ровным рядом высаженных березок* (существительное) > *Березки на пригорке выстроились рядом* (отсубстантивное периферийное наречие) и б) функционально-семантический омоним *рядом*, обозначающий ‘около’ ‘возле’, ‘по соседству, очень близко’: *Река протекала рядом* (отсубстантивное ядерное наречие); 1 балл; 4) несочетаемость с примыкающими наречиями типа *совсем*, *совершенно*; ср. возможность их употребления при пространственном наречии: *оказаться совсем рядом*; 1 балл; 5) различие в лексической сочетаемости; 1 балл. Так, например, в отличие от пространственного наречия *рядом* определительно-качественное наречие *рядом* не сочетается с некоторыми глаголами, обозначающими, в частности, бытие, существование предметов. Так, мы можем сказать *расположиться рядом*, *то есть близко, около или в ряд, в одну линию*, но вряд ли употребим в высказываниях с глаголами типа *жить*, *проживать* наречие *рядом* в значении ‘в ряд, в одну линию’: **Мы жили рядом, то есть в ряд, в одну линию*. При этом возможно использование в таких случаях пространственного наречия *рядом*: *Мы жили рядом, то есть по соседству, очень близко*.

Всего, как видим, отличают сравниваемые наречия четыре дифференциальных признака.

С учетом сказанного можно просчитать по формуле соответствия степень сходства и различия периферийного функционального наречия *рядом* и ядерного пространственного наречия *рядом*:

$$x_2 [\text{рядом с(ущ) Н(ареч)}] = 7 / (7 + 4) = 0,64 (64\%)$$

4. Заключение = Conclusions

В результате проведенного исследования установлено, что адвербиальная транспозиция существительного *рядом* имеет ступенчатую природу, о чем говорят разные этапы его категориального перерождения в наречие. В современном русском языке можно наблюдать две стадии транспозиции субстантивной словоформы в класс наречий, сопряженные вначале с периферией адвербиального класса, а затем с его ядром. Периферийное наречие *рядом* характеризуется синкретизмом свойств. Как показало исчисление индексов его адвербиализации, данное наречие демонстрирует, с одной стороны, 4 % соответствия исходному ядерному существительному

му *рядом*, а с другой — 64 % соответствия ядерному пространственному наречию *рядом*.

<p>Заявленный вклад авторов: Шигуров В. В. — анализ научной литературы, разработка концепции, проведение исследования и обработка его результатов, написание части текста статьи. Шигурова Т. А. — анализ научной литературы, проведение исследования и обработка его результатов, написание части текста статьи. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.</p>	<p>Contribution of the authors: Viktor V. Shigurov — analysis of scientific literature, concept development, research and processing of its results, writing part of the text of the article. Tatyana A. Shigurova — analysis of scientific literature, conducting research and processing its results, writing part of the text of the article. The authors declare no conflicts of interests.</p>
--	---

Источники и принятые сокращения

1. БТСРЯ — *Большой* толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1536 с. — ISBN 5-7711-0015-3.
2. *Ефремова Т. Ф.* Толковый словарь служебных частей речи русского языка / Т. Ф. Ефремова. 2-е изд., испр. — Москва : Астрель : АСТ, 2004. — 814 с. — ISBN 5-17-025255-2.
3. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 12.01.2024).
4. СЛРЯ — *Словарь русского языка* : в 4-х т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой ; 2-е изд. испр. и доп. — Москва : Русский язык, 1984. — Т. 3 : П–Р. — 752 с.
5. ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 т. — Москва, Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1950—1965. — Т. 1—17.

Литература

1. *Авагян А. А.* Феномен грамматикализации знаменательных частей речи (на материале английского и немецкого языков) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / А. А. Авагян. — Москва, 2021. — 20 с.
2. *Бабайцева В. В.* Явления переходности в грамматике русского языка / В. В. Бабайцева. — Москва : Дрофа, 2000. — 640 с.
3. *Байгарина А. А.* Словообразование по конверсии в башкирском языке : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.02 / А. А. Байгарина. — Уфа, 2007. — 24 с.
4. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. — Москва : Изд-во иностранной литературы, 1955. — 416 с.
5. *Богуславский И. М.* Исследования по синтаксической семантике : сферы действия логических слов / И. М. Богуславский. — Москва : Наука, 1985. — 175 с.
6. *Буланин Л. Л.* Трудные вопросы морфологии / Л. Л. Буланин. — Москва : Провещение, 1976. — 208 с.
7. *Виноградов В. В.* Русский язык : грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. — Москва : Высшая школа, 1986. — 640 с.

8. *Воротников Ю. Л.* Слово и время / Ю. Л. Воротникова. — Москва : Наука, 2003. — 168 с. — ISBN 5-02-032682-8.
9. *Высоцкая И. В.* Синкретизм в системе частей речи современного русского языка / И. В. Высоцкая. — Москва : МПГУ, 2006. — 304 с.
10. *Джабборов М. Т.* Межкатегориальные связи в системе неличных форм глагола (на материале русского и таджикского языков) : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.20 / М. Т. Джабборов. — Душанбе, 2005. — 45 с.
11. *Кравцов С. М.* Конверсия в словообразовании : узус и окказиональность / С. М. Кравцов, А. Ю. Голубева. — Ростов-на-Дону : Изд-во ЮФУ, 2016. — 170 с. — ISBN 978-5-9275-1796-1.
12. *Кубрякова Е. С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. — Москва : Наука, 1981. — 200 с.
13. *Курилович Е.* Деривация лексическая и деривация синтаксическая / Е. Курилович // Очерки по лингвистике. — Москва : Изд-во иностр. лит., 1962. — С. 57—71.
14. *Кустова Г. И.* Ментальные предикаты в метатекстовых конструкциях 2-го лица / Г. И. Кустова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : По материалам международной конференции «Диалог-2018». — 2018. — Выпуск 17 (24). — С. 380—390.
15. *Мельчук И.* Русский язык в модели «Смысл — Текст» / И. Мельчук. — Москва — Вена : Школа «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1995. — 682 с.
16. *Норман Б. Ю.* Жизнь словоформы / Б. Ю. Норман. — Москва : ФЛИНТА, 2016. — 216 с. — ISBN 978-5-9765-2198-8.
17. *Падучева Е. В.* Эгоцентрические единицы языка / Е. В. Падучева. 2-е изд. Москва : Издательский Дом «ЯСК», 2019. — 440 с. — ISBN 978-5-6040760-2-6.
18. *Панков Ф. И.* К вопросу о полифункциональности языковых единиц / Ф. И. Панков // Язык, сознание, коммуникация : Сб. статей / Ред. кол. М. Л. Ремнёва, Е. Л. Бархударова, А. И. Изотов, В. В. Красных, Ф. И. Панков. — Москва : МАКС Пресс, 2013. — Выпуск 47. — С. 450—463.
19. *Панков Ф. И.* Полифункциональность лексических единиц в устной речи (на материале слова «еще») / Ф. И. Панков // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. — 2016. — № 5. — С. 434—439.
20. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике : в 2 томах / А. А. Потебня. — Москва : Учпедгиз, 1958. — 536 с.
21. *Рудницкая Е. Л.* Сентенциальные наречия в русском языке : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. Л. Рудницкая. — Москва, 1993. — 22 с.
22. *Сайдашева Э. А.* Словообразование в татарском и английском языках на примере конверсии и словосложения (сопоставительный анализ) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.02; 10.02.20 / Э. А. Сайдашева. — Казань, 2006. — 24 с.
23. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. — Москва : Прогресс, 1988. — 656 с.
24. *Тихомирова Т. С.* Процесс адвербиализации творительного падежа (на материале польского языка) / Т. С. Тихомирова // Творительный падеж в славянских языках. — Москва : Изд-во АН СССР, 1958. — С. 313—350.
25. *Урысон Е. В.* Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. — 1996. — № 4. — С. 25—38.

26. Филипенко М. В. Семантика наречий и адвербиальных выражений / М. В. Филипенко. — Москва : Азбуковник, 2003. — 304 с. — ISBN 5-93786-043-8.
27. Циммерлинг А. В. От интегрального к аспективному / А. В. Циммерлинг. — Москва : Санкт-Петербург : Нестор-История, 2021. — 652 с. — ISBN 978-5-4469-1792-1.
28. Шибанов А. А. Наречия в удмуртском языке : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.02 / А. А. Шибанов. — Ижевск, 2011. — 23 с.
29. Шигуров В. В. Предикативация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи : теория транспозиционной грамматики русского языка / В. В. Шигуров. — Москва : Наука, 2016. — 702 с. — ISBN 978-5-02-039233-5.
30. Шигуров В. В. “Судя по” в контексте модальности и препозиционализации: к исчислению индексов транспозиции / В. В. Шигуров // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 2020. — Т. 79. — № 6. — С. 42—55. — DOI: 10.31857/S241377150013063-2.
31. Dik S. C. The semantic representation of manner adverbials / S. C. Dik // *Linguistics in The Netherlands* 1972—1973. — 1996. — № 1. — Pp. 96—121.
32. Eichinger L. M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation : die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch / L. M. Eichinger. — Tübingen, 1982. — 241 p.
33. Elsen H. Grundzüge der Morphologie des Deutschen / H. Elsen. — Berlin ; Boston, 2011. — 326 p.
34. Marchand H. Expansion, transposition and derivation / H. Marchand // *La Linguistique*. — 1967. — Т. 3. — № 1. — Pp. 13—26.
35. Shigurov V. V. Theoretical basics of the transpositional grammar of Russian language / V. V. Shigurov, T. A. Shigurova // *International Journal of Applied Linguistics and English Literature*. — 2016. — Vol. 5. — № 5. — Pp. 237—245. — DOI: 10.7575/aiac.ijalel.v.5n.5p.237.
36. Stekauer P. A theory of conversion in English / P. Stekauer. — Frankfurt am Main : Peter Lang, 1996. — 155 p.

Статья поступила в редакцию 20.01.2024,
одобрена после рецензирования 11.03.2024,
подготовлена к публикации 16.03.2024.

Material resources

- BTSRYa — Kuznetsov, S. A. (ed.) (2000). *A large explanatory dictionary of the Russian*. St. Petersburg: Norint. 1536 p. ISBN 5-7711-0015-3. (In Russ.).
- Efremova, T. F. (2004). *Explanatory dictionary of official parts of speech of the Russian language*. Moscow: Astrel: AST. 814 p. ISBN 5-17-025255-2. (In Russ.).
- NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 12.01.2024). (In Russ.).
- SIRYa — Evgenieva, A. P. (ed.) (1984). *Dictionary of the Russian: in 4 volumes, 3*. Moscow: Russian language, 752 p. (In Russ.).
- SSRLYa — *Dictionary of modern Russian literary language: in 17 vol*. Moscow, Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1950-1965. (In Russ.).

References

- Avagyan, A. A. (2021). *The phenomenon of grammaticalization of significant parts of speech (based on the material of English and German languages): Abstract PhD of Philology*. Moscow. 20 p. (In Russ.).

- Babaytseva, V.V. (2000). *Phenomena of transitivity in the grammar of the Russian*. Moscow: Drofa. 640 p. (In Russ.).
- Baigarina, A. A. (2007). *Word formation by conversion in the Bashkir language: author's abstract of PhD Diss*. Ufa. 24 p. (In Russ.).
- Bally, Sh. (1955). *General linguistics and questions of the French language*. Moscow: Publishing House of Foreign Literature. 416 p. (In Russ.).
- Boguslavsky, I. M. (1985). *Research on syntactic semantics: the scope of logical words*. Moscow: Nauka. 175 p. (In Russ.).
- Bulanin, L. L. (1976). *Difficult questions of morphology*. Moscow: Prosveshchenie. 208 p. (In Russ.).
- Dik S. C. (1996). The semantic representation of manner adverbials. *Linguistics in The Netherlands 1972—1973*, 1: 96—121.
- Eichinger, L. M. (1982). *Syntaktische Transposition und semantische Derivation : die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch*. Tübingen. 241 p. (In Germ.).
- Elsen, H. (2011). *Grundzüge der Morphologie des Deutschen*. Berlin / Boston. 326 p. (In Germ.).
- Filipenko, M. V. (2003). *Semantics of adverbs and adverbial expressions*. Moscow: Azbukovnik. 304 p. ISBN 5-93786-043-8. (In Russ.).
- Jaborov, M. T. (2005). *Intercategorical connections in the system of non-finite forms of the verb (on the material of the Russian and Tajik languages): author's abstract of Doct Diss*. Dushanbe. 45 p. (In Russ.).
- Kravtsov, S. M., Golubeva, A. Y. (2016). *Conversion in word formation: usage and occasionality*. Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Federal University. 170 p. ISBN 978-5-9275-1796-1. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S. (1981). *Types of linguistic meanings. Semantics of a derivative word*. Moscow: Nauka. 200 p. (In Russ.).
- Kurilovich, E. (1962). Lexical derivation and syntactic derivation. In: *Essays on linguistics*. Moscow: Publishing House of Foreign Literature. Pp. 57—71. (In Russ.).
- Kustova, G. I. (2018). Mental predicates in metatextual constructions of the 2nd person. In: *Computational linguistics and intellectual technologies: Based on the materials of the international conference "Dialog-2018"*, 17 (24): 380—390. (In Russ.).
- Marchand H. (1967). Expansion, transposition and derivation. *La Linguistique*, 3 (1): 13—26.
- Melchuk, I. (1995). *The Russian language in the "Meaning — Text" model*. Moscow — Vienna: School of "Languages of Russian Culture", Vienna Slavistic Almanac. 682 p. (In Russ.).
- Norman, B. Y. (2016). *The life of word forms*. Moscow: FLINT. 216 p. ISBN 978-5-9765-2198-8. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (2019). *Egocentric units of language*. Moscow: Publishing House "YASK", 440 p. ISBN 978-5-6040760-2-6. (In Russ.).
- Pankov, F. I. (2013). On the question of the multifunctionality of linguistic units. In: *Language, consciousness, communication: Collection of articles*, 47. Moscow: MAKSPress. Pp. 450—463. (In Russ.).
- Pankov, F. I. (2016). Polyfunctionality of lexical units in oral speech (based on the material of the word "more"). *Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia*, 5: 434—439. (In Russ.).
- Potebnya, A. A. (1958). *From notes on Russian grammar*: in 2 volumes. Moscow: Uchpedgiz. 536 p. (In Russ.).

- Rudnitskaya, E. L. (1993). *Sentential adverbs in the Russian language: Abstract PhD of Philology*. Moscow. 22 p. (In Russ.).
- Saydasheva, E. A. (2006). *Word formation in the Tatar and English languages on the example of conversion and composition (comparative analysis): author's abstract of PhD Diss.* Kazan. 24 p. (In Russ.).
- Shibanov, A. A. (2011). *Adverbs in the Udmurt language: author's abstract of PhD Diss.* Izhevsk. 23 p. (In Russ.).
- Shigurov, V. V. (2016). *Predication as a type of stepwise transposition of linguistic units in the system of parts of speech: Theory of transpositional grammar of the Russian language*. Moscow: Nauka. 702 p. ISBN 978-5-02-039233-5. (In Russ.).
- Shigurov, V. V. (2020). "Judging by" in the context of modalation and prepositionalization: towards the calculation of transposition indices. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. A series of literature and language*, 79 (6): 42—55. DOI: 10.31857/S241377150013063-2. (In Russ.).
- Shigurov V. V., Shigurova, T. A. (2016). Theoretical basics of the transpositional grammar of Russian language. *International Journal of Applied Linguistics and English Literature*, 5 (5): 237—245. DOI: 10.7575/aiac.ijalel.v.5n.5p.237.
- Stekauer P. (1996). *A theory of conversion in English*. Frankfurt am Main: Peter Lang. 155 p.
- Tenier, L. (1988). *Fundamentals of structural syntax*. Moscow: Progress. 656 p. (In Russ.).
- Tikhomirova, T. S. (1958). The process of adverbialization of the instrumental case (based on the material of the Polish language). In: *Instrumental case in Slavic languages*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. Pp. 313-350. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1986). *Russian language: grammatical teaching about the word*. Moscow: Higher School. 640 p. (In Russ.).
- Vorotnikov, Yu. L. (2003). *Word and time*. Moscow: Nauka. 168 p. ISBN 5-02-032682-8. (In Russ.).
- Vysotskaya, I. V. (2006). *Syncretism in the system of parts of speech of the modern Russian*. Moscow: MPGU. 304 p. (In Russ.).
- Uryson, E. V. (1996). Syntactic derivation and the "naïve" picture of the world. *Questions of linguistics*, 4: 25—38. (In Russ.).
- Zimmerling, A. V. (2021). *From integral to prospective*. Moscow: St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 652 p. ISBN 978-5-4469-1792-1. (In Russ.).

*The article was submitted 20.01.2024;
approved after reviewing 11.03.2024;
accepted for publication 16.03.2024.*

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Елена Вячеславовна Маринова, д-р филл. наук (Нижний Новгород)
Марина Станиславовна Штейман, канд. филол. наук (Елец)
Надежда Владимировна Зайцева, канд. филол. наук (Елец)
Олег Анатольевич Харитонов, канд. филол. наук (Елец)
Юлия Матвеевна Алюнина, канд. филол. наук (Москва)

Информация для цитирования:

Алюнина Ю. М. Методические основы анализа киноречи на материале корпусов: технический, социальный и культурно-национальный аспекты / Ю. М. Алюнина // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 2. — С. 199—225. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-199-225.

Alyunina, Yu. M. (2024). Methodological Foundations of Film Speech Analysis Using Corpora: Technical, Social, and Cultural-National Aspects. *Nauchnyi dialog*, 13 (2): 199-225. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-199-225. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Методические основы анализа киноречи на материале корпусов: технический, социальный и культурно-национальный аспекты

Алюнина Юлия Матвеевна

orcid.org/0000-0002-4970-5584

Scopus Author ID: 57217070423

кандидат филологических наук,

Doctorat en lexicologie et terminologie multilingues, traduction (кандидат наук в области лексикологии, многоязычной терминологии и перевода), ассистент кафедры иностранных языков филологического факультета
aliunina-yum@rudn.ru

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-78-01208

Methodological Foundations of Film Speech Analysis Using Corpora: Technical, Social, and Cultural-National Aspects

Yulia M. Alyunina

orcid.org/0000-0002-4970-5584

Scopus Author ID: 57217070423

PhD in Philology,

Ph.D. in Lexicology and Multilingual Terminology and Translation,

Assistant Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology
aliunina-yum@rudn.ru

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science Foundation, project number 23-78-01208

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Цель исследования — описать возможности и ограничения корпусного подхода к анализу киносубтитров с учётом их технических, социальных и культурно-национальных особенностей. Предлагается обзор существующих корпусов киноконтента в сопровождении их критического осмысления, во-первых, с точки зрения качества субтитров как эмпирических данных для лингвистического исследования, во-вторых, с точки зрения качества корпусов как среды для выполнения количественного анализа эмпирического материала. Далее с опорой на сложившуюся практику субтитрования предлагается авторская точка зрения на субтитры как материал для изучения киноречи с учётом технических (длина строки, подгонка под размер экрана), социальных (субтитры для глухих и слабослышащих) и культурно-национальных (субтитровочные страны VS страны дубляжа) особенностей субтитрования на разных языках и в разных странах. В ходе работы было выявлено, что наибольшее количество субтитров, доступных в открытых банках, являются переводными эквивалентами звучащей речи. Отмечается, что субтитрованию отдаётся предпочтение в США, Великобритании, Индии, Китае и Японии. Охарактеризованы особенности подготовки субтитров в таких странах, как Сербия, Финляндия, Россия. Сделан вывод о значимости названных особенностей для качества лингвистического исследования на базе переводной киноречи, представленной субтитрами.

Ключевые слова:

дальнее чтение; киноречь; классификация субтитров; скрипт; субтитры.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The aim of this study is to describe the possibilities and limitations of the corpus approach to the analysis of film subtitles, taking into account their technical, social, and cultural-national features. It offers a review of existing film content corpora accompanied by their critical interpretation, firstly from the perspective of subtitle quality as empirical data for linguistic research, and secondly from the perspective of corpus quality as an environment for quantitative analysis of empirical material. Furthermore, based on established subtitling practices, the author proposes her own viewpoint on subtitles as material for studying film speech, considering technical (line length, screen size adaptation), social (subtitles for the deaf and hard of hearing), and cultural-national (subtitling countries vs dubbing countries) aspects of subtitling in different languages and countries. In the course of the work, it was found that the largest number of subtitles available in open repositories are translated equivalents of cinema speech. It is noted that subtitling is preferred in the USA, UK, India, China, and Japan. The features of subtitling in countries such as Serbia, Finland, and Russia are described. The author concludes that these features are important for the quality of linguistic research on the basis of translated movie speech represented by subtitles.

Key words:

distant reading; film speech; subtitle classification; script; subtitles.

УДК 81'42:791.44.024

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-199-225

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Методические основы анализа киноречи на материале корпусов: технический, социальный и культурно-национальный аспекты

© Алюнина Ю. М., 2024

1. Введение = Introduction

В 2006 году Клайв Хамби, британский математик, сказал, что «данные — это новая нефть» [Smolan et al., 2006, p. 11], имея в виду, что они похожи на сырьё и непригодны для использования в необработанном виде. Эта точка зрения получила широкое распространение в индустрии и разных направлениях науки, о чём свидетельствует простой поиск в браузере и количество обнаруженных результатов по данному запросу. С одной стороны, разнообразие данных, которые сегодня находятся в открытом доступе, могут стать богатой эмпирической базой исследования. С другой, увеличение количества данных непременно ставит вопрос об их качестве. Что (ещё) может стать источником данных? Каким данным можно доверять? Каковы критерии выборки данных? В настоящей статье речь пойдёт о языковых данных аудиовизуального контента, которые являются основой для лингвистического исследования.

Развитие производства аудиовизуального контента способствовало появлению богатой эмпирической базы для лингвистических исследований, на материале которой можно решать новые задачи или по-новому подходить к решению традиционных исследовательских вопросов. Как известно, аудиовизуальные произведения (художественные и документальные фильмы, сериалы, телевизионные передачи и шоу, видеоигры, театральные постановки, рекламные ролики и др. [Асташина и др., 2021, С. 5; Cintas et al., 2007, p. 12]) выступают богатым источником лингвокультурного материала, который оказывается в фокусе многих наук, включая лингвистику в различных её направлениях: дискурс-анализ [Сухая, 2010; Уртминцева и др., 2022; Kozloff, 2000], лингвокультурология [Анисимов и др., 2022], социолингвистика [Bednarek, 2018, p. 3; Bednarek, 2023, p. 1, 18—21], аудиовизуальный перевод [Малёнова, 2017; Малёнова, 2021; Cintas et al., 2007; Lukić, 2016;

Is Subtitling Equally ..., 2016], локализация (культурная адаптация контента к принимающей аудитории) [Анисимов и др., 2019; Малёнова, 2021] и др.

В лингвистическом анализе аудиовизуальных произведений сегодня преобладает качественная методология, но уже прослеживается внедрение количественных методов к поиску и систематизации эмпирического материала, а также сочетание этих подходов [Bednarek, 2023, p. 3]. Под качественной методологией в данном случае понимается так называемый пристальный или медленный анализ аудиовизуального контента (по аналогии с пристальным чтением в литературоведении — от англ. *close reading* [Махов, 2018, с. 32; Моретти, 2016, с. 11]), а под количественным — дальний анализ (по аналогии с дальним чтением — от англ. *distant reading* [Там же]). Благодаря возможностям компьютерного, в частности, корпусного анализа текста [Там же, с. 12, 329] в литературоведении дальнейшее чтение позволяет проследить «не конкретные черты стиля того или иного автора, а некие абстрактные закономерности, характеризующие сразу многие тексты» [Моретти, 2016, С. 11]. Такое противопоставление справедливо и для анализа аудиовизуального контента: фильмов и сериалов, видеоигр, пьес.

При медленном, пристальном анализе аудиовизуального контента тщательно изучаются отдельные произведения и решаются локальные исследовательские задачи: описание полного спектра визуальных и аудиальных средств, которые используются, например, для аутентичной «репрезентации тувинской этнокультуры» в одном фильме — «Планета Тыва» [Анисимов и др., 2022, С. 183].

Дальний анализ, напротив, предполагает исследование большого массива аудиовизуальных произведений, который может быть выполнен на базе корпусов. При изучении вербальной составляющей кино корпусный подход позволяет выполнять масштабный, а не фрагментарный анализ аудиовизуального контента [Bednarek, 2018, p. 4] через обращение к речи персонажей посредством субтитров («subtitles»), скриптов («dialogue scripts») или расшифровок киноречи («on-screen dialogue») [Bednarek, 2023, p. 2]. Корпусный подход позволяет обеспечить объективность и надёжность получаемых результатов с количественной точки зрения.

Однако при обращении к корпусу необходимо учитывать не только преимущество массового охвата языкового материала, но и качество исходных данных, особенно если это касается субтитров к фильмам и сериалам, доступ к которым получить проще всего (например, через открытые банки субтитров, как *OpenSubtitles* или *YIFY Subtitles*). Важно принимать во внимание то, что субтитры могут различаться по своим техническим, социальным и культурно-национальным характеристикам [Perego et al., 2016, p. 225].

Технические характеристики включают, например, длину строки, обусловленную размером экрана устройства, под которое создаётся субтитр [Асташина и др., 2021, с. 18; Сухая, 2010, с. 73; Kozloff, 2000, p. 26; FSS; SDFT; STTSG; KTTSG]. Отдельные требования предъявляются к созданию субтитров для компьютерных игр [NGIR] и надтитров («supertitles», «supratitles») для театральных постановок и оперных представлений [Малёнова, 2017, с. 42; Cintas et al., 2007, p. 25].

К **социальным ограничениям** можно отнести субтитрование для глухих и слабослышащих, регламентируемое национальными стандартами и нормативными документами, такими как ГОСТ Р 57763-2017 и «Требования к субтитрованию и тифлокомментированию полнометражных национальных фильмов, создаваемых в художественной или анимационной форме» в России [ГОСТ; ТСТ] или «Twenty-First Century Communications and Video Accessibility Act of 2010» в США («Закон о доступности телекоммуникаций и видеоконтента XXI века», здесь и далее перевод наш. — Ю. М.) [CVAA].

Культурно-национальная специфика субтитрования в определённой мере сочетает в себе технические и социальные особенности. Создание субтитров подчиняется не только стандартам субтитрования для внутреннего рынка, но и исторически сложившимся традициям к кинопереводу. Так, с точки зрения перевода полнометражного кино, Сербия — это субтитровочная страна («subtitling country») [Lukić, 2016, p. 64], где фильмы в кинотеатре идут преимущественно на языке оригинала с сербскими субтитрами. Россия и Германия, напротив, являются странами дубляжа [Малёнова, 2021, с. 64] [Statista].

Итак, с одной стороны, текст субтитров зависит от разных языковых и внеязыковых факторов, которые влияют на степень точности передачи исходного аудиовизуального сообщения. С другой стороны, субтитры являются ценным источником эмпирических данных и позволяют с помощью корпусных методов проводить масштабный, а не единичный поиск релевантной для исследования информации, не прибегая к пристальному анализу аудиовизуального произведения.

На основе вышеизложенных фактов о потенциале субтитров как исходных данных для лингвистического исследования аудиовизуального произведения в настоящей статье ставится **цель** описать возможности и ограничения корпусного подхода к анализу киносубтитров с учётом их технических, социальных и культурно-национальных особенностей. В связи с тем, что предлагаемая статья носит методический и аналитический характер, в её **задачи** входит, во-первых, определить ключевые понятия исследования (киноречь, субтитры, скрипты, расшифровки); во-вторых, описать

достоинства и недостатки существующих корпусов аудиовизуального контента как основы для лингвистического исследования; в-третьих, проанализировать языковые особенности создания субтитров на разных языках и описать специфику субтитровочного материала как эмпирической базы для лингвистического анализа аудиовизуального контента, который в этой работе ограничен сериалами и фильмами.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Для изучения существующих корпусов аудиовизуального контента необходимо определить, что мы будем понимать под аудиовизуальными произведениями, а также на каком материале для них создаются корпуса — субтитры, скрипты, расшифровки. Кроме того, уточнения требует соотношение названных понятий с понятием, обозначенным словом *киноречь*.

В России термин *аудиовизуальное произведение* закреплён законодательно. Под ним понимается произведение, которое состоит «из зафиксированной серии связанных между собой изображений (с сопровождением или без сопровождения звуком) и предназначено для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия с помощью соответствующих технических устройств» [ГК РФ 1263]. К аудиовизуальным произведениям относятся кинематографические работы, «а также все произведения, выраженные средствами, аналогичными кинематографическим (теле- и видеофильмы и другие подобные произведения), независимо от способа их первоначальной или последующей фиксации» [ГК РФ 1263].

Согласно этому определению, к аудиовизуальному контенту могут быть отнесены игровые и документальные фильмы и сериалы, компьютерные игры, а также театральные и оперные представления, если они зафиксированы как видеоматериал средствами кинематографии. Однако с точки зрения аудиовизуального перевода спектакли и оперные постановки в их первоначальном представлении тоже относятся к аудиовизуальному контенту [Асташина и др., 2021, с. 18; Малёнова, 2017, с. 33], поскольку их наполнение включает как аудиальные элементы (речь, музыкальное сопровождение, песни и др.), так и визуальные (декорации, костюмы, сценические эффекты и др.). Кроме того, современные театральные представления всё чаще сопровождаются надтитрами и субтитрами для глухих и слабослышащих, что вписывается в концепцию цифровой или медиадоступности [Асташина и др., 2021, с. 23; Малёнова, 2017, с. 42].

Таким образом, понятие аудиовизуального произведения выступает гиперонимическим по отношению ко всем вышеназванным типам контента, вербальная часть которого фиксируется и передаётся в виде субтитров, скриптов, надтитров, реплик и в некоторых случаях киноречи.

Понятие киноречи по определению применимо исключительно к кино. *Киноречью* (англ. *film speech, filmic speech, cinematic speech* в работе [Kozloff, 2000]) называются все озвученные в фильме реплики. Это звучащая речь, которая включает только устные, вербальные способы передачи информации:

— реплики персонажей (все диалоги, монологи и внутренние монологи);

— гуры, или фоновые реплики, которые могут принадлежать группе говорящих: *Ура! Бежим!* [Асташина и др., 2021, С. 10];

— повествование, которым может быть закадровая речь рассказчика в игровом кино (речь К. Хабенского во франшизе «Ёлки», 2010—2021); закадровая речь повествователя в документальном фильме (закадровый голос в киноленте о биографии М. Горького [Уртминцева и др., 2022]); речь рассказчика в кадре и за кадром (повествователь в сериале «A Series of Unfortunate Events» (2017—2019), который ведёт историю главных героев и периодически появляется на экране с обращением к зрителю или как персонаж сериала, взаимодействующий с другими его героями);

— песни, исполняемые персонажами, как часть киноповествования в мюзиклах («Мэри Поппинс, до свидания», 1983; «Les Misérables», 2012; «Frozen», 2013; «La-la Land», 2016; «Aladdin», 2019); песни, значимые для сюжета в картинах других жанров («Я спросил у ясеня» в комедии «Ирония судьбы, или с легким паром!», 1973).

Понятие киноречи можно вписать в диегетическую концепцию К. Меца, который, вслед за Э. Сурио, под диегезисом понимает совокупность всех означающих элементов в фильме («the sum of a film's denotation» [Tröhler et al., 2018, p. 132]). Киноречь является одним из таких элементов, которая в терминах данной концепции может быть диегетической («diegetic» [Tröhler, Kirsten, 2018, С. 113]) и недиегетической («non-diegetic» [Ibid., 2018, p. 153]). В первом случае речь «слышима» или потенциально «слышима» персонажами киномира. Во втором — речь адресована только зрителю, но внутри экранного мира она не звучит и не воспринимается персонажами.

К киноречи не относятся неозвученные тексты, попадающие в кадр: надписи на вывесках и зданиях, заголовки книг и газет, сообщения на экранах электронных устройств и т. п.; а также саундтреки, звучащие в фильме в фоновом режиме и задающие ритм (например, песня «Suddenly I See» в комедии «The Devil Wears Prada», 2006). Первые являются аудиовизуальным контентом и, соответственно, объектом аудиовизуального перевода, но не киноречью. Последние относятся к недиегетическим звукам в фильме, но речью не являются.

Для выполнения лингвистического исследования на материале киноречи необходимо обращение к языковому материалу в письменном виде, который первичен для любого аудиовизуального произведения. Театральные постановки разыгрываются на сцене по репликам в пьесе. Актёры кино говорят репликами своих персонажей, которые прописаны в сценариях, а актёры озвучивания и дубляжа озвучивают фильмы, сериалы и мультфильмы по диалоговым листам (речь персонажей с тайм-кодами, которая может содержать объяснение некоторых терминов, имён собственных, неологизмов и окказионализмов, использующихся в кинокартине [Cintas et al., 2007, С. 74]). Перевод аудиовизуального контента может осуществляться со скриптов, диалоговых листов или субтитров на языке оригинала.

Скриптами называются «прописанные по ролям реплики персонажей в кадре и титры» [Асташина и др., 2021, С. 17]. Помимо реплик и титров, скрипты могут содержать информацию о действиях и ощущениях персонажей и о сцене. Например, во фрагменте скрипта к мультфильму «Frozen» (2013) ниже (рис. 1) присутствуют **помета** CUT TO: EXT. THE FJORD FOREST — DAY — СМЕНА КАДРА: НА УЛИЦЕ. ЛЕСА ФЬОРДА — ДЕНЬ; **помета** *shivering* (*дрожит, дрожащим голосом*); и **строка** *Anna rides her horse through two feet of snow. She shivers* (*Анна скачет на лошади по глубокому снегу. Она дрожит*) [Frozen].

```
                ELSA (CONT'D)
                THAT PERFECT GIRL IS GONE.
                HERE I STAND IN THE LIGHT OF DAY.
                LET THE STORM RAGE ON!!
                THE COLD NEVER BOTHERED ME ANYWAY.

She turns and slams her ice palace door on us.

                CUT TO:

EXT. THE FJORD FOREST -- DAY

Anna rides her horse through two feet of snow. She shivers.

                ANNA
                (shivering)
                Elsa! Elsa! It's me, Anna...your
                sister who didn't mean to make you
                freeze the summer. I'm sorry. It's
                all my f-f-f-f-f-f-fault.
```

Рис. 1. Скриншот фрагмента скрипта к мультфильму «Frozen», 2013

Подобная дополнительная информация является вспомогательной для режиссёра и актёра, но киноречью не является. К киноречи, диегетической и недиегетической, относятся только реплики в скриптах, поскольку они подлежат озвучиванию и субтитрованию. На скриншоте выше это песня Эль-

зы (выделено жирным шрифтом в скрипте) и реплика Анны. Если перевод выполняется со скриптов, он оформляется в виде диалогового листа (перевод под за кадр или дубляж) или субтитров (перевод под субтитрование).

Субтитры представляют собой «текстовое сопровождение фильма» [Сухая, 2010, С. 73] на языке оригинала или перевода, которое дублирует или дополняет звуковую дорожку. Они появляются на экране одновременно с соответствующим речевым событием. Помимо текстового представления речи персонажей, в кино субтитры могут содержать значимые для понимания сюжета надписи, которые попадают в кадр (вывески, тексты писем, сообщений на экране телефона и др.), а также описание шумо-музыкального ряда [Асташина и др., 2021, с. 17; Уртминцева и др., 2022, с. 340].

Поскольку присутствие субтитров на экране должно быть синхронно соответствующему речевому событию, субтитры не могут передавать речь персонажей дословно. Они передают «лишь основную мысль одной или нескольких реплик» [Сухая, 2010, с. 73]. При этом за субтитровщиком остаётся решение, какая информация должна быть отображена в субтитрах [Kozloff, 2000, С. 26] или какими языковыми единицами должна быть передана основная идея речевого сообщения. В субтитрах звучащая речь персонажа подвергается упрощению и перефразированию, чтобы её можно было вписать в тайм-код — «числовое обозначение начала и конца субтитра относительно видеоряда» [Асташина и др., 2021, с. 18]. Поэтому речь озвученная и речь в субтитрах не совпадают, если последние создаются по всем правилам субтитрования. Условное совпадение возможно, только когда субтитры создаются автоматически, как в *YouTube*, и не подвергаются ручному редактированию. Такое совпадение называется нами условным, так как сгенерированным субтитрам присущи речевые ошибки, обусловленные несовершенством технологий распознавания устной речи и её машинного стенографирования.

Наиболее близкой к звучащей киноречи формой её письменной фиксации являются **расшифровки к фильмам**. Это, условно говоря, тексты, записанные под диктовку актёров и / или закадрового повествователя. Они соответствуют диететической и недиететической речи в киноленте; например, созданные вручную расшифровки к фильму о биографии М. Горького, составленные для анализа закадрового голоса в документальном кинодискурсе [Уртминцева и др., 2022, с. 341]. Подготовка такого языкового материала является наиболее трудозатратной для исследователя, но этот недостаток компенсируется надёжностью получаемой эмпирической базы.

Киноречь, имеющая любую форму письменной фиксации (субтитры, скрипты, расшифровки к фильмам), может стать материалом для лингвистического исследования и текстовой базой корпуса.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Корпусы киноречи

Современная корпусная лингвистика предоставляет широкий спектр возможностей для анализа киноконтента на основе аннотированных корпусов. Для примера можно назвать **(1)** *The Movies Corpus* (199 479 302 слов¹) [TMC], созданный по материалам англоязычных субтитров из коллекции *OpenSubtitles* [OPUS] и соотнесённый с метаданными из базы *Internet Movie Database* [IMDb]; **(2)** *Film Corpus 2.0* [FC], созданный на основе скриптов из *The Internet Movie Script Database* [IMSDb] и соотнесённый с метаинформацией из IMDb; **(3)** многоязычная коллекция корпусов на материале субтитров и один корпус на основе скриптов в *Sketch Engine* [SE]. Рассмотрим подробнее контент, предлагаемый последним ресурсом.

Наиболее крупная коллекция корпусов киноконтента представлена в менеджере *Sketch Engine*. Он содержит корпуса к фильмам и сериалам на 58 языках (английском, армянском, греческом, корейском, русском, сербском, турецком, фарси, финском, чешском, эстонском и др.). Эти корпуса созданы **на материалах** открытой **базы** параллельных **субтитров** *OpenSubtitles* [OS PC], поэтому название каждого корпуса включает название этой базы и соответствующий язык: *OpenSubtitles 2018 parallel — Afrikaans*² (417 700 слов — 341 349 токенов), *OpenSubtitles 2018 parallel — English* (1 594 437 718 токенов — 1 211 666 401 слово), *OpenSubtitles 2018 parallel — Korean* (9 250 140 токенов — 7 432 927 слов) и т. д.

В *Sketch Engine* все корпуса представляют собой своеобразное семейство корпусов: выбирая в качестве фокусного какой-то один корпус, пользователь автоматически выбирает все связанные с ним параллельные корпуса на разных языках. Так, описание к корпусу англоязычных субтитров гласит следующее: «*English OpenSubtitles 2018* is a corpus from the collection of 60 sentence-aligned parallel corpora made up of movie subtitles available at www.OpenSubtitles.org) («*English OpenSubtitles 2018* — это корпус субтитров с сайта www.OpenSubtitles.org, который включает 60 параллельных корпусов, каждое предложение которых выровнено с английским») [SE]. Ниже приведён пример результата поиска в этом корпусе в языковой паре «русский — английский» по запросу *fatherland* (рис. 2).

В первом столбце (рис. 2) указаны названия фильмов и годы их выпуска. Во втором — контекст, на языке которого выполняется поиск. В третьем — контекст на языке, выбранном в качестве параллельного при настройке фильтров поиска. Контексты с субтитрами во втором столбце

1 Разработчики не предоставляют данных о количестве токенов.

2 Год 2018 в названии корпуса означает, что в него входят субтитры к фильмам и сериалам, которые были сняты и выпущены в прокат до 2018 года включительно.

Рис. 2. Скриншот с результатом поиска по запросу *fatherland* в *OpenSubtitles 2018 parallel — English*

не всегда соответствуют языку оригинала киноматериала, а во втором — языку его перевода. Как видим на скриншоте, в базе обнаружены контексты из субтитров к фильмам, которые в оригинале были сняты не только на английском языке, но ещё на русском («Stalingrad» — «Сталинград», 1993; «Shirli-Myrli» — «Ширли-мырли», 1995; «Baryshnya-krestyanka» — «Baryshnya-krestyanka», 1995) и на французском («JLG/JLG, autoportrait de décembre», 1994). Для лингвистического исследования, выполняемого на материале такого корпуса, подобное качество эмпирической базы означает возможность анализировать параллельные субтитры, подвергая контексты ручной сортировке на основе предполагаемого или самостоятельно определяемого языка оригинала. Это обстоятельство, очевидно, снижает целесообразность обращения к таким данным и возможностям их механизированной обработки, хотя именно на это ориентированы инструменты дальнего анализа в целом и корпусные технологии в частности.

Безусловно, в корпусном менеджере предусмотрены различные возможности фильтрации контента, в том числе по стране, в которой был снят фильм — *Countries the film was shot it*, и языку, на котором в нём говорят — *Languages spoken in the film* (рис. 3). Однако пояснения к этим фильмам в *Sketch Engine* отсутствуют.

Предположительно названные возможности настройки поискового фильтра (рис. 3) в корпусе соответствуют тем группам метаданных, которыми сопровождается каждый фильм или сериал на своей странице на сайте *OpenSubtitles*. Если это так, то страной, в которой был снят фильм, может являться страна-производитель или страна, в которой происходили съёмки, что не всегда одно и то же и далеко не всегда что-либо говорит

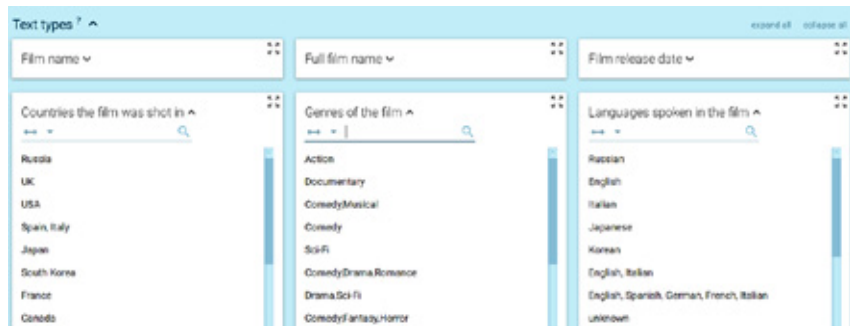

Рис. 3. Скриншот с изображением фильтров поиска по корпусу
OpenSubtitles 2018 parallel — English

о языке, на котором снимается кино. Фильтр *Languages spoken in the film* потенциально может ограничивать поисковую выборку теми фильмами, (1) которые были сняты на определённом языке, (2) которые были переведены на определённый язык (3) или в которых вне зависимости от языка оригинала есть речь на других языках. Например, сериал «War and Peace» (2007) был снят на английском языке, но в нём, как и в романе Л. Толстого «Война и мир», присутствуют реплики на французском. Съёмки фильма проходили на киностудии в Вильнюсе (Литва), а странами-производителями являются Россия, Франция, Германия, Италия, Испания, Польша [BM]. Получается, что, настраивая фильтр для поиска фильмов, снятых, к примеру, только во Франции, у исследователя нет возможности автоматически исключить проекты, выполненные несколькими странами, а выбирая французский в качестве языка, на котором говорят в кино, исследователь определяет в выборку все кинокартины, в которых есть французская речь, даже если там присутствуют реплики на других языках, которых в сравнении с французской киноречью может оказаться больше. В результате формальный объём эмпирического материала будет расходиться с фактическим. Это в свою очередь означает недостоверность количественных данных об исследовательском корпусе и, как следствие, получаемых качественных результатов лингвистического исследования.

Отдельный корпус разработан в *Sketch Engine* на материале скриптов к англоязычным фильмам — *Film Corpus* (27 292 710 — токенов, 21 661 806 — слов). В состав корпуса входят скрипты к 1 068 фильмам из базы IMDb, которые, согласно пояснениям разработчиков, классифицированы по 304 жанрам [FCMS]. На самом деле это количество жанров соответствует не только собственно жанрам (drama; thriller; comedy; action;

crime; romance), но и их группам (comedy, drama; drama, romance; crime, drama, thriller; action, adventure, fantasy, sci-fi и другие комбинации) (рис. 4).

Рис. 4. Скриншот с составом и метаданными корпуса *Film Corpus* в *Sketch Engine*

Метаданные к кинокартине собираются методом краулинга [Алюнина, 2022, с. 16] сайта IMDb, где к каждому фильму указывается своя жанровая категория. Поскольку современные кинопроекты принадлежат, как правило, нескольким жанрам, то и напротив фильма и сериала в корпусе *Sketch Engine* с определённого момента автоматически появляется уникальная жанровая принадлежность, являющаяся, по сути, комбинацией жанров. Получается, что при выборе, например, триллеров (№ 2 в таблице на рис. 4) для изучения их языковых особенностей в кино из выборки автоматически исключаются все кинокартины, которые являются не только триллерами, но принадлежат ещё каким-то жанрам (№ 35, 37, 38 в таблице на рис. 4). Это приводит к тому, что в эмпирическую базу попадают не все сведения, релевантные цели и задачам исследования.

Помимо анализа киноконтента на материале размеченных корпусов, существует возможность создавать **пользовательские корпуса** в различных менеджерах: *AntConc*, *IRaMuTeQ*, *Orange*, *Sketch Engine*, *Voyant tools*, *WordSmith Tools* и др. Для этого требуется собственная коллекция отобранных субтитров и скриптов или вручную созданных расшифровок к фильмам. Также можно воспользоваться опцией веб-краулинга [Алюнина, 2022, с. 16], которую предлагает *Sketch Engine*. Корпусные менеджеры позволяют механизировать анализ языкового материала, превращая коллекцию

текстов в автоматически размеченный корпус или предоставляя возможности его машинного анализа: составление списка ключевых и частотных слов, выявление лексической сочетаемости по коллокациям или n-gram, создание облаков слов, выполнение поиска лексической сочетаемости на языке CQL и др. Спектр возможностей разных менеджеров может отличаться, но все они равно применимы как к предустановленным корпусам, так и к создаваемым в них пользовательским корпусам.

Основным преимуществом пользовательского корпуса перед предустановленным является чистота эмпирического материала, которая обеспечивается ручной выборкой контента и позволяет исключить тот шум, который характеризует, например, корпуса в *Sketch Engine*. Однако для проведения ручной выборки киноречи, зафиксированной в письменной форме, необходимо принимать во внимание некоторые экстралингвистические факторы, которые отражаются на результатах исследования. Поскольку большинство размеченных корпусов киноконента создано на материале субтитров, внимание следующего раздела будет сосредоточено на их качественных характеристиках.

3.2. Качество субтитров

Среди письменных источников киноречи в отечественном языкознании субтитры являются «самым малоисследованным» [Сухая, 2010, с. 73]. При этом, согласно Европейской федерации аудиовизуального перевода (*Audiovisual Translation Europe*), в последние годы отмечается рост популярности фильмов и сериалов с субтитрами, обусловленный распространением стриминговых платформ [FTU] (*Netflix, Hulu, Wink, Okko, ivi, Кинопоиск* и др.). В этой связи закономерным видится теоретическое осмысление особенностей субтитрования в разных языках на основе сложившейся практики.

Наличие субтитров к тому или иному киноматериалу во многом связано с его аудиовизуальным переводом (межъязыковым или внутриязыковым), который подчиняется своим правилам. При переводе аудиовизуального произведения во внимание принимаются такие факторы, как тип озвучивания (закадр или дубляж), тип субтитров (классические, для глухих и слабослышащих), целевая аудитория (возраст, пол, социальный статус и др.), тип киноматериала (экранизация, в основе которой лежит художественное произведение, или режиссёрский фильм; полнометражный фильм или сериал), особенности локализации и адаптации киноконента к принимающему рынку, требования заказчика и др. [Асташина и др., 2021, с. 22—23; Малёнова, 2017, с. 37; Cintas et al., 2007, p. 13, 34—35]. Вне зависимости от того, выполняется ли перевод под озвучивание или субтитрование, все перечисленные факторы влияют на качество субтитров. В рамках данной

статьи качество субтитров рассматривается через технические, социальные и культурно-национальные особенности субтитрования.

Говоря о технических особенностях субтитрования, мы не будем рассматривать техническую специфику двухмерных и трёхмерных субтитров [Малёнова, 2017, с. 36], вшитых / жёстких, программных / мягких, а также пререндеренных субтитров (prerendered subtitles) [Асташина и др., 2021, с. 10] [Flussonic]. Внимание будет сосредоточено только на общих технических характеристиках классических субтитров и их влиянии на качество субтитров как эмпирического материала исследования.

Технические особенности классических субтитров касаются в первую очередь количества знаков в строке субтитра и места его расположения, что свойственно как межъязыковому субтитрованию, так и внутриязыковому. Эти ограничения определены стандартами субтитрования, но они могут различаться в зависимости от страны и соответствующего языка.

Согласно общемировым стандартам, «нижняя строка субтитра должна отступать» от нижней границы экрана на 1/12 высоты кадра [ОСИС], а по обе стороны от текста должно оставаться расстояние в 1/12 от ширины экрана. Следовательно, при изменении размера экрана (экран кинотеатра, если субтитрование выполняется для показа в кинотеатре; экран ноутбука и компьютера, если субтитрование выполняется для стриминговых интернет-платформ; экран, встроенный в кресло впереди стоящего сидения на борту самолёта или в поезде, если субтитрование выполняется для мультимедиа-платформы компании-перевозчика) меняется размер пространства для размещения субтитров, следовательно, это влияет на допустимое количество знаков в них. Так, согласно *Ассоциации перевода и адаптации аудиовизуального контента (Association des traducteurs adapateurs de l'audiovisuel)*, длина строки французских субтитров для кинотеатра составляет 40—41 знак, для стриминговых платформ — 40—42 знака, для телеэкрана — 36—37 знаков [FSS].

Выравнивание текста субтитра настраивается по ширине, поскольку большая часть действий совершается в центре кадра. Максимальное количество строк в субтитрах — две [ОСИС]. Если текст укладывается в одну строчку, то он занимает нижнее положение. Количество знаков в строке составляет в среднем 35—37 символов, которые эквивалентны 5—6 секундам звучащей киноречи [ОСИС] [Cintas et al., 2007, p. 63].

Количество знаков в строке субтитра может варьироваться в зависимости не только от размера экрана, но также от страны и языка. Так, согласно стандартам платформы *Neflix* (США), количество символов в строке для субтитров на сербском и финском языках не должно превышать 42 знаков

[STTSG; FTTSG], на русском языке — 39 знаков [RTTSG], на корейском — 16 [KTTSG], на японском — 13 [JTTSG].

Таким образом, технические ограничения, накладываемые на субтитры, обусловлены не только «пространством в нижней части экрана», в который необходимо вписать суть реплики, «максимально точно передав смысл» высказывания [Сухая, 2010, с. 73], но и усреднённой способностью языкового знака передавать основное содержание диегетической речи ограниченным количеством символов.

Следующий тип ограничений, рассматриваемый в статье, касается социального аспекта.

Социальные ограничения субтитрования связаны с особенностями целевой аудитории, для которой производится адаптация медиаконтента, в том числе фильмов и сериалов. Эти особенности обусловлены «когнитивными потребностями» зрителей, которые относятся к следующим категориям: «(слепые, слабовидящие, глухие, слабослышащие и прочие зрители)» [Асташина и др., 2021, с. 23]. Такие субтитры маркируются аббревиатурой SDH «subtitling for the deaf and the hard-of-hearing» [Асташина и др., 2021, с. 23; Cintas et al., 2007, p. 12]. Субтитры для глухих и слабослышащих (то есть аудитории с особыми когнитивными потребностями, способной читать) содержат дополнительную информацию, которая не является диегетической речью, но включается в субтитры (рис. 5).

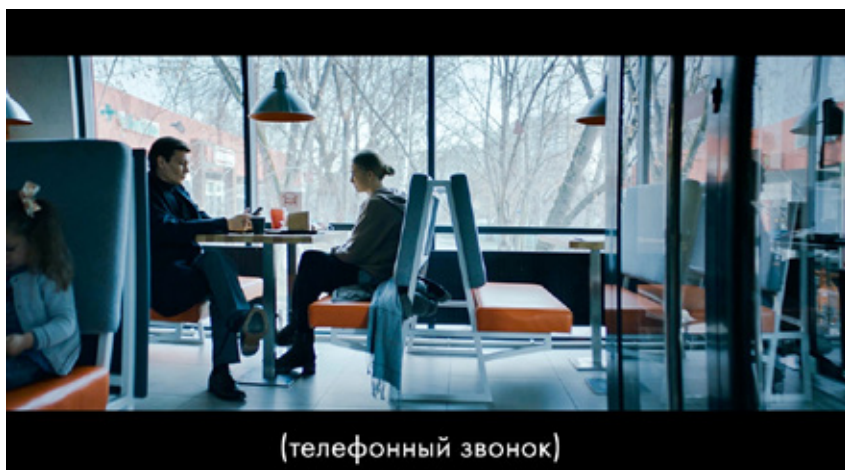

Рис. 5. Кадр с субтитрами из сериала «Контейнер» (источник скриншота: <https://start.ru/journal/zachem-smotret-rossiyskie-serialy-s-subtitramy>)

На изображении выше (рис. 5) приведён пример включения в кадр фразы, относящейся к субтитрам для глухих и слабослышащих: *телефонный звонок*. Подобные фразы описывают звуки в кадре, чтобы у зрителя, имеющего проблемы с восприятием информации на слух, была возможность прочесть, что в данном месте используются дополнительные звуковые эффекты, которые входят «в канву сюжета» [ГОСТ] и важны для понимания. К таким эффектам могут относиться звуки смеха (*громко смеётся, ехидно усмехается*), плача (*громко рыдает, мычит в слезах*), музыки (*играет тихая мелодия, звучит торжественная музыка*), природы (*скрип снега, воет ветер, барабанит дождь*), интерьера (*хлопнула дверь, скрипит пол, скрежет замочной скважины*) и т. п. Также в SDH, в отличие от классических субтитров, присутствует обозначение говорящего, чтобы зритель смог понять, кто произносит реплику. Это дополнение является актуальным ввиду того, что рассматриваемая целевая аудитория не всегда может определить на слух, кому принадлежит закадровая речь в кино: персонажу мужского рода или женского, ребёнку или взрослому и т. д.

Необходимость включения дополнительной информации в SDH приводит к необходимости расширения пространства для субтитров. Поэтому в субтитрах для глухих и слабослышащих допустимо «использование третьей строки» [ГОСТ]. При этом по умолчанию количество символов в строке составляет 38 знаков [ГОСТ]. Для создания корпуса по материалам субтитров, в который могут попасть SDH, это значит увеличение количества слов и токенов. Такое увеличение в каком-то смысле является искусственным, поскольку фразы, описывающие звуки в кадре и обозначающие говорящего, не являются киноречью, то есть объектом исследования, которое направлено на анализ звучащей речи в кино и сериалах. Эти текстовые данные не являются релевантными и могут рассматриваться как шум в эмпирическом материале.

Последний тип особенностей субтитров, значимый для принятия во внимание при создании корпуса киноречи на материале субтитров, связан с **культурно-национальной спецификой** субтитрования.

Прежде всего, необходимо отметить, что субтитрование как вид межязыкового аудиовизуального перевода в разных странах в разной степени предпочтителен. Так, согласно данным статистического агентства *Statista* на 2021 год (Рис. 6), субтитрованию отдаётся предпочтение в США, Великобритании, Индии, Китае и Японии. Примерно на одном уровне субтитрование и дубляж находятся в Бразилии и Франции, а в Италии и Германии в большей степени предпочитают дублированный контент, но при этом разница с субтитрованием не настолько велика, как в предпочтениях зрителей США и Великобритании [Statista].

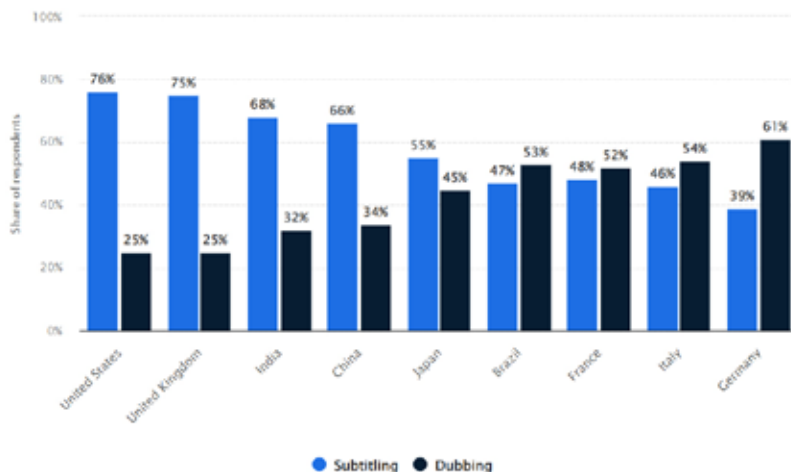

Рис. 6. Распределение предпочтений зрителей по потреблению зарубежного контента на иностранном языке с субтитрами или в дубляже на ноябрь 2021 года

Эти сведения говорят о том, на каких языках с большей долей вероятности есть возможность сформировать эмпирическую базу исследования на материале **переводных субтитров** к киноконенту. В данном случае речь идёт исключительно о межъязыковом субтитровании, так как язык звуковой дорожки и язык субтитров одного и того же киноматериала разные.

Рассмотрим подробнее культурно-национальные особенности субтитрования на примере трёх стран: Сербии, Финляндии и России. Выбор стран обусловлен их разными подходами к адаптации киноконента через субтитры.

Сербия является субтитровочной страной, поскольку фильмы в кинотеатрах и на некоторых телеканалах Сербии показывают на языке оригинала в сопровождении **сербских субтитров** [Lukić, 2016, p. 64—65]. Исключение составляют детские мультфильмы, традиционно дублируемые на сербский язык [Сербские хроники]. См., например, трейлеры к фильмам («Аквaмен», 2023, США; «Холоп 2» (серб. «Слуга 2» / «Sluga 2»), 2024, Россия) на сайте сербского кинотеатра *Cineplexx* (<https://www.cineplexx.rs/>). Такой подход к субтитрованию означает, что сербские субтитры могут лечь в основу лингвистического корпуса для изучения переводной речи в фильмах для взрослой аудитории, но не речи в детских мультфильмах, поскольку последние переводятся под дубляж, а не субтитры. Субтитрование для глухих и слабослышащих в Сербии пока ещё недостаточно разви-

то [Lukić, 2016, p. 65], поэтому традиция внутриязыкового субтитрования для сербского кино не сформирована.

Таким образом, сербские субтитры к иностранным фильмам являются переводом зарубежного аудиовизуального контента. Они формируют богатую эмпирическую базу для изучения вопросов языковой компрессии сербского субтитрования, локализации, а также лингвокультурных аспектов адаптации зарубежного кино к сербской аудитории, но не для изучения киноречи сербских кинокартин.

В кинотеатрах **Финляндии** фильмы идут на языке оригинала с субтитрами **на финском и шведском одновременно** (рис. 7). См., например, скриншот сайта кинотеатра *Finnkino* (<https://www.finnkino.fi/>), где напротив каждого сеанса отмечается язык фильма в прокате и язык субтитров, которые обязательно сопровождают зарубежное кино в Финляндии (рис. 7). Как и в Сербии, исключение делается для детских мультфильмов: их переводят на шведский или финский языки [ЯПФ].

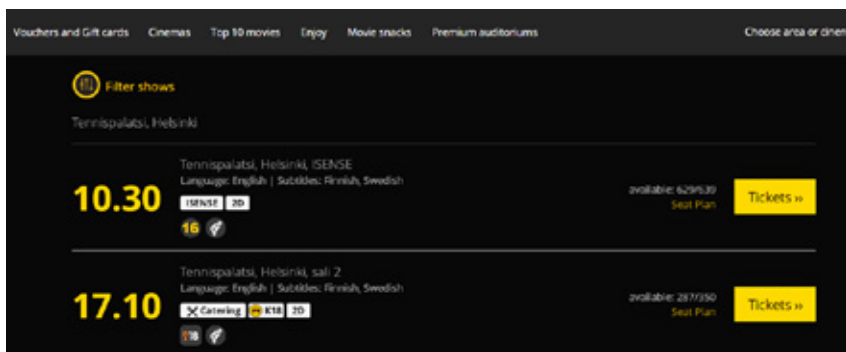

Рис. 7. Скриншот сайта финского кинотеатра *Finnkino*

Если к фильмам на экране даются субтитры на двух языках, это значит, что место для текста на каждом из языков сокращается. При этом субтитры на каждом из языков необходимо вписывать в более жёсткие пространственные рамки. Следовательно, субтитры, создаваемые на финском и шведском для параллельного сопровождения англоязычных фильмов, укорачиваются вдвое или практически вдвое. Это в свою очередь уменьшает объём языкового материала, который потенциально может являться эмпирической базой для анализа переводной киноречи на финском и шведском, если текстовое сопровождение фильма выполнено по всем канонам субтитрования.

В **России** сложилась **традиция дубляжа** зарубежного киноконента [Малёнова, 2021, с. 64], а междязыковое субтитрование является феноме-

ном, который идёт в ногу с ростом популярности стриминговых платформ [FTU]. Внутриязыковое субтитрование обусловлено в первую очередь развитием технологий медиадоступности и созданием SDH [Асташина и др., 2021, с. 23]. Также, согласно материалам *OpenSubtitles*, в России распространены так называемые **пользовательские субтитры**, которые создаются потребителями киноконтента на добровольных основаниях и распространяются на безвозмездной основе. В том числе поэтому к некоторым фильмам можно найти несколько файлов с разными русскоязычными субтитрами. Формат пользовательских субтитров далёк от канонического, поскольку они публикуются, как правило, не профессиональными субтитровщиками и без проверки редактора. Нередко среди пользовательских субтитров встречается подобие расшифровок с проставленными тайм-кодами.

Одним из проявлений феномена пользовательского субтитрования являются фанатские субтитры, или фансабы, которые выпускаются поклонниками фильмов и сериалов независимо от их официального распространения. В основном они создаются для аниме и японских фильмов и размещаются на фанатских платформах (*Doramaland.org*, *funsub.ru* и др.). Русскоязычные фансабы отличает то, что их авторы зачастую не владеют языком оригинала — японским, поэтому субтитры создаются через язык-посредник — английский (рис. 8) [Фансабы]. Однако как английский язык, так и русский у фансаберов не всегда достигает должного уровня, поэтому в фанатских субтитрах обнаруживается немалое количество переводческих (рис. 8) и орфографических (рис. 9) ошибок.

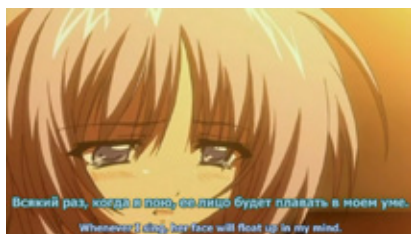

Рис. 8. Пример переводческой ошибки в фанатских субтитрах

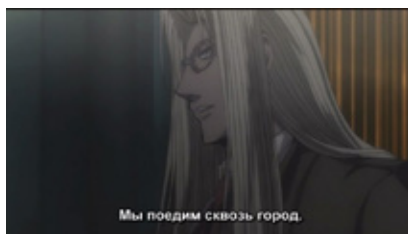

Рис. 9. Пример орфографической ошибки в фанатских субтитрах

Таким образом, при формировании корпуса субтитров на русском языке необходимо принимать во внимание следующие факторы. Во-первых, традиция дубляжа в России ограничивает популярность и, следовательно, количество русскоязычных субтитров. Во-вторых, платформы с субтитрами нередко предлагают материалы, созданные не профессиональными субтитровщиками, а пользователями, которые не всегда соблюдают правила суб-

титрования. В-третьих, некоторые пользовательские субтитры содержат ошибки, которые могут негативно отразиться на результате исследования.

Рассмотренные культурно-национальные особенности субтитрования, безусловно, не являются универсальными, а иллюстрирующие их примеры допустимо назвать единичными случаями адаптации киноконента посредством субтитров. Описанные случаи говорят о том, что при составлении исследовательского корпуса субтитров для изучения переводной киноречи на том или ином языке необходимо проанализировать и учесть специфику и, возможно, историю субтитрования в определённой стране, чтобы обеспечить качество эмпирического материала.

4. Заключение = Conclusions

Рассмотренные в данной статье возможности и ограничения корпусного подхода к анализу кино на материале субтитров с учётом технических, социальных и культурно-национальных особенностей субтитрования являются значимыми с фундаментальной точки зрения в первую очередь для создания эмпирической базы исследования. В ходе работы было выявлено, что наибольшее количество субтитров, доступных в открытых банках, являются переводными эквивалентами звучащей речи. Внутриязыковое субтитрование актуально прежде всего для аудитории с особыми когнитивными потребностями, поэтому материал SDH подходит только для решения некоторых и достаточно специфических исследовательских задач в анализе киноречи.

Поскольку любое аудиовизуальное произведение по определению содержит аудиальную и визуальную информацию, исключение одной из них из фокуса внимания неизбежно ведёт к снижению достоверности и верифицируемости полученных результатов. В этой связи эффективное использование корпусного подхода в анализе аудиовизуального контента возможно для решения такой задачи, для которой допустимо исключение визуальной составляющей. Например, на стадии первичного количественного анализа материала с целью его дальнейшего качественного осмысления:

— в лингвокультурологии — обнаружение фильмов и сериалов, которые содержат определённые аудиовизуальные образы, подкреплённые вербальными отсылками;

— в дискурс-анализе и межкультурной коммуникации — выявление коммуникативных событий, в которых реализуются какие-либо стереотипы или стигмы;

— в ономастике — поиск имён собственных, которые формируют образ реального или вымышленного пространства аудиовизуального произведения;

— в маркетинге — извлечение частных случаев перевода для изучения стратегий локализации киноконтента к различным аудиториям и национальным рынкам.

Это лишь несколько примеров исследовательских вопросов, в работе над которыми может быть полезен дальний анализ аудиовизуального контента на материале корпуса субтитров. Настоящее исследование показывает, что при составлении корпуса киносубтитров качество прогнозируемых результатов во многом зависит от понимания технической, социальной и культурно-национальной специфики эмпирического материала. Перспектива данного исследования видится в изучении аналогичных особенностей других типов аудиовизуального контента, таких как пьесы и видеоигры, корпуса которых на сегодняшний день только начинают появляться.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. ВМ — *Война* и мир. — Кино-театр.ру [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/euro/10167/annot/> (дата обращения 28.12.2023).

2. ГК РФ 1263 — *ГК РФ Статья 1263*. Аудиовизуальное произведение. — Консультант Плюс [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/bcd3bad76a5cc627f036c9e23135e25579d3635/ (дата обращения 26.12.2023).

3. ГОСТ — *ГОСТ Р 57763-2017*. Национальный стандарт Российской Федерации. Скрытые субтитры для инвалидов по слуху. — Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://docs.cntd.ru/document/1200156999> (дата обращения 21.12.2023).

4. Сербские хроники — *Кино* в Шабце [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.serbia-home.com/archives/2228> (дата обращения 28.12.2023).

5. ТСТ — *Требования* к субтитрованию и тифлокомментированию полнометражных национальных фильмов, создаваемых в художественной или анимационной форме. — Консультант Плюс [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282550/82d02de07f5851896fb255d9a6c9844df995584c/ (дата обращения 21.12.2023).

6. Фансаб — *Русский фансаб такой русский* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://nya.sh/files/epic_fansubs/ (дата обращения 02.01.2024).

7. ЯПФ — *Шведский язык и языковая политика* в Финляндии [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://fennica.pohjoiseen.fi/ru/2019/01/13/finland-swedish/> (дата обращения 02.01.2024).

8. CVAA — *Twenty-First Century Communications and Video Accessibility Act of 2010* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.fcc.gov/consumers/guides/21st-century-communications-and-video-accessibility-act-cvaa> (accessed 22.12.2023).

9. FC — *Film Corpus 2.0* [Electronic resource]. — Access mode : <https://nlds.soe.ucsc.edu/fc2> (accessed 26.12.2023).

10. FCMS — *Film corpus of movie scripts*. — Sketch Engine [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.sketchengine.eu/film-corpus/> (accessed 26.12.2023).
11. Flussonic — *Прожили* субтитров и для чего он нужен [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://flussonic.ru/blog/news/why-do-we-burn-subtitles/> (дата обращения 04.01.2024).
12. *Frozen* — Frozen Disney Script. IMsDb [Electronic resource]. — Access mode : [https://imsdb.com/Movie%20Scripts/Frozen%20\(Disney\)%20Script.html](https://imsdb.com/Movie%20Scripts/Frozen%20(Disney)%20Script.html) (accessed 24.12.2023).
13. FSS — *French Subtitling Standards*. — ATAA [Electronic resource]. — Access mode : https://www.ataa.fr/documents/NORMES_SOUS-TITRAGE_FRANCAIS_ANGLAIS_EN-TETE.pdf (accessed 20.12.2023).
14. FTTSG — *Finnish Timed Text Style Guide*. — Netflix [Electronic resource]. — Access mode : <https://partnerhelp.netflixstudios.com/hc/en-us/articles/215087558-Finnish-Timed-Text-Style-Guide> (accessed 02.10.2024).
15. FTU — *Filmmakers and translators unite* [Electronic resource]. — Access mode : <https://avteurope.eu/2019/04/09/filmmakers-and-translators-unite/> (accessed 20.12.2023).
16. IMDb — *Internet Movie Database* — [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.imdb.com/> (accessed 20.12.2023).
17. IMsDb — *The Internet Movie Script Database* [Electronic resource]. — Access mode : <https://imsdb.com/> (accessed 27.12.2023).
18. JTTSG — *Japanese Timed Text Style Guide*. — Netflix [Electronic resource]. — Access mode : <https://partnerhelp.netflixstudios.com/hc/en-us/articles/215767517-Japanese-Timed-Text-Style-Guide> (accessed 02.10.2024).
19. KTTSG — *Korean Timed Text Style Guide*. — Netflix [Electronic resource]. — Access mode : <https://partnerhelp.netflixstudios.com/hc/en-us/articles/216001127-Korean-Timed-Text-Style-Guide> (accessed 20.12.2023).
20. NGIR — *Netflix Games Internationalization Requirements*. — Netflix [Electronic resource]. — Access mode : https://partnerhelp.netflixstudios.com/hc/en-us/articles/4411631891859-Netflix-Games-Internationalization-Requirements#h_01FNS8D3C5VWTKVZ54736FNXG1 (accessed 20.12.2023).
21. OS PC — *OpenSubtitles parallel corpora*. — Sketch Engine [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.sketchengine.eu/opensubtitles-parallel-corpora/> (accessed 24.12.2023).
22. SFTT — *Subtitling and Dubbing for Film and Television*. — ATAA [Electronic resource]. — Access mode : https://www.ataa.fr/documents/Guide_EN_2019.pdf (accessed 20.12.2023).
23. RTTSG — *Russian Timed Text Style Guide*. — Netflix [Electronic resource]. — Access mode : <https://partnerhelp.netflixstudios.com/hc/en-us/articles/215346638-Russian-Timed-Text-Style-Guide> (accessed 02.10.2024).
24. STTSG — *Serbian Timed Text Style Guide*. — Netflix [Electronic resource]. — Access mode : <https://partnerhelp.netflixstudios.com/hc/en-us/articles/115002813348-Serbian-Timed-Text-Style-Guide> (accessed 20.12.2023).
25. Statista — *Share of users who watch content in other languages and prefer subtitling or dubbing as of November 2021, by country*. — Statista [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.statista.com/statistics/1289864/subtitles-dubbing-audience-preference-by-country/> (accessed 04.01.2024).
26. SE — *Sketch Engine* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.sketchengine.eu/> (accessed 24.12.2023).

27. TMC — *The Movies Corpus* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.english-corpora.org/movies/> (accessed 20.12.2023).

Литература

1. Алюнина Ю. М. Где живут чудовища? / Ю. М. Алюнина // Корпусный метод обнаружения англицизмов и их производных в русскоязычном Интернете // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2022. — № 80. — С. 5—29. — DOI: 10.17223/19986645/80/1.
2. Анисимов В. Е. Образы традиционной и современной Тувы в российском этнографическом кино (на примере фильма С. Родиной и А. Меньшова «Планета Тыва») / В. Е. Анисимов, А. С. Борисова, Е. Д. Калининкова // Новые исследования Тувы. — 2022. — № 1. — С. 183—197. — DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.12>.
3. Анисимов В. Е. Лингвокультурная локализация кинозаголовков / В. Е. Анисимов, А. С. Борисова, Г. Р. Консон // Russian Journal of Linguistics. — 2019. — Т. 23. — № 2. — С. 435—459. — DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-435-459.
4. Асташина Д. А. Специалист в области перевода и медиадоступности : рамка компетенций / Д. А. Асташина, И. С. Борщевский, Н. В. Гайдаш. — Казань : Издательство «Бук», 2021. — 46 с. — ISBN 978-5-00118-752-3.
5. Малёнова Е. Д. Теория и практика аудиовизуального перевода : отечественный и зарубежный опыт / Е. Д. Малёнова // Коммуникативные исследования. — 2017. — Т. 2. — № 12. — С. 32—46.
6. Малёнова Е. Д. Аудиовизуальный перевод в СССР и России : краткая историческая ретроспектива / Е. Д. Малёнова // Вестни НГЛУ. Язык и культура. — 2021. — Т. 3. — № 553. — С. 61—83. — DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2021-55-3-61-83.
7. Махов А. Е. «Пристальное чтение» перед лицом «больших данных» : проблема метода в современном англоязычном литературоведении / А. Е. Махов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. — 2018. — № 3. — С. 11—32.
8. Моретти Ф. Дальнее чтение / Ф. Моретти. — Москва : Изд-во Института Гайда-ра, 2016. — 352 с. — ISBN 978-5-93255-446-3.
9. Сухая Е. В. Типы источников киноречи как основа лингвистических исследований / Е. Ф. Сухая // Вопросы современной лингвистики. — 2010. — Т. 2. — С. 68—74.
10. Уртминцева М. Г. Закадровый текст в документальном кинодискурсе / М. Г. Уртминцева, В. Н. Скачкова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 334—349. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-134-152.
11. Bednarek M. Language and Television Series : A Linguistic Approach to TV Dialogue / M. Bednarek. — Cambridge : Cambridge University Press, 2018. — 321 p.
12. Bednarek M. Language and Characterisation in Television Series : A corpus-informed approach to the construction of social identity in the media / M. Bednarek. — Amsterdam : John Benjamins, 2023. — 279 p.
13. Cintas J. D. Audiovisual Translation : Subtitling / J. D. Cintas, A. Remael. — London : Routledge, 2007. — 284 p.
14. *Is Subtitling Equally Effective Everywhere? A First Cross-national Study on the Reception of Interlingually Subtitled Messages* / E. Perego, M. Laskowska, A. Matamala, A. Remael, I. S. Robert // Across Languages and Cultures. — 2016. — Vol. 17. — № 2. — Pp. 205—229.
15. Kozloff S. Overhearing Film Dialogue / S. Kozloff. — Berkley — Los Angeles — London : University of California Press, 2000. — 335 p. — ISBN 0-520-22138-9.

16. Lukić N. Audiovisual Translation in Serbia : History and Professional Considerations / N. Lukić // Hieronymus. — 2016. — № 3. — Пp. 64—89.

17. Smolan R. The Human Face of Big Data / R. Smolan, J. Erwitz // Filmplatform [Electronic resource]. — Access mode : https://www.filmplatform.net/wp-content/uploads/2016/03/FINAL_HFOBDStudyGuide-1.pdf. (accessed 04.01.2024).

18. Tröhler M. Christian Metz and the Codes of Cinema. Film Semiology and Beyond / M. Tröhler, G. Kirsten. — Amsterdam : Amsterdam University Press, 2018. — 484 p.

*Статья поступила в редакцию 18.01.2024,
одобрена после рецензирования 11.03.2024,
подготовлена к публикации 18.03.2024.*

Material resources

Civil Code of the Russian Federation 1263 — *Civil Code of the Russian Federation Article 1263. An audiovisual work. Consultant Plus*. Available at https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/bcdb3bad76a5cc627f036e23135e25579d3635/ (accessed 12.26.2023). (In Russ.).

CVAA — *Twenty-First Century Communications and Video Accessibility Act of 2010*. Available at <https://www.fcc.gov/consumers/guides/21st-century-communications-and-video-accessibility-act-cvaa> (accessed 22.12.2023).

Funsub — *Russian funsub is so Russian*. Available at: https://nya.sh/files/epic_fansubs/ (accessed 02.01.2024). (In Russ.).

FC — *Film Corpus 2.0*. Available at: <https://nlds.soe.ucsc.edu/fe2> (accessed 26.12.2023).

FCMS — *Film corpus of movie scripts. Sketch Engine*. Available at: <https://www.sketchengine.eu/film-corpus/> (accessed 26.12.2023).

Flussonic — *Burning subtitles and what is it for*. Available at: <https://flussonic.ru/blog/news/why-do-we-burn-subtitles/> (дата обращения 04.01.2024).

Frozen — *Frozen Disney Script. IMDb*. Available at: [https://imdb.com/Movie%20Scripts/Frozen%20\(Disney\)%20Script.html](https://imdb.com/Movie%20Scripts/Frozen%20(Disney)%20Script.html) (accessed 24.12.2023).

FSS — *French Subtitling Standards. ATAA*. Available at: https://www.ataa.fr/documents/NORMES_SOUS-TITRAGE_FRANCAIS_ANGLAIS_EN-TETE.pdf (accessed 20.12.2023).

FTTSG — *Finnish Timed Text Style Guide. Netflix*. Available at: <https://partnerhelp.netflixstudios.com/hc/en-us/articles/215087558-Finnish-Timed-Text-Style-Guide> (accessed 02.10.2024).

FTU — *Filmmakers and translators unite*. Available at: <https://avteurope.eu/2019/04/09/filmmakers-and-translators-unite/> (accessed 20.12.2023).

GOST — *GOST R 57763-2017. The national standard of the Russian Federation. Hidden subtitles for the hearing impaired. Electronic fund of legal and regulatory documents*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/1200156999> (accessed 12.21.2023). (In Russ.).

IMDb — *Internet Movie Database*. Available at: <https://www.imdb.com/> (accessed 20.12.2023).

IMSDb — *The Internet Movie Script Database*. Available at: <https://imdsb.com/> (accessed 27.12.2023).

JPF — *Swedish language and language policy in Finland*. Available at: <https://fennica.pohjoisen.fi/ru/2019/01/13/finland-swedish/> (accessed 02.01.2024). (In Russ.).

- JTTS — *Japanese Timed Text Style Guide*. Netflix. Available at: <https://partnerhelp.netflixstudios.com/hc/en-us/articles/215767517-Japanese-Timed-Text-Style-Guide> (accessed 02.10.2024).
- KTTS — *Korean Timed Text Style Guide*. Netflix. Available at: <https://partnerhelp.netflixstudios.com/hc/en-us/articles/216001127-Korean-Timed-Text-Style-Guide> (accessed 20.12.2023).
- NGIR — *Netflix Games Internationalization Requirements*. Netflix. Available at: https://partnerhelp.netflixstudios.com/hc/en-us/articles/4411631891859-Netflix-Games-Internationalization-Requirements#h_01FNS8D3C5VWTKVZ54736FNXG1 (accessed 20.12.2023).
- OS PC — *OpenSubtitles parallel corpora*. Sketch Engine. Available at: <https://www.sketchengine.eu/opensubtitles-parallel-corpora/> (accessed 24.12.2023).
- RTTS — *Russian Timed Text Style Guide*. Netflix. Available at: <https://partnerhelp.netflixstudios.com/hc/en-us/articles/215346638-Russian-Timed-Text-Style-Guide> (accessed 02.10.2024).
- SDFT — *Subtitling and Dubbing for Film and Television*. ATAA. Available at: https://www.ataa.fr/documents/Guide_EN_2019.pdf (accessed 20.12.2023).
- SE — *Sketch Engine*. Available at: <https://www.sketchengine.eu/> (accessed 24.12.2023).
- Serbian Chronicles — *Cinema in Šabac*. Available at: <https://www.serbia-home.com/archives/2228> (accessed 12.28.2023). (In Russ.).
- Statista — *Share of users who watch content in other languages and prefer subtitling or dubbing as of November 2021, by country*. Statista. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1289864/subtitles-dubbing-audience-preference-by-country/> (accessed 04.01.2024).
- STTS — *Serbian Timed Text Style Guide*. Netflix. Available at: <https://partnerhelp.netflixstudios.com/hc/en-us/articles/115002813348-Serbian-Timed-Text-Style-Guide> (accessed 20.12.2023).
- TMC — *The Movies Corpus*. Available at: <https://www.english-corpora.org/movies/> (accessed 20.12.2023).
- TST — *Requirements for subtitling and typhocommenting full-length national films created in artistic or animated form*. Consultant Plus. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282550/82d02de07f5851896fb255d9a6c9844df995584c Russian Russian Fansab/ (accessed 12.21.2023). (In Russ.).
- VM — *War and Peace*. [Kino Teatr er](https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/euro/10167/annot/). Available at: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/euro/10167/annot/> (accessed 12.28.2023). (In Russ.).

References

- Alyunina, Yu. M. (2022). Where do the wild things live? Corpus method to detect anglicisms and their derivatives on Russian Internet. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 80: 5—29. DOI: 10.17223/19986645/80/1. (In Russ.).
- Anisimov, V. E., Borisova, A. S., Kalinnikova, E. D. (2022). Images of Traditional and Modern Tuva in Ethnographic Cinema (based on the film of S. Rodnina and A. Menshov “Tyva Planet”). *New studies of Tuva*, 1: 183—197. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.12>. (In Russ.).
- Anisimov, V. E., Borisova, A. S., Conson G. R. (2019). Linguocultural Localization of Movie Titles. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (2): 435—459. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-435-459. (In Russ.).

- Astashina, D. A., Borshchevsky, I. S., Gaidash, N. V. (2021). *Specialist in translation and media accessibility: a framework of competencies*. Kazan: Publishing house “Buk”. 46 p. ISBN 978-5-00118-752-3. (In Russ.).
- Bednarek, M. (2023). *Language and Characterisation in Television Series: A corpus-informed approach to the construction of social identity in the media*. Amsterdam: John Benjamins. 279 p.
- Bednarek, M. (2018). *Language and Television Series: A Linguistic Approach to TV Dialogue*. Cambridge: Cambridge University Press. 321 p.
- Cintas, J. D., Remael, A. (2007). *Audiovisual Translation: Subtitling*. London: Routledge. 284 p.
- Kozloff, S. (2000). *Overhearing Film Dialogue*. Berkley — Los Angeles — London: University of California Press. 335 p. ISBN 0-520-22138-9.
- Lukić, N. (2016). Audiovisual Translation in Serbia: History and Professional Considerations. *Hieronymus*, 3: 64—89.
- Makhov, A. E. (2018). “Close reading” in the face of “big data”: the problem of method in modern English-language literary criticism. *Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature*, 3: 11—32. (In Russ.).
- Malenova, E. D. (2021). Audiovisual translation in the USSR and Russia: a brief historical retrospective. *Vestnik NGLU. Language and culture*, 3 (553): 61—83. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2021-55-3-61-83. (In Russ.).
- Malenova, E. D. (2017). Theory and practice of audiovisual translation: domestic and foreign experience. *Communicative research*, 2 (12): 32—46. (In Russ.).
- Moretti, F. (2016). *Distant reading*. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute. 352 p. ISBN 978-5-93255-446-3. (In Russ.).
- Perego, E., Laskowska, M., Matamala, A. (2016). Is Subtitling Equally Effective Everywhere? A First Cross-national Study on the Reception of Interlingually Subtitled Messages. *Across Languages and Cultures*, 17 (2): 205—229.
- Smolan, R., Erwit, J. The Human Face of Big Data. *Filmplatform*. Available at: https://www.filmplatform.net/wp-content/uploads/2016/03/FINAL_HFOBDSStudyGuide-1.pdf. (accessed 04.01.2024).
- Sukhaya, E. V. (2010). Types of sources of film speech as the basis of linguistic research. *Questions of modern linguistics*, 2: 68—74. (In Russ.).
- Tröhler, M., Kirsten, G. (2018). *Christian Metz and the Codes of Cinema. Film Semiology and Beyond*. Amsterdam: Amsterdam University Press. 484 p.
- Urtmintseva, M. G., Skachkova, V. N. (2022). Voice-Over Text in Documentary Film Discourse. *Nauchnyi dialog*, 11 (6): 334—349. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-6-334-349> (In Russ.).

*The article was submitted 18.01.2024;
approved after reviewing 11.03.2024;
accepted for publication 18.03.2024.*

Информация для цитирования:

Маринова Е. В. Реальность как технология, или Онтологическая лексика в современных процессах номинации / Е. В. Маринова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 2. — С. 226—244. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-226-244.

Marinova, E. V. (2024). Reality as Technology, or Ontological Lexicon in Modern Processes Nomination. *Nauchnyi dialog*, 13 (2): 226-244. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-226-244. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Реальность как технология,
или Онтологическая
лексика в современных
процессах номинации**

Маринова Елена Вячеславовна
orcid.org/ 0000-0003-3860-5606
доктор филологических наук,
профессор
кафедры преподавания русского языка
как родного и иностранного
marinova@list.ru

Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова
(Нижний Новгород, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 23-28-00991,
<https://rscf.ru/project/23-28-00991/>

**Reality as Technology,
or Ontological Lexicon
in Modern Processes
Nomination**

Elena V. Marinova
orcid.org/0000-0003-3860-5606
Doctor of Philology, Professor,
Department of Teaching Russian
as a Native and Foreign Language
marinova@list.ru

Linguistics University
of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00991,
<https://rscf.ru/project/23-28-00991/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На материале русского языка исследуются терминологические номинации ИТ-сферы, в состав которых входит лексика, обозначающая онтологические понятия. Цель исследования — выявить концептуальный сдвиг в восприятии реальности, эксплицированный в новых терминологических номинациях цифровой эпохи (дополненная реальность, смешанная реальность, RR). Составные номинации с опорными существительными онтологической семантики извлекались из научного и медиадискурса. Методика исследования: семантический и контекстный анализ, интерпретационный анализ в рамках теории языковой концептуализации мира. В итоге получены следующие выводы: использование слов онтологической семантики в составе терминов ИТ-сферы отражает техноцентричный взгляд на объективную действительность, при котором её фундаментально значимая роль в жизнеустройстве человека и общества переосмысливается. Понятие «реальность» оказывается рядоположным по отношению к понятию «виртуальность». Сама «реальная реальность», получившая обозначение RR, в парадигме иммерсивных технологий рассматривается как одна из их составляющих. Семантические изменения обнаруживает прилагательное *реальный*: в оппозиции к атрибутам *виртуальный*, *онлайн*- и под. оно реализует новый семантический оттенок ‘проявляющийся не в виртуальном пространстве’, который и становится актуальным в дискурсе о роли цифровых технологий в жизни.

Ключевые слова:

онтологическая лексика русского языка; терминология цифрового общества; процессы номинации; языковая картина мира; техноцентризм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The study examines terminological nominations in the IT sphere in the Russian, which include lexicon denoting ontological concepts. The aim of the research is to identify a conceptual shift in the perception of reality, as explicit in new terminological nominations of the digital era (augmented reality, mixed reality, RR). Composite nominations with key nouns of ontological semantics were extracted from scientific and media discourse. Research methodology includes semantic and contextual analysis, interpretative analysis within the framework of the theory of linguistic conceptualization of the world. The following conclusions were drawn: the use of words of ontological semantics in IT technical terms reflects a technocentric view of objective reality, where its fundamentally significant role in human and societal organization is reimagined. The concept of “reality” is juxtaposed with the concept of “virtuality.” The “real reality” itself, designated as ‘RR’, is considered one of the components in the paradigm of immersive technologies. Semantic changes are evident in the adjective ‘realnyy’ [real]; in opposition to attributes like ‘virtualnyy’ [virtual], ‘onlayn’ [online], etc., it embodies a new semantic nuance ‘manifesting not in virtual space’, which becomes relevant in discussions about the role of digital technologies in life.

Key words:

Russian ontological lexicon; terminology of the digital society; nomination processes; linguistic worldview; technocentrism.

УДК 811.161.1'37

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-226-244

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Реальность как технология, или Онтологическая лексика в современных процессах номинации

© Маринова Е. В., 2024

Мы не просто догнали реальность, мы превзошли её.

Виктор Пелевин

1. Введение = Introduction

Проблеме лингвокогнитивного механизма создания номинаций реальных и понятий интернет-пространства, интерпретируемого философской наукой то как аналог реальной действительности, то как её симулякр, то как её логичное — в условиях новой технологической эры — продолжение, мы уже уделяли внимание в ряде своих работ. Обследованный нами массив устойчиво воспроизводимых в русской речи составных наименований (св. 800 номинаций), созданных по одной структурно-содержательной схеме «атрибут + сущ.», где атрибут имеет обязательный смысловой компонент ‘относящийся к интернет-пространству’ (*виртуальный, кибер-, онлайн-, интернет-, электронный, сетевой, веб-, цифровой*), а существительное само по себе, вне контекста, связанного с цифровыми технологиями, соотносится с объектами реального мира — «Действительности № 1», демонстрирует основной принцип номинирования виртуальных аналогов реального мира. Этот принцип мы условно обозначили как **перенос номинаций** (*почта* → *электронная почта*; *магазин* → *интернет-магазин*; *путешествие* → *виртуальное путешествие* и т. п.) — процесс, в котором в роли «переключателя» из реального мира в виртуальный, то есть в интернет-пространство, выступают атрибутивные компоненты [Маринова, 2022]. Такое наблюдение выявило специфическую черту **языковой картины мира** современного человека — пользователя интернета: его активный «словарь», который он ежедневно использует при обращении в Сеть, в своих основных, повторяющихся чертах отчётливо указывает на идею «удвоения мира». Именно так концептуализирует наше сознание типовую в настоящее время ситуацию с пребыванием индивида в пространстве

Сети параллельно с жизнью за её пределами в физическом мире. «Две социальные жизни» — так определяют специфику существования современного человека специалисты в области социологии [Lieberman et al., 2020].

Представление об этом своеобразном **двомирии** усиливают устоявшиеся в языке XXI века антонимические пары: *виртуальный* — *реальный*, *виртуальность* (разг. *вирт*, *виртуал*) — *реальность* (разг. *реал*), *онлайн* — *офлайн*. Само наличие оппозиции, выраженной этими парами, значимо и отражает новую онтологическую ситуацию, вызванную кардинальными техногенными преобразованиями в жизни социума и индивида. Кроме того, оппозиция вскрывает востребованность современного языкового сознания в обозначении (экспликации) характеризующего признака для действительности, существующей за пределами интернет-пространства. Как справедливо отмечают исследователи, «наличие в течение многих тысячелетий только одной формы человеческой жизнедеятельности не вызывало номинативной потребности в присвоении признаковой характеристики явлению, не имеющему онтологической альтернативы» [Шкапенко и др., 2022, с. 3]. И когда в XXI веке (в цифровую эру) эта «онтологическая альтернатива» обозначилась, язык отреагировал на неё активными номинативными процессами. Для лингвистической науки важно определить не только состав новых номинаций цифровой эпохи, но и более скрытые, смысловые изменения в языке (а значит, и в мышлении). Этим определяется актуальность настоящего исследования. В нём впервые рассматривается использование онтологической лексики русского языка в составе терминологических номинаций, относящихся к сфере цифровой трансформации жизни, в аспекте изучения концептуальных изменений в восприятии и словесной кодировки действительности.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Итак, цель исследования — определить специфику современной языковой картины мира на основе анализа номинаций IT-сферы, включающих слова онтологической лексики русского языка. «Онтологической» мы назвали лексику, отражающую основы бытия, самые общие, согласно философской науке, понятия. В нашем случае это слова *реальность*, (*окружающий мир*, *действительность*, *существование*, *бытие*, *жизнь*. Каким образом сформировался этот список?

Исследуя язык IT-сферы, прежде всего его лексический состав, мы обратили внимание на ключевые терминологические элементы, регулярно используемые в процессе номинации реалий и понятий интернет-пространства в составе двухкомпонентного наименования. Это те самые атрибуты «переключатели», о которых говорилось выше, вводящие в семантику

наименования сему ‘существующий / осуществляемый, реализуемый в Сети’. Количество самих наименований (начало их появления в русском языке — конец XX века) в настоящее время исчисляется сотнями. Так, например, в словаре терминологии цифрового общества зафиксировано 325 номинаций с прилагательным *цифровой* [ТСТ]. Неологические словари дают обширные списки с наименованиями, включающими *онлайн-, кибер-, интернет-*. Устоялись многочисленные номинации со словами *виртуальный, электронный, сетевой*. Нередко атрибутивные компоненты оказываются взаимозаменяемы в пределах одной и той же номинации: *сетевое <электронное, онлайн-, интернет-> издание* и т. д. Замечено также тематическое распределение номинаций (объединённых, тем не менее, одной сферой — IT) по определённым предметным областям, или референтным зонам, как то: безопасность в Сети (*цифровая гигиена, киберзащита, электронная подпись*), преобразования в экономике и бизнесе (*цифровое строительство, цифровые компании*), в социальной сфере (*онлайн-обучение, электронное голосование*) и искусстве (*виртуальный художник, цифровая скульптура*), в области финансов (*цифровой рубль, виртуальные деньги*).

В то же время собранный нами по разным источникам эмпирический материал содержит номинации, не связанные с какой-либо конкретной предметной сферой, но тематически объединённые общей идеей — бытия человека в окружающем мире — благодаря философской семантике опорных существительных (*виртуальная реальность, виртуальное действительность, онлайн-мир* и др.). Такие номинации и стали объектом нашего первичного наблюдения. Они извлекались из медиатекстов электронной базы «Интегрум» путём объектного поиска (по ключевым терминологическим элементам) в сервисе «Архив СМИ» (1996—2024) [Интегрум], а также из лингвистических и энциклопедических словарей [АЛ; БУС; НСЗ-90; ТСТ; ЦО], в которых уже нашли отражение некоторые устоявшиеся терминологические номинации (например, *виртуальная реальность, виртуальный мир, дополненная реальность* и др.). Для текстовых иллюстраций использовался также «Национальный корпус русского языка» (основной и газетный подкорпуса). Привлекались научные исследования в области теории информационного общества и сетевой (цифровой) культуры. Обнаруженные в разных источниках терминологические номинации IT-сферы с опорным словом онтологической семантики были исследованы с помощью методик семантического анализа, сопоставительного контекстного анализа, интерпретационного анализа в рамках теории языковой концептуализации мира. В последнем случае учитывались данные, полученные другими исследователями, изучающими терминологию цифрового общества.

Прежде всего отметим здесь работы В. В. Волкова, выполненные в духе лингвистической герменевтики. Одна из них посвящена критическому анализу терминологического словосочетания *искусственный интеллект*. По мнению учёного, данная номинация, формируя у наивного носителя языка представление об «умном» устройстве, транслирует тем самым идеологию трансгуманизма, основанную на нейтрализации фундаментальной оппозиции человеческой культуры «человек — машина» [Волков, 2020, с. 745]. Глобальное гуманитарное последствие такой идеологии, как известно, «расчеловечивание человека», девальвация самого понятия «Человек», смещение позиций в системе ценностей, поскольку технике приписываются — в качестве органически присущих — лучшие черты *Homo Sapiens*.

В этом отношении интерес представляет исследование А. А. Клементьевой, также посвящённое термину *искусственный интеллект*. Опираясь прежде всего на анализ субъектно-объектной организации предложений, в которых использован этот термин, А. А. Клементьева убедительно раскрывает манипулятивный механизм его «присутствия» в публицистических текстах: искусственный интеллект персонифицируется и выступает как антропоморфное существо (и почти всегда — активный субъект), что даёт основание исследователю сделать вывод о происходящем в настоящее время «концептуальном сдвиге» в сознании человека, об «искажении представлений о реальности действительной» [Клементьева, 2022, с. 20].

Критическому осмыслению подверглось также в отечественной научной литературе понятие «цифровая цивилизация». Оценивая его как симулякр (нечто не имеющее референции, в отличие от понятия «цивилизация», обладающего «онтологической реальностью»), В. В. Волков и Н. В. Волкова рассматривают сам термин — *цифровая цивилизация* — не только как манипулятивное средство деструкции понятия «цивилизация», но и как «прямую угрозу национальной ментальной безопасности» [Волков и др., 2020, с. 71]. «Цивилизация — это вообще-то о людях, а не о компьютерах», — пишут учёные. По их мнению, цифровая цивилизация — феномен «двойного» сознания: за этим выражением стоит одновременно и утопия, и антиутопия. Невозможно достичь какой-то более совершенной цивилизации, если инструментом её достижения мыслятся (и становятся) техника и технологии. В этом ключе рассуждает и философ В. А. Кутырёв: он, по сути, **обличает** антигуманную, «противочеловеческую» природу цифрового преобразования жизни, а сам термин *цифровая цивилизация* трансформирует в *цифролизация*, подчёркивая тем самым своё резко критическое отношение к понятию, стоящему за этим термином [Кутырёв, 2022, с. 8].

Эти и некоторые другие наблюдения современных учёных подтверждают актуальность заявленной в статье проблемы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Virtual Reality: специфика понятия, полисемия термина

Как точно подметил голландский теоретик сетевой культуры Герт Ловинк, пользователи компьютеров «знают, что их папки и рабочие столы на самом деле не папки и не рабочие столы, но они относятся к ним так, как если бы они ими действительно являлись — просто, потому что **называют** (выделено нами. — *Е. М.*) их папками и столами» [Ловинк, 2019, с. 19]. Основной когнитивный механизм такого «называния», как видим, перенос наименований из реального мира в виртуальный.

В этом процессе значимую роль, на наш взгляд, сыграло устойчивое выражение *Virtual Reality*, с развитием высоких технологий послужившее, по сути, **образцом** для создания множества атрибутивных номинаций с опорными словами, которые в своих прямых значениях обозначают реалии окружающего мира. Однако стоит учесть, что придуманный ещё в 80-е годы XX века американским учёным, философом Джароном Ланиром термин *Virtual Reality* другими философами объявлялся «двусмысленным по своему содержанию» или даже «бессмыслицей» [Пивоваров, 1998, с. 140], воспринимался как «оксюморон» [Эко, 2018]. Противоречие между смыслами, заложенными в каждом из компонентов термина, было для этих мыслителей абсолютно очевидным: физическая, телесная, вещная сторона реального мира (*reality* < лат. *realis* ‘вещественный’) не позволяла приписывать ему признаки ‘не имеющий физического воплощения’, ‘имитирующий телесность, вещьность и т. п. с помощью высоких технологий’ (см. толкование *virtual*, например, в [CED]: «having the essence or effect but not the appearance or form; existing as a computer-generated version that resembles that thing in reality»). Это противоречие неоднократно осмысливалось и другими учёными.

Оригинально в этом отношении высказался словенский философ Славой Жижек: он увидел **двойственность** в самой виртуальной реальности как феномене компьютерно-интернетовской эры. С одной стороны, есть некое идеальное (= не материальное) пространство, в котором «универсум значения» не имеет референции (по другой терминологии, симулякр), — Жижек называет это пространство «фантазмической реальностью». С другой стороны, виртуальная реальность проявляется всё же и как материализованная форма — например, в виде электрического тока, микросхем и под. По Жижеку, это «заэкранная реальность» [Жижек, 2000]. Подчеркнём, философ анализирует сам этот феномен (а не название), пытаясь определить его основные онтологические характеристики, его специфику.

Что же касается термина Дж. Ланира, он, несмотря на неоднозначные его оценки, получил широкое распространение, стал интернациональным и с дальнейшим развитием и совершенствованием технологий начал обозна-

чать — зачастую в виде аббревиатуры *VR* — не только «другую реальность», или «Reality+», как назвал её австралийский философ Дэвид Чалмерс в одной из своих последних работ [Chalmers, 2022], но и саму **технологию**, с помощью которой пользователь физически — через визуализацию, тактильные ощущения, звуки и даже запахи — воспринимает искусственно созданные высокотехнологичными устройствами изображения. В философских штудиях, однако, *Virtual Reality* трактуется не как технология, а как **онтологическое понятие** по сей день (см., например: [Шаев, 2019; Chalmers, 2022]).

3.2. Технология как реальность: онтологическая лексика в обозначениях новой формы бытия в современную эпоху

Обратимся теперь к русскому языку и на его примере покажем, в каких значениях используется термин *виртуальная реальность*, скалькированный в конце XX века с английского *Virtual Reality*.

Первые фиксации термина в отечественных словарях отражают следующее его значение: «созданная имитацией **реальность** (выделено нами. — *Е. М.*) обстановки с помощью компьютерных технологий — звуком, зрительными образами, тактильными ощущениями» (2006) [АЛ]; «среда, ситуация, имитируемая с помощью компьютерных устройств (звуком, зрительными образами, тактильными ощущениями); интернет-пространство» (2009) [НСЗ-90]. Как видим, в толковании, представленном в АЛ, термин *виртуальная реальность* поясняется через отсылку к самому опорному существительному — *реальность*, причём в его общеупотребительном (не философском) значении: ‘соответствие тому, что есть, существует на самом деле’ [БУС], о чём свидетельствует последующий распространитель — *реальность обстановки* (у философского термина *реальность* такая валентность не реализуется). Толкование в [НСЗ-90] строится несколько иначе: оно отражает метафорическое представление пользователей компьютерных технологий об онтологии того, что существует за экраном технического устройства. *Среда, пространство* — каждая из этих метафор в дискурсе о высоких технологиях используется в составе самостоятельной номинации: *виртуальная среда, цифровая среда; виртуальное пространство, интернет-пространство, веб-пространство, киберпространство*. Соответственно термин *виртуальная реальность* в своём первичном значении (онтологическом) имеет множество синонимов, как узуального, так и окказионального характера, созданных по **принципу переименования**. См., например: *Виртуальный мир начинает занимать все больше места в жизни, а ценности офлайн-артефактов постепенно теряются* (Савчук И. Карл Винсент: «Наша реальность заканчивается там, где перестаёт тянуть Wi-Fi // Системный Администратор. 2015. Вып. 1—2 (146—147)) [АА].

Основанием для переименования в данном случае являются:

— концептуализация представлений человека, подключённого к Сети, о новой форме протекания его бытия как о параллельной онтологической сущности, эксплицируемая посредством метафор (см. выше);

— наличие в русском языке синонимов к разным лексико-семантическим вариантам слов *реальность* и *пространство* (*реальность* — *действительность, жизнь, существование, бытие, окружающий мир; пространство* — *вселенная*);

— наличие синонимов слова *виртуальный*, имеющих общую сему 'существующий / осуществляемый, реализуемый в Сети'.

Отсюда такие близкие по значению номинации, как *виртуальная действительность, виртуальная жизнь, виртуальный мир, виртуальная Вселенная, онлайн-мир, кибермир, цифровой мир, цифровая реальность, IT-реальность, технико-технологизированный мир, технологизированное бытие, облачное бытие* и др. Далее в примере мы увидим использование термина *виртуальная реальность* и одного из его синонимов в одном контексте: *И случайно ли пребывание в «киберпространстве», в виртуальной реальности часто сравнивают с эффектом от наркотического опьянения?* (Р. Фрумкина, И. Розовская. Бояться ль данайцев, дары приносящих? Знание — сила. 1997) [НКРЯ]. В этом же ряду многочисленных переименований — номинации интерпретирующего характера, возникающие как результат философского осмысления феномена, его наиболее существенного, по мнению авторов, признака: *цифровая копия мира, сжатая версия мира, симулякр социального, симулякр реальности* и под. См. также: *В «уничтожении» пространства соперничать с автомобилем может только компьютер, в связи с которым подлинной — виртуальной — реальностью называется не живое пространство, а то новое измерение, которое есть не что иное, как свернутое и способное к саморазвертыванию программное время* (В. Голованов. Остров, или оправдание бессмысленных путешествий. 2002) [НКРЯ]; *«Встроенный» во Всемирную паутину человек постепенно перестает нуждаться в живом общении и начинает жить в иллюзорном мире, который ныне красиво называют «виртуальной реальностью»* (В. Смирнов. Матрица. Наука и религия. 2007) [НКРЯ].

Итак, термин *виртуальная реальность* использовался, с «момента» его появления до приблизительно 2010 года, преимущественно (а в философском дискурсе — только) в **онтологическом** смысле. Новизна и актуальность семантики термина способствовали тому, что он, судя по НКРЯ, в прессе, да и в литературе, употреблялся как дань моде, «ключевое слово текущего момента», то есть часто, активно и не всегда в текстах соответствующей (компьютерной) тематики. Нередко этим термином заменяли

выражения *искусственная реальность*, *художественная реальность*, а само понятие расширяли до любых форм отражения объективного мира, например, в кино, искусстве фотографии, театре и т. п. Вот несколько иллюстраций: *Сейчас рождается следующий тип человека, homo ludenus — человек играющий, который может выбирать между альтернативными типами виртуальной реальности, существующей благодаря телевидению, видеорынку, глобальным компьютерным сетям, огромному массиву созданной культуры...* (Г. Малинецкий. От homo sapiens к homo ludens. Знание — сила. 1998) [НКРЯ]; *Но в его спектаклях (К. С. Станиславского. — Е. М.) — в «Горячем сердце», в «Женитьбе Фигаро», в «Тартюфе» — создавалась та самая «виртуальная реальность»* (О. Табаков: театр — повышенная зона риска. Театральная жизнь. 28.04.2003) [НКРЯ]; *Фактически Кэрролл изображает виртуальную реальность, знакомую многим современным геймерам (10 социальных страхов Льюиса Кэрролла. Русский репортер. № 8 (136). 4—11 марта 2010)* [НКРЯ].

И лишь спорадически в этот период номинация *виртуальная реальность* использовалась для обозначения именно технологии.

3.3. Реальность как технология: онтологическая лексика в составе техницизмов

Материалы НКРЯ и «Интегрума» показывают, что первоначально (начало нулевых годов) в дискурсе на компьютерные темы стали употребляться такие **техницизмы**, как *шлем виртуальной реальности*, *очки виртуальной реальности*, в составе которых рассматриваемое нами выражение уже мало походило на философский термин. В дальнейшем, с развитием игровой компьютерной индустрии и техническим совершенствованием визуализации, имитации и под., за термином *виртуальная реальность*, а также за его компактными вариантами — *VR/VP* — утвердилось ещё одно значение, чисто техническое: ‘пользовательский интерфейс, обеспечивающий пользователю цифровую трехмерную среду и эффект реального присутствия в ней’ [ЦО, с. 53]. См., например, характерные контексты, в которых номинация включена в один ряд с обозначениями других технологий: *Особое внимание производители уделяют сегодня инвестициям в создание UC-платформ с использованием искусственного интеллекта (AI), виртуальной реальности (VR) и интернета вещей (IoT)* (Мировой рынок унифицированных коммуникаций (UC): достижения в 2018-м и основные тенденции на 2019 год. 2019) [НКРЯ]; *Реализация стратегии будет базироваться на технологиях искусственного интеллекта и больших данных, телеметрии, виртуальной реальности, Интернета вещей и других* (Кабин утвердил стратегию цифровой трансформации отрасли строительства и ЖКХ // Парламентская газета. 29.12.2021) [НКРЯ].

С появлением нового значения изменилась и **сочетаемость** термина. В онтологическом значении термин употреблялся (и употребляется до сих пор) в таком словесном окружении, при котором, как правило, реализовывалась метафора пространства: *путешествие в виртуальную реальность, погружение в виртуальную реальность, выйти из виртуальной реальности, застрять ...* и под. В техническом же значении (в английском языке сформировавшемся, по-видимому, на основе метонимического переноса) термин устойчиво используется в сочетании с другими **техницизмами** — в качестве зависимого компонента, имеющего в структуре словосочетания оттенок ‘указание на функцию того, что обозначено главным словом’: *гарнитура виртуальной реальности, системы виртуальной реальности, сервисы и программы виртуальной реальности, инструменты виртуальной реальности, в режиме виртуальной реальности* и, наконец, самое частотное выражение — *технологии виртуальной реальности*. См. также: *В основу технологии положены методы виртуальной реальности, нечеткого структурирования аргументов, трехмерная цветная визуализация и корпоративная память* (Е. Л. Логинов. Новые информационные технологии для контрольной деятельности в сфере государственного и муниципального управления // Информационное общество. 2011) [НКРЯ]. Возможны стали и такие сочетания, как *приложения с поддержкой виртуальной реальности, применение/использование виртуальной реальности* и т. п.

Интересны примеры контекстов, в которых термин *виртуальная реальность* использован как техницизм, а в онтологическом значении, которое когда-то было у него единственное, употреблены уже другие обороты, с опорными словами *среда, мир*: *Практика показывает, что технологии виртуальной реальности погружают человека в синтетическую среду* (Блокчейн как основа формирования дополненной реальности в цифровой экономике. Информационное общество. 2017) [НКРЯ]; *VR — виртуальная реальность, технология, которая позволяет человеку погрузиться в полностью цифровой мир* (Какая она, метавселенная? 12.02.2024 21:01VC.ru) [Интегрум]. Ещё один пример иллюстрирует смысловое различие аббревиатуры *VR* и выражения *виртуальный мир* (синонима номинации *виртуальная реальность* в её первичном значении), что подтверждает факт актуализации именно второго значения термина *виртуальная реальность*: *VR — технология полного погружения в виртуальный мир за счёт иммерсивных устройств...* (Чем различаются технологии погружения в виртуальный мир, 15.11.2023) [АА].

Так *реальность* стала, образно говоря, технологией. На самом деле то же произошло и с *виртуальным миром*. Термин используется сейчас не только в онтологическом смысле, но и для обозначения жанра интер-

нет-сообществ, имеющего форму компьютерно-моделированной среды, находясь в которой можно взаимодействовать друг с другом, пользоваться уже созданными компьютерными объектами или самостоятельно создавать новые [ЦО, с. 11]. Популярно, например, интернет-сообщество, или виртуальный мир, под характерным названием *Second Life* («вторая жизнь») [Там же, с. 56].

Наконец, отметим среди номинаций новейших цифровых технологий появление в XXI веке терминов, в которых также использовано слово *реальность*. Это кальки английских сочетаний, имеющие, как и *виртуальная реальность*, варианты в виде аббревиатур: *дополненная реальность* (*AR* < *Augmented Reality*) ‘технология наложения виртуальных объектов в физическом мире в режиме реального времени’ [ТСТ, с. 48]; *смешанная реальность* (*MR* < *Mixed Reality*), или *гибридная реальность* (< *Hybrid Reality*) ‘сочетание физического и виртуального мира, обеспечивающее взаимодействие между человеком, компьютером и окружающей средой в режиме реального времени’ [ТСТ, с. 57]; *расширенная реальность* (*XR* < *Extended Reality*) — о технологии, совмещающей VR-, AR-, XR- и другие иммерсивные технологии. См.: *Дополненная реальность (AR) станет частью прямой трансляции — благодаря этому некоторые модели из коллекций можно будет увидеть в окружающей зрителей реальности, при использовании смартфона* (Цифровую одежду и 3D-арт представляют на первом гибридном мероприятии в области моды. Известия. 09.06.2020); *Пока нет точных данных, но можно предположить, что создаваемая искусственным интеллектом смешанная реальность воздействует на общественное мнение примерно с той же силой, что и реальные события* (Виртуальные персонажи начинают и выигрывают. Ведомости. 19.12.2021); *Расширенная реальность — это спектр явлений и разработок от «полного реального» до «полного виртуального»* (М. М. Вольнов, А. А. Китов, С. Б. Горячкин. Виртуальная реальность: виды, структура, особенности, перспективы развития. E-Scio. 2020. № 5 (44)) [AA].

Техницизмы, включающие компонент *реальность*, соотносятся между собой как гипонимы по отношению к гиперониму *иммерсивные технологии* (о технологиях погружения). См.: *Безусловно, применение технологий виртуальной (и других смежных видов) реальности позволяет человечеству решать самые разноплановые задачи, начиная со сложного технического обслуживания оборудования, тренировки операторов военной техники, и заканчивая сферой развлечений, видеоиграми, офлайн-активностями на специальных полигонах* (М. М. Вольнов, А. А. Китов, С. Б. Горячкин. Виртуальная реальность: виды, структура, особенности, перспективы развития. E-Scio. 2020. № 5 (44)) [AA]. Таким образом, слово *реальность* оказалось

втянутым в целую серию технических обозначений «семейства технологий», как будто бы вытеснивших онтологический термин *реальность* (об объективном мире) на второй план. Об этом свидетельствует и грамматическое поведение слова: в дискурсе о цифровых технологиях оно может использоваться в **форме множественного числа** (ср.: философский термин *реальность* относится к существительным *Singularia Tantum*). Например: ... *только с широкополосным подключением 5G пользователи нового роутера могут рассчитывать на бесперебойную работу с приложениями виртуальной и дополненной реальности* (Соединяй меня полностью // Коммерсант. 29.06.2020) [НКРЯ]; *XR объединяет реальные и виртуальные реальности: дополненную реальность (AR), дополненную виртуальность (AV), виртуальную реальность (VR) и другие* (Иммерсивные технологии — будущее реального и виртуального опыта, 15.07.2022) [AA].

Новая сочетаемость слова *реальность*, его использование в составе номинаций сферы высоких технологий отражают тот самый **концептуальный сдвиг** в восприятии окружающего, о котором пишут учёные, писатели, обеспокоенные быстро меняющимся техноцентричным, цифроцентричным миром с его удвоением, симуляцией, «перепроизводством реальности», смещением традиционных границ в оппозиции «живое — неживое» и другими гуманитарными рисками. Множащиеся сущности, «реальности» и их «гибриды» (так называемый фиджитал, или киберфизические системы) в итоге отрывают человека от его естественной, заложенной от природы среды — физического, вещного мира. «Машина, техника, та власть, которую она с собой приносит, та быстрота движения, которую она порождает, создают химеры и фантазмы, направляют жизнь человеческую к фикциям, которые производят впечатление наиреальнейших реальностей» [Бердяев, 2017, с. 233]. «Наиреальнейшие реальности» — это выражение Н. А. Бердяева, сказанное сто лет назад (1924), точно передаёт сложившуюся ситуацию современного дня.

В завершение раздела 3 обратим внимание и на «старую» сочетаемость слова *реальность*.

3.4. Real Reality (RR) — новый техницизм?

Реальная реальность — при всей тавтологичности не редкий оборот в публицистической речи, используемый как фигура усиления (дублирующее главное слово прилагательное выполняет роль своеобразного интенсификатора, например: *Образы, персонажи, уклады и действия Вашего фильма — это «реальная» реальность или реальность внутри Вашей головы?* («Остров»). Фильм-событие. Фильм-проповедь. РИА Новости. 20.11.2006) [НКРЯ]). Однако в дискурсе о цифровых технологиях оборот выполняет другую функцию. Он, во-первых, терминологизируется, встраиваясь в один

ряд с другими обозначениями, возникшими на базе слова *реальность*, и, во-вторых, реализуя онтологическое значение слова *реальность* (объективный, физический мир), приобретает семантический оттенок ‘слагаемое иммерсивных технологий’. Приведём контексты, подтверждающие это наблюдение, и, кстати, в одном из них (2) автор материала прямо констатирует факт необходимости специального терминологического наименования объективного физического мира в контексте цифровых технологий погружения: (1) *В условиях все ускоряющейся цифровизации экономики и общества в целом специалисты выделяют четыре типа «реальностей»... Во-первых, это RR (Real Reality, **реальная реальность**) — это физический мир, в котором мы с вами живем. Во-вторых, VR... — это технология, которая ограждает пользователя от RR.... В-третьих, AR... — это технология, которая дополняет RR компьютерными изображениями любого рода... В-четвертых, MR... (К. А. Логун, И. В. Рощупкина Бизнес-сценарии использования технологий расширенной реальности на современных производственных предприятиях // Организатор производства. 2020. № 4); (2) *Погружение в сконструированный мир может быть полным или частичным. В первом случае говорят о виртуальной реальности... Во втором — о дополненной... Для обозначения сконструированной реальности в целом... нередко употребляется термин «расширенная реальность»... Что примечательно, приходится также определять и объективную реальность (или «**реальную реальность**») — ее обозначают как RR... (Иммерсивные технологии — будущее реального и виртуального опыта) [AA].**

Так, в современной терминологии высоких технологий появляется новый термин — *RR*, значение которого не сводимо к его расшифровке, как это обычно складывается в отношении аббревиатур: *RR* обозначает элемент иммерсивных технологий (технологий AR, MR, XR), предполагающий обязательную включённость субъекта, при их использовании, в естественную среду объективного физического мира, его активность в ней (в отличие от технологии виртуальной реальности). См. примеры употребления термина в научном дискурсе: *AR — это компьютерно-опосредованная реальность, в которой RR дополняется с помощью виртуальных изображений, анимаций, эффектов или титров... MR объединяет реальные и виртуальные элементы: они сосуществуют и взаимодействуют в RR (М. М. Волинов, А. А. Китов, С. Б. Горячкин. Виртуальная реальность: виды, структура, особенности, перспективы развития. E-Scio. 2020. № 5 (44)); [Смешанная реальность] схожа по определению с AR, однако помимо простого размещения изображений и текста поверх RR, эта технология направлена на создание среды, в которой пользователь будет обрабатывать объекты, как если бы они были они находились перед ним самом деле MR... (К. А. Ло-*

гун, И. В. Рощупкина Бизнес-сценарии использования технологий расширенной реальности на современных производственных предприятиях. Организатор производства. 2020. № 4) [AA].

Техницизм *RR*, восходящий к обозначению онтологического понятия реальности, «пристраиваясь» к парадигме одноструктурных терминов-гипонимов *VR, AR, MR, XR*, кодирует абсолютно в духе времени отношение к физическому миру, то есть к единственной естественной среде бытования человека, как к понятию, рядоположному техническим понятиям.

Заметим также, что в контекстах, задающих оппозицию «реальность vs виртуальность», в словосочетании *реальная реальность*, а также в синонимичных оборотах с тем же прилагательным оно приобретает новый смысловой оттенок. Имплицитно слово *реальный* выражает признак ‘проявляющийся не в виртуальном пространстве’, который и становится наиболее значимым в дискурсе о роли цифровых технологий в жизни. Вот несколько иллюстраций: *В самом начале апреля визуально-информационная выставка «Cartoons.spb.ru» выпадет из виртуального пространства и начнёт работать в реальном мире... в одном из лучших залов Петербурга...* (fontanka.ru. 14.03.2003) [AA]; *...компьютерные игры создают параллельный мир виртуальной реальности, выходя из которого человек невольно накладывает спроецированную матрицу виртуальности на реальный мир* (Д. Е. Прокудин. Проблемы социокультурной адаптации в пространстве компьютерных игр. Информационное общество. 2013) [НКРЯ]; *Что делать с виртуальной реальностью? Можно погрузиться в нее, сбежав от реального мира...* (Новости. Lenta.ru. 04.07.2019) [Там же]; *Любая, даже очень качественная сделанная виртуальная реальность, не может сравниться с реальным миром: она его упростит или наоборот приукрасит* (Р. Русаков. Держать клиента на расстоянии. Коммерсант. 21.05.2020) [Там же].

Ранее тот же вывод мы формулировали, исследуя оппозицию «реальная личность — виртуальная личность» [Маринова, 2023, с. 65].

4. Заключение = Conclusions

Виртуальная Реальность переживает сегодня свой второй цикл хайпа, спустя двадцать пять лет после своего появления.

Герм Ловинк

Итак, в результате исследования мы получили факты из жизни языка, подтверждающие ранее сделанные выводы современных учёных о трансформации представлений о реальном мире, об изменении в его восприятии в контексте цифровой культуры.

В силу объективных причин, а именно стремительного развития высоких технологий, эта трансформация будет усиливаться, восприятие мира будет всё более перестраиваться и перекраиваться. И, безусловно, человеческий язык — этот верный спутник нашего существования — будет, как в зеркале, отражать все изменения.

Уже сейчас заметно влияние доминирующей идеологии цифрового общества — техноцентризма — на процессы номинации. Лексика онтологической семантики, по природе своей связанной с «Действительностью № 1», используется для создания наименований новых технологий и новых технологизированных понятий («реальная реальность»). Меняется смысловое наполнение слов *реальный*, *реальность* — за счёт появления в их семантической структуре нового оттенка «происходящий, протекающий не в Сети». Ощущается востребованность в обозначении (экспликация) характеризующего признака для действительности, существующей за пределами интернет-пространства, поскольку «генетически первичные, естественные формы бытия обретают гносеологически вторичное прочтение, ставятся в позицию, подчиненную новым... технологиям» [Шкапенко и др., 2022, с. 5]. Концептуальные метафоры восприятия интернет-пространства как параллельной онтологической сущности, созданные на базе слов *реальность*, *действительность*, *пространство*, *среда*, *мир*, *жизнь*, *существование*, *вселенная*, наглядно демонстрируют тот когнитивный механизм, который настраивает сознание воспринимать происходящее в Сети как подобие (версию, копию) реального мира. Нельзя не отметить, наконец, актуализацию атрибутов *смешанный*, *гибридный*, *фиджитал*-, *киберфизический* в процессе номинации новых реалий цифрового мира, воплощающих явную тенденцию современных технологий органично, «бесшовно» интегрироваться в физический мир. Перспективы дальнейшего нашего исследования видятся в изучении терминов, связанных с этой тенденцией.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* авторов.
2. АЛ — *Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика* / под ред. Г. Н. Скляревская. — Москва : Эксмо, 2006. — 1136 с.
3. БУС — *Морковкин В. В.* Большой универсальный словарь русского языка / В. В. Морковин, Г. Ф. Богачёва, Н. М. Луцкая. — Москва : АСТ-Пресс, 2022. — Т. 1—2.
4. *Интегрум* : архив СМИ [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://search.integrum.ru> (дата обращения 11.11.2023).

5. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 20.11.2022).

6. НСЗ-90 — *Буцева Т. Н.* Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг. XX в. / Т. Н. Буцева. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2009—2014. — Т. 1—3.

7. ТСТ — *Тематический словарь терминологии цифрового общества RU* : Проспект / Е. В. Маринова, Е. А. Волочек // Альманах Говор. — 2023. — № 8. — С. 1—196. — DOI: 10.48612/govor/r11t-t47t-tm73.

8. ЦО — *Цифровое общество. Словарь-справочник* / Л. С. Киселева, А. А. Семенова. — Москва : Проспект, 2023. — 152 с.

9. CED — *Collins English Dictionary* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.collinsdictionary.com/> (accessed 16.02.2024).

Литература

1. *Бердяев Н. А.* Смысл истории. Новое средневековье / Н. А. Бердяев. — Москва : Канон+, 2017. — 448 с. — ISBN 978-5-8873-030-5.

2. *Волков В. В.* Искусственный «интеллект» и человеческий ум : футуристическая синекдоха и реальность (лингвистический и лингвоментальный аспекты) / В. В. Волков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2020. — Т. 11. — № 4. — С. 745—759. — DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-745-759.

3. *Волков В. В.* «Цифровая цивилизация» : утопия, антиутопия или симулякр? / В. В. Волков, Н. В. Волкова // Гуманитарное знание и духовная безопасность : сб. материалов VII Междунар. научно-практ. конф. — Грозный — Махачкала : Чеченский гос. пед. ун-т ; АЛЕФ, 2020. — С. 67—72. — ISBN 978-5-696-05150-5.

4. *Жижек С.* Киберпространство, или Невыразимая замкнутость бытия [Электронный ресурс] / С. Жижек — Режим доступа : <https://old.kinoart.ru/archive/1998/01/n1-article25> (дата обращения 22.11.2022).

5. *Клементьева А. А.* К вопросу о функционировании термина *искусственный интеллект* в современном научном и публицистическом дискурсе / А. А. Клементьева // Мир русского слова. — 2022. — № 4. — С. 14—23. — DOI: 10.24412/1811-1629-2022-4-14-23.

6. *Кутырёв В. А.* Чело-век технологий, цивилизация фальшизма / В. А. Кутырёв. — Санкт-Петербург : Алетей, 2022. — 288 с. — ISBN 978-5-00-165476-6.

7. *Ловинк Г.* Критическая теория Интернета / Г. Ловинк. — Москва : Ад Маргинем, 2019. — 304 с. — ISBN 978-5-91103-498-6.

8. *Маринова Е. В.* Виртуальные аналоги реального мира : особенности вербализации в русском языке / Е. В. Маринова // *Studia Slavica Hung.* — 2022. — № 67 (1) — С. 1—14. — DOI: 10.1556/060.2022.00037.

9. *Маринова Е. В.* Эволюция понятия «виртуальная личность» в цифровую эпоху (социолингвистическое исследование на материале русских текстов) / Е. В. Маринова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 151—169. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-151-169.

10. *Пивоваров Д. В.* Виртуальное, виртуал, виртуальная реальность / Д. В. Пивоваров // Современный философский словарь. — Лондон — Минск : Панпринт, 1998. — 1064 с. — ISBN 3-932173-35-X.

11. *Шаев Ю. М.* Виртуальная реальность : Прологомены к онтологии / Ю. М. Шаев. — Москва : УРСС, 2019. — 160 с. — ISBN 978-5-9710-6301-8.

12. Шкапенко Т. М. Есть ли жизни офлайн, или О проблемах номинации неvirtуальной действительности / Т. М. Шкапенко, Н. Б. Милаевская // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. — 2022. — № 3. — С. 3—8. — DOI: 10.20339/PhS.3-22.003.

13. Эко У. Заклятие Сатаны. Хроники текучего общества / У. Эко. — Москва : АСТ, 2018. — 704 с. — ISBN 978-5-86793-683-9.

14. Chalmers David J. Reality+. *Virtual Worlds and the Problems of Philosophy* / David. J. Chalmers. — New York : W. W. Norton & Company, 2022. — 520 p. — ISBN 9780241320716 520.

15. Lieberman A. Two social lives : How differences between online and offline interaction influence social outcomes / A. Lieberman, J. Schroeder // *Current Opinion in Psychology*. — 2020. — Vol. 31. — Pp. 16—21. — DOI: 10.1016/j.copsyc.2019.06.022.

Статья поступила в редакцию 17.02.2024,
одобрена после рецензирования 12.03.2024,
подготовлена к публикации 18.03.2024.

Material resources

AA — *Authors archive*. (In Russ.).

AL — *Explanatory dictionary of the Russian language of the beginning of the XXI century. Current vocabulary*. (2006). Moscow: Eksmo. 1136 p. (In Russ.).

BUS — Morkovkin, V. V., Bogacheva, G. F., Lutskaya, N. M. (2022). *The Great Universal Dictionary of the Russian language, 1—2*. Moscow: AST-Press. (In Russ.).

CED — *Collins English Dictionary*. Available at: <https://www.collinsdictionary.com/> (accessed 16.02.2024).

CO — *Digital Society. Dictionary-reference*. (2023). Moscow: Prospekt. 152 p. (In Russ.).

Integrum: *media Archive*. Available at: <https://search.integrum.ru> (accessed 11.11.2023). (In Russ.).

NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 20.11.2022). (In Russ.).

NSZ-90 — Butseva, T. N. (2009—2014). *New words and meanings. Dictionary-reference book on the materials of the press and literature of the 90s of the XX century, 1—3*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. (In Russ.).

TST — Thematic dictionary of terminology of the digital society RU: Prospekt. (2023). *Almanac Govor*; 8: 1—196. DOI: 10.48612/govor/r11t-t47t-tm73. (In Russ.).

References

Berdyayev, N. A. (2017). *The meaning of history. The New Middle Ages*. Moscow: Canon+. 448 p. ISBN 978-5-8873-030-5. (In Russ.).

Chalmers David, J. (2022). *Reality+. Virtual Worlds and the Problems of Philosophy*. New York: W. W. Norton & Company. 520 p. ISBN 9780241320716 520.

Eco, U. (2018). *The curse of Satan. Chronicles of a fluid Society*. Moscow: AST. 704 p. ISBN 978-5-86793-683-9. (In Russ.).

Klementyeva, A. A. (2022). On the question of the functioning of the term artificial intelligence in modern scientific and journalistic discourse. *The world of the Russian word*, 4: 14—23. DOI: 10.24412/1811-1629-2022-4-14-23. (In Russ.).

Kutyrev, V. A. (2022). *Man-the age of technology, the civilization of falsehood*. St. Petersburg: Alethea. 288 p. ISBN 978-5-00-165476-6. (In Russ.).

- Lieberman, A., Schroeder, J. (2020). Two social lives: How differences between online and offline interaction influence social outcomes. *Current Opinion in Psychology*, 31: 16—21. DOI: 10.1016/j.copsyc.2019.06.022.
- Lovink, G. (2019). *Critical theory of the Internet*. Moscow: Ad Marginem. 304 p. ISBN 978-5-91103-498-6. (In Russ.).
- Marinova, E. V. (2023). Evolution of Concept VIRTUAL PERSONALITY in Digital Age (a Sociolinguistic Study based on Russian Texts). *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 151—169. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-151-169. (In Russ.).
- Marinova, E. V. (2022). Virtual analogues of the real world: features of verbalization in the Russian language. *Studia Slavica Hung*, 67 (1): 1—14. DOI: 10.1556/060.2022.00037. (In Russ.).
- Pivovarov, D. V. (1998). Virtual, virtual, virtual reality. In: *Modern philosophical dictionary*. London — Minsk: Panprint. 1064 p. ISBN 3-932173-35-X. (In Russ.).
- Shaev, Yu. M. (2019). *Virtual reality: Prolegomena to ontology*. Moscow: URSS. 160 p. ISBN 978-5-9710-6301-8. (In Russ.).
- Shkapenko, T. M., Milyavskaya, N. B. (2022). Is there life offline, or About the problems of nomination of non-virtual reality. *Philological sciences. Scientific reports of the higher school*, 3: 3—8. DOI: 10.20339/PhS.3-22.003. (In Russ.).
- Volkov, V. V. (2020). Artificial “intelligence” and the human mind: futuristic synecdoche and reality (linguistic and linguistic aspects). *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics*, 11 (4): 745—759. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-745-759. (In Russ.).
- Volkov, V. V. (2020). “Digital civilization”: utopia, dystopia or simulacrum? In: *Humanitarian knowledge and spiritual security: collection of materials of the VII International Scientific and Practical Conference*. Grozny — Makhachkala: Chechen State Pedagogical University. Univ.; ALEF. 67—72. ISBN 978-5-696-05150-5. (In Russ.).
- Zizek, S. *Cyberspace, or the Inexpressible isolation of being*. Available at: <https://old.kinoart.ru/archive/1998/01/n1-article25> (accessed 11/22/2022). (In Russ.).

*The article was submitted 17.02.2024;
approved after reviewing 12.03.2024;
accepted for publication 18.03.2024.*

Информация для цитирования:

Штейман М. С. Тренды современной медиаиндустрии : мобильные приложения как новый формат СМИ / М. С. Штейман, О. А. Харитонов, Н. В. Зайцева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 2. — С. 245—267. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-245-267.

Shteiman, M. S., Kharitonov, O. A., Zaitseva, N. V. (2024). Trends of Modern Media Industry: Mobile Applications as a New Format of Media. *Nauchnyi dialog*, 13 (2): 245-267. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-245-267. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Тренды современной медиаиндустрии: мобильные приложения как новый формат СМИ

Штейман Марина Станиславовна

orcid.org/0000-0001-9702-2457
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской филологии и журналистики,
корреспондирующий автор
shteiman.marina@mail.ru

Харитонов Олег Анатольевич

orcid.org/0000-0001-7967-7169
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской филологии и журналистики
polifonizm@mail.ru

Зайцева Надежда Владимировна

orcid.org/0000-0002-9755-9542
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской филологии и журналистики
zaitseva.nadya2015@yandex.ru

Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

Trends of Modern Media Industry: Mobile Applications as a New Format of Media

Marina S. Shteiman

orcid.org/0000-0001-9702-2457
PhD in Philology,
Associate Professor of the Department of Russian Philology and Journalism,
Corresponding author
shteiman.marina@mail.ru

Oleg A. Kharitonov

orcid.org/0000-0001-7967-7169
PhD in Philology,
Associate Professor of the Department of Russian Philology and Journalism
polifonizm@mail.ru

Nadezhda V. Zaitseva

orcid.org/0000-0002-9755-9542
PhD in Philology,
Associate Professor of the Department of Russian Philology and Journalism
zaitseva.nadya2015@yandex.ru

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется специфика развития медиаландшафта современной России. Акцентируется внимание на изменениях, происходящих в информационном поле, в частности, проблеме формирования новых каналов распространения и трансформации видов потребления аудиторией журналистского продукта. Поднимается вопрос использования мобильных приложений, которые дополняют и расширяют значимость онлайн-изданий как части медиасегмента. Уделяется внимание основным характеристикам мобильных устройств. Выделяются функциональные аспекты трансляции контента и накладываемых на медиаконтент ограничений. Выделены этапы трансформации контента СМИ для мобильных приложений. Актуальность исследования обусловлена расширением процессов интеграции СМИ и развитием ИКТ, что ведет к модификации массмедиа. Проведено практическое исследование платформ для сотовых телефонов СМИ федерального и регионального уровней. Выполнен сопоставительный анализ мобильных приложений РБК daily и LipetskMedia. Доказано, что отличие между демонстрируемыми картинками окружающей действительности через мобильные приложения и другие каналы распространения контента зависит лишь от информационной и бизнес-политики редакции в сфере мобильных устройств. На данном этапе вполне возможно появление успешного в финансовом отношении массмедиа, в котором мобильные приложения будут единственным каналом распространения контента.

Ключевые слова:

дистрибуция контента, массмедиа, адаптивный дизайн, мобильное приложение, медиаландшафт.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The study explores the specifics of the development of the media landscape in modern Russia. Attention is focused on the changes occurring in the information field, particularly on the issue of forming new channels of distribution and transforming the ways in which audiences consume journalistic products. The use of mobile applications is addressed, which complement and enhance the significance of online publications as part of the media segment. Key characteristics of mobile devices are emphasized. Functional aspects of content transmission and restrictions imposed on media content are highlighted. Stages of transforming media content for mobile applications are identified. The relevance of the research is justified by the expansion of media integration processes and information and communication technologies development, leading to modifications in mass media. A practical study of media platforms for cell phones at federal and regional levels is conducted. A comparative analysis of the mobile applications RBC Daily and LipetskMedia is carried out. It is proven that the difference in the presentation of images of reality through mobile applications and other content distribution channels depends solely on the editorial information and business policies in the realm of mobile devices. At this stage, the emergence of financially successful mass media where mobile applications serve as the sole content distribution channel is entirely possible.

Key words:

content distribution, mass media, adaptive design, mobile application, media landscape.

УДК 070.337:004.738.5

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-245-267

Научная специальность ВАК

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Тренды современной медиаиндустрии: мобильные приложения как новый формат СМИ

© Штейман М. С., Харитонов О. А., Зайцева Н. В., 2024

1. Введение = Introduction

В новом тысячелетии бурный рост информационных и коммуникационных технологий, связанный в первую очередь с общим научно-техническим прогрессом, привел к появлению и широкому распространению в потребительском медиасекторе мобильных устройств. Удобство повсеместного использования сделало подобные механизмы широко распространенным и часто используемым инструментом для получения необходимых сведений. Журналистика как деятельность, тесно связанная с получением, обработкой и распространением информации, осваивает новые формы и средства подачи сообщения и трансляции его потребителю. Рост мощностей вычислительной техники и достижения в области радиотрансляции привели к активному внедрению мобильных устройств в различных сферах жизнедеятельности социума. Сегодня практически вся обжитая человеком территория планеты покрыта цифровыми интерактивными коммуникационными сетями. Сейчас трудно представить себе человека, не обладающего мобильным телефоном, коммуникатором, карманным или планшетным компьютером, ноутбуком. Удобство повсеместного использования сделало портативное устройство актуальным средством коммуникации. Еще в 2008 году Я. Н. Засурский в статье «От электронного общества к мобильному» отмечал, что именно «беспроводной доступ к интернету и мобильная телефонная связь являются ключевыми элементами в новых тенденциях, наблюдаемых в медиасистемах в первые годы нового столетия» [Засурский, 2008, с.34]. В России количество мобильных телефонов на руках у населения уже превосходит численность населения. Аналитики полагают, что «мобильный интернет становится новым стилем жизни, создающим информационное общество будущего» [Ли Чен, 2008]. В 2017 году рынок мобильных приложений оценивался в 86 миллиардов долларов, и прогнозируется его дальнейший рост [Mobile App, 2018]. Россия впервые вошла в пятерку стран-лидеров по количеству скачиваний приложений, но в топе по количеству затрачиваемых финансовых средств

на приложения заняла место даже не в первой десятке. Исходя из этого, можно сделать вывод, что россияне являются активными пользователями мобильных приложений, но все еще не готовы тратить на это деньги. Из статистического обзора «Отчёт App Annie: весь рынок мобильных приложений» [Sydow, 2019] мы можем получить следующие данные: за 2018 год зафиксировано 194 млрд скачиваний приложений; пользователи проводили в них по 3 часа в день (рост на 50 % за 2016—2018 годы); на приложения было потрачено за год \$101 млрд. Согласно опубликованному в 2022 году «App Annie отчету State of Mobile 2022» [State of Mobile, 2022], «потребительские расходы на мобильные приложения достигли 170 миллиардов долларов в 2021 году», было загружено 230 миллиардов приложений, а все пользователи потратили на мобайл 3,8 триллиона часов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Современные СМИ, заинтересованные не только в значимости предоставляемой информации, но и скорости ее распространения, активно внедряют в свою деятельность инновационные технологии. В медиасфере традиционные формы и средства еще держат позиции, но все чаще затрагивается вопрос о переходе на новые площадки и инструменты журналистской деятельности. Массмедиа активно развивают свои электронные версии, а многие существуют исключительно в сети Интернет. С развитием новых технологий формируется благоприятная среда для формирования полноценного сегмента медиа — мобильных СМИ. Так, исследователь Ж. О. Москвина в своем диссертационном изыскании «Мобильные газеты как сегмент системы СМИ стран Западной Европы» рассматривает мобильное медиа как адаптированное средство массовой информации, выполняющее те же функции, что и классические печатные или интернет-издания, но обладающее большими возможностями для взаимодействия с читателем [Москвина, 2012]. Сегодня мобильные СМИ можно назвать одним из самых активно развивающихся сегментов медиасистемы. Автор отмечает, что ключевым фактором в развитии мобильной прессы являются: технический прогресс в области мобильных систем и рост популярности мобильного интернета [Там же].

Исследователи К. С. Корнилова, А. С. Морозов в статье «Мобильные версии СМИ как новый тип рекламной платформы» приходят к схожим выводам, что сегодня мобильные версии СМИ перестают быть дополнением к основным версиям массмедиа [Корнилова и др., 2015].

Статистические исследования [Research, 2016] также подтверждают тезис, что развитие мобильных медиа в будущем будет тесно связано с эволюцией индустрии мобильных устройств и мобильного интернета.

Выделяются несколько направлений:

- переход от мобильных сайтов к собственным мобильным приложениям;
- создание мобильных приложений для гаджетов с различными операционными системами;
- стремление к большей интерактивности;
- появление узкопрофильных и региональных мобильных СМИ;
- создание «облегченных» версий мобильных массмедиа для их быстрой загрузки и использования;
- рост аудитории мобильных СМИ.

Г. С. Мельник в статье «Перспективы развития мобильных изданий», анализируя в общем ракурсе тенденции развития мобильных СМИ и показывая их преимущества и недостатки, отмечает, что мобильное массмедиа нужно рассматривать как новый канал информации, имеющий большую оперативность и интерактивность [Мельник, 2016].

В настоящее время пристальное внимание российских и зарубежных исследователей [Вэйл, 2015; Мурета, 2013; Нильсен, 2013] уделяется теме распространения медиаконтента в цифровой среде, проблеме новых медиа и мобильных приложений.

С. Л. Уразова в статье «Конвергенция и медиа, или тренинг с необычным маршрутом» [Уразова, 2007] отмечает, что современные СМИ являются индустрией свободного времени, поэтому особенно остро реагируют на количество времени, проводимого современным человеком в интернете.

В. В. Куценко в статье «Особенности распространения контента глянцевого СМИ в приложениях для смартфонов и планшетов» утверждает: «Современное коммуникативное пространство продолжает претерпевать значительные изменения. Бесперывное развитие информационных технологий приводит к новым формам предоставления контента и установления прочных связей между всеми платформами его размещения, с помощью анонсирования и размещения гиперссылок. Если на заре функционирования приложений исследователи утверждали о преобладании визуального контента, то сегодня можно утверждать, что текстовая составляющая укрепила свои позиции» [Куценко, 2017, с. 357—358].

В исследовании О. В. Меншатовой и А. Г. Башорина «Новостные мобильные приложения: проблемы и пути совершенствования» рассматриваются новостные мобильные приложения, которые СМИ стали активно создавать для привлечения новой аудитории и повышения конкурентоспособности на медиарынке. Выявляются существующие проблемы новостных мобильных приложений, определяются способы повышения функциональности, эффективности новостных приложений для пользователей [Менша-

това и др., 2018]. Ученые приходят к выводу, что в настоящее время возрастает популярность создания мобильных приложений для СМИ как основной или дополнительной площадки публикации новостей. Это связано с популярностью мобильных приложений у целевой аудитории и острой конкуренцией между средствами массовой информации за аудиторию.

В статье китайского исследователя Чжан Чжисюе мобильные приложения рассматриваются как канал распространения информации в КНР и РФ. Автор сосредоточен на выявлении сходств и различий мобильных приложений, используемых китайскими и российскими пользователями. Выявляются тенденции развития мобильных приложений в Китае и в России [Чжан Чжисюе, 2020]. Установлено, что в КНР и РФ люди проводят огромное количество времени за мобильными телефонами, они стали неотъемлемой частью и важным инструментом в их жизни. Мобильные приложения, особенно социальные медиа и мессенджеры («ВКонтакте», WeChat, TikTok, Telegram и другие) занимают лидирующие позиции по популярности. Получение новостного контента и его распространение больше не зависят от времени и пространства. Потребность в сегментации и индивидуализации информации стала импульсом для быстрого роста числа мобильных приложений и расширения их функций [Там же, 2020].

А. Р. Данилов констатирует, что в нынешнем быстро меняющемся мире все больше людей тратят значительное количество времени для получения информации через мобильные устройства. Прежде использовавшиеся медиа (печатная пресса, даже телевидение) слишком медленны для современного темпа жизни, часто не позволяют отслеживать события в режиме реального времени, получать разнонаправленную информацию. Сегодня такой медиатор, как мобильный телефон, может обеспечить быстрое и глубокое информационное обслуживание [Данилов, 2017].

А. Л. Коданина, Т. Е. Новикова, М. А. Савельева, анализируя взаимодействие современных СМИ с аудиторией, утверждают, что традиционные региональные медиа вынуждены адаптироваться к современным условиям цифровой трансформации информационного рынка и выбирать новые коммуникационные стратегии и модели: «Региональная пресса, столкнувшаяся с новыми вызовами, ищет пути адаптации, апробирует новые технологии и приемы, что свидетельствует о поиске собственного места на рынке медиа, выборе моделей коммуникации с аудиторией, способов продвижения собственного информационного продукта» [Коданина и др., 2023, с. 126].

Таким образом, в эпоху диджитализации с каждым днем количество пользователей, «уходящих» в мобильные приложения, стремительно растет, а значит — для СМИ жизненно необходимо присутствовать на всех

платформах, представленных на современном рынке, чтобы не упустить огромный пласт аудитории и быть конкурентоспособными. Думается, на данном этапе теории весьма редко включают в орбиту своих научных изысканий освещение вопросов и рекомендаций специализированного характера, касающихся сферы мобильных приложений и устройств. Прежде всего медиаведы рассматривают их как дополнительные каналы трансляции контента. Авторы научных работ распространяют на медиасферу мобильных приложений те же принципы функционирования и формирования контента, что и на всю интернет-журналистику. Однако технические ограничения в одних направлениях и технологические достижения в других полностью меняют облик издания при просмотре его информационного наполнения на мобильном устройстве и влияют на удобство и способы потребления медиaproдукта, что в условиях борьбы за аудиторию может стать одним из решающих факторов выживания СМИ. В представленном исследовании внимание сосредоточено на выяснении особенностей формирования контента мобильных приложений массмедиа и принципов работы с ним. Впервые в поле зрения оказывается вопрос специфики функционирования интернет-портала регионального уровня LipetskMedia и представлена его сопоставительная характеристика с деятельностью РБК daily.

Цель исследования: рассмотреть особенности функционирования мобильных приложений СМИ как элемента медиасистемы.

В качестве рассматриваемых СМИ взяты современные российские издания федерального и регионального уровней РБК daily [РБК daily и РБК, 2023], LipetskMedia [ЛипецкМедиа, 2023]. Выбор мобильных приложений этих массмедиа обоснован скоростью изменения информационного содержания, уровнем используемых в них технологических решений, особенностями информационного наполнения.

Специфика медиаматериала в рамках решения научных задач обусловила применение различных общенаучных и специальных методов и приемов исследования:

- сопоставительного, предоставляющего возможность классифицировать мобильные приложения через призму их структуры, области применения и т. д. (на примере медиадятельности РБК daily и LipetskMedia);
- описательно-аналитического метода (с приемами наблюдения, интерпретации и систематизации), способствующего выявлению основных механизмов создания мобильных приложений, специфики их функционирования;
- контент-анализа, позволяющего определить эффективность работы мобильных приложений конкретных СМИ.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Мобильные приложения СМИ как часть медиасистемы

Мобильное приложение — это программа, установленная и запущенная на телефоне, коммуникаторе, смартфоне, планшетном компьютере и т. д. Первое приложение для мобильного телефона появилось вместе с самим телефоном, потому что любое программное обеспечение можно назвать приложением. Знакомая любому пользователю телефонная книга, калькулятор, мультимедийные игры и редакторы рингтонов — все эти приложения устанавливались в телефоны непосредственно производителями устройств. До появления смартфонов и планшетных компьютеров приложения вводились на мобильные устройства производителем. Изменение состава приложений осуществлялось специалистами с помощью перепрошивки перепрограммирования телефона новым комплексом приложений, заранее подготовленным производителем. Смартфоны и планшетики обзавелись уже операционной системой, позволявшей даже неспециалистам без особых трудностей устанавливать новые специально созданные сторонними производителями программы. Все современные приложения, вне зависимости от того, выходят ли они для смартфонов или просто для мобильных телефонов, можно разделить на платные и бесплатные. Зачастую качество софта никак не зависит от его стоимости, кроме одного случая, о котором стоит упомянуть отдельно. Иногда бесплатно распространяется лишь функционально «урезанная» или ограниченная по сроку работы версия приложения, а полная версия предлагается пользователям уже за определенную оплату. Здесь есть масса различных вариантов: и покупка приложения после истечения «испытательного» срока, и доступные за дополнительную плату полезные функции либо обновленный / дополнительный контент. Скачать или купить мобильное приложение можно на специализированных сайтах.

В России первое мобильное приложение СМИ как канал доставки контента было открыто вещателями в 2007 году, когда вышел фирменный мобильный клиент «Европа Плюс». Приложение «Европа Плюс Мобайл» могло функционировать на всех устройствах, поддерживающих виртуальную машину «Java», — то есть фактически на большинстве существовавших телефонов, пусть даже не самых «умных». При этом функциональные возможности клиента фактически сводились к трансляции новостей и СМС-интерактиву: приложение, в частности, предлагало принять участие в акциях радиостанции или отправить личное СМС любому из диджеев. В большинстве своем массмедиа оценили аудио-, видео- и фотоконтент, функциональные возможности сенсорных экранов только спустя некоторое время после появления планшетов, когда смартфоны уже стали повседневным явлением. Сейчас многие издательские дома выпускают

свои журналы и газеты в виде полноценных приложений для планшетов («Wired», «The New York Times», «The Wall Street Journal» и др.). В них много «интерактива», в частности, в рекламе (особенно в специализированных изданиях, где реклама зачастую напрямую связана с контентом) применяются современные функциональные типы верстки: прокрутка отдельных столбцов или строк, разворот на полный экран. Почти все приложения обладают удобной навигацией по меню и возможностью подгружать дополнительные материалы в процессе чтения (архивы, фотогалереи и прочее). Каждый новый выпуск можно скачать на устройство непосредственно через приложение СМИ.

От печатных изданий не отстают и телерадиокомпании. Благодаря релизу собственных программ, некоторые телеканалы и радиостанции сделали свой контент доступным для просмотра и прослушивания на мобильных устройствах (например, «Вести» и т. д.). В этом секторе отметился и мобильный оператор МТС, выпустивший продукт «МТС-ТВ», предлагавший широкий набор каналов онлайн.

Кроме того, существуют приложения-агрегаторы, позволяющие мониторить одновременно несколько источников, фильтровать новостные сообщения (по теме, дате, рубрике и т. д.), скачивать контент на устройство для отложенного чтения. Например, «Newsstand» — это приложение для чтения новостей, отображающее выбранные издания в виде мини-газет (либо в виде списка), интегрированное с «Google Reader» (RSS-агрегатор), электронной почтой и некоторыми популярными сервисами вроде «Instapaper» (отложенное чтение веб-страниц), с возможностью загрузки новостей для просмотра офлайн. При оформлении подписки на одно или несколько изданий пользователь получает свежий номер автоматически при его выходе в свет, без дополнительных запросов. Появление данного приложения вызвало бурный рост прибыли издательств и количества покупок через приложение, связанный с подписками на журналы и газеты. Подобные приложения зачастую используются контент-провайдерами СМИ. Сайт такого контент-провайдера — это не средство массовой информации, а контент-магазин. Объем, разнообразие и коммуникационные возможности предоставляемого мобильного контента зависят от заключенных договоров с самим изданием. Часто контент-провайдер даже не обладает отдельным собственным приложением по предоставлению своих услуг.

Все мобильные приложения работают под управлением операционных систем, разработанных для устройств различных типов — на так называемых *платформах*. Различают пять основных платформ в зависимости от производителя самого мобильного устройства или операционной системы для него: «iOS», «Android», «WinPhone», «Win8» и «BlackBerry». Мо-

бильные приложения СМИ функционируют, как и любой интернет-проект, по схеме клиент-сервер. Клиентская часть приложения устанавливается на мобильное устройство пользователя и предоставляет доступ и управление контентом, расположенном на сервере. Разработчикам мобильных приложений приходится учитывать разнообразие платформ. Для расширения потребительской аудитории создаются клиентские части мобильных приложений для каждой платформы. Такая часть проводит собственную адаптацию, скачиваемого с сервера контента, к имеющемуся у потребителя мобильному устройству. В качестве сервера может выступать как сайт редакции, так и приложение-агрегатор контент-провайдера или сайт разработчика приложения. Сейчас едва ли не у каждого издания есть свое мобильное приложения. Трафик, поступающий через эти механизмы, сопоставим с посещаемостью веб-сайтов. Мобильные приложения используются СМИ для достижения различных целей. Одни являются исключительно имиджевыми проектами и предназначены для придания массмедиа респектабельности. Такие приложения скорее рекламируют само издание и предоставляют пользователю инструмент, с его помощью он попадает на сайт СМИ, через который потребляется основная часть массмедиаконтента. Кроме того, они призваны поддерживать лояльность аудитории. Другие мобильные приложения являются лишь каналом дистрибуции контента СМИ. Контент оплачивается за счет доходов от рекламы или прямых продаж продукта самого издания. Так, например, пользователь может купить подписку на СМИ, а через мобильное приложение получать лишь так называемые push-уведомления о появлении новой информации на сайте или выходе нового выпуска издания. Третьи являются полноценными самостоятельными проектами. Разработка таких полноценных по масштабу предоставляемых возможностей приложений весьма трудоемка и затратна. Не многие издания идут на это. Однако подобные проекты могут служить заменой привычным издательским формам и трансформироваться в самостоятельные СМИ.

Таким образом, все мобильные приложения можно классифицировать на следующие группы:

- имиджевые мобильные приложения, являющиеся «заделом на будущее», за счет бесплатного контента стремящиеся «отвоевать» свою часть аудитории;
- традиционный для интернет-журналистики «провальный» тип, созданный исключительно ради следования современным трендам, такие приложения являются убыточными и создают изданию антиимидж;
- приложения — каналы распространения, предлагающие пользователю заплатить за PDF-копию печатной версии;

— полновесная замена традиционного издания, у приложения есть широкое поле для деятельности по превращению в отдельное полноценное СМИ.

В сегменте российских качественных СМИ представлены все перечисленные типы мобильных приложений. Однако подобная типология не является строгой — встречаются и смешанные типы мобильных приложений.

3.2. Характеристики мобильных приложений массмедиа

В зависимости от типа каждое приложение обладает определенными характеристиками. Исключая чисто технические (связанные с платформой) характеристики клиентских частей мобильных приложений, можно выделить следующие:

- доступ к контенту офлайн;
- доступ к архивным материалам;
- бизнес-модель;
- оформление подписки;
- анализ рекламного контента (объем, навязчивость);
- разделы (рубрикация);
- мультимедиа; фото- и видеоматериалы;
- подкаст;
- соотнесение с другими материалами; близкими по теме публикации;
- дополнительные материалы (справки, пресс-портреты, география и т. д.);
- интегрированность с социальными сетями;
- рейтинги;
- комментарии;
- удобство сенсорного взаимодействия, навигации;
- верстка и адаптивный дизайн;
- вертикальная / горизонтальная ориентация устройства [Шлыков, 2012].

В силу того, что интерактивность — отличительная черта новых медиа, мобильные приложения не могут функционировать в отрыве от непосредственного потребителя. Возможность комментировать публикации не только увеличивает время взаимодействия с новостным ресурсом и вовлеченность пользователей, но и дает изданию материал для анализа. Мобильные приложения — не исключение: с их помощью можно проводить анализ аудитории и выстраивать дальнейшую стратегию, причем не только на основе комментариев, но и на основе рейтингов. Интеграция с социальными сетями повышает лояльность читателей: по данным различных опросов, от 40 % до 60 % пользователей пользуются социальными сетями.

ми каждый день, многие узнают новости именно исходя из рекомендаций «друзей». Важность этих характеристик нельзя недооценивать, поскольку современному медиапользователю более интересно воспринимать какое-либо сообщение в контексте взаимодействия со своим сообществом.

Для того чтобы оценить технологический аспект создания мобильной версии, стоит обратить внимание на особенности верстки. Изданиям приходится создавать электронный формат с расчетом использования на различных платформах, а также с учетом разных разрешений дисплеев. Адаптивная верстка помогает избежать ненужных затрат, как финансовых, так и временных, хотя при этом изготавливается универсальный продукт. Необходимо помнить о специфике бизнес-модели, в связи с тем, что приложения рассматриваются как альтернативный канал дистрибуции, который по законам бизнеса должен быть монетизирован ввиду своей затратности и важности. Кроме того, бизнес-модель часто определяет выбор данного конкретного приложения среди прочих «равных». По характеристикам данных групп можно проводить сравнение мобильных приложений между собой в рамках одного приложения, но разных платформ. Данные параметры весьма напоминают формат электронной версии СМИ. Следовательно, мобильные приложения можно рассматривать как разновидность новых медиа.

3.3. Адаптация контента СМИ к мобильным приложениям

Редакция СМИ, имеющая собственное мобильное приложение или заключившая договор со сторонней организацией, обеспечивающей дистрибуцию медиапродукта через мобильные приложения, принимает всестороннее участие в процессе создания контента такого приложения. Система управления мобильным приложением аналогична традиционным системам управления веб-сайтами (CMS — системам управления содержимым) и развернута в готовом виде на выделенном хостинге. Сотрудники издательства работают через веб-браузер из любого удобного места и в любое время. В CMS сосредоточены все функции управления, в том числе размещение информации, ее верстка, согласование и публикация выпуска, настройка параметров рекламы, просмотр статистики по читателям и устройствам и т. п. Одно CMS способно управлять сразу всеми мобильными приложениями издательства. Говоря о верстке, следует отметить, что окончательный вариант осуществляется на устройстве пользователя в клиентском приложении. CMS предоставляет средства для предварительной верстки — создания макета выпуска и / или материала. С помощью CMS можно посмотреть примерный результат сверстанного мобильным устройством макета. Загрузка контента в CMS может осуществляться как в ручном, так и в автоматическом режимах, а источником контента могут быть медиатексты, фото-, видео- и аудиоматериалы, PDF-файлы, RSS-ленты и пр.

Адаптация контента для доставки через мобильное приложение состоит из двух этапов:

- 1) отбор и изменение информационного наполнения контента;
- 2) трансформация дизайна и верстки.

Необходимо помнить о стандартных для мобильных приложений ограничениях. Это, прежде всего, небольшой экран и возможные ограничения скорости и надежности соединения с интернетом. Отсюда вытекает обязательная минимизация объема передаваемых данных, которая необходима для экономии трафика, а также для того, чтобы приложение было более удобным и отзывчивым. Это является одной из причин, почему через мобильные приложения распространяются материалы «малых» жанровых форм, преимущественно информационных: заметки, отчеты, интервью и репортажи. Зачастую они сопровождаются небольшими фотографиями и короткими аудио- и / или видеороликами. Тем не менее пользователю доступен и материал «больших» жанровых форм. Из-за программно-аппаратных ограничений такие материалы могут разбиваться на составные части, которые скачиваются в то время, как пользователь читает (слушает, смотрит) предыдущую. В целом, о жанрах в новых медиа говорить достаточно сложно. С помощью гиперссылок, обеспечивающих связи с другими материалами, пользователь может превратить небольшой по объему новостной материал в достаточно серьезную аналитику. Жанровые различия между репортажем и очерком, новостью и аналитическим обзором стираются. В зависимости от бизнес-стратегии издания некоторый контент может распространяться платно. Продажа осуществляется прямо во время чтения (просмотра, прослушивания), или доступ к платному контенту, определенным рубрикам предоставляется после оформления подписки или покупки полной версии мобильного приложения.

Сегодня отбор контента может осуществляться не только сотрудником редакции, но и в автоматическом режиме с помощью настройки в CMS правил отбора. Правила могут быть самыми разнообразными: по источнику, по размеру, по форме монетизации. Дизайн и функционал мобильного приложения напрямую зависят от используемой платформы. К примеру, поддержка технологии «мультикас» позволяет использовать сложные жесты для более удобного управления приложением. А небольшой экран предполагает расположение заголовков материалов в виде строк. Накладывает свой отпечаток и ориентация экрана — вертикальная или горизонтальная. Современные мобильные приложения, получая доступ к всевозможным датчикам и встроенным программам мобильного устройства, способны переворачивать картинку, меняя верстку с помощью перестановки блоков (к примеру, добавлять или убирать колонки с текстом).

Дизайн, способный приспосабливаться к различным разрешениям экрана и его ориентации, называют адаптивным. Адаптивный дизайн верстки решает основную проблему мобильных устройств, связанную с небольшим размером экрана и памяти устройства по сравнению с газетой, экраном телевизора или компьютерным монитором, а также с разнообразием разрешений таких устройств. Пользователь получает полный объем информационного наполнения в удобном для восприятия формате со своего мобильного устройства.

Таким образом, адаптированный для мобильных приложений контент ни в чем не уступает содержанию, предлагаемому потребителю через другие каналы распространения. Соответственно, представляется вполне возможным и создание полноценного СМИ, транслирующего свой контент исключительно с помощью мобильных приложений.

3.4. Особенности адаптированного медиаконтента для мобильных приложений

Для понимания многообразия и функциональных возможностей, в том числе путей реализации дистрибуции контента федеральных и региональных СМИ через мобильные приложения, проведем сопоставительный анализ проектов двух изданий. При этом будем уделять внимание разнообразию путей реализации функциональных особенностей по доставке контента и, соответственно, полноте предоставления информации (табл.).

Представленная сопоставительная характеристика демонстрирует первый из этапов адаптации контента СМИ — отбор. Мы видим, что существуют различные способы отбора, предоставляемого через мобильные приложения контента. Принципы отбора меняются не только от издания к изданию, но зависят и от версии используемого мобильного приложения. При этом для восполнения недостающего в силу технических ограничений контента используются ссылки для доступа к соответствующим функциям через веб-браузер. В отдельных случаях определенный вид информационного контента, наоборот, занимает значительно больший объем, нежели в традиционных каналах распространения.

Подводя итоги, подчеркнем, что по объему и информационному наполнению контент мобильных приложений ни в чем не уступает традиционному веб-контенту интернет-издания. Отличие между демонстрируемыми картинками окружающей действительности зависит лишь от информационной и бизнес-политики редакции в сфере мобильных приложений. Легкость и доступность производства user generated content делают мобильные приложения расширением инструментария современного интернет-журналиста. В связи с этим возрастает и значимость новых медиа в современном медиаландшафте.

Таблица

Сравнение мобильных приложений изданий
РБК daily и LipetskMedia

Критерии	«РБК daily»	LipetskMedia
Платформа	Android	Android
Доступ offline	Функция «Загрузить в offline» работает после добавления материала в «избранное», но загрузка фото-, видеоматериалов работает только для подписчиков издания. Также есть возможность добавить материал в «список для чтения»	Отсутствует. Приложение для «Android» обновляется при открытии, загрузить информацию в offline невозможно.
Доступ к архивным материалам	Нет	Отсутствует. В приложении для «Android» есть возможность сохранять текстовые, фото- и видеоматериалы в «Избранное» с помощью кнопки в виде флажка. Есть возможность перейти к более ранним материалам через раздел «Избранное» (отмечен в правом верхнем углу в виде флажка).
Бизнес-модель	Подписка и реклама	Нет подписки, есть реклама. Приложение зарабатывает на рекламе и окупается.
Подписка	Можно оформить подписку на месяц или год через «AppStore» или «GooglePlay». Существуют такие вариации платной подписки: РБК Comfort (на месяц, год), РБК Pro (на месяц), РБК Pro Инвестиции (на месяц), Весь РБК Pro (на месяц, год). На веб-версии представлены не все вариации подписки	Нет
Реклама	Баннер в верхней и нижней части экрана. Стоимость размещения рекламы не указывается.	Баннер в нижней части экрана (в подвале), то есть располагается после новости. В вертикальной и горизонтальной ориентации — статичная. Стоимость размещения рекламы не указывается.

Продолжение табл. 1

Критерии	«РБК daily»	LipetskMedia
Рубрикация	На платформе «Android» разделы находятся в быстром доступе внизу приложения. Для «IOS» предусмотрена вкладка «Ваши интересы». В быстром доступе внизу приложения находится информация, связанная с финансами	По клику на три горизонтальные полосы автоматически открывается перечень рубрик. В версии для всех мобильных устройств есть раздел «Живая лента», который находится на главной странице и не требует дополнительных действий.
Фото и видео	Отдельная рубрика с фото-материалами отсутствует; раздел «Фотогалерея» представлен внутри публикаций; в новостной ленте есть разделы: «Последние видео», «Другие видео» и «Все видео». В верхней части ленты новостей можно посмотреть прямой эфир	В публикациях присутствуют фотоматериалы. Нельзя увеличить фотографию, развернуть на полный экран, скопировать или поделиться ей. Видеоматериалы доступны, как в публикациях, так и в отдельном разделе «Видео». Видеоматериалы можно увеличить, развернуть на полный экран и поделиться.
Подкаст	Рубрика «подкасты» отсутствует, подкасты входят в состав некоторых материалов	Нет
Соотнесение с другими материалами. Близкие по теме статьи.	Внутри материалов присутствуют гиперссылки на другие публикации данного СМИ	Есть возможность в окне с рубриками перейти в спецпроект: лонгриды, «Памятные даты», «Интересные факты о Липецкой области».
Дополнительные материалы	В приложении внизу в быстром доступе есть раздел «Кодировки», подразделяющийся на рубрики «Акции», «Валюта», «Облигации», «Фьючерсы»	В приложении для смартфонов «Android» есть возможность перейти по гиперссылке на более раннюю публикацию по той же теме. Чаще всего обозначается меткой «напомним».
Обратная связь	Есть раздел «Обратная связь», позволяющий выбрать проблему из представленных вариантов и оперативно решить ее	В верхней части главной страницы размещены значки социальных сетей, которые при нажатии автоматически переносят пользователя. Перейти в соцсети можно и после прочтения публикаций. В нижней части страницы также размещены кликабельные значки.

Окончание табл. 1

Критерии	«РБК daily»	LipetskMedia
Интерактивность	Есть возможность оценить материал, а также добавить его во вкладку «Избранное»	(«Telegram», «VK», «Одно-классники»).
Интегрированность с социальными сетями	В нижнем правом углу есть иконка, позволяющая поделиться публикациями в социальных сетях («VK», «Telegram», «Instagram» и др.)	Нет
Комментарии	Возможности комментирования в приложении нет. Комментирование возможно на официальном сайте	Комментарии закрыты (на данный момент во всех бюджетных СМИ комментарии закрыты).
Сенсорное взаимодействие, навигация	Все функциональные элементы рассчитаны на сенсорные экраны любого размера. Программа также не рассчитана на технологию «мультиач»	Все функциональные элементы рассчитаны на сенсорные экраны любого размера. Гиперссылки, значки соцсетей, избранное, перелистывание фотогалереи и видеогалереи осуществляется свайпом или нажатием на знак «Стрелка».
Верстка и адаптивный дизайн	В версии для смартфонов всё сверстано в одну колонку. В зависимости от размера дисплея устройства автоматически не меняется ни кегль, ни размер фотоиллюстраций. Поисковая строка не предусматривается	От размера дисплея формат и работоспособность приложения не меняются. Меняется только их размер, а также кегль текстовых материалов. При разной ориентации устройства меняется размер фотографий или окон видеороликов, также «подгоняется» под нужную ширину. Рекламный баннер при этом всегда остается внизу
Оформление	Есть возможность выбрать тему (светлая, темная и автоматическая), а также иконку приложения из 11 предложенных вариантов	Есть возможность выбрать тему (светлая и темная)
Оптимизация	Нет	Нет

Источник: Составлено авторами.

Исследования статистических компаний свидетельствуют о дальнейшем увеличении числа пользователей мобильных устройств, а вместе с ним и потенциальной аудитории СМИ, использующей мобильные приложения.

В этой связи необходимо уделять внимание изучению всех аспектов, связанных с этой разновидностью медиатеатральности. Подобное изменение формата развития и функционирования массмедиа, ограничения и новые возможности, связанные с ним, а также с техническими аспектами использования мобильных и стационарных электронных устройств, меняют сами способы подачи информационного материала. Эксперты прогнозируют дальнейший рост рынка мобильных устройств и связанного с ним рынка программ и приложений. Соответственно возрастает и количество пользователей, которые могут получать информацию, воспользовавшись такими устройствами.

Проблема развития новых медиа и подачи контента на стационарные и мобильные сетевые устройства широко обсуждается в западном информационном пространстве. Так, например, закрытие «The Daily», онлайн-издания, созданного специально для планшетных компьютеров и запущенного 3 февраля 2011 года, вызвало волну публикаций о причинах «провала смелого эксперимента» и уроках, которые для себя могут извлечь из произошедшего интернет-СМИ. В июне 2012 года на Международном форуме «Медиа будущего-2012», организованном РИА Новости, известный зарубежный медиаэксперт Д. Чизхолм констатировал, что российским изданиям необходимо делать акцент на мобильные и планшетные способы трансляции информации, поскольку будущее средств массовой информации, по его мнению, принадлежит им. Аналитик отметил, что на данном этапе печатные издания во всем мире вынуждены бороться за выживание, так как число их аудитории сокращается: «Все сталкиваются с проблемой привлечения читателей. А проблема в том, что многие уже сейчас читают с экрана» [Media experts, 2012]. Процесс адаптации контента СМИ к мобильным приложениям за последнее время все более актуализируется. Появление научных публикаций на страницах российских и зарубежных изданий, посвященных вопросам развития медиаиндустрии с использованием мобильных приложений, являются тому доказательством. На данном этапе в научном сообществе идет активное обсуждение вопросов об изменениях, касающихся каналов дистрибуции контента СМИ, и о перспективах развития новых медиа. Основываясь на интеграции с социальными сетями и предоставляя потребителю широкие возможности для обсуждения публикаций, новые медиа превращаются в средства массовой коммуникации, способные удовлетворить современные информационные ожидания читателя, слушателя, зрителя. Использование user generated content превращает пользователя в соавтора (сотрудника массмедиа). В новых информационных условиях существенно меняется механизм работы редакции. Происходят изменения функций журналиста: частичный переход от авторской и редакторской к модераторской функции. Современный веб-журналист

должен владеть комплексом компетенций, включая технические умения и навыки, ранее применяемые другими штатными сотрудниками согласно их функционалу.

4. Заключение = Conclusions

В результате проведенного исследования было выявлено, что использование мобильных устройств для предоставления потребителю медиапродукта является следующим шагом эволюции средств массовой информации. Сегодня мобильные приложения широко используются массмедиа, но далеко не все редакции СМИ имеют полное представление (особенно это касается локальных изданий), зачем они нужны и как с их помощью можно зарабатывать. История мобильных приложений массмедиа недолгая, об их необходимости и перспективах использования в нашей стране начали говорить лишь в 2012 году. Однако уже сейчас рынок насыщен всевозможными приложениями для работы с медиаконтентом.

Рассмотрев типологию мобильных приложений СМИ, мы определили их существенные характеристики, от которых зависит информационная удовлетворенность потребителя медиапродуктом. Кроме информационного наполнения мобильного приложения, пользователь заинтересован в определенном комфорте работы с этим контентом. Функциональные особенности мобильных устройств, используемые именно мобильными приложениями, позволяют аудитории узнавать о появлении новых материалов или получать местные новости без необходимости отдачи дополнительных указаний. Возможность чтения контента офлайн делает их более удобным инструментом, чем чтение веб-сайта издания через мобильный браузер.

Важную функциональную роль играют этапы адаптации контента СМИ для мобильных приложений. Этап отбора может осуществляться не только редакцией, но и самим пользователем и даже мобильным устройством по определенным правилам. При этом правила не зависят от технических ограничений мобильного устройства, которые весьма успешно преодолеваются. Отмеченные технические ограничения по большей части устраняются на этапе верстки благодаря использованию адаптивного дизайна. Верстку осуществляет мобильное устройство пользователя, которое не только подбирает внешний вид медиатекста под размер экрана, но и определяет положение устройства — горизонтальное или вертикальное — и уже под ориентацию переверстывает изображение на лету, сохраняя визуальный комфорт восприятия материала. Процесс адаптации контента к мобильным устройствам демонстрирует, что приспособленный медиапродукт не уступает традиционному для интернет-журналистики веб-контенту ни по объему, ни по содержанию, ни по интерактивности.

Таким образом, подчеркнем следующее:

— информационное наполнение, способ монетизации, выбранный для мобильного приложения, удобство использования определяют его качество, от которого во многом зависят имидж СМИ и величина его аудитории;

— мобильные приложения, являясь, в первую очередь, каналом дистрибуции контента, не имеют существенных ограничений по предоставлению потребителю журналистского материала;

— использование мобильных приложений дополняет и расширяет значимость новых медиа в современном обществе;

— вполне возможно существование успешного в финансовом отношении современного массмедиа, в котором мобильные приложения будут единственным каналом распространения контента.

Несомненно, тема мобильных приложений и особенности их контента сегодня не в полной мере исследованы современной наукой. К примеру, актуален вопрос о том, как изменится журналистика благодаря использованию мобильных приложений в качестве основного канала дистрибуции контента. Вместе с тем недостаточно проработаны в научной литературе вопросы успешности или неудачи известных проектов, связанных с мобильными приложениями СМИ, не дана оценка тому, в какой мере это зависело от их контента. Безусловный интерес для исследователей представляют вопросы жанрового разнообразия контента мобильных приложений, в первую очередь это касается уважаемых изданий, поскольку финансово-экономический сектор весьма чутко реагирует на изменение общественно-политического климата.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. *ЛипецкМедиа* : официальный сайт. — Липецк. — Обновляется в течение суток [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.lipetskmedia.ru> (дата обращения 14.10.2023).

2. *РБК daily* и РБК. Официальный сайт. — Обновляется в течение [Электронный ресурс]. — 2023. — Режим доступа : <https://chr.rbc.ru/> (дата обращения 14.10.2023).

Литература

1. Вейл Э. HTML5. Разработка приложений для мобильных устройств / Э. Вейл. — Санкт-Петербург, Россия : Питер, 2015. — 480 с.

2. Данилов А. Р. Роль мобильных приложений в жизни современного человек / А. Р. Данилов // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2017. — № 9. — С. 208—211.
3. Засурский Я. Н. От электронного общества к мобильному / Я. Н. Засурский // Информационное общество. — 2008. — № 5—6. — С. 34—36.
4. Коданина А. Л. Специфика цифрового взаимодействия региональных СМИ с аудиторией : нижегородский опыт / А. Л. Коданина, Т. Е. Новикова, М. А. Савельева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 124—140. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-124-140.
5. Корнилова К. С. Мобильные версии СМИ как новый тип рекламной платформы / К. С. Корнилова, А. С. Морозова // «Меди@льманах». — 2015. — № 1. — С. 21—29.
6. Куценко В. В. Особенности распространения контента глянцевого СМИ в приложениях для смартфонов и планшетов / В. В. Куценко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Литературоведение. Журналистика. — 2017. — Т. 22 (2). — С. 352—360. — DOI: 10.22363/2312-9220-2017-22-2-352-360.
7. Ли Чен. Мобильный интернет — новый стиль жизни, создающий информационное общество будущего [Электронный ресурс] / Ли Чен // Сети и системные связи: библиотека интернет-индустрии I2R.ru. — 2008. — Режим доступа : http://www.i2r.ru/static/340/out_9965.shtml (дата обращения 12.10.2023).
8. Медиаэксперты констатировали неизбежность перехода СМИ в цифровой формат [Электронный ресурс] // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. — 2012. — Режим доступа : https://digital.gov.ru/ru/events/31043/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (дата обращения 10.10.2023).
9. Мельник Г. С. Перспективы развития мобильных изданий / Г. С. Мельник // Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов. — 2016. — № 1 (10). — С. 68—81.
10. Меншатова О. В. Новостные мобильные приложения : проблемы и пути совершенствования / О. В. Меншатова, А. Г. Башорин // Актуальные тенденции социальных коммуникаций : история и современность. Сборник научных статей. — Ижевск : Удмуртский государственный университет, 2018. — С. 53—56. — ISBN 978-5-4312-1094-5.
11. Москвина Ж. О. Мобильные газеты как сегмент системы СМИ стран Западной Европы : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / Ж. О. Москвина. — Москва, 2012. — 28 с.
12. Мурета Ч. Империя приложений: как создавать приложения-хиты (И. Окунькова. Trans.) / Ч. Мурета. — Москва : Альпина Паблишер, 2013. — 236 с. — ISBN 978-5-9614-4430-8.
13. Нильсен Я. Mobile Usability. Как создавать идеально удобные приложения для мобильных устройств / Я. Нильсен, Р. Будю. — Москва : Эксмо, 2013. — 256 с. — ISBN 978-5-699-64190-1.
14. Уразова С.Л. Конвергенция и медиа, или тренинг с необычным маршрутом / С. Л. Уразова // ТелеЦентр. — 2007. — № 1 (21). — С. 18—20.
15. Чжан Чжисюе. Мобильные приложения как канал распространения информации в Китае и России : сравнительный анализ / Чжан Чжисюе // Коммуникации. Медиа. Дизайн. — 2020. — Т. 5 (2). — С. 147—171.
16. Шлыков К. Особенности тестирования приложений на мобильных устройствах [Электронный ресурс] / К. Шлыков. — 2012. — Режим доступа : https://enterra.ru/mobile_qa/ (дата обращения 12.10.2023).

17. *Mobile App Market Overview for 2017*. [Electronic resource]. — 2018. — Access mode : https://vk.com/@runetsoft_official-obzor-rynka-mobilnyh-prilozhenii-za-2017-god (accessed 10.10.2023).

18. *Research on the topic "Mobile application market in Russia and the world"* J'son & Partners Consulting [Electronic resource]. — 2016. — Access mode : <https://www.content-review.com/articles/22197/> (accessed 10.10.2023).

19. *State of Mobile 2022 от App Annie : 5.4 млн приложений и \$170 млрд* [Electronic resource]. — 2022. — Access mode : <https://appttractor.ru/measure/app-store-analytics/godovoy-otchet-state-of-mobile-2022-ot-app-annie-5-4-mln-prilozheniy-i-170-mlrd.html> (accessed 10.10.2023).

20. *Sydow L. The State of Mobile in 2019 — The Most Important Trends to Know*. App Annie, 2019, January 16 [Electronic resource] / L. Sydow. — Access mode : <https://www.appannie.com/ru/insights/market-data/the-state-of-mobile-2019/> (accessed 10.10.2023).

*Статья поступила в редакцию 06.01.2024,
одобрена после рецензирования 12.03.2024,
подготовлена к публикации 18.03.2024.*

Material resources

Lipetsk Media: official website. Lipetsk. Updated during the day. Available at: <http://www.lipetskmedia.ru> (accessed 10/14/2023). (In Russ.).

RBC daily and RBC. (2023). *The official website. Updated during*. Available at: <https://chr.rbc.ru/> (accessed 14.10.2023). (In Russ.).

References

Danilov, A. R. (2017). The role of mobile applications in the life of a modern person. *Skif. Questions of student science*, 9: 208—211. (In Russ.).

Kodanina, A. L., Novikova, T. E., Savelyeva, M. A. (2023). Specifics of Digital Interaction of Regional Mass Media with Audience: Nizhny Novgorod Experience. *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 124—140. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-2-124-140> (In Russ.).

Kornilova, K. S., Morozova, A. S. (2015). Mobile media versions as a new type of advertising platform. "*Medi@llmanakh*", 1: 21—29. (In Russ.).

Kutsenko, V. V. (2017). Features of the distribution of glossy media content in applications for smartphones and tablets. *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Literary Studies. Journalism*, 22 (2): 352—360. DOI: 10.22363/2312-9220-2017-22-2-352-360. (In Russ.).

Li Qin. (2008). Mobile Internet — a new lifestyle that creates the information society of the future. *Networks and system communications: the Library of the Internet Industry I2R.ru*. Available at: http://www.i2r.ru/static/340/out_9965.shtml (accessed 12.10.2023). (In Russ.).

Media experts have stated the inevitability of the media transition to digital format. (2012). *Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation*. Available at: https://digital.gov.ru/ru/events/31043/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (accessed 10.10.2023). (In Russ.).

Melnik, G. S. (2016). Prospects for the development of mobile publications. *Modern periodical printing in the context of communicative processes*, 1 (10): 68—81. (In Russ.).

- Menshatova, O. V., Bashorin, A. G. (2018). News mobile applications: problems and ways of improvement. In: *Current trends in social communications: history and modernity. Collection of scientific articles*. Izhevsk: Udmurt State University. 53—56. ISBN 978-5-4312-1094-5. (In Russ.).
- Mobile App Market Overview for 2017*. (2018). Available at: https://vk.com/@runetsoft_official-obzor-rynka-mobilnyh-prilozhenii-za-2017-god (accessed 10.10.2023).
- Moskvina, J. O. (2012). *Mobile newspapers as a segment of the media system of Western European countries*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 28 p. (In Russ.).
- Mureta, Ch. (2013). *Empire of Apps: How to create Hit apps (And. Okunkova. Trans.)*. Moscow: Alpina Publisher. 236 p. ISBN 978-5-9614-4430-8. (In Russ.).
- Nielsen, Ya., Budiu, R. (2013). *Mobile Usability. How to create perfectly user-friendly applications for mobile devices*. Moscow: Eksmo. 256 p. ISBN 978-5-699-64190-1. (In Russ.).
- Research on the topic "Mobile application market in Russia and the world" J'son & Partners Consulting*. (2016). Available at: <https://www.content-review.com/articles/22197/> (accessed 10.10.2023).
- Shlykov, K. (2012). *Features of testing applications on mobile devices*. Available at: https://enterra.ru/mobile_qa/ (accessed 12.10.2023). (In Russ.).
- State of Mobile 2022 om App Annie: 5.4 million applications and \$170 billion*. (2022). Available at: <https://appttractor.ru/measure/app-store-analytics/godovoy-otchet-state-of-mobile-2022-ot-app-annie-5-4-mln-prilozheniy-i-170-mlrd.html> (accessed 10.10.2023).
- Sydow, L. (2019). *The State of Mobile in 2019 — The Most Important Trends to Know. App Annie, January 16*. Available at: <https://www.appannie.com/ru/insights/market-data/the-state-of-mobile-2019/> (accessed 10.10.2023).
- Urazova, S. L. (2007). Convergence and media, or training with an unusual route. *TV Center, 1 (21)*: 18—20. (In Russ.).
- Vail, E. (2015). *HTML5. Application development for mobile devices*. St. Petersburg, Russia: St. Petersburg. 480 p. (In Russ.).
- Zasursky, Ya. N. (2008). From electronic society to mobile. *Information Society, 5—6*: 34—36. (In Russ.).
- Zhang Zhixue. (2020). Mobile applications as a channel for information dissemination in China and Russia: a comparative analysis. *Communications. Media. Design, 5 (2)*: 147—171. (In Russ.).

*The article was submitted 06.01.2024;
approved after reviewing 12.03.2024;
accepted for publication 18.03.2024.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Александр Юрьевич Мещанский, канд. филол. наук (Архангельск)
Галина Игоревна Лушникова, д-р филол. наук (Ялта)
Екатерина Павловна Овсянникова, исполнитель проекта (Санкт-Петербург)
Любовь Анатольевна Савелова, д-р филол. наук (Архангельск)
Ольга Юрьевна Осьмухина, д-р филол. наук (Саранск)
Светлана Глебовна Горбовская, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)
Татьяна Юрьевна Осадчая, канд. пед. наук (Севастополь)

Информация для цитирования:

Горбовская С. Г. Ассоциативный анализ картины Г. Моро «Саломея, танцующая перед Иродом» в романе Ж.-К. Гюисманса «Наоборот» / С. Г. Горбовская // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 2. — С. 269—285. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-269-285.

Gorbovskaaya, S. G. (2024). Associative analysis of the painting by G. Moro “Salome, dancing before Herod” in the novel by J.-K. Huysmans “Against Nature”. *Nauchnyi dialog*, 13 (2): 269-285. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-269-285. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Ассоциативный анализ
картины Г. Моро «Саломея,
танцующая перед Иродом»
в романе Ж.-К. Гюисманса
«Наоборот»**

Горбовская Светлана Глебовна
orcid.org/0000-0003-4077-1769
доктор филологических наук,
доцент кафедры
французского языка
vard_05@mail.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-28-00317,
<https://rscf.ru/project/23-28-00317/>

**Associative analysis
of the painting by G. Moro
“Salome, dancing before
Herod” in the novel
by J.-K. Huysmans
“Against Nature”**

Svetlana G. Gorbovskaaya
orcid.org/0000-0003-4077-1769
Doctor of Philology,
Associate Professor,
Department of French
vard_05@mail.ru

Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00317,
<https://rscf.ru/project/23-28-00317/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается феномен «символического образа» на примере цветка в руке Саломеи на картине Г. Моро «Саломея, танцующая перед Иродом» и лотоса в руке Саломеи в романе Ж.-К. Гюисманса «Наоборот». Прослеживается история становления терминов *imago*, *архетип*, *символический образ* в психоанализе и влияния этих психоаналитических понятий на восприятие образного ряда литературы и живописи. Актуальность исследования заключается в неугасающем остром интересе литературоведов к вопросам, связанным со взаимовлиянием психоанализа и литературы, а также с темой экфрасиса в литературе. Показано, что одной из рецепций «цветка в руке Саломеи» у Моро стал лотос в руке Саломеи в романе Гюисманса «Наоборот». Установлено, что Гюисманс в своем произведении воспринимает знаменитый фитообраз Моро прежде всего как бессознательное понятие зла, тревоги, боли, иллюстрируя свои рассуждения яркими ассоциациями, связанными с восприятием цветка у Моро. В заключении автор статьи указывает на то, что имago-образы «цветка в руках Саломеи» и «лотоса в руке Саломеи» становятся отправным импульсом для создания архетипа, порождающего разнообразные варианты новых «цветов Саломеи», сравни лотосы и лилии в творчестве Х. дель Касаля, Элиса, О. Уайльда.

Ключевые слова:

Гюстав Моро; Гюисманс; Саломея; лотос; Юнг; imago; архетип.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The phenomenon of the “symbolic image” is examined using the example of the flower in Salome’s hand in Gustave Moreau’s painting “Salome Dancing before Herod” and the lotus in Salome’s hand in J.-K. Huysmans’ novel “Against the Grain.” The history of the terms ‘imago’, ‘archetype’, and ‘symbolic image’ in psychoanalysis is traced, as well as the influence of these psychoanalytic concepts on the perception of imagery in literature and painting. The relevance of the study lies in the enduring interest of literary scholars in issues related to the interplay between psychoanalysis and literature, as well as the theme of ekphrasis in literature. It is demonstrated that one of Moreau’s receptions of the “flower in Salome’s hand” became the lotus in Salome’s hand in Huysmans’ novel “Against the Grain.” It is established that Huysmans perceives Moreau’s famous phytomorph primarily as an unconscious concept of evil, anxiety, pain, illustrating his reasoning with vivid associations related to the perception of the flower in Moreau’s work. In conclusion, the author of the article points out that the imago-images of the “flower in Salome’s hand” and “lotus in Salome’s hand” become the starting impulse for creating an archetype that generates various new versions of “Salome’s flowers,” comparing lotuses and lilies in the works of H. del Casal, Elisa, and O. Wilde.

Key words:

Gustave Moreau; Huysmans; Salome; lotus; Jung; imago; archetype.

Ассоциативный анализ картины Г. Моро «Саломея, танцующая перед Иродом» в романе Ж.-К. Гюисманса «Наоборот»

© Горбовская С. Г., 2024

1. Введение = Introduction

В глубинной психологии есть понятие «*imago*». Его ввел в 1912 году швейцарский психиатр К. Г. Юнг в курсе лекций, прочитанных в университете Фордхама. Связывал Юнг это понятие с личным бессознательным человека и с затерянным в памяти образом родителя, в первую очередь отца: «Термин, употребляемый вместо понятия “образ” с целью подчеркнуть, что многие образы, в частности образы других людей, возникают субъективно в соответствии с внутренним состоянием и динамикой субъекта. Другими словами, термин *imago* подразумевает, что многие образы (например, образы родителей) возникают не из действительного опыта переживаний, связанных с родителями, а основаны на бессознательных фантазиях или являются производными от деятельности архетипов» [Психоаналитические термины и понятия, 2000, с. 34].

Позднее Юнг посвятил себя изучению архетипа, основанного на коллективном бессознательном (слово *архетип* впервые употребляется Юнгом в докладе «Инстинкт и бессознательное» на состоявшемся 12 июля 1919 года в Лондоне симпозиуме Британского психологического общества). Однако *imago* продолжили изучать и интерпретировать по-своему другие психоаналитики, прежде всего Ж. Лакан, связывающий это понятие с первым, давно забытым впечатлением человека о самом себе, а также о первом окружении человека в стадии шестимесячного ребенка и о «символическом отце» [Кюглер, 2005, с. 162].

Юнг подразумевал под архетипом историческую генетическую память, которая формирует человеческий мозг: информация, «передаваемая по наследству вместе со структурой мозга» [Юнг, 2002, с. 147]. Представления человека о мире складывается, таким образом, из *imago* и архетипов, из личного и коллективного бессознательного. В любом *imago* хранятся пласты архетипов, и любой архетип развивается из какого-то первоначального *imago*.

Юнг также писал в своих исследованиях о так называемом «символическом образе», примеры которого он находил в художественной литературе. Но не во всей, а только в той, которую он связывает с процессом неосознанного или бессознательного творчества. Точнее, он говорит о бессознательном процессе письма, об отключении сознания, когда автор сам как будто бы превращается в часть творческого процесса, его рукой словно кто-то водит. При этом в иных обстоятельствах тот же писатель способен создать обдуманное, хорошо спланированное произведение, автором которого он полноценно является. Но данное произведение, скорее всего, лишено, по мнению Юнга, символических (то есть, по Юнгу, бессознательных [Юнг, 2002, с. 106—108]) образов, ибо там все продумано, каждый образ взвешен и соединен с реальной действительностью. Самые великие произведения мировой литературы Юнг относит именно к первому типу письма (особенно выделяя вторую часть «Фауста» Гете (написанную словно каким-то «другим» Гете) и «Заратустру» Ницше, где символический «один становится двумя»). По поводу присутствия «праобразов» в литературе Юнг рассказывал в докладе «Об отношении аналитической психологии к произведениям художественной литературы», сделанном в Цюрихе в мае 1922 года в Обществе по изучению немецкого языка и литературы [Юнг, 2002, с. 106—130].

Проводит он подобное разделение и на примерах из живописи, в частности у П. Пикассо. Особое внимание Юнг уделяет образам и деталям в творчестве Пикассо, они, как он отмечает, необычные, искажающие или меняющие объективную действительность, труднодоступные для быстрого восприятия [Юнг, 1998, с. 42—46], но они создаются с учетом знания о «праобразе», архетипе, ассоциативном анализе и т. д. Юнг сопоставляет рисунки Пикассо с выплескиванием на поверхность — в виде странных рисунков — бессознательного у пациентов, страдающих неврозами или шизофренией (то есть намекает на искусственность «необычности» Пикассо, осведомленном об ассоциативных экспериментах в психоанализе).

Последователь Юнга, Э. Нойманн, исследует с этой же точки зрения творчество Леонардо да Винчи, обращая особое внимание на его особую уникальность. Он, по теории Юнга, сверхъестественно «провидец», а не «просто» художник [Юнг, 1998, с. 46—77]. И «сверхъестественность» Леонардо интуитивна, а не сознательна, как у Пикассо.

На наш взгляд, образ, о котором пишет Юнг, основан как на личном бессознательном, так и на коллективном. Как бы отстраненно, отключенно ни творил художник или писатель, он всегда ориентируется на что-то отчетливое, хорошо известное, то есть на что-то коллективное, погружая это коллективное в воронку личного бессознательного, трансформируя общедоступное, меняя его порой до неузнаваемости.

В данном исследовании мы сосредотачиваем внимание на двух примерах, взятых из живописи французского символиста Г. Моро (цветок в руке Саломеи на полотне «Саломея, танцующая перед Иродом», 1876) и из эпизода текста писателя Ж.-К. Гюисманса (лотос в руке Саломеи в романе «Наоборот», 1884). Эти два примера взаимосвязаны и соответствуют, на наш взгляд, понятию «символического образа», описанного Юнгом. Таким образом, речь пойдет об образе в изобразительном искусстве, описанном и ассоциативно проанализированном в литературном произведении. Создание экфрасиса в произведении Гюисманса тесно связано с первыми исследованиями психологического анализа, с ассоциативными экспериментами.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для работы в теоретической части послужили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные вопросам изучения психоанализа и экфрасиса в произведениях Ж.-К. Гюисманса.

Л. Альваро [Álvoro, 2018, с. 125—137] в своем исследовании обращает внимание на то, что Гюисманс создавал свой роман примерно в то же время, когда психиатр Ж. М. Шарко активно изучал методы лечения истерики в больнице Сальпетриер, а З. Фрейд — в 1885—1886 годы — проходил у него практику. Таким образом, это был период зарождения концептуально важных идей психоанализа. И Гюисманс буквально считывал, подхватывал эти мысли.

Монография А.-М. Галло «Объяснение Гюисманса» (1954) [Gallot, 1954] основана на психоаналитическом методе. Галло исходит из посылки о несчастном детстве писателя, лишенном любви и ласки матери, вторично вышедшей замуж.

М. Лобе в исследовании «Гюисманс, или Свидетель, лишенный кожи» (1960) [Lobet, 1960] приходит к выводу, осуществив психологический анализ жизни Гюисманса, что тот стал свидетелем безвозвратного ухода старой эпохи.

Монография П. Бювика «Сладострастие и чистота: очерк о творчестве Гюисманса» (1986) основана на принципах психоанализа и посвящена поиску признаков Эдипова комплекса и проблеме проявления сексуальной энергии писателя в его произведениях.

Ф. Кур-Перез, тоже придерживаясь теории психоанализа, считает основным двигателем романа «Наоборот» «агонию сексуального влечения главного героя» [Court-Perez, 1987].

Большой интерес в этой связи вызывают также исследования: «Дез Эссент и Бодлер», «Воображаемое в романе “Наоборот”» Ж. Монферье [Monfèrier, 1980; Monfèrier, 1978, с. 231—236], «“Наоборот”, или знаковая инверсия» Ф. Гайар [Gaillard, 1980, с. 131]. О влиянии первых психоана-

литиков на литературу «конца века» писал Б. Г. Реизов (в исследовании творчества Э. Золя он приводит многочисленные труды психоаналитиков второй половины XIX века) [Реизов, 1969, с. 273—275].

Важнейшим трудом, посвященным изучению взаимовлияний психоанализа, литературы и изобразительного искусства, стала онтология В. М. Лейбина «Классический психоанализ и художественная литература» (2002), опубликованная после проведения конференции в Санкт-Петербурге «Психоанализ, литература и искусство» в 1998 году. В данной книге собраны статьи, в которых психоаналитики исследуют вопросы архетипики в литературе (Гете, Байрон, По, Достоевский, Пушкин, Гоголь и т. д.) и живописи (Леонардо да Винчи у Фрейда).

Не менее значимы для нас исследования Р. Нежинской «Саломея. Образ роковой женщины, которой не было» (2018) [Нежинская, 2018], И. В. Мишачевой «Пейзаж символизма и миф. «Священные рощи» Гюстава Моро» [Мишачева, 2020, с. 63—83], А. А. Барковской «Роман Ж.-К. Гюисманса “Наоборот”: описание картин в произведении как способ художественного оформления текста» [Барковская, 2017, с. 3—9]. В данных трудах поднимается вопрос взаимосвязи творчества Моро и Гюисманса.

Большой интерес вызывают исследования экфрасиса Ю. М. Лотмана, Н. Т. Рымаря, Т. Е. Автухович. В них выводится на первый план вопрос воздействия изображения человека на рассказчика или героя произведения, благодаря этому воздействию рассказчик создает «новую жизнь как реальность» [Автухович, 2019, с. 267].

Цель исследования состоит в выявлении примеров ассоциативного анализа образа цветка или лотоса в руках Саломеи на картине Моро в романе Гюисманса «Наоборот». Подробный анализ сцен восприятия картины дез Эссентом и сна дез Эссента о женщине с цветком нидулариума позволит глубже понять процесс трансформации символического образа-имаго в образ-архетип в творчестве Моро и Гюисманса. В работе используются культурно-исторический, психоаналитический, сравнительно-исторический методы исследования литературных произведений.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В живописи периода символизма есть образы, напоминающие методологически литературные «символические образы», описанные Юнгом. Манера их изображения настолько неоднозначна и расплывчата, что образ трудноопределим, хотя в целом, без каких-либо нюансов, уточнений, можно сказать, о каком явлении или предмете идет речь. По большому счету, когда зритель смотрит на такие образы, он не видит их, а догадывается о них, пытается распознать. Подобные явления встречаются и в других течениях

в живописи, либо как случайные казусы в академическом искусстве (плохо прорисованная деталь), как наивность (например, в живописи или иллюстративном творчестве средневековья), либо как расплывчатые изображения (как в импрессионизме), но непременно поясненные через название картины. В символизме же неясность — это именно метод, задача художника.

Ярчайшие примеры подобных образов мы обнаруживаем в творчестве Моро. Одна из его картин даже носит название, которое очень близко понятию «символического образа», — «Мистический цветок» (изображена Дева на троне, обвитом цветами, похожими на лилии). Таинственное название дополняется изображением, не менее расплывчатым и неясным, хотя, на первый взгляд, вполне доступным восприятию зрителя и даже трактуемым некоторыми исследователями как лилия (цветок Богородицы, изображенной на цветке-троне). Но это лишь на первый взгляд. О точном виде растения можно лишь догадываться. Тем не менее именно в таком подходе, в такой технике это изображение очень точно передает понятие «мистического цветка», или «*Rosa mystica*», восходящее к цветку из «Песни Песней» или к понятию «мистической розы» (то есть Богородицы) в текстах апологетов христианской церкви, к метафизическим цветам, чей точный вид и символическое значение затеряны во времени.

Помимо «Мистического цветка», аналогичные (с точки зрения визуальной неясности) цветы Моро изобразил на таких полотнах, как «Сулами-та» («Песня Песней»), «Елена у стен Трои», «Саломея, танцующая перед Иродом», «Явление», «Саломея» (везде изображен водный цветок), «Галатея» (разные с трудом распознаваемые цветы), «Невеста ночи» («Песня Песней») (цветок похож на розу), «Сон жителя страны Великих Моголов» (цветок подобен розе) и т. д. Есть полотна, на которых звезды, солнце, крест изображены в виде свечения, напоминающего лепестки цветка: «Фатон», «Юпитер и Семела», «Гесиод и муза», «Леда» и многие другие.

В рамках данной статьи наше внимание сосредоточено на тех полотнах Моро, которые он посвятил образу Саломеи. На всех картинах (за исключением, по всей видимости, одного варианта) царевна держит в руках цветок, напоминающий лилию или лотос. На одних полотнах цветок виден или прорисован достаточно отчетливо, на других он является лишь едва различимым наброском. Меняется и палитра: на одних изображениях цветок бело-розовый, на других — напоминает золотое свечение, на третьем — цветок практически зеленый.

3.1. Ассоциации Жана дез Эссента

Ассоциативный анализ связан в науке прежде всего с ассоциативным экспериментом Юнга (начал проводить с 1906 года), со сновиденческими экспериментами З. Фрейда, ассоциативным лингвистическим анализом

(Л. Н. Титовой, Ю. Е. Ульянова, И. Л. Савранского, Н. И. Зноева, Ю. Н. Караулова) [Караулов, 1999, с. 151—186], некоторыми другими исследованиями. То, что описывает Гюисманс в своем романе, очень близко методике ассоциативного эксперимента, только образ-импульс не словесный, а визуальный, и ассоциации в данном случае выдает один человек, а не группа людей.

Глядя на полотно Моро, герой Гюисманса Жан дез Эссент сообщает о нескольких своих ассоциациях по поводу изображения цветка в руках Саломеи. Он называет его «*лотосом*». Сам же Моро именует растение гиперонимом «*цветок*» и Саломею сравнивает с «*растительно-животной*» метаморфозой (опять же, без конкретизации): «Эта женщина, символизирующая вечную женщину, легкую птаху, часто смертоносную, идущую по жизни с *цветком в руке*, в поисках своего туманного идеала, часто ужасного. Она идет, попирая всех, даже гениев и святых... Эта женщина, что бездумным, растительно-животным образом гуляет в восхитительных садах... была только что замарана этим ужасным убийством» [Moreau, 2002, с. 73].

Образ Саломеи возникает у Гюисманса в общем (коллективном) ключе символики «цветов зла», которые он заимствует у Ш. Бодлера. Гюисманс один из первых офлоризировал иносказательные «цветы зла», обратив их в «цветок на панцире черепахи», «коллекцию каладиумов», лотос в руках танцующей Саломеи на полотне Моро и, наконец, «цветок нидулариума» в руках женщины из страшного сновидения. Этот цветок как бы завершает ряд всех предыдущих, дез Эссент медленно подбирается к нему. Находясь под воздействием странного аромата, дез Эссент видит сон о женщине, на обезображенном фурункулами теле которой расцвел цветок нидулариума. Цветок этот переключается с образом «кладбища цветов» Э. Золя («Проступок аббата Муре», 1875), где цветы напоминали фурункулы и прыщи, а также продолжает тему «искусственного рая», тему бодлеровской «странной» красоты, тему «обмана зрения» («Путешествие на Киферу»). Но если Бодлер с восторгом пишет о такой красоте, то дез Эссент испытывает ужас перед увиденным, он хочет победить свои страхи, избавиться от преследующих его галлюцинаций, особенно от видения всадника-сифилиса, стремящегося убить дез Эссента. Дез Эссент, страдающий от всех возможных недугов ипохондрик, пытается смириться со своей участью, уходит от мира, скрывается в Фонтене, но страхи преследуют его как во сне, так и наяву через ароматы, цвета и формы растений, предметов, произведений искусства, которыми он себя окружает. Ярким видением-размышлением становятся всадники-скифы или сарматы: «Мир подвержен распаду. Императоров одного за другим убивают. Кровопролитие. По всей Европе не смолкает шум резни — и вдруг чудовищный конский топот перекрывает вопли и стоны. На берегах Дуная появляются тысячи и тысячи всадников

на низкорослых лошадях и в звериных шкурах. Страшные татары с большими головами, плоскими носами и безволосыми желтыми лицами в рубцах и шрамах заволокли южные провинции» [Гюисманс, 1995, с. 37].

Женщину с «цветком нидулариума» можно рассматривать как искаженную рецепцию образа с полотна Моро «Саломея», на котором иудейская царевна изображена с «цветком лотоса» (по Гюисмансу). Дез Эссент, обладатель этой картины, подолгу смотрит на нее и размышляет над символикой лотоса. Его предположения разнообразны, они важны не только с точки зрения семантики этого фитонима, но в первую очередь они дают возможность осознать, как Гюисманс понимает многозначный, но семантически неопределенный символ в современном ему искусстве. Лотос бесконечен в своей семантике, неисчерпаем и поэтому остается загадкой для зрителя, сколько бы предположений или даже идеаторных ассоциаций (учитывая его болезненное состояние) тот ни выдвигал: *Дезэссент все пытался понять символический смысл цветка. Являлся ли лотос фаллическим, как в индуизме, символом? Или был для Ирода жертвоприношением девственности, кровью за кровь, раной за убийство? А может, являлся аллегорией плодородия, индуистским образом полноты бытия или олицетворял цветок жизни, вырванный из рук женщины жадными руками самца, обезумевшего от страсти? Или, может быть, художник, вручив богине священный цветок, имел в виду смертную женщину и сосуд нечистоты, от которого пошел грех и беззаконие? Или даже вспомнил об обычаях древних египтян и их погребальном обряде: жрецы и посвященные в тайны бальзамирования кладут тело на скамью из яшмы, крючками извлекают мозг через ноздри, а внутренности — из надреза в левом боку; затем они умащают мертвеца смолами и душистыми снадобьями, золотят ногти и зубы, но прежде кладут в гениталии, чтобы очистить покойника, воплощающие целомудрие лепестки лотоса* [Гюисманс, 1995, с. 46].

На всех полотнах Моро о Саломее («Саломея», 1872; «Саломея, танцующая перед Иродом», 1874—1876; «Явление», 1876) дочь Иродиады изображена с цветком, который назван у Гюисманса *лотосом* (то есть это имаго-образ лотоса самого Гюисманса, не Моро), но, возможно, речь идет и о цветке папируса, который изображался на древних орнаментах в Ассирии, Шумере, Египте и других древних культурах. Функция цветка (как символа) заключается в его связи с древностью. Сам Моро явно придавал этому цветку особое значение, он выделял его светлыми тонами, похожими на ослепительный огонь. Точное определение вида цветка невозможно, очертания трудноуловимы, они лишь намекают на водное растение на длинном стебле. В этой неопределенности и заключается суггестивный символизм образов, неоднозначность и загадочность.

Для Моро, равно как и для Гюисманса, связь Саломеи и лотоса, жестокой и прекрасной женщины и удивительного по своей красоте цветка, отсылает к стихотворению Бодлера «Идеал». Саломея, попросившая, по наущению матери, Ирода Антипу убить Иоанна Крестителя, достойно продолжает шествие «идеала» Бодлера. Она столь же коварна, как леди Макбет, и столь же темна, опасна, как аллегория Ночи Микеланджело. Саломея является в некотором смысле и продолжением образа Иродиады из одноименной незаконченной поэмы Малларме. Иродиада, а точнее, некая условная Иродиада, покинутая всеми, но сильная, незыблемая, изображена в поэме Малларме в период ссылки в Галлию в одиночестве вспоминающей о том, как она стояла над фонтаном и сравнивала себя с кувшинкой в той далекой жизни во дворце Ирода. Саломея у Гюисманса становится новым «цветком», уже не скромной кувшинкой, а величественным лотосом, порождением коварных планов Иродиады отомстить Иоанну Крестителю, планов, которые она сама не решилась бы исполнить.

Образ Иродиады близок дез Эссенту, ведь в нем тоже проявляются черты коварства, неслучайно он с большим удовольствием вспоминает о том, как пытался сотворить преступника из своего молодого знакомого, но волею судеб остается в неведении, встал ли тот на скользкий путь или нет. Эта тема будет по-своему продолжена в романе О. Уайльда «Портрет Дориана Грея». Лорд Генри Уоттон словно проводит эксперимент над Дорианом Греем, играючи развращает его идеями нового гедонизма, превращает в чудовище. О. Уайльд называл роман Гюисманса «желтой книгой» (старинным, пожелтевшим «Кораном декаданса»). Дез Эссент тоже, как Иродиада, оказывается в «ссылке» в Фонтене, хотя, в отличие от нее, в добровольной «ссылке». Иоанн Креститель осуждал Иродиаду за кровосмесительную связь со своим сводным братом, дез Эссент же — плод кровосмесительных браков в затухающем роду. Лотос как условный знак древности привлекает внимание героя прежде всего как символ давно ушедших времен, он в чем-то символ и его рода, уходящего корнями в далекое прошлое (в этом отношении лотос — своего рода «двойник» или аналог и французской монархической лилии — имаго-образ личного ощущения древности рода дез Эссента и одновременно образ-архетип — дез Эссент ощущает, как древность его рода давит на него).

В воображении дез Эссента образ Саломеи с лотосом постепенно искажается. «Свирепый нидулариум» («le farouche Nidularium») [Huysmans, 1922, с. 55] подтверждает и дополняет его мрачные мысли о женщинах. Дез Эссент не доверяет им, боится, и его страхи выливаются в цепочку страшных снов. Женщина из сна олицетворяет у Гюисманса одновременно притягательную и страшную недостижимость идеалов искусства. Она —

распад образа Саломеи, переработанное сознанием впечатление или имаго. Лотос у Моро напоминает факел в руках Саломеи, нидулариум трансформирует эту аналогию в нечто пугающее, страшное, Гюисманс сопоставляет его с язвой на теле хищной женщины. Гюисманс передает трансформацию цветов через смену красок: лотос на картине — ослепительно-белый, «цветок свирепого нидулариума» из сна — кроваво-красный, он раскрывает идею ужаса, страха перед чем-то манящим и недоступным, идею пугающего идеала, который невозможно и страшно достичь. В этом образе разлагающейся богини проступают черты внутреннего разложения самого дез Эссента, угасание длинной цепочки его рода, страшный, отталкивающий итог многовековой истории. Сон дез Эссента иллюстрирует неготовность героя Гюисманса принять «иную», странную, болезненную красоту. Просыпаясь, он с облегчением думает, что это был всего лишь сон.

3.2. Предчувствие ассоциативного эксперимента

Ранее, до полотна Моро, сюжет о Саломее был каноническим, переходящим от художника к художнику с определенным набором фигур, менялись лишь детали в зависимости от эпохи и манеры мастера. Все внимание зрителя обычно было сосредоточено на голове Иоанна Крестителя или на фигуре Саломеи. Здесь же субъективное восприятие, трансформированное именно через образ цветка у Моро, создало новый импульс, имагинальный образ. Неясная демонстрация цветка открыла возможность для множественных самых разнообразных интерпретаций (в этот же период появляются «неясные цветы» на рисунках О. Редона, на картинах К. Швабе, на полотнах М. Шагала и многих других художников). Дез Эссент, по сути, не сам описывает или анализирует картину, а это Моро, сам того не зная, предлагает (репрезентирует) ему картину-импульс для «объективных и субъективных ассоциаций» (термин Юнга, относящийся к восприятию символов сна как отголосков реальности или исходящих изнутри переживаний сновидца) [Jung, 1974, с. 23—66].

Ю. М. Лотман отмечает, что портрет (в данном случае изображение персонажа Библии) обладает обобщенной, символической сущностью [Лотман, 2002, с. 365]. Н. Т. Рымарь пишет о том, что любое изображение (и визуальное, и вербальное) всегда обременено культурными смыслами: «Поэт должен “назвать” то, что ему “открылось” в вещах, — найти слово и форму, которые смогут высказать самую суть, то есть воплотить их “душу” в адекватной ей, “душе вещи”, зримой форме. Это “сделать предмет невидимым, чтобы затем сделать его видимым”» [Рымарь, 2018, с. 102, 105]. Т. Е. Автухович отмечает: «Присутствие экфрасиса старинных портретов и их сопоставление с живым восприятием людей и событий рассказчиком [в литературном произведении]... можно трактовать как попытку писателя освободиться от груза предназначенных смыслов, выйти к новому пони-

манию вещей, создавая другую жизнь как реальность» [Автухович, 2019, с. 267]. Таким образом, герой Гюисманса, глядя на изображение Саломеи, создает некую «свою» реальность Саломеи, а также конструирует предпосылку для собственной реальности ужаса, реальности собственных страхов, переносит ужас Саломеи на собственные переживания.

Если распределить результаты анализа дез Эссента по ассоциативным полям или кругам, то получается схожая картина и с будущими экспериментами Юнга, и с современным нам ассоциативным лингвистическим анализом. Но только ассоциации у самого Гюисманса связаны не с подсчетами возникших от картины и ее деталей слов, а с бессознательными попытками обнаружения проблемы, которая не дает дез Эссенту покоя. Количество (или интенсивность) слов, связанных с импульсом (цветком), дает представление о психологическом состоянии героя. «Эксперимент» дез Эссента близок и к наблюдениям Юнга за реакциями его пациентов во время изложения ими словесных ассоциаций: Гюисманс перечисляет и ассоциации дез Эссента, и его реакции (страх, паника, выделение пота, ночные кошмары и т. д.).

Первое построение полей, связанное с впечатлением дез Эссента от картины:

- в центре цветок — тайна, проблема;
- далее спонтанно возникает название цветка — *лотос* — свободная ассоциация, цветок-дез-Эссента-Гюисманса, возможно, трансформация «кувшинки в руках Иродиады» у Малларме (хронологически более ранней);
- окружение лотоса: Саломея, Ирод, голова Иоанна Крестителя (фаллические ассоциации, власть, страх перед женщиной и т. д.);
- дворец Ирода (власть, могущество, боль, дом в Фонтене);
- древняя Иудея, Египет (ассоциации, связанные с медициной, — мумифицирование, препарирование, смерть);
- древность, Ветхий Завет (ассоциация с бесконечностью, неизвестностью, чем-то затерянным в веках);
- далее — латентно — истоки христианства (страх, паника, боязнь греха, боль дез Эссента).

Второе построение полей, связанное со сновидением дез Эссента, комментируемое Гюисмансом:

- сон (словно перемещение в неизвестный, далекий мир-хронотоп, на картину Моро, Фонтене отдаленно напоминает зал из дворца Ирода);
- кошмар о женщине с цветком (страх, ужас);
- цветок-язва, фурункул (боль, болезнь);
- цветок превращается во всадника (страх усиливается, воздействие размышления дез Эссента о древних кочевниках сарматах, угроза Галлии, угроза Франции от всадников);

— всадник пытается убить дез Эссента (почти пробуждение, дез Эссент задыхается, потеет);

— дез Эссент просыпается от ужаса.

Картина, таким образом, а также все накопленные внутренние страхи и переживания дез Эссента провоцируют страшный сон. Все его переживания сливаются в сгусток сна. Цветок в руках Саломеи (на стебле, вырванный или срезанный) мог ассоциироваться с отрубленной головой, которая висит на картине в воздухе как живая, похожая (учитывая излучения) на чашу цветка. В конечном счете страх болезни, страх женщин, глубинный религиозный страх, страх внешнего врага и т. д. — все упирается в классический страх смерти. Фонтене начинает ассоциироваться со смертью, с чем-то давно минувшим, мертвым, с могилой, мумиями, отрубленной головой, смертью черепахи, гибелью каладиумов и т. д. И дез Эссент видит единственный выход — это побег из Фонтене, побег в Париж.

То, что описывает Гюисманс, напоминает психоаналитический метод исследования проблемы: словесные ассоциативные эксперименты Юнга, толкование Фрейдом сновидений, попытку заместить нерешенную причину ужаса из сна раскрытием тайны цветка на картине. Дез Эссент сам упоминает о фаллической интерпретации лотоса, а подобные символические интерпретации цветка очень популярны среди сторонников фрейдистского анализа в области литературы и искусства. То есть центр-образ (трансформирующийся цветок — нидулариум) помогает сконцентрированному читателю глубже вникнуть в сложнейший комплекс психологической проблемы героя.

3.3. Символический образ-имаго переходит в образ-архетип

Некоторые последователи Гюисманса подхватывают в качестве вида цветка именно образ лотоса в руках Саломеи. Например, у кубинского поэта-символиста Хулиана дель Касаля в стихотворении «Саломея» (1890) буквально повторяется версия дез Эссента об Ироде, глядящем на Саломею с цветком лотоса: «Пред Иродом, проворна и легка, // Танцует под бряцание кимвала; // И к солнечному ясному лучу // Бестрепетная девичья рука // Священный лотос бережно подъяла» (перевод С. Александровского). Русский поэт и переводчик Эллис в стихотворении «Роза Ада» (1911) также сохраняет образ лотоса («Ты — Лотоса отверженный двойник»), но образ Саломеи заменяется на «Куидри, Иезавель, Иродиаду».

У других интерпретаторов фитоним меняется. У О. Уайльда в драме «Саломея» (перевод на русский К. Бальмонта) возникает то роза, то лилия (заставляющие думать о «розе Шарона» или «нарциссе Сарронском»), о «Песни Песней», далекой древности), они же воспроизводятся в одноименной опере И. Штрауса. Каждая интерпретация имагинального образа лотоса Гюисманса уникальна, самостоятельна, погружена в индивидуальную авторскую

глубину (интеллектуальную, психологическую, эмфатическую). Но воздействие цветка Моро, как его имаго-образа или неясного «символического образа», очевидно. Цветок-тайна в руках Саломеи притянул внимание зрителя, заставил разгадывать себя. Вариант же Гюисманса внушил мысль о лотосе, о других водных растениях, а в соединении с образом Саломеи — о чем-то близком «лилии долины», «нарциссу Саронскому» из «Песни Песней». В итоге два новаторских имагинальных образа перешли в фазу архетипа, воздействующего на воображение последующих авторов.

4. Заключение = Conclusions

Итак, на примере цветка в руке Саломеи у Моро и Гюисманса нам удалось выявить, что образ-символ с фиксированным значением, распространенный в более ранние эпохи, скрепляющий каноном полотна, посвященные библейскому сюжету, заменяется в символизме на новый образ-символ («символический образ») с неустойчивым значением, в который автор вкладывает частицу собственных переживаний и собственного видения древнего сюжета.

На полотне Моро возник не просто образ Саломеи, закрепленный в названии картины, а образ Саломеи с «каким-то цветком» (как отмечает Гюисманс — «сакральным»). Этот цветок озадачил зрителя, заставил думать о себе, разгадывать себя и при этом неизбежно обновлять многосложный мир поэзии, живописи, театра и музыки. Гюисманс «увидел» в этом цветке именно «лотос». Лотос в произведении Гюисманса возник благодаря осуществлению дез Эссентом подробного ассоциативного анализа, позволившего ему сделать вывод, что на картине изображен именно лотос (цветок связан в его ассоциациях с жестокими культурами Египта, Индии, Ближнего Востока, где произрастает данное водное растение).

Гюисманс, описывая процесс игры Жана дез Эссента в ассоциации перед полотном Моро, предсказывает сложную методику психологических ассоциаций, используемую позднее Юнгом, Фрейдом, Нойманном, Лаканом и другими психоаналитиками.

Образ лотоса в руке Саломеи у Гюисманса (с учетом более ранней кувшинки в руках Иродиады в поэме Малларме) стал отправным пунктом создания образов лотоса и лилии в произведениях Касалья, Элиса, Уайльда и других авторов. Таким образом, лотос как имаго-образ в произведении Гюисманса со временем стал образом-архетипом, используемым более поздними авторами.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Гюисманс Ж.-К.* Наоборот. Три символистских романа / Ж.-К. Гюисманс ; Пер. с фр. Е. Л. Кассировой. — Москва : Республика, 1995. — С. 5—142.
2. *Huysmans J.-K.* À rebours / J.-K. Huysmans. — Paris : Georges Crès, 1922. — 290 p.
3. *Moreau G.* Ecrits sur l'art par Gustave Moreau / G. Moreau. — Paris : Fata Morgana, 2002. — 401 p.

Литература

1. *Автухович Т. Е.* Экфрасис как метатекст (на примере повести И. С. Тургенева «Три портрета») / Т. Е. Автухович // Русская филология : ученые записки Смоленского государственного университета. — 2019. — № 19. — С. 258—270.
2. *Барковская А.* Роман Ж. К. Гюисманса «Наоборот» : описание картин в произведении как способ художественного оформления текста. В сб. : Проблемы и перспективы современной науки. Сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции. — Ставрополь : Логос, 2017. — С. 3—9.
3. *Караулов Ю.* Ассоциативный анализ : новый подход к интерпретации художественного текста. В сб. : Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава / Ю. Караулов. — Москва : Междунар. ассоц. преподавателей рус. яз. и лит., 1999. — С. 151—186.
4. *Кюглер П.* Алхимия дискурса. Образ, звук и психическое / П. Кюглер ; Пер. с англ. В. В. Зеленский, З. А. Кривулина. — Москва : ПЕР СЭ, 2005. — 224 с.
5. *Лакан Ж.* Стадия зеркала и ее роль в формировании функции Я [Электронный ресурс] / Ж. Лакан. — Психоанализ, 2019. — Режим доступа : <https://psychoanalysis.by/2019/03/26/статья-ж-лакан-стадия-зеркала-и-ее-роль/> (дата обращения 22.02.2023).
6. *Лотман Ю. М.* Портрет / Ю. М. Лотман // Статьи по семиотике культуры и искусства. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2002. — С. 349—375. — ISBN 5-7331-0184-9.
7. *Мишачева И.* Пейзаж символизма и миф. «Священные рощи» Гюстава Моро. В сб. : Славянские чтения / И. Мишачева // Сборник материалов международной научной конференции Института славянской культуры. — 2020. — Том 2. — Выпуск VII). — С. 63—83.
8. *Нежинская Р.* Саломея. Образ роковой женщины, которой не было / Р. Нежинская ; Пер. с англ. В. Третьяковой. — Москва : Новое литературное обозрение, 2018. — 256 с. — ISBN 978-5-444-80920-4.
9. *Психоаналитические термины и понятия* / Под ред. Барнесса Э. Мура и Бернарда Д. Фаина ; пер. с англ. А. М. Боковикова, И. Б. Гриншпуна, А. Фильца. — Москва : Независимая фирма «Класс», 2000. — 304 с. — ISBN 0-300-04701-0.
10. *Реизов Б. Г.* Золя. Французский роман XIX века / Б. Г. Реизов. — Москва : Высшая школа, 1969. — С. 272—298.
11. *Рымарь Н. Т.* Незримое в зримом. Изоляция и смыслопорождение в эстетическом событии / Н. Т. Рымарь // Миргород. — 2018. — № 2 (12). — С. 101—114.
12. *Юнг К. Г.* Символы и метаморфозы. Либи́до / К. Г. Юнг. — Москва : Восточно-Европейский институт психоанализа, 1994. — 414 с.
13. *Юнг К. Г.* Психоанализ и искусство / К. Г. Юнг, Э Нойманн ; Пер. с англ. О. О. Чистякова, Г. А. Бутузова. — Москва : Рефл-бук, Ваклер, 1998. — 304 с.
14. *Юнг К. Г.* Об отношении аналитической психологии к произведениям художественной литературы. В сборнике : Классический психоанализ и художественная литература / К. Г. Юнг ; отв. ред. В. Лейбин. — Санкт-Петербург : Питеринск, 2002. — С. 106—130.

15. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени / К. Г. Юнг. — Санкт-Петербург : Питер, 2002. — 352 с. — ISBN 5-318-00683-3.
16. *Álvaro González L. C.* Neurological study of the decadent novel *À rebours* (Against the grain) by Joris-Karl Huysmans / L. C. *Álvaro González* // *In Neurosciences and History*. — 2018. — Vol. 6 (4). — Pp. 125—137.
17. *Court-Perez F.* Joris-Karl Huysmans. *A Rebours* / F. Court-Perez. — Paris : PUF, 1987. — 125 p.
18. *Jung C. G.* General aspects of dream psychology / C. G. Jung ; Dreams. trans., R. Hull. — Princeton, NJ : Princeton University Press, 1974. — Pp. 23—66.
19. *Gaillard F.* *A Rebours, ou l'inversion des signes. L'esprit de décadence. Colloque de Nantes* / F. Gaillard. — Paris : Librairie Minard, 1980. — T. 1. — Pp. 129—140.
20. *Gallot H.-M.* Explication de Huysmans / H.-M. Gallot. — Paris : Agence Parisienne de Distribution, 1954. — 202 p.
21. *Lobet M.* Huysmans ou le témoin écorché / M. Lobet. — Lyon-Paris : Editeur Emmanuel Vitte, 1960. — 146 p.
22. *Monfèrier J.* Des Esseintes et Baudelaire. Dans *L'esprit de décadence. Colloque de Nantes* / J. Monfèrier. — Paris : Librairie Minard, 1980. — T. 1. — Pp. 107—113.
23. *Monfèrier J.* L'Imagination dans *À Rebours* / J. Monfèrier // *Revue des sciences humaines*. — 1978. — T. XLIII (170—171). — Pp. 231—236.

Статья поступила в редакцию 08.11.2023,
одобрена после рецензирования 03.02.2024,
подготовлена к публикации 18.03.2024.

Material resources

- Huysmans, J.-K. (1922). *À rebours*. Paris: Georges Crès. 290 p. (In Paris.).
- Huysmans, J.-K. (1995). *Conversely. Three Symbolist novels*. Moscow: Republic. 5—142. (In Russ.).
- Moreau, G. (2002). *Écrits sur l'art par Gustave Moreau*. Paris: Fata Morgana. 401 p. (In Paris.).

References

- Álvaro González, L. C.* (2018). Neurological study of the decadent novel *À rebours* (Against the grain) by Joris-Karl Huysmans. *In Neurosciences and History*, 6 (4): 125—137.
- Autukhovich, T. E. (2019). Ekphrasis as a metatext (on the example of the story by I. S. Turgenev “Three Portraits”). *Russian Philology: scientific notes of the Smolensk State University*, 19: 258—270. (In Russ.).
- Barkovskaya, A. (2017). Novel by J. K. Huysmans “On the contrary”: description of paintings in the work as a way of artistic decoration of the text. In: *In the collection: Problems and prospects of modern science. Collection of articles of the XVIII International Scientific and Practical Conference*. Stavropol: Logos. 3—9. (In Russ.).
- Court-Perez, F. (1987). *Joris-Karl Huysmans. A Rebours*. Paris: PUF. 125 p. (In Paris.).
- Gaillard, F. (1980). *A Rebours, ou l'inversion des signes. L'esprit de décadence. Colloque de Nantes, 1*. Paris: Librairie Minard. 129—140. (In Paris.).
- Gallot, H.-M. (1954). *Explication de Huysmans*. Paris: Agence Parisienne de Distribution. 202 p. (In Paris.).
- Jung, C. G. (1974). *General aspects of dream psychology*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 23—66.

- Jung, K. G. (2002). On the relation of analytical psychology to works of fiction. In: *In the collection: Classical psychoanalysis and fiction*. St. Petersburg: Peterinsk. 106—130. (In Russ.).
- Jung, K. G. (2002). *Problems of the soul of our time*. St. Petersburg: Peter. 352 p. ISBN 5-318-00683-3. (In Russ.).
- Jung, K. G., Neumann, E. (1998). *Psychoanalysis and art*. Moscow: Refl-book, Wakler, 1998. — 304 p. (In Russ.).
- Jung, K. G. (1994). *Symbols and metamorphoses. Libido*. Moscow: East European Institute of Psychoanalysis. 414 p. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. (1999). Associative analysis: a new approach to the interpretation of a literary text. In: *In the collection: Materials of the IX Congress of MAPRYAL*. Bratislava. Moscow: Mezhdunar. Assoc. of teachers of Russian Language and Literature. 151—186. (In Russ.).
- Kugler, P. (2005). *Alchemy of discourse. Image, sound and the psychic*. Moscow: PER SE. 224 p. (In Russ.).
- Lacan, J. (2019). The mirror stage and its role in the formation of the Ego function. *Psychoanalysis*. Available at: <https://psychoanalysis.by/2019/03/26/статья-ж-лакан-стадия-зеркала-и-ее-роль/> (accessed 02/22/2023). (In Russ.).
- Lobet, M. (1960). *Huysmans ou le témoin écorché*. Lyon-Paris: Editeur Emmanuel Vitte. 146 p. (In Paris.).
- Lotman, Yu. M. (2002). Portrait. In: *Articles on the semiotics of culture and art*. St. Petersburg: Academic Project. 349—375. ISBN 5-7331-0184-9. (In Russ.).
- Mishacheva, I. (2020). Landscape of symbolism and myth. “Sacred Groves” by Gustave Moreau. In *the collection: Slavic readings. Collection of materials of the international scientific conference of the Institute of Slavic Culture, 2 VII*: 63—83. (In Russ.).
- Monférier, J. (1980). *Des Esseintes et Baudelaire. Dans L'esprit de décadence. Colloque de Nantes, 1*. Paris: Librairie Minard. 107—113. (In Paris.).
- Monferier, J. (1978). L'Imagination dans À Rebours. *Revue des sciences humaines, XLIII (170—171)*: 231—236. (In Paris.).
- Nezhinskaya, R. (2018). *Salome. The image of a femme fatale who did not exist*. Moscow: New Literary Review. 256 p. ISBN 978-5-444-80920-4. (In Russ.).
- Psychoanalytic terms and concepts*. (2000). Moscow: Independent firm “Klass”. 304 p. ISBN 0-300-04701-0. (In Russ.).
- Reizov, B. G. (1969). *Zola. A French novel of the XIX century*. Moscow: Higher School. 272—298. (In Russ.).
- Rymar, N. T. (2018). The invisible in the visible. Isolation and meaning generation in an aesthetic event. *Mirgorod, 2 (12)*: 101—114. (In Russ.).

*The article was submitted 08.11.2023;
approved after reviewing 03.02.2024;
accepted for publication 18.03.2024.*

Информация для цитирования:

Лушникова Г. И. Роман Дэйва Эггера «Душераздирающее творение ошеломляющего гения» в контексте новой культурной парадигмы / Г. И. Лушникова, Т. Ю. Осадчая // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 2. — С. 286—302. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-286-302.

Lushnikova, G. I., Osadchaia, T. Yu. (2024). Novel “A Heartbreaking Work of Staggering Genius” by Dave Eggers in Context of a New Cultural Paradigm. *Nauchnyi dialog*, 13 (2): 286-302. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-286-302. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Роман Дэйва Эггера
«Душераздирающее
творение
ошеломляющего гения»
в контексте новой
культурной парадигмы**

Лушникова Галина Игоревна¹
orcid.org/0000-0003-1080-3184

доктор филологических наук, профессор,
кафедра иностранной филологии
и методики преподавания
lushgal@mail.ru

Осадчая Татьяна Юрьевна²
orcid.org/0000-0001-8566-2529

кандидат педагогических наук, доцент
кафедра теории и практики перевода и
зарубежной филологии,
корреспондирующий автор
osadchaya_ta@mail.ru

¹Гуманитарно-педагогическая
академия (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский
федеральный университет
имени В. И. Вернадского» в г. Ялте
(Ялта, Россия)

²Севастопольский
государственный университет
(Севастополь, Россия)

**Novel “A Heartbreaking
Work
of Staggering Genius”
by Dave Eggers in Context
of a New Cultural Paradigm**

Galina I. Lushnikova¹

orcid.org/0000-0003-1080-3184
Doctor of Philology, Professor,
Department of Foreign Philology
and Teaching Methods
lushgal@mail.ru

Tatiana Yu. Osadchaia²

orcid.org/0000-0001-8566-2529
PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Department of Theory and Practice
of Translation and Foreign Philology,
Corresponding author
osadchaya_ta@mail.ru

¹Humanities and Education Science
Academy (branch)
of V.I. Vernadsky Crimean
Federal University in Yalta
(Yalta, Russia)

²Sevastopol State University
(Sevastopol, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье исследуются ведущие метамодернистские черты, которые прослеживаются в автобиографическом романе современного американского писателя Дэйва Эггера «Душераздирающее творение ошеломляющего гения» (2001). Цель настоящего исследования — на основе интерпретационного анализа данного автобиографического романа выявить характерные признаки метамодернизма в современных произведениях, а также определить способы их оригинальной реализации в данном романе. Проведенный обзор теоретических источников подтверждает значимость произведений Эггера в развитии ключевых тенденций новой культурной парадигмы пост-постмодернизма. Автора можно отнести к плеяде американских писателей, которые в полной мере воплощают установки метамодернизма. Практический анализ выбранного для изучения романа позволяет утверждать, что основными характеристиками метамодернизма в исследуемом романе можно назвать следующие элементы: возрождение роли автора, пост-иронию, новую искренность, неореализм. Для воплощения данных художественных элементов автор использует разнообразные литературные приемы: контаминацию художественного и документального; метаповествование и мета-метаповествование; соединение реалистического и романтического восприятия действительности. Эггерс раскрывает традиционные темы семейных ценностей, дружбы, ответственности, выбора своего места в жизни в новом, метамодернистском ключе.

Ключевые слова:

метамодернизм; автобиографический роман; образ автора; пост-ирония; новая искренность; неореализм; Дэйв Эггерс.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article explores the leading metamodernist features evident in the autobiographical novel 'A Heartbreaking Work of Staggering Genius' (2001) by a contemporary American writer Dave Eggers. The purpose of this study is to identify the characteristic features of metamodernism in contemporary works on the basis of an interpretive analysis of D. Eggers' autobiographical novel "A Heartbreaking Work of Staggering Genius", to determine ways of their original implementation in this novel. The review of theoretical sources confirms the significance of Eggers' works in the development of key trends in the new cultural paradigm of post-postmodernism. The author can be attributed to a galaxy of American writers who fully embody the tenets of metamodernism. A practical analysis of the selected novel for study allows for the assertion that the main characteristics of metamodernism in the examined novel can be identified as the following elements: a revival of the author's role, post-irony, new sincerity, and neo-realism. To embody these artistic elements, the author employs various literary techniques such as the contamination of artistic and documentary elements, meta-narration and meta-meta-narration, and the fusion of realistic and romantic perceptions of reality. Eggers explores traditional themes of family values, friendship, responsibility, and finding one's place in life through a new metamodern lens.

Key words:

metamodernism; autobiographical novel; author figure; post-irony; new sincerity; neo-realism; Dave Eggers.

УДК 821.111(73).09

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-286-302

Научная специальность ВАК
5.9.2. Литературы народов мира

Роман Дэйва Эггерса «Душераздирающее творение ошеломляющего гения» в контексте новой культурной парадигмы

© Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю., 2024

1. Введение = Introduction

Творчество современного американского писателя Д. Эггерса привлекает внимание читателей и исследователей по разным причинам, первой из которых, на наш взгляд, является его разнообразие как в жанровом, так и в тематическом отношении. Его роман «Circle» является антиутопией, своего рода предупреждением о возможном развитии событий в мире, в котором властвует всеобщая подчиненность сетевым компаниям, их тоталитарное господство. «The Monk of Mokha» — мультикультурный роман, посвященный описанию судьбы американца из Эфиопии, в котором показаны проблемы вживания в чужую культуру и трудности становления личности в таких условиях, препятствия и возможности на пути осуществления американской мечты. Сборник его рассказов «How We Are Hungry» отличается реалистичностью, в нем поднимаются и неординарно решаются вечные вопросы любви, дружбы, семейных отношений. Ряд других произведений автора — «What is the What», «Zeitoun», «Hologram for the King», «Heroes of the Frontier» — посвящены взаимодействию людей в глобальном мире.

Однако особый интерес исследователей творчество Д. Эггерса представляет в связи с тем, что оно воплощает принципы новой эстетической парадигмы и нового художественного дискурса, зарождающихся на рубеже тысячелетий, — пост-постмодернизма: «... Eggers is one of the major representatives of a change of sensibility in U.S. narrative at the turn of the millennium» [Bolaño Quintero, 2021a, p. 115] (Эггерс — один из главных представителей новой чувствительности в американской литературе на рубеже тысячелетий) (здесь и далее перевод наш. — Г. Л., Т. О.). Автор принадлежит к группе писателей, которые первыми пытались воплощать новые по отношению к постмодернизму принципы художественного творчества, главными из которых являются реконструкция реализма и тотальная искренность.

Роман Д. Эггерса «Душераздирающее творение ошеломляющего гения» / «A Heartbreaking Work of Staggering Genius» вышел в 2001 году, когда новые веяния пост-постмодернизма в философии и филологии только зарождались. И первыми, кто пытался их не только воплотить в творчестве, но и осмыслить, были писатели.

Д. Ф. Уоллес в знаменитом эссе «E Unibus Pluram: Television and U.S. Fiction» (1993) утверждает, что современный писатель не свободен в творчестве, поскольку не может избежать установок постмодернизма, настолько прочно и повсеместно они доминируют. Тотальная ирония постмодернизма не позволяет писателям находить ответы на поставленные вопросы, она служит деконструкции смыслов и не предлагает ничего взамен: «Irony's singularly unuseful when it comes to constructing anything to replace the hypocrisies it debunks» [Wallace, 1993, p. 183] (Оригинальность иронии бесполезна, когда необходимо предложить что-то взамен того лицемерия, которое она разоблачает). В интервью Л. Маккаффри Д. Ф. Уоллес отмечает, что постмодернистская ирония является интеллектуальным и нравственным тупиком и своего рода ограничением для творчества: «Postmodern irony and cynicism's become an end in itself, a measure of hip sophistication and literary savvy <...> Irony's gone from liberating to enslaving» [McCaffery, 2012, p. 48] (Постмодернистская ирония и цинизм стали тупиком, средством создания модной утонченности и изобретательности в литературе <...> Ирония перешла от освобождения к порабощению). В романе «Бесконечная шутка» / «Infinite Jest» (1996) Уоллес пытается воплотить принципы творчества, противоречащие постмодернизму, самым важным из которых является принцип «новой искренности» ('new sincerity'). Суть данного принципа он выражает следующим образом: «Really good work probably comes out of a willingness to disclose yourself, open yourself up in spiritual and emotional ways that risk making you really feel something» [McCaffery, 2012, p. 50] (Вероятно, по-настоящему хорошее произведение получается в том случае, если автор готов раскрыть себя в духовном и эмоциональном плане, в результате чего читатель рискует тоже почувствовать что-то особенное).

Дж. Франзен в эссе «Why Bother?» (1996) также указывает, что современный автор не может написать полноценный социальный роман, воссоздать современную ему действительность, опираясь лишь на постмодернистский релятивизм и деконструкцию. Он призывает вернуться к принципам реализма, называя его *трагический реализм* ('tragic realism') [Franzen, 2003]. Его роман «Поправки» / «The Corrections» (2001) стал попыткой обратить внимание на внутренний мир человека, исследовать глубину чувств, реконструировать такие ценности, как семья, образованность, искренность, мораль.

Размышляя о принципах творчества в условиях смены парадигмы, Д. Эггерс развивает идеи Д. Ф. Уоллеса и пытается внести свой вклад в формирование и формулирование принципов новой культурной логики. Во-первых, он создает автобиографический роман «Душераздирающее творение ошеломляющего гения», используя постмодернистские приемы, при этом нарушая ключевые установки постмодернизма. Во-вторых, включает в роман предисловие «Правила и предложения к вящему наслаждению данной книгой» / «Rules and Suggestions for the Enjoyment of this Book» и послесловие «Ошибки, которые мы допустили намеренно» / «Mistakes We Knew We Were Making», которые являются авторской попыткой объяснить подход к творчеству в рамках отхода от постулатов постмодернизма, а также сформулировать новые принципы писательской деятельности.

Итак, можно сказать, что целая плеяда американских писателей в своем творчестве искали способ преодоления кризиса постмодернистских идей, который стал очевиден к концу XX века. Одним из первых в этом ряду писателей можно назвать Дэйва Эггерса: «Authors like Dave Eggers, Michael Chabon, Vendela Vida, Nicole Krauss, Jonathan Safran Foer, Mark Z. Danielewski, Zadie Smith or Jonathan Franzen, born in the previous cultural phase, formulated the bases of a conscious movement with the search for the resolution of the conflicts that the vision of the previous generation provoked as foundation stone» [Bolano-Quintero, 2021b, p. 1] (Такие авторы, как Дэйв Эггерс, Майкл Шейбон, Вендела Вида, Николь Краусс, Джонатан Сафран Фоер, Марк З. Данилевский, Зэди Смит или Джонатан Франзен, родившись в предшествующую культурную эпоху, сформулировали главные принципы поиска способов разрешения конфликта, в основе которого находится картина мира предыдущего поколения).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование показывает, что творчество американских писателей на рубеже тысячелетия отражало тенденции, которые в тот же период активно обсуждались философами, культурологами и литературоведами разных стран: возвращение к эстетическим принципам и этическим ценностям модернизма при сохранении приверженности постмодернистским приемам. Результатом научных дискуссий на эту тему можно назвать появление множества концепций, описывающих новую культурную логику пост-постмодернизма, среди которых особо выделяется концепция метамодернизма: «... привлекают внимание гипермодерн Жиля Липовецки, цифромодернизм Алана Кирби, автомодернизм Роберта Самуэльса, альтермодернизм Николя Буррио. Однако наиболее серьезно разработанной

и, как представляется, наиболее перспективной является теоретическая концепция метамодернизма» [Спиваковский, 2018, с. 200].

Разрабатывая концепцию метамодернизма, разные исследователи наполняют ее похожим теоретическим содержанием, используя при этом различные методологические подходы. Голландские исследователи Т. Вермулен и Р. ван ден Аккер впервые сформулировали идею о раскачивании, колебании или осцилляции между различными полюсами, в статье «Notes on Metamodernism» (2010) они формулируют это следующим образом: «Ontologically, metamodernism oscillates between the modern and the postmodern. It oscillates between a modern enthusiasm and a postmodern irony, between hope and melancholy, between naiveté and knowingness, empathy and apathy, unity and plurality, totality and fragmentation, purity and ambiguity» [Vermeulen et al., 2010, p. 5—6] (Онтологически метамодернизм колеблется между модернизмом и постмодернизмом. Он колеблется между энтузиазмом модернизма и постмодернистской иронией, между надеждой и меланхолией, между наивностью и познанием, эмпатией и апатией, единством и разнообразием, целостностью и фрагментарностью, чистотой и двусмысленностью). Заслуживает особого внимания тот факт, что авторы говорят о метамодернизме как о колебании не только между двумя различными полюсами (например, установками модернизма и постмодернизма), а как о тотальном колебании между бесконечным множеством полюсов: «One should be careful not to think of this oscillation as a balance however; rather, it is a pendulum swinging between 2, 3, 5, 10, innumerable poles. Each time the metamodern enthusiasm swings toward fanaticism, gravity pulls it back toward irony; the moment its irony sways toward apathy, gravity pulls it back toward enthusiasm» [Vermeulen et al., 2010, p. 6] (Однако нельзя думать, что это колебание сбалансировано; это скорее маятник, который раскачивается между 2, 3, 5, 10, бесчисленным количеством полюсов. Каждый раз, когда метамодернистский энтузиазм склоняется к фанатизму, гравитация отбрасывает его обратно к иронии; в тот момент, когда ирония приводит к апатии, гравитация возвращает ее к энтузиазму).

Ряд ученых оспаривают идею осцилляции, например, новозеландская исследовательница А. Думитреску более релевантной считает идею о синтезе и интеграции в качестве основополагающих факторов формирования концепции метамодернизма: «metamodernism is synthesis and integration, “going beyond” and transcending»; «ideas and periods grow from one another and overlap at times: metamodernism emerges from the 1990s and becomes established in the early 21st century, but elements of metamodernism, postmodernism, and modernism coexist, while the core value of metamodernism is to welcome the syntheses that draw the best features from its predecessors» [Dumitrescu, 2016] (метамодернизм — это синтез и интеграция, «выход за пределы» и преодо-

ление границ; идеи и эпохи появляются в недрах друг друга и иногда сосуществуют: метамодернизм появляется в 1990-е и утверждается в начале XXI столетия, но элементы метамодернизма, постмодернизма и модернизма сосуществуют, при этом ключевой ценностью метамодернизма является идея синтеза, который объединяет лучшее из всех предыдущих эпох). Немецкий исследователь В. Функ выдвигает идею о реконструкции в качестве главного фактора построения концепции метамодернизма: «... I want to establish an aesthetics of reconstruction as the principal literary development in recent years» [Funk, 2017, p. 3] (Я считаю эстетику реконструкции главным принципом развития литературного процесса в последние годы).

На наш взгляд, можно утверждать, что, зародившись в рамках постмодернизма, метамодернизм не может быть осмыслен ни как полное отрицание постмодернизма, ни как возрождение модернизма, ни как колебания между направлениями или даже их синтез; это действительно *новая* эстетическая парадигма, которая в настоящий период продолжает формироваться и требует дальнейшего изучения. Недавние работы отечественных и зарубежных исследователей по этой проблематике подтверждают эту мысль: «Принципиально важно, что речь идет не о консервативном выборе какой бы то ни было одной из *ранее существовавших* систем, а о смыслопорождающем синтезе различных полюсов, позволяющем воспринять и осмыслить новые явления в современной культуре, которые в принципе не могут быть описаны в терминах постмодернизма, модернизма или какой-либо иной устаревшей культурной парадигмы» [Спиваковский, 2018, с. 206]; «Metamodernism is in many ways an attempt to interrogate the modernist/postmodernist inheritance — and to go beyond it» [Dumitrescu, 2016] (Во многих отношениях метамодернизм — это попытка подвергнуть сомнению наследие модернизма и постмодернизма — и выйти за их пределы).

Несмотря на большой интерес и множество исследований зарубежных ученых, посвященных творчеству Д. Эггерса, в отечественном литературоведении за редким исключением ([Лушникова и др., 2022; Лушникова и др., 2023]) подобные работы практически отсутствуют, что определяет новизну настоящей работы. Необходимость дальнейшего теоретического осмысления феномена метамодернизма в литературном процессе на современном этапе, а также изучения творчества писателей, которые реализуют его ключевые тенденции, обуславливает актуальность статьи.

Цель настоящего исследования — на основе интерпретационного анализа автобиографического романа Д. Эггерса «Душераздирающее творение ошеломляющего гения» выявить характерные признаки метамодернизма в современных произведениях, а также определить способы их оригинальной реализации в данном романе.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Зарубежное литературоведение о творчестве Д. Эггерса

Большинство исследователей творчества Д. Эггерса и его автобиографического романа, в частности, говорят об использовании автором метамодернистских принципов, среди которых можно назвать метамодернистский аффект, новый реализм, мета-метаповествование, реконструкцию ценностей: «... a metamodern affect, whereby subjectivity is linked to an external reality through personal connection and situatedness» [Gibbons, 2017, p. 122] (... метамодернистский аффект, в котором субъективный взгляд на мир связан с внешней реальностью через личные отношения человека в разных ситуациях); «the philosophy of the paradigm shift represented by Eggers is based on concepts that had been banished by postmodernism and its aversion to universal notions, such as truth, honesty, trust, sincerity, etc.» [Volaño Quintero 2021a, p. 120] (философия смены парадигмы, предлагаемая Эггерсом, основана на понятиях, которые были запрещены постмодернизмом из-за его тотального неприятия универсальных ценностей, таких как истина, честность, доверие, искренность и т. д.).

Вообще творчество Д. Эггерса вызывает большой интерес зарубежных исследователей. Немецкий исследователь В. Функ посвящает автору главу своей монографии «The Literature of reconstruction», которая называется «Reconstructing the Author». В ней ученый убедительно показывает, что в романе «Душераздирающее творение ошеломляющего гения» Д. Эггерс реконструирует идею образа автора с помощью использования приема мета-метаповествования [Funk, 2017]. В монографии немецкого литературоведа Л. Хоффманна «Postirony: The Nonfictional Literature of David Foster Wallace and Dave Eggers» творчество писателя рассматривается с точки зрения пост-постмодернистского принципа пост-иронии [Hoffmann, 2017]. Известная британская исследовательница А. Гиббонс относит роман Д. Эггерса к современным метамодернистским романам, написанным в жанре автофикшн. По ее словам, это произведение наиболее строго следует установкам данного жанра: «Examples of contemporary autofiction in the strict sense are Dave Eggers's (2001) *A Heartbreaking Work of Staggering Genius* <...> [Gibbons, 2017, p. 121] (Примером современного произведения в жанре автофикшн в строгом смысле этого термина можно назвать роман Дэйва Эггерса «Душераздирающее творение ошеломляющего гения» <...>). Голландский исследователь А. ден Дулк в монографии «Existentialist Engagement in Wallace, Eggers and Foer: A Philosophical Analysis of Contemporary American Literature» проводит многоаспектный анализ творчества Д. Эггерса, обращая особое внимание на его отход от постмодернистской иронии [Den Dulk, 2014]. Британский ученый Б. Никол в главе «The Memoir as

Self-Destruction» коллективной монографии рассматривает ироничный тон романа Д. Эггерса «Душераздирающее творение ошеломляющего гения» как своеобразный жанровый эксперимент (поскольку обычно для исповедального романа характерен серьезный тон), что приводит его к мысли о том, что любой автобиографичный текст всегда использует элемент вымысла, а исповедальность Эггерса носит экспериментальный характер и ее можно назвать метаисповедальностью: «In fact it suggests that the real self is actually fiction, always framed by the discursive and textual network of representation in which we must present ourselves»; «it is thus a work of *metaconfession*, a confession about confession» [Nicol, 2005, p. 109] (Предполагается, что реальная личность — это всегда выдумка, повествование о себе всегда ограничено требованиями дискурса и правилами построения текста; таким образом, речь идет о мета-исповедальности, исповедальном повествовании об опыте исповедальности). Голландская исследовательница Н. Тиммер посвящает роману «Душераздирающее творение ошеломляющего гения» главу своей монографии «Do You Feel It Too? The Post-Postmodern Syndrome in American Fiction at the Turn of the Millennium». На примере этого и других романов одной из важных тенденций пост-постмодернизма в современной американской литературе она провозглашает коммуникацию, сотворчество автора и читателя для совместного воспроизведения образов реальности, создание чувства присутствия и сопричастности читателя изображаемым событиям [Timmer, 2010].

Таким образом, все исследователи сходятся во мнении, что Д. Эггерса можно отнести к плеяде американских писателей, которые в полной мере воплощают установки метамоде́рнизма.

3.2. «Душераздирающее творение ошеломляющего гения» Д. Эггерса как метамоде́рнистский роман

Исследуемый роман, как указано в его подзаголовке, основан на реальных событиях (*'A memoir based on a true story'*), что позволяет отнести его к художественно-документальному жанру, а именно к такой его разновидности, как автофикшн / autofiction. Документальность подтверждается словами автора о том, что он воспроизводит реальные события, случившиеся с реальными людьми. Он использует перифраз известного клише, которое предшествует романам с вымышленными сюжетом и персонажами: *All characters and incidents and dialogue are real, are not products of the author's imagination* [Eggers, 2001] / *Все персонажи, события и диалоги реальны и не являются продуктом авторского воображения* [Эггерс, 2007].

Примечательно, что имя главного героя также не изменено, это имя самого автора — Дэйв, что характерно для жанра автофикшн: «... autofictional texts identify as fiction to a greater or lesser extent, and the central character or

narrator bears the name of the author» [Gibbons, 2017, p. 121] (... тексты жанра автофикшн являются в большей или меньшей степени художественным произведением, при этом главный герой или повествователь носит имя автора).

Его внешние данные представлены в романе так, как в юридическом словесном портрете: *Height: 5'11"*; *Weight: 175*; *Eyes: blue*; *Hair: brown*; *Hands: chubbier than one would expect...* Кроме того, подобно документальной прозе, в романе содержатся фотокопии различных документов, таких как отчет о полученном гонораре и потраченных средствах (Part I), рисунки и схемы («Mistakes We Knew We Were Making»), планы квартир, которые персонаж снимал, письма (Part 3), рецепты блюд (Part 3). Вместе с тем роман обладает художественностью в плане стиля изложения, идейной образности и нарративной структуры.

Жанр автобиографии по своей сути является достаточно противоречивым: он предполагает изложение абсолютной правды, что невозможно по разным причинам, поэтому автобиография — это всегда компромисс: «... negotiating among the seeming contradictions between truth and accuracy, memory and history, objective and subjective truth» [Spicer, 2005, p. 388] (... разрешение кажущихся противоречий между правдой и точностью, памятью и реальными событиями, объективной и субъективной правдой). Сам автор признает, что данный роман нельзя считать чисто документальным: *For all the author's bluster elsewhere, this is not, actually, a work of pure nonfiction. Many parts have been fictionalized in varying degrees, for various purposes* [Eggers, 2001, p. ix] / *Сколько бы ни хвастался автор в других местах этой книги, говоря строго, ее нельзя назвать полностью основанной на реальных событиях. Многие эпизоды были домыслены — в разной степени и для разных целей* [Эггерс, 2007, с. 9].

Тем не менее можно утверждать, что автору удалось доказать, что можно одновременно придерживаться фактов и рассказывать историю, которая будет читаться и восприниматься как роман.

Как было отмечено выше, ведущей тенденцией в романе «Душераздирающее творение ошеломляющего гения», как и в некоторых других произведениях автора, является следование метамодернистскому течению, которое до сих пор находится в процессе формирования в рамках постмодернистского направления.

Интерпретационный анализ романа позволяет выделить в нем следующие элементы метамодернизма:

— возрождение образа и роли автора в повествовании в противовес постмодернистскому тезису о «смерти автора»;

— новую искренность в противовес постмодернистской тотальной иронии, на смену которой приходит пост-ирония;

— неореалистическую манеру повествования в противовес преобладающему в постмодернизме изображению размытой, зыбкой иллюзорной картины мира.

Необходимо заметить, что все эти элементы тесно между собой связаны, переплетены в нарративной структуре исследуемого произведения. Образ автора находится в центре повествования, он является нарратором, который с пронзительной искренностью раскрывает свои помыслы, чувства, делится с читателем своими переживаниями, планами, надеждами, часто прибегая к такому приему, как ирония и самоирония. Несколько страниц посвящены оригинальному объяснению сущности иронии, причем автор совершенно прав относительно того, что часто к иронии относят другие явления. Мы не можем не согласиться с Эггерсом относительно того, что ирония не является основной тональностью произведения, в противовес иронии его тональность можно охарактеризовать как новая серьёзность, пост-ирония и новая искренность.

3.3. Возрождение образа и роли автора в повествовании

Остановимся подробнее на таком элементе, как возрождение образа и роли автора в повествовании, так как он является главенствующим, определяющим другие принципы метамодернизма. Жанр автобиографии как нельзя лучше подходит для реализации этого элемента. Образ автора в анализируемом романе занимает центральную позицию, он ведет повествование и одновременно является его персонажем, активным участником реальных событий, изображает реальных людей: «Due to its own condition of autobiography, it relates real events, which means that there is a sincere correlation with reality and not a construction through representations. Eggers makes use of similar resources throughout the book, merging the personae of the character and the author. The construction of the identity of both the author and the character are supported by real correlates, such as the postal addresses or the authentic telephone numbers that appear in the book» [Bolaño Quintero 2021a, p. 122] (Поскольку произведение является автобиографией, оно повествует о реальных событиях; это означает, что автор искренне старается воспроизвести реальность, а не ее репрезентацию. Эггерс использует один и тот же прием на протяжении всего романа: он смешивает автора-персонажа и автора-повествователя. Создание идентичности как автора-персонажа, так и автора-повествователя достигается за счет упоминания реалий объективной действительности, таких как почтовые адреса или настоящие телефонные номера).

В романе Эггерса рассказывается, что на его главного героя, Дэйва, по единогласному решению старшего брата и сестры возложена самая трудная задача — быть опекуном младшего несовершеннолетнего брата. Именно он живет с младшим братом и берет на себя все заботы о его вос-

питании, организации учебы, устройстве быта и досуга. Помимо линии взаимоотношений со своим подопечным, автор рисует свой образ в других ипостасях — он рассказывает о своих взаимоотношениях с друзьями, по его поступкам мы можем судить о нем как о надежном друге, готовом в любое время бежать на помощь своим близким. Кроме того, показана еще одна очень важная сторона жизни и характера главного героя: его стремление осуществить «американскую мечту», которая для него означает свершение чего-то большого, важного, необыкновенного. Новая искренность проявляется в правдивом исповедальном характере повествования, некоторые внутренние монологи отражают поток сознания персонажа.

Герой откровенно говорит о свободе от родительской опеки и определяет ее как ни с чем не сравнимую утрату и в то же время как преимущество. Метафора, описывающая «мир без пола и потолка», используемая автором, очень точно передает чувство, которое испытали дети, потеряв родителей: *... that loss is accompanied by undeniable but then of course guilt-inducing sense of mobility, of infinite possibility, having suddenly found oneself in a world with neither floor nor ceiling* [Eggers, 2001, p. xxviii] / *эта потеря сопровождается безусловным, хотя и окрашенным муками совести ощущением мобильности и безграничных возможностей — ведь ты вдруг очутился в мире, где нет ни пола, ни потолка* [Эггерс, 2007, с. 28].

Так же откровенно описан страх Дэйва за брата, страх, близкий к паранойе. Стоит ему оставить брата одного, как в сознании тут же рисуются картины насилия, убийств и прочих катастроф. Иногда ему видится, что Тоф может утонуть, иногда он опасается, что официальные органы могут забрать у него Тофа, иногда кажется, что какой-нибудь злоумышленник причинит Тофу вред. Но самым страшным является тот факт, что все предполагаемые несчастья могут произойти именно по его вине. Несмотря на все трудности морального и физического характера, главное для героя — это любовь к Тофу, без него Дэйв не мыслит своего существования, он даже говорит, что потерять Тофа означает потерять жизнь.

Автор, по сути, создает свой автопортрет, искренне, честно, как представляется, без прикрас рассказывая о себе, своих душевных метаниях, страхах, желаниях. Так он признается самому себе и читателю, что находится в постоянных сомнениях относительно того, что он делает.

В романе Д. Эггерса присутствует самоирония, которая способствует раскрытию характера автора-повествователя, говорит о его самокритичности и чувстве юмора по отношению к самому себе. Важно отметить, что подобного рода иронию скорее можно назвать пост-иронией: «... American writers began to transcend irony and utilize postirony to allow readers to have a better access to their convictions and help give meaning and build a universal truth» [Dilmi,

2021, p. 189] (... Американские писатели начали преодолевать границы иронии и обращаться к пост-иронии, чтобы лучше донести свои убеждения до читателей, помочь им постичь смысл и найти универсальную истину).

3.4. Использование приемов метаповествования и мета-метаповествования

Созданием автопортрета присутствие автора в романе не ограничивается. Он предстает перед читателем и как творец повествования о себе и окружающих его людях, и как писатель, работающий над своим произведением, что проявляется в использовании такого приема, как метаповествование — повествование о повествовании. Особенно много авторских пояснений в начале, в частях, озаглавленных *Примечание / Note, Правила и предложения к вящему наслаждению данной книгой / Rules and Suggestions for the Enjoyment of this Book, Предисловие к данному изданию / Preface to this Edition, Изъятия / Omissions, Признательности и признания / Acknowledgments, Неполный путеводитель по символам и метафорам / Incomplete Guide to Symbols and metaphors*, и в конце книги — в своеобразном послесловии, озаглавленном *Ошибки, которые мы допустили намеренно / Mistakes We Knew We Were Making*. Автор подробно останавливается на таких элементах своего повествования, как диалоги, характеры и их характеристики, места и время действия, ведущие темы произведения, то есть представляет и подробно описывает практически все основополагающие категории художественного текста — антропоцентричности, локальности, темпоральности, интенциональности.

В рубрике *Изъятия* он помещает фрагменты, которые были изъяты из текста, указывая, на каких именно страницах они были ранее помещены, тем самым предоставляет читателю возможность ознакомиться с набросками и черновиками своей книги. То же относится и к эпиграфам: они включены в *Примечания*, но, как сообщает автор, изъяты из текста произведения.

Автор рассуждает о названии романа, объясняет, почему оно имеет именно такую форму, о жанре романа, который он относит к мемуарам, неоднократно утверждает, что все события и персонажи реальны, только некоторые имена по просьбе заинтересованных лиц изменены. В примечаниях говорится о литературных приемах, к которым прибегает автор, в частности, о форме интервью, о сущности такого приема, как ирония. Автор утверждает, что в его книге нет связи с современными литературными направлениями, что представляется достаточно спорным, однако мнение автора, конечно же, необходимо учитывать при анализе его произведения.

В тексте самого романа также имеются элементы метаповествования, которые выражаются в описании того, как создается сюжет произведения, как он обростает отзвуками прочитанного или увиденного ранее, в именно-

вании используемых им стилистических средств, например, метафор и символов. Все пояснения и комментарии дают ключи к интерпретации романа.

Перед нами одновременно предстают два лика автора — автора как персонажа романа, участника описываемых событий, эмоционального, ищущего, страдающего, и автора как писателя, создающего этот роман, стремящегося к объективности, к правдивому описанию событий и людей, размышляющего по поводу написанного и ждущего отклика читателей.

Итак, метаповествование в данном романе можно назвать мета-метаповествованием, которое отличается тем, что автор хочет отмежеваться от постмодернистской игры с читателем, создавая вместо этого особые доверительные отношения: «... postmodern techniques, for example metafictional devices, are very critically targeted as hindering the narrator to get to the ‘realer, more sentimental parts’ she or he wants to get across» [Timmer, 2010, p. 360] (... постмодернистские приемы, например прием метаповествования, используются таким образом, чтобы не помешать рассказчику рассказать о трогательных событиях); «... the author tries to get rid of the riddling effects of metafiction through the construction of a kind of “meta–metafiction”» [Bolaño Quintero 2021a, p. 118] (... автор пытается избежать использования метаповествования для игры с читателем, создавая таким образом прием мета-метаповествования).

4. Заключение = Conclusions

Изучение современной художественной литературы показывает, что в ряде произведений имеет место появление нового течения в рамках пост-постмодернизма, именуемого метамодернистским, которому свойственны тенденции, отличные, а иногда диаметрально противоположные характерным чертам предшествующего постмодернистского направления. К основным из этих тенденций относятся возрождение роли автора, новая искренность, пост-ирония, неореализм. Автобиографический роман Д. Эггерса «Душераздирающее творение ошеломляющего гения», послуживший материалом для настоящего исследования, демонстрирует яркое и оригинальное воплощение указанных черт.

В данном романе присутствие автора реализуется при помощи выбора типа повествования от первого лица, включения внутренних монологов автора, а также использования такого приема, как мета-метаповествование. Новая искренность и пост-ирония тесно взаимосвязаны в том плане, что доверительное, предельно честное и открытое повествование сочетается с приемом иронии, направленной на описываемые события, персонажей и себя самого, то есть используется принцип самоиронии. Неореализм проявляется в правдивом представлении точки зрения автора произведения на реальность, в создании картины внутреннего мира человека, в выборе и

трактовке тем, в сочетании романтического и реалистического взглядов на мир, а также использовании эстетики неореализма.

Эти и некоторые другие тенденции метамодернизма вызывают значительный исследовательский и читательский интерес, вследствие чего могут служить предметом для дальнейших филологических изысканий как на материале других произведений Д. Эггерса, так и на материале произведений других современных авторов, в которых они могут иметь различные формы реализации. Изучение новых литературных фактов может привести к открытию иных черт метамодернистского течения, продолжающих традиции предыдущих литературных направлений и / или полемизирующих с ними.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Эггерс Д.* Душераздирающее творение ошеломляющего гения. Перевод : Е. Кулешов / Д. Эггерс. — Москва : Эксмо, 2007. — 624 с. — ISBN№978-5-699-21049-7.
2. *Eggers D.* A Heartbreaking Work of Staggering Genius / D. Eggers. — New York : Vintage, 2001. — 437 p. — ISBN№0375725784.
3. *Franzen J.* Why Bother? / J. Franzen // J. Franzen How to Be Alone : Essays. — New York : Picador, 2003. — Pp. 55—97. — ISBN№0312422164.
4. *McCaffery L.* An Expanded Interview with David Foster Wallace / L. McCaffery // Conversations with David Foster Wallace. — Jackson : University Press of Mississippi, 2012. — Pp. 21—52. — ISBN 1617032271.
5. *Wallace D. F.* E Unibus Pluram : Television and US Fiction / D. F. Wallace // Review of Contemporary Fiction. — 1993. — № 13. — Pp. 151—194.

Литература

1. *Лушникова Г. И.* Синтез документального и художественного кодов в повести Дэйва Эггерса «Монах из Мохи» / Г. И. Лушникова, Т. Ю. Осадчая // Филология и человек. — 2023. — № 1. — С. 192—202. — DOI: 10.14258/filichel(2023)1-15.
2. *Лушникова Г. И.* Тенденции метамодернизма в современной литературе (на материале романа Дэйва Эггерса «Сфера») / Г. И. Лушникова, Т. Ю. Осадчая // Слово.ру: Балтийский акцент. — 2022. — Т. 13. — № 3. — С. 124—141. — DOI: 10.5922/2225-5346-2022-3-7.
3. *Спиваковский П. Е.* Метамодернизм : контуры глубины / П. Е. Спиваковский // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2018. — № 4. — С. 196—211.
4. *Bolaño Quintero J.* Reconstructing Realism in Post-Postmodern Narrative : Dave Eggers's A Heartbreaking Work of Staggering Genius / J. Bolaño-Quintero // Complutense Journal of English Studies. — 2021a. — № 29. — Pp. 115—126. — DOI: 10.5209/cjes.70628.
5. *Bolaño-Quintero J.* Post-postmodern Fiction at the Turn of the Millennium : The Transcendentalist Alternative / J. Bolaño-Quintero // Academia Letters. — 2021b. — № 180. — Pp. 1—4. — DOI: 10.20935/AL180.

6. *Den Dulk A.* Existentialist Engagement in Wallace, Eggers and Foer : A Philosophical Analysis of Contemporary American Literature / A. Den Dulk. — London & New York : Bloomsbury Academic, 2016. — 320 p. — ISBN 1501322672.

7. *Dilmi S. A.* A Metamodern Disclaimer of Postmodernism in Literature / S. A. Dilmi // *Algerian scientific journal platform*. — 2021. — № 2. — Vol. 3. — Pp. 187—209.

8. *Dumitrescu A.* What is Metamodernism and Why Bother? Meditations on Metamodernism as a Period Term and as a Mode [Electronic resource] / A. Dumitrescu // *Electronic Book Review*. — 2016. — Access mode : https://www.researchgate.net/publication/320244318_What_is_Metamodernism_and_Why_Bother_Meditations_on_Metamodernism_as_a_Period_Term_and_as_a_Mode (accessed 23.11.2023).

9. *Funk W.* Reconstructing the Author / W. Funk // *The Literature of Reconstruction : Authentic Fiction in the New Millennium*. — London & New York : Bloomsbury Academic, 2017. — Pp. 123—138. — ISBN 1501330721.

10. *Gibbons A.* Contemporary Autofiction and Metamodern Affect / A. Gibbons // *Metamodernism. Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism*. — London & New York : Rowman & Littlefield International, 2017. — Pp. 117—130. — ISBN 1783489618.

11. *Hoffmann L.* Postirony : The Nonfictional Literature of David Foster Wallace and Dave Eggers / L. Hoffman. — Bielefeld : transcript publishing, 2017. — 210 p. — ISBN 9783837636611.

12. *Nicol B.* The Memoir as Self-Destruction : Dave Eggers's 'A Heartbreaking Work of Staggering Genius' / B. Nicol // *Modern Confessional Writing : New Critical Essays*. — London & New York : Routledge, 2005. — Pp. 100—114. — ISBN 978-0415339698.

13. *Spicer J.* The Author Is Dead, Long Live the Author : Autobiography and the Fantasy of the Individual / J. Spicer // *Criticism*. — 2005. — V. 47. — № 3. — Pp. 387—403.

14. *Timmer N.* Do You Feel It Too? The Post-Postmodern Syndrome in American Fiction at the Turn of the Millennium / N. Timmer. — Leiden : Brill Academic Pub, 2012. — 388 p. — ISBN 9042029307.

15. *Vermeulen T.* Notes on Metamodernism / T. Vermeulen, R. van den Akker // *Journal of Aesthetics & Culture*. — 2010. — Vol. 2. — Pp. 1—14. — DOI: 10.3402/jac.v2i0.5677.

*Статья поступила в редакцию 23.11.2023,
одобрена после рецензирования 09.01.2024,
подготовлена к публикации 21.02.2024.*

Material resources

Eggers, D. (2001). *A Heartbreaking Work of Staggering Genius*. New York: Vintage. 437 p. ISBN#0375725784.

Eggers, D. (2007). *The heartbreaking creation of a stunning genius*. Moscow: Eksmo. 624 p. ISBN 978-5-699-21049-7. (In Russ.).

Franzen, J. (2003). Why Bother? In: *How to Be Alone: Essays*. New York: Picador. 55—97. — ISBN#0312422164.

McCaffery, L. (2012). An Expanded Interview with David Foster Wallace. In: *Conversations with David Foster Wallace*. Jackson: University Press of Mississippi. 21—52. ISBN 1617032271.

Wallace, D. F. (1993). E Unibus Pluram: Television and US Fiction. *Review of Contemporary Fiction*, 13: 151—194.

References

- Bolaño Quintero, J. (2021a). Reconstructing Realism in Post-Postmodern Narrative: Dave Eggers's A Heartbreaking Work of Staggering Genius. *Complutense Journal of English Studies*, 29: 115—126. DOI: 10.5209/cjes.70628.
- Bolaño-Quintero, J. (2021b). Post-postmodern Fiction at the Turn of the Millennium: The Transcendentalist Alternative. *Academia Letters*, 180: 1—4. DOI: 10.20935/AL180.
- Den Dulk, A. (2016). *Existentialist Engagement in Wallace, Eggers and Foer: A Philosophical Analysis of Contemporary American Literature*. London & New York: Bloomsbury Academic. 320 p. ISBN 1501322672.
- Dilmi, S. A. (2021). A Metamodern Disclaimer of Postmodernism in Literature. *Algerian scientific journal platform*, 2 (3): 187—209.
- Dumitrescu, A. (2016). What is Metamodernism and Why Bother? Meditations on Metamodernism as a Period Term and as a Mode. *Electronic Book Review*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/320244318_What_is_Metamodernism_and_Why_Bother_Meditations_on_Metamodernism_as_a_Period_Term_and_as_a_Mode (accessed 23.11.2023).
- Funk, W. (2017). Reconstructing the Author. In: *The Literature of Reconstruction: Authentic Fiction in the New Millennium*. London & New York: Bloomsbury Academic. 123—138. ISBN 1501330721.
- Gibbons, A. (2017). Contemporary Autofiction and Metamodern Affect. In: *Metamodernism. Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism*. London & New York: Rowman & Littlefield International. 117—130. ISBN 1783489618.
- Hoffmann, L. (2017). *Postirony: The Nonfictional Literature of David Foster Wallace and Dave Eggers*. Bielefeld: transcript publishing. 210 p. ISBN 9783837636611.
- Lushnikova, G. I., Osadchaia, T. Iu. (2022). Trends of metamodernism in modern literature (based on the novel by Dave Eggers “Sphere”). *Word.<url>: Baltic Accent*, 13 (3): 124—141. DOI: 10.5922/2225-5346-2022-3-7. (In Russ.).
- Lushnikova, G. I., Osadchaia, T. Iu. (2023). Synthesis of documentary and artistic codes in the story of Dave Eggers “The Monk from Mokha”. *Philology and man*, 1: 192—202. DOI: 10.14258/filichel(2023)1-15. (In Russ.).
- Nicol, B. (2005). The Memoir as Self-Destruction: Dave Eggers's ‘A Heartbreaking Work of Staggering Genius’. In: *Modern Confessional Writing: New Critical Essays*. London & New York: Routledge. 100—114. ISBN 978-0415339698.
- Spicer, J. (2005). The Author Is Dead, Long Live the Author: Autobiography and the Fantasy of the Individual. *Criticism*, 47 (3): 387—403.
- Spivakovsky, P. E. (2018). Metamodernism: contours of depth. *Bulletin of the Moscow University. Series 9. Philology*, 4: 196—211. (In Russ.).
- Timmer, N. (2012). *Do You Feel It Too? The Post-Postmodern Syndrome in American Fiction at the Turn of the Millennium*. Leiden: Brill Academic Pub. 388 p. ISBN 9042029307.
- Vermeulen, T. (2010). Notes on Metamodernism. *Journal of Aesthetics & Culture*, 2: 1—14. DOI: 10.3402/jac.v2i0.5677.

*The article was submitted 23.11.2023;
approved after reviewing 09.01.2024;
accepted for publication 21.02.2024.*

Информация для цитирования:

Мещанский А. Ю. Актуализация античных образов в творчестве современных драматургов / А. Ю. Мещанский, Л. А. Савелова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 2. — С. 303—320. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-303-320.

Meshchansky, A. Yu., Savelova, L. A. (2024). Actualization of Ancient Images in Works of Contemporary Playwrights. *Nauchnyi dialog*, 13 (2): 303-320. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-303-320. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Актуализация античных образов в творчестве современных драматургов

Мещанский Александр Юрьевич

orcid.org/0000-0001-5357-5543

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра литературы и русского языка
a.meshchanskiy@narfu.ru

Савелова Любовь Анатольевна

orcid.org/0000-0001-8407-5103

доктор филологических наук, доцент,
кафедра литературы и русского языка
корреспондирующий автор
l.savelova@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Россия)

Actualization of Ancient Images in Works of Contemporary Playwrights

Alexander Yu. Meshchansky

orcid.org/0000-0001-5357-5543

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Literature
and the Russian
a.meshchanskiy@narfu.ru

Lyubov A. Savelova

orcid.org/0000-0001-8407-5103

Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Literature
and the Russian
Corresponding author
l.savelova@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University
(Arkhangelsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблема рецепции образов античности в драматургических произведениях современных авторов. Исследование проведено на материале пьес Е. Гришковца «Осада», Е. Исаевой «Две жены Париса» и Е. Водолазкина «Микрополь». Выполнен комплексный анализ этих произведений в аспекте актуализации в них античных образов, выявлены интертекстуальные связи и идиостилевые черты в характере использования прецедентных феноменов разными драматургами. Новизна исследования видится в том, что прослеживаются дискурсивные свойства мотивов и образов, восходящих к античной культуре и предстающих в современных пьесах в авторской интерпретации. В ходе анализа текстов показано, как обращение современных драматургов к известному материалу способствует обогащению смыслового поля новых произведений, выражению свежего взгляда на вечные темы, поиску новых и неожиданных проявлений связи между прошлым и настоящим, мифом и реальностью. Все это актуально для изучения и развития культурного диалога разных эпох и сообществ. Авторы приходят к выводу о том, что в драматургии нашего времени античные образы обладают высоким дискурсообразующим потенциалом и служат средством художественного освоения современной действительности.

Ключевые слова:

современная русская драматургия; античные образы; прецедентный феномен; Евгений Гришковец; Евгений Водолазкин; Елена Исаева.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article explores the reception of ancient imagery in contemporary playwrights' works. The study focuses on the plays "Besieged" by E. Grishkovtsev, "Two Wives of Paris" by E. Isaeva, and "Micropolis" by E. Vodolazkin. A comprehensive analysis of these works is conducted to examine the modernization of ancient images, identifying intertextual connections and individual stylistic features in the use of precedent phenomena by different playwrights. The novelty of the research lies in tracing the discursive properties of motifs and images rooted in ancient culture and reimagined in contemporary plays. The analysis demonstrates how contemporary playwrights' engagement with familiar material enriches the semantic field of new works, offering fresh perspectives on eternal themes and exploring new and unexpected connections between the past and present, myth and reality. This study is relevant for the study and development of cultural dialogue across different epochs and communities. The authors conclude that in contemporary dramaturgy, ancient images possess significant discursive potential and serve as a means of artistic exploration of modern reality.

Key words:

contemporary Russian dramaturgy; ancient imagery; precedent phenomenon; Eugene Grishkovets; Eugene Vodolazkin; Elena Isaeva.

УДК 821.161.1:82-21

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-303-320

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

5.9.2. Литературы народов мира

Актуализация античных образов в творчестве современных драматургов

© Мещанский А. Ю., Савелова Л. А., 2024

1. Введение = Introduction

Современный драматургический дискурс характеризуется динамичностью, многоплановостью и высокой вариативностью. Его организованность в сложную систему обеспечивается различными факторами, в частности — использованием специфических художественных средств и образов. В них, с одной стороны, проявляется творческая индивидуальность драматурга, с другой — обнаруживается инвариантная составляющая, объединяющая произведения разных авторов, что наделяет данные образы и средства дискурсообразующими свойствами.

Очевидно, что большую роль в структурировании современного драматургического дискурса играют прецедентные феномены. В нашей статье в числе таковых рассматриваются образы античной мифологии и литературы, актуализируемые в пьесах российских авторов.

В драматургии XX—XXI веков широкое распространение получает использование технологически разных вариантов создания (пересоздания) произведений с ориентацией на известный литературный, фольклорный или мифологический источник. При этом особую значимость в формировании поля прецедентности, составляющей основу культурного диалога эпох, по-прежнему сохраняет античность. Элементы античных сюжетов перерабатываются, например, в пьесах Г. Горина («Забить Герострата»), Э. Радзинского («Беседы с Сократом»), А. Иванова («Бес...конечное путешествие приятной компании в сопровождении козлиного голоса»), О. Ернева («Тезей»), Ф. Ахмадиева («Амазонки»), К. Степаньичевой («Божественная пена»), А. Волошиной («Антигона: редукция»), Л. Разумовской («Медея»), М. Курочкина («Истребитель класса “Медея”»), В. Коркия («Козлиная песнь, или Что тебе Геккуба?»), И. Афанасьева («Свидетели культа, или Ужин у Минотавра») и др.

Степень изученности вопроса о роли античности в формировании эстетических концепций современной драматургии характеризуется неравномерностью. С одной стороны, безусловно, наблюдается чрезвычайно высокий интерес исследователей к аналитическому осмыслению культурной памяти в самых разных ее проявлениях в словесно-художественном творчестве (на материале разных эпох и национальных литератур) [Аверинцев, 2004; Голосовкер 2010; Липовецкий и др., 2012; Лосев, 2001; Мелетинский, 2000; Национальные коды..., 2018; Парадигмы..., 2020; Тахо-Годи, 1989 и др.]. С другой стороны, проблема рецепции античной культуры в творчестве российских драматургов нашего времени требует более детальной разработки.

Актуальность изучения данной научной проблемы связана с выявлением специфики современного литературного процесса в области драматургии. Культура античной эпохи является источником философских идей, которые продолжают влиять и на современное мышление, и на современный художественный дискурс. В русской драматургии нашего времени античные мифы становятся основой для создания произведений, актуализирующих под новым углом зрения проблемы противостояния человека и общества, поиска истинной любви, борьбы со стереотипами и предрассудками, — словом, всем тем, что находит отклик у современного читателя.

Исследуя русскую драматургию новейшего времени, мы сосредоточиваем внимание на компонентах, обладающих дискурсообразующими свойствами. В наших предшествующих публикациях в ряду таковых были рассмотрены отдельные ключевые темы, мотивы и образы (в частности, тема Великой Отечественной войны, образ «среднего человека» и др.) [Мещанский, 2018; Мещанский и др., 2022]. Новизна настоящего исследования определяется отбором пьес для специального изучения и общим подходом к их анализу, поскольку предпринимается попытка показать дискурсообразующий потенциал античных образов в произведениях современных российских драматургов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В рамках статьи мы обращаемся к вопросу о художественном воплощении мифологических архетипов в современной драматургии. Цель работы — рассмотреть способы актуализации античных образов в пьесах российских авторов, осмысляющих современную действительность сквозь призму предшествующего опыта человечества.

Материал исследования составляют тексты трех пьес — «Осада» Е. Гришковца, «Две жены Париса» Е. Исаевой и «Микрополь» Е. Водозлакина. Выбор этих произведений обусловлен тем, что в них реализованы

различные варианты актуализации античных образов. Каждая из анализируемых пьес представляет несомненный интерес в качестве самостоятельного объекта научного описания. В то же время для выявления специфики дискурсообразующего потенциала изучаемых образов необходимо проследить особенности их трансформации в рамках разных идиостилевых систем. Поэтому представляется целесообразным совместить аспектный анализ со сравнительным.

Методологическую основу исследования составляют принципы антропоцентризма, инвариантности и относительности. Оно проводится с комплексным применением различных видов анализа — мотивно-образного, интертекстуального, дискурсивного и интерпретационного.

Отметим, что методологически ценный опыт анализа отдельных произведений в аспекте актуализации античных образов уже представлен в ряде публикаций [Анохина, 2018; Вислова, 2009; Казмина, 2009; Карбивничая, 2014; Кислова, 2015; Руднев, 2018; Трубочкин, 2012; Якимова, 2008 и др.]. Исследователи обращают внимание на десакрализацию истории, демифологизацию и дегероизацию как специфические черты поэтики современных произведений. Авторская обработка и переработка культурно значимых прецедентных текстов стала одним из внутренних факторов динамики современного драматургического процесса. Осмысление настоящего разворачивается в разных направлениях и, несомненно, предполагает обращение к прошлому. В результате драматург выступает как «соавтор» знакомых читателю текстов и своими пьесами открывает второе дыхание античным произведениям, укрепляя их позиции в культурно-аксиологическом пространстве современности.

Примечательно, что интерес к античному мифологическому материалу пронизывает всю русскую драматургию, начиная с ранних этапов ее развития [Федосеева, 2009]. Современные авторы склонны к творческому эксперименту, используют известные образы и сюжетные элементы как «компонент художественной мозаики, который может быть свернут автором до упоминания, номинации и требовать от читателя “расшифровки”, а может быть развернут и представлять все грани мифа» [Федосеева, 2008, с. 5]. Модель хронотопа усложняется: «стирается граница между прошлым, настоящим и будущим, которые предстают как некий континуум» [Махинина и др. 2020, с. 183].

Эксперименты с прецедентными феноменами, приемы демифологизации и ремифологизации позволяют драматургам выйти за рамки традиционных сюжетов, найти новые формы выражения своих идей, провести параллель между мифологическим героем и героем нашего времени, то есть обновить античные мифы и сделать их актуальными для современного читателя.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Античность и современность в содержательной структуре пьесы Е. Гришковца «Осада»

Троянская война, воспетая в греческой мифологии, становится основой сюжета пьесы Гришковца «Осада», хотя город Троя в тексте произведения не упоминается, как не названы имена основных действующих лиц (Ветеран, Юноша, три воина). Автор прибегает к нелинейному хронотопу: действие пьесы разворачивается в форме двух диалоговых линий, на первый взгляд, не связанных друг с другом, — это ведущийся в наши дни разговор Ветерана с Юношей о героике военного прошлого и напряженный спор трех воинов у стен Трои о зашедшей в тупик войне. Эти диалоги объединяет смысловой абсурд, выражающийся в отсутствии взаимопонимания у собеседников в обоих случаях — в разные эпохи. В восприятии читателя / зрителя условное настоящее и прошлое меняются местами.

Фронтные воспоминания Ветерана не вызывают у Юноши священного трепета, он терпит его рассказы из вежливости: *Юноша. Бред какой-то. Я, конечно, может, чего-то не понимаю, но, по-моему, я попал. Вот нарвался на этого мужика. Он уже битый час прогоняет какую-то свою тему <...> Времени совершенно нету... А уйти не могу, потому что я воспитанный. А он и говорит, и говорит, и несёт своё...* [Гришковец, 2011, с. 120, 153].

В свою очередь Ветерана раздражает равнодушие молодого человека, погруженного в телефон. Желание поделиться опытом фронтной жизни наталкивается на безразличие Юноши, искренне не понимающего постулируемых Ветераном ценностей. Ветеран Гришковца неточно, но узнаваемо цитирует лермонтовского ветерана: «А знаешь, какие раньше были люди! Богатыри!» [Гришковец, 2011, с. 95]. Часто повторяющиеся в тексте пьесы словоформы *было, раньше* в монологах Ветерана получают концептуально-содержательную значимость и в какой-то мере обесценивают современность и жизнь молодого поколения. Это проявляется на уровне сниженной оценочной лексики и стереотипных речевых формул в адрес Юноши: *ну ты темный; ничё ты не понимаешь; как пробка, тупой; он же не знает, не видел, не нюхал ни черта; мы такими не были; ему ничего не надо и др.* Создается ситуация коммуникативной глухоты, отсутствия диалога между поколениями, невозможности пробить стену непонимания — это и есть осада, бессмысленная, не дающая желаемого результата. Так открывается новая грань смысла заглавия пьесы. Нежелание понять другого влечет за собой неспособность понять себя: «Перед нами разыгрывается история про героизм и героев, которые совершают свои “подвиги” неведомо почему, оставаясь озадаченными собственными поступками и ни на йоту не приближаясь к пониманию самих себя» [Липовецкий и др., 2012, с. 156].

На уровне другой диалоговой линии, в споре трех воинов, уже много лет безуспешно штурмующих стены Трои, возникает аналогичный коммуникативно-психологический барьер. Затянувшаяся война, смысл которой давно утерян, заставляет одного из них задуматься над происходящим и осознать весь абсурд положения. Третий воин откровенно заявляет о тупиковой ситуации и необходимости начать переговоры: *Никто уже не помнит, по какой причине мы приплыли сюда и стоим под этими стенами. Каждый день мы теряем наших друзей и товарищей. Мы теряем лучших из нас. Так дальше продолжаться не может и не должно!* [Гришковец, 2011, с. 105]. Доводы солдата разбиваются об идеологизированные убеждения однополчан: *нам нужна победа; мы должны разрушить стены, поставить всех на колени, поднять наш флаг; нам нужны символы, нашему народу нужны символы; у меня тут дед воевал, отец воевал, и я тут воюю; верить надо в силу силы и слабость слабости.* В результате получается, что участники коммуникации не просто не слышат, но и не хотят слышать друг друга. Мотив душевной глухоты сближает героев Гришковца с персонажами чеховских драм.

Трагедия большинства героев «Осады» заключается в несформированности диалогизированного самосознания, о котором писал М. М. Бахтин: «Овладеть внутренним человеком, увидеть и понять его нельзя, делая его объектом безучастного нейтрального анализа, нельзя овладеть им и путем слияния с ним, вчувствования в него. <...> Только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается и “человек в человеке”, как для других, так и для себя самого» [Бахтин, 2000, с. 156]. Диалог осмысливается как один из способов не только социализации, но и самоидентификации личности, готовой слушать и быть услышанной.

Центральная проблема «Осады» видится в прогнатовости массового и индивидуального сознаний. Первый и Второй воины являются носителями идеологии народного единства, они апеллируют к архетипам массового сознания: память предков, долг, единение, верность вождю, патриотизм и т. п. Ценность жизни «другого» (в данном случае троянцев) для них не имеет значения, находится за рамками их аксиологической модели. Впитывание готовых истин отучило их думать самостоятельно, о чем прямо говорит Третий воин: *Второй воин. <...> у меня в мозгу нет никакого червяка, у меня там написано одно слово «надо!».* *Большими такими буквами написано. Третий воин. А лучше бы было там, в так называемом твоём мозгу, написано слово «думать»* [Гришковец, 2011, с. 111].

Коммуникативная неудача собеседников обусловлена их ментальным различием. Образы трех воинов закреплены в народной традиции и восходят к фольклорным произведениям о трех братьях, третий из которых (мни-

мый дурак) «вдруг оказывается обладателем необычайно высоких моральных качеств, больших душевных сил» [Пропп, 1957, с. 15]. Слова Третьего воина воспринимаются его однополчанами как агнонимы: *анахронизм* для них становится *анахренизмом*, *юродство* — *уродством*, а *тупик* и *толерантность* сливаются в единое понятие из-за затруднений в формулировке оценки ситуации при обращении к троянцам (*Мы ждем, что вы осознаете свою эту тупиковую толерантность* [Гришковец, 2011, с. 137]). Такие некорректные и бессодержательные выражения не смущают воинов, они не стремятся к смысловой точности, не придают большого значения словам, подстраивая их под свое видение ситуации, не расширяя свой кругозор.

Индивидуально-авторское своеобразие актуализации античных образов в пьесе состоит в том, что прецедентные феномены не поименованы, они угадываются читателем / зрителем по концептуальным характеристикам (осаждаемый город — Троя; Ветеран — Одиссей; Третий воин, которого можно убить только в пятку, — Ахиллес; солдат Бубнила, в одиночку совершающий немислимые подвиги, — Геракл; деревенский мужик, закатывающий камень на гору, — Сизиф). Из всех действующих лиц пьесы личное имя сохраняется только у Икара, бессловесного персонажа.

На основные сцены пьесы накладываются аллюзивные отсылки к известным древнегреческим мифам (о Геракле, Сизифе и др.), используется композиционный прием «текст в тексте». При этом все персонажи, коррелирующие со своими мифологическими прообразами, объединены коммуникативной несостоятельностью. Огромный, здоровый солдат Бубнила, очистивший конюшни одинокого старика от навоза (ср. шестой подвиг Геракла), заикается. Деревенский «чудак», пытающийся закатить огромный камень на холм (ср. миф о Сизифе), всегда делает это молча. Периодически появляющийся на сцене Икар не произносит ни одного слова.

Героизм гомеровского эпоса «выветривается» из пьесы Гришковца. Два автономных сюжетобразующих диалога сливаются в финале действия, когда Ветеран, подводя итоги прожитой жизни, неожиданно сознается в том, что он придумал троянского коня. Его мучает вопрос об оправданности военных побед: *Мы-то когда сражались, мы, как думали, мол, победим, добьемся победы и жить будем хорошо. Хорошо, понимаешь? А оно видишь, как получилось <...> я не думал, что так всё будет... Что не с кем будет поговорить* [Гришковец, 2011, с. 156—157]. Молчание, нежелание идти на контакт усиливает состояние разобщенности людей, их отчуждения друг от друга, уход в себя, который воспринимается как бич нашего времени. Символично, что действие пьесы проходит на фоне неудачных попыток Икара взлететь в небо. Полет — это иносказательное воплощение абсолютной свободы, освобождения от внутренних ограничений и барье-

ров. Финальный монолог Юноши (двойника Икара) посвящен первому полету человека в небо, осуществленному братьями Райт в 1903 году.

Пьеса «Осада» имеет характер философского диалога, сократовской майевтики, в которой нет однозначных ответов и истин. Автор заставляет действующих лиц, дискутируя, высказывать свое мнение об окружающем мире и о себе.

3.2. Авторская интерпретация античного мифа в пьесе Е. Исаевой «Две жены Париса»

Местом действия пьесы Исаевой «Две жены Париса» является город Троя. Если в «Осаде» Гришковца Троянская война показана со стороны греков, то в пьесе Исаевой события перенесены внутрь осаждаемого города. Действие лирической драмы «Две жены Париса» основано на психологическом конфликте, выражающемся в противостоянии любви и власти. В ней ремифологизируются предания о Троянской войне, но автор концентрируется на любовной линии сюжета, что акцентировано уже в заглавии произведения.

По своей интенциональной доминанте лирическая драма Исаевой концептуально связана с известным стихотворением О. Мандельштам «Бессоница, Гомер, тугие паруса...»: *И море, и Гомер — все движется любовью...* [Серебряный век..., 1993, с. 209]. Любовь, воплощаемая в образе Елены Прекрасной, обладает всеобъемлющей силой — разрушающей и созидающей. Авторы погружаются в мир мифологических сказаний и стремятся постичь их онтологическую глубину, открывающую тайны жизни, времени, смысла бытия и любви.

Сюжет пьесы «Две жены Париса», как и в гомеровском эпосе, развивается в двух планах — земном (Троя) и небесном (Олимп). Изображаемые в пьесе события, судя по монологам героев, относятся к десятому, последнему, году Троянской войны, однако в центре внимания автора находятся не военные действия (они даются фоном), а психология любви. Ключевые герои «Илиады» — Ахиллес, Агамемнон, Менелай, Гектор, Приам, Патрокл и др. — либо выведены за рамки текста, либо мельком упоминаются в монологах действующих лиц. Авторский замысел, как полагаем, заключается не в «вытеснении» мужских персонажей, а в их переосмыслении через женские образы.

Сюжетная линия жен Париса (Эноны и Елены) переплетается с линией богинь (Геры и Афродиты), являющихся двойниками героинь, проекцией их внутреннего мира. Как видим, сохраняется гомеровская традиция, где боги «являются только обобщением человеческих чувств и настроений, человеческих поступков и воли» [Лосев, 2005, с. 53].

Пьеса «Две жены Париса» — произведение о противостоянии двух форм любви. Одни персонажи способны отпустить тех, кого любят (Гефест, Геликаон, Энона), другие испытывают потребность в том, чтобы их

любили, преклонялись перед ними и шли ради них на жертвы (Афродита, Елена, Парис). Зацикленность на себе и своих амбициях мешают им почувствовать и понять другого человека. Как писал Э. Фромм, «большинство людей видят проблему в том, чтобы быть любимыми, а не в том, чтобы любить, обладать способностью к любви» [Фромм, 2021, с. 24]. Так, бросающий ради Елены свою первую жену Парис прямо обвиняет ее в черствости и равнодушии, то есть в том, что присуще ему самому: *Да что ты знаешь обо мне, / Прожив со мною столько лет?! <...> Да что ты мне, вообще, дала?* [Исаева]. Как и в «Осаде» Гришковца, у Исаевой возникает тема коммуникативной глухоты, которая разделяет не только воюющие народы, — греков и троянцев, — но и близких людей.

Эгоизм, желание всецело обладать кем-либо приводят к трагедии, могут стать причиной социально-политических конфликтов и привести к войне, которая, говоря словами Елены Троянской, несет *«для любви непригодные годы»* [Исаева]. По замечанию Л. С. Кисловой, «влюбленные приносят свои чувства в жертву войне, ставшей их единственной реальностью» [Кислова, 2015, с. 223]. Большинство героев пьесы становятся заложниками чувственных страстей; даже высоконравственная дочь Приама царевна Лаодика, подобно Елене, изменяет своему мужу. Эти страсти напоминают войну, которая идет рядом, за стенами города. И подобно воинам, убивающим друг друга у стен Трои, герои пьесы своей безудержной любовью наносят смертельные душевные раны близким людям.

Чувственность Елены заражает сталкивающихся с ней мужчин. И даже сын Париса, понимая то, что она разрушила его семью, попадает под чары царицы и гибнет от руки своего ревнивого отца. Желание Корифа сделать Елену своей зеркально повторяет поступок отца, в результате Парис оказывается на месте когда-то обманутого им Менелая. Каждый из мужчин Елены как бы придумывает для себя ее идеальный образ, забывая о реальной женщине: *Она — не женщина, а миф* [Исаева].

В образе Афродиты проявлена доминирующая субличность Елены, которая стремится быть свободной и ни за кого не отвечать. Елену и Афродиту объединяет то, что они воспринимают человека лишь как чувственный объект, и каждый раз зарождающееся счастье рано или поздно становится иллюзией. Для Афродиты страдания её обманутого мужа Гефеста не имеют никакого значения (*Да и ему зачем такая / Жена?! Я не могу понять! — / Ведь изменяла, изменяю / И дальше буду изменять!* [Исаева]); а у Елены интерес к Парису исчез вскоре после бегства из Спарты, о чем ей прямо говорит Энона: *Ведь ты жила с ним не любя — / Последние-то десять лет / Всё только мучилась* [Исаева]. Чувствительность души вытесняется чувственным удовольствием.

Пробуждающийся в Елене голос совести Афродита заглушает угрозой забрать звание прекраснейшей, что лишит ее привычных удовольствий: *Я всё дала тебе, Елена, Но я могу и всё отнять. Ещё слюней ты не пускала, Уставясь в зеркало с тоской, Ещё воды не наливала Дрожащей старческой рукой* [Исаева]. Можно сказать, в ее облике Исаева представила субкультуру глянца, характерную для нашего времени.

Тем не менее Афродита и Елена в пьесе Исаевой — только внешне уверенные в себе женщины, которые наедине с собой осознают свою пустотность. Покорение мужчин им необходимо для поддержания чувства собственной значимости. Постепенное понимание того, что внутренняя незрелость разрушительно сказывается на личности, меняет этих героинь к финалу пьесы, и прошлый привычный образ жизни перестает быть для них самоцелью. Гибель Гектора, Париса, Корифа, Эноны заставляет Елену пересмотреть те поверхностные ценности, которыми она жила (в финальной сцене героиня отправляется перевязывать вынесенных из боя раненых солдат). Проникшись страданиями своего мужа, богиня Афина открывает в себе подлинное божественное начало. ИмPLICITный призыв к переоценке ценностей приобретает метафизическое звучание в ее финальном монологе о внутреннем единстве бытия: *Когда вселенная сожмётся снова в один единый плазменный комок, Останется ни музыка, ни слово, А нами сотворённый Бог* [Исаева].

В экзистенциальных обстоятельствах человек находит свою божественную сущность, которая и есть любовь. Это откровение испытывают женские персонажи пьесы.

3.3. Осовременивание античных образов в пьесе Е. Водолазкина «Микрополь»

В пьесе Водолазкина «Микрополь» мифологическими именами наделены герои нашего времени (Ипполит, Орест, Ника, Ариадна, Леокадия и др.). При этом сама пьеса по своему построению уподобляется древнегреческой драме, в которой партии хора перемежаются с речевыми партиями действующих лиц. Как известно, в античном театре хор был своеобразным посредником между зрителями и сценой, неким коллективным сознанием, выражающим отношение к происходящему. В рассматриваемой пьесе этот хор состоит из обманутых дольщиков, требующих найти сбежавшего застройщика и восстановить справедливость. Сложившейся ситуацией пытаются воспользоваться Ипполит, кандидат в мэры Микрополя, обещающий дольщикам решить все их проблемы после своего избрания: *Он пообещает, конечно, обманутым дольщикам долю, Покинутым женам — мужей, безработным, понятно, — работу, Беспечным — опеку, бездомным — дома, а бессовестным — совесть, Столетним — цветущую юность...* [Водолазкин,

2021, с. 259]. В подтексте данных обещаний заложен концептуальный смысл ‘невыполнимые’, что вкупе со стилизованным под древнегреческий слогом придает высказыванию ироническую модальность.

Трагикомизм ситуации заключается в том, что кандидат в мэры и обманувший дольщиков застройщик — одно и то же лицо. Мотивы популистских заявлений Ипполита заурядны: ему нужны голоса избирателей, к несчастьям которых, на самом деле, он абсолютно безразличен. Здесь прослеживается авторская метаморфоза: античный прототип застройщика-афериста, главный герой трагедии Еврипида «Ипполит», сам становится жертвой обмана. Жена афинского царя Тесея и мачеха Ипполита Федра, будучи отвергнутой пасынком, кончает жизнь самоубийством, обвинив в предсмертном письме сына Тесея в покушении на ее честь. Ипполит Еврипида словно меняется местами с Ипполитом Водолазкина: «чистый, невинный» душой и телом герой греческой трагедии трансформируется в циничного и беспринципного шулера, стремящегося стать мэром города с символичным названием *Микрополь* (паронимическая аттракция с некрополем — кладбищем древнего мира). Прием трансформации используется в драматургии для решения разных задач, в том числе для изображения инволюции человека. Для сравнения приведем в пример пьесу Г. Горина «Тот самый Мюнхгаузен», в которой барон, в процессе судебного заседания иронизирует над сыном: *В этом есть какое-то непонятное свойство природы: вино переходит в уксус, Мюнхгаузен — в Феофила* [Горин, 2005, с. 232].

Кардинальные личностные изменения происходят и с начальником предвыборного штаба Ипполита — Орестом. Здесь снова можно провести параллель с одноименной трагедией Еврипида. Орест Водолазкина, как и Орест Еврипида, — герой трагической амбивалентности. Он участвует в преступных махинациях своего патрона (древнегреческий Орест совершил злодеяние, повинувшись воле бога Аполлона). Оба Ореста испытывают муки совести и проходят через нравственное очищение. Исполняя обязанности спичрайтера, Орест пишет своему нанимателю пафосные тексты агитационных выступлений с обещаниями неперемного стремительного улучшения жизни граждан Микрополя, который в скором времени планируют переименовать в Макрополь. Современный Орест — не герой без страха и упрека, им движут вполне прагматичные и корыстные цели, связанные с желанием заработать большие и легкие деньги. Но, как и в античной драме, с героем Водолазкина начинается происходить внутренняя метаморфоза, открывающая его глубинные, лишенные всего наносного, качества. Орест переживает очищающий душу катарсис, который и является основной целью трагедии древнего мира. В этом проявляется некоторое отступление от общей тенденции драматургии нашего времени, которая, по мнению А. В. Висловой, состоит

в оскудении подлинного трагического начала в современном театре, «давно забывшем, что такое катарсис» [Вислова, 2009, с. 113].

Эффект катарсиса в пьесе «Микрополь» достигается с помощью приема «любовного четырехугольника», который разрушает намеченную предвыборную кампанию. Супруги Ипполита и Ореста, играющие на публике роль хранительниц домашнего очага и традиционных семейных ценностей, в действительности оказываются весьма далеки от демонстрируемого ими идеала. Обе женщины изменяют своим мужьям: жена кандидата в мэры Агата втайне встречается с Орестом, а жена Ореста Ника становится любовницей Ипполита. Подлинные чувства смешиваются с банальным расчетом. Интерес Ники к состоятельному Ипполиту имеет корыстную основу («Хорошо тем, у кого яхта», «Все дело в том, что я никогда не была на Бали» [Водолазкин, 2021, с. 279, 282]). Однако суррогат любви не может заменить истинное чувство.

Деньги — лейтмотив пьесы, о них говорят практически все действующие лица. Они — причина совершаемых в пьесе преступлений, как уголовных, так и нравственных. Становясь целью, деньги разрушают жизнь персонажей, поскольку входят в конфликт с их глубинными ценностными установками. Открывшаяся правда заставляет героев пересмотреть свое отношение не только друг к другу, но и к жизни. Узнавший об измене жены Орест оказывается не в силах бросить и забыть ее, а осознавшая свой проступок Ника испытывает тяжелейшие муки совести: *Простить — можно. Сжать свои чувства в кулак и — простить. Только вот ничего нельзя сделать с памятью. А это значит, что измена всегда будет стоять между двумя людьми. (Закрывает лицо руками) И в этом весь ужас* [Водолазкин, 2021, с. 313—314].

В концептуально-содержательной структуре пьесы важная роль отводится сюжетной линии пострадавшей дольщицы Ариадны. Ее имя отсылает к известной из древнегреческой мифологии царевне, которая помогла Тесею выбраться из лабиринта Минотавра. Согласно классическому варианту мифа, Тесей бросил Ариадну на острове Наксос, пока она спала, а сам уплыл восвояси. Ариадна в пьесе Водолазкина также переживает личную драму: она потеряла не только свои инвестиции в недвижимость, но и любимого мужа Дормидонта. Ариадна просит кандидата в мэры вернуть ей супруга, на что тот охотно соглашается, поскольку это кажется проще, чем вернуть похищенные у дольщиков деньги. Создается абсурдная ситуация: предвыборный штаб Ипполита должен найти Ариадне мужа, которого у нее, на самом деле, никогда и не было.

Нестандартный выход, найденный штабом, позволяет аллюзивно соотнести пьесу «Микрополь» с рассказом Т. Толстой «Соня», в котором компа-

ния друзей сочиняет для главной героини любовные письма от вымышленного Николая. Зачинщица розыгрыша Ада продолжает вести с Соней переписку даже тогда, когда всем участникам игры эта затянувшаяся шутка уже надоела. Бесчестный поступок Ады обернулся торжеством человеческого духа. Во время ленинградской блокады Соня жертвует собой, чтобы спасти псевдо-Николая. В пьесе Водолазкина, как и в рассказе Толстой, коллективно сочиняемые для Ариадны письма от якобы застрявшего на острове Бали ее мужа приводят к неожиданному результату. Писавшая под диктовку от лица Дормидонта Ника впоследствии продолжает переписку с Ариадной уже самостоятельно. Эпистолярный роман преобразует Нику, которая признается мужу, что завидует «их великой любви» [Водолазкин, 2021, с. 308]. В мире деформированных человеческих отношений духовный алогизм чудачковатой Ариадны просветляет души героев и выводит их из лабиринта лжи.

По эмоциональному напряжению и торжеству прекрасного в человеке финал пьесы Водолазкина созвучен финалу трагедии Еврипида. Орест тайно передает похищенные его шефом деньги в Фонд помощи обманутым дольщикам, и строительство дома возобновляется, а Ариадна убеждает всех, что деньги вернул ее неведомый Дормидонт. Пьеса «Микрополь», как и античная трагедия, сподвигает читателя / зрителя переосмыслить жизнь и руководствоваться «теми предельными духовными ценностями, ради которых стоит жить и умереть» [Аверинцев, 2004, с. 68].

4. Заключение = Conclusions

Античные образы остаются востребованным источником вдохновения для современных драматургов. Они включены в реализацию синхронно-диакронных связей, обеспечивают континуумность художественно-филологического пространства и вовлеченность в него современного читателя. В этом проявляется высокий дискурсообразующий потенциал изучаемых образов.

Результаты анализа современных пьес, написанных разными авторами, свидетельствуют об инвариантно-вариантной природе используемых ими античных образов. Общность проявляется в том, что знаки античности выступают во всех рассмотренных произведениях как средство художественной концептуализации и интерпретации современной действительности. Вариативными являются способы их актуализации в пьесах.

Образы, восходящие к античной мифологии и литературе, модифицируются и трансформируются посредством современного пересказа узнаваемых преданий (в пьесе Гришковца «Осада»), использования прецедентных имен античных героев применительно к героям нашего времени (в пьесе Водолазкина «Микрополь»), ремифологизации в пределах античного хронотопа (в пьесе Исаевой «Две жены Париса») и другими способами.

Введение античных образов в структуру пьесы так или иначе усложняет соотношение и взаимодействие временных планов прошлого и настоящего. Во всех проанализированных произведениях хронологические рамки раздвинуты, границы открыты, их объединяет нелинейный хронотоп, представленный в каждом случае в индивидуально-авторской реализации. Общим для всех рассмотренных пьес является также мотив противостояния (войны) — как внешнего (война с Троей и разобщенность поколений в «Осаде»; межличностные конфликты, борьба страстей в пьесе «Две жены Париса»; социальное неравенство в «Микрополе»), так и внутреннего. Деструктивность в общении (у Гришковца), в сфере чувств (у Исаевой), в системе социальных отношений (у Водолазкина) оборачивается духовным взрослением и перерождением центральных действующих лиц (Юноши, Елены, Ореста и др.) и сподвигает читателя к философско-онтологическим размышлениям о назначении человека.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Водолазкин Е. Г.* Сестра четырех : пьесы / Е. Г. Водолазкин. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2021. — 318 с. — ISBN 978-5-17-127167-1.
2. *Горин Г. И.* Тот самый Мюнхгаузен / Г. И. Горин. — Екатеринбург : У-Фактория, 2005. — 541 с. — ISBN 5-94799-328-7.
3. *Гришковец Е.* Сагисфакция / Е. Гришковец. — Москва : Махаон, Азбука-Аттикус, 2011. — 400 с. — ISBN 978-5-389-01437-4.
4. *Исаева Е.* Две жены Париса [Электронный ресурс] / Е. Исаева. — Режим доступа : <http://www.isaeva.ru/plays/wife.html> (дата обращения 24.12.2023).
5. *Серебряный век русской поэзии* / сост. Н. В. Банникова. — Москва : Просвещение, 1993. — 432 с. — ISBN 5-09-003993-3.

Литература

1. *Аверинцев С. С.* Образ античности / С. С. Аверинцев. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2004. — 480 с. — ISBN 5-352-00742-1.
2. *Анохина А. В.* Интерпретация античного мифа в пьесах Р. Мерля «Сизиф и смерть» и «Новый Сизиф» / А. В. Анохина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 12—3 (90). — С. 427—431. — DOI: 10.30853/filnauki.2018-12-3.1.
3. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений : в 7 т. / М. М. Бахтин ; Институт мировой литературы им. М. Горького Российской академии наук. Проблемы творчества Достоевского, 1929. Статья о Л. Толстом, 1929. Записи курса лекций по истории русской литературы, 1922—1927. — Москва : Русские словари, 2000. — Т. 2. — 798 с. — ISBN 5-93259-013-0.
4. *Вислова А. В.* Русский театр на сломе эпох : рубеж XX—XXI веков / А. В. Вислова. — Москва : Университетская книга, 2009. — 272 с. — ISBN 978-5-98699-050-7.

5. *Голосовкер Я. Э.* Избранное. Логика мифа / Я. Э. Голосовкер. — Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2010. — 496 с. — ISBN 978-5-98712-045-3.
6. *Казьмина Н. Ю.* «Античное приключение» русской сцены / Н. Ю. Казьмина // Вопросы театра. — 2009. — № 1/2. — С. 107—168.
7. *Карбивничая М. Г.* Своеобразие художественного решения проблемы личностной самоидентификации в пьесе Евгения Гришковца «Осада» / М. Г. Карбивничая // Уральский филологический вестник. — 2014. — № 5. — С. 237—245.
8. *Кислова Л. С.* Античный миф в русской «Новой драме» рубежа XX—XXI веков / Л. С. Кислова // Филология и культура. — 2015. — № 4 (42). — С. 221—226. — DOI: 10.7256/1812-8696.2014.9.12910.
9. *Липовецкий М.* Перформансы насилия: Литературные и театральные эксперименты «Новой драмы» / М. Липовецкий, Б. Боймерс. — Москва : Новое литературное обозрение, 2012. — 376 с. — ISBN 978-5-86793-943-4.
10. *Лосев А. Ф.* Античная литература: учебник для высшей школы / А. Ф. Лосев ; под ред. А. А. Тахо-Годи. — Москва : ЧеРо : Омега-Л, 2005. — 543 с. — ISBN 5-98119-389-1.
11. *Махинина Н. Г.* Прошлое — настоящее — будущее в «Петербургских драмах» Е. Водоласкина / Н. Г. Махинина, Л. Х. Насрутдинова // Филология и культура. — 2020. — № 1 (59). — С. 183—188. — DOI: 10.26907/2074-0239-2020-59-1-183-188.
12. *Мелетинский Б. М.* Поэтика мифа / Б. М. Мелетинский. — Москва : Восточная литература, 2000. — 407 с. — ISBN 5-02-017878-0.
13. *Мещанский А. Ю.* Бытие «среднего человека» в проблемном поле современной отечественной драматургии / А. Ю. Мещанский // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 11. — (Ч. 1). — С. 39—43. — DOI: 10.30853/filnauki.2018-11-1.8.
14. *Мещанский А. Ю.* Великая Отечественная война в современном драматургическом дискурсе / А. Ю. Мещанский, Л. А. Савелова // Научный диалог. — 2022. — № 3. — С. 284—300. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-284-300.
15. *Национальные коды европейской литературы в диахроническом аспекте: античность — современность : коллективная монография / отв. ред. Т. А. Шарыпина, И. К. Полуяхтова, М. К. Меньщикова.* — Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2018. — 626 с. — ISBN 978-5-89533-398-3.
16. *Парадигмы культурной памяти и константы национальной идентичности : коллективная монография / отв. ред. Т. А. Шарыпина, И. К. Полуяхтова, М. К. Меньщикова.* — Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2020. — 710 с. — ISBN 978-5-91326-564-7.
17. *Пропп В. Я.* Предисловие / В. Я. Пропп // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3 т. — Москва : Гослитиздат, 1957. — Т. 1. — С. III—XVI.
18. *Руднев П. А.* Драма памяти. Очерки истории русской драматургии. 1950—2010-е / П. А. Руднев. — Москва : Новое литературное обозрение, 2018. — 496 с. — ISBN 978-5-4448-0768-2.
19. *Тахо-Годи А. А.* Греческая мифология / А. А. Тахо-Годи. — Москва : Искусство, 1989. — 304 с. — ISBN 5-210-00152-0.
20. *Трубочкин Д. В.* Невыносимая тяжесть судьбы. «Медея» Ж. Ануя в театре им. Евг. Вахтангова / Д. В. Трубочкин // Вопросы театра. — 2012. — № 1/2. — С. 93—106.
21. *Федосеева Т. В.* Рецепция античной мифологии в русской драматургии конца XX — начала XXI вв. [Электронный ресурс] // Научные труды кафедры русской литературы БГУ. — Минск : РИВШ БГУ, 2008. — Вып. V. — Режим доступа : <http://elib.bsu.by/handle/123456789/34988> (дата обращения 27.01.2024).

22. Федосеева Т. В. Рецепция античной мифологии в ранней русской драматургии (вторая половина XVII — первая половина XVIII в.) / Т. В. Федосеева // Филологические штудии : сб. науч. ст. / под ред. Г. И. Шевченко, К. А. Тананушко. — Минск : БГУ, 2009. — Выпуск VII. — С. 137—145.

23. Фромм Э. Искусство любить / Э. Фромм ; пер. с англ. А. В. Александровой. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 221 с. — ISBN 978-5-17-084593-4.

24. Якимова Ж. В. Античная пьеса на петербургской сцене рубежа XIX—XX веков и постановка «Антигоны» в Александринском театре в 1906 году / Ж. В. Якимова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2008. — № 86. — С. 153—159.

Статья поступила в редакцию 30.01.2024,
одобрена после рецензирования 12.03.2024,
подготовлена к публикации 18.03.2024.

Material resources

Gorin, G. I. (2005). *The same Munchausen*. Yekaterinburg: U-Factoriya. 541 p. ISBN 5-94799-328-7. (In Russ.).

Grishkovets, E. (2011). *Satisfaction*. Moscow: Makhaon, Azbuka-Atticus. 400 p. ISBN 978-5-389-01437-4. (In Russ.).

Isaeva, E. *Two wives of Paris*. Available at: <http://www.isaeva.ru/plays/wife.html> (accessed 12/24/2023). (In Russ.).

The Silver Age of Russian poetry. (1993). Moscow: Prosveshchenie. 432 p. ISBN 5-09-003993-3. (In Russ.).

Vodolazkin, E. G. (2021). *Sister of Four: plays*. Moscow: AST Publishing House: Editorial office of Elena Shubina. 318 p. ISBN 978-5-17-127167-1. (In Russ.).

References

Anokhina, A. V. (2018). Interpretation of the ancient myth in R. Merle's plays "Sisyphus and Death" and "New Sisyphus". *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 12—3 (90): 427—431. DOI: 10.30853/filnauki.2018-12-3.1. (In Russ.).

Averintsev, S. S. (2004). *The image of antiquity*. St. Petersburg: ABC Classics. 480 p. ISBN 5-352-00742-1. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (2000). *Collected works: in 7 volumes*, 2. Moscow: Russian Dictionaries. 798 p. ISBN 5-93259-013-0. (In Russ.).

Fedosееva, T. V. (2009). Reception of ancient mythology in early Russian drama (the second half of the XVII — first half of the XVIII century). In: *Philological studies: collection of scientific articles, VII*. Minsk: BSU. 137—145. (In Russ.).

Fedosееva, T. V. (2008). Reception of ancient mythology in Russian drama of the late XX — early XXI centuries. In: *Scientific works of the Department of Russian Literature of BSU, V*. Minsk: Riga BSU. Available at: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/34988> (accessed 27.01.2024). (In Russ.).

Fromm, E. (2021). *The art of loving*. Moscow: AST Publishing House. 221 p. ISBN 978-5-17-084593-4. (In Russ.).

Golosovker, Ya. E. (2010). *Favorites. The logic of myth*. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. 496 p. ISBN 978-5-98712-045-3. (In Russ.).

Karbinichaya, M. G. (2014). The originality of the artistic solution to the problem of personal self-identification in the play by Evgeny Grishkovets "The Siege". *Ural Philological Bulletin*, 5: 237—245. (In Russ.).

- Kazmina, N. Yu. (2009). “Ancient adventure” of the Russian stage. *Questions of the theater*, 1/2: 107—168. (In Russ.).
- Kislova, L. S. (2015). The ancient myth in the Russian “New drama” of the turn of the XX—XXI centuries. *Philology and Culture*, 4 (42): 221—226. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.9.12910. (In Russ.).
- Lipovetsky, M. (2012). *Performances of violence: Literary and theatrical experiments of the “New Drama”*. Moscow: New Literary Review. 376 p. ISBN 978-5-86793-943-4. (In Russ.).
- LOSEV, A. F. (2005). *Ancient literature: textbook for higher education*. Moscow: Chero: Omega-L. 543 p. ISBN 5-98119-389-1. (In Russ.).
- Makhinina, N. G., Nasrutdinova, L. H. (2020). Past — present — future in the “Petersburg dramas” by E. Vodolazkin. *Philology and Culture*, 1 (59): 183—188. DOI: 10.26907/2074-0239-2020-59-1-183-188. (In Russ.).
- Meletinsky, B. M. (2000). *Poetics of myth*. Moscow: Oriental Literature. 407 p. ISBN 5-02-017878-0. (In Russ.).
- Meshchansky, A. Yu. (2018). The existence of the “average man” in the problematic field of modern Russian drama. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 11 (1): 39—43. DOI: 10.30853/filnauki.2018-11-1.8. (In Russ.).
- Meshchansky, A. Yu., Savelova, L. A. (2022). Great Patriotic War in Modern Dramatic Discourse. *Nauchnyi dialog*, 11 (3): 284—300. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-3-284-300> (In Russ.).
- National codes of European literature in the diachronic aspect: antiquity — modernity: a collective monograph*. (2018). Nizhny Novgorod: DECOM. 626 p. ISBN 978-5-89533-398-3. (In Russ.).
- Paradigms of cultural memory and constants of national identity: a collective monograph*. (2020). Nizhny Novgorod: Publishing House of N. I. Lobachevsky National State University. 710 p. ISBN 978-5-91326-564-7. (In Russ.).
- Propp, V. Ya. (1957). Preface. In: *Folk Russian tales of A. N. Afanasyev: in 3 volumes, 1*: Moscow: Goslitizdat. III—XVI. (In Russ.).
- Rudnev, P. A. (2018). *Drama of memory: Essays on the history of Russian drama. 1950—2010*. Moscow: New Literary Review. 496 p. ISBN 978-5-4448-0768-2. (In Russ.).
- Tahoe-Godi, A. A. (1989). *Greek mythology*. Moscow: Iskustvo. 304 p. ISBN 5-210-00152-0. (In Russ.).
- Trubochkin, D. V. (2012). The unbearable weight of fate. “Medea” J. Anuya at the theater named after Evg. Vakhtangova. *Questions of the theater*, 1/2: 93—106. (In Russ.).
- Vislova, A. V. (2009). *Russian Theater at the break of epochs: the turn of the XX—XXI centuries*. Moscow: University Book. 272 p. ISBN 978-5-98699-050-7. (In Russ.).
- Yakimova, Zh. V. (2008). An ancient play on the St. Petersburg stage at the turn of the XIX—XX centuries and the production of “Antigone” at the Alexandrinsky Theater in 1906. *Izvestiya RSPU named after A. I. Herzen*, 86: 153—159. (In Russ.).

*The article was submitted 30.01.2024;
approved after reviewing 12.03.2024;
accepted for publication 18.03.2024.*

Информация для цитирования:

Осмухина О. Ю. Специфика структуры Bildungsroman в фазе протоканона соцреализма / О. Ю. Осмухина, Е. П. Овсянникова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 2. — С. 321—344. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-321-344.

Osmukhina, O. Yu., Ovsyannikova, E. P. (2024). Specifics of Bildungsroman Structure in Protocanon Phase of Socialist Realism. *Nauchnyi dialog*, 13 (2): 321-344. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-321-344. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Специфика структуры Bildungsroman в фазе протоканона соцреализма

Осмухина Ольга Юрьевна¹

orcid.org/0000-0002-1456-4793

доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
русской и зарубежной литературы,

**корреспондирующий автор*
osmukhina@inbox.ru

Овсянникова Екатерина Павловна²

orcid.org/0000-0002-2740-9178

исполнитель проекта, отдел
сопровождения научных проектов
ovsyannikova-kate@yandex.ru

¹Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
(Саранск, Россия)

²Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 23-18-01007,
<https://rscf.ru/project/23-18-01007/>;
Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского

Specifics of Bildungsroman Structure in Protocanon Phase of Socialist Realism

Olga Yu. Osmukhina¹

orcid.org/0000-0002-1456-4793

Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department
of Russian and Foreign Literature,

**Corresponding author*
osmukhina@inbox.ru

Ekaterina P. Ovsyannikova²

orcid.org/0000-0002-2740-9178

Project executor, Scientific Project
Support Department
ovsyannikova-kate@yandex.ru

¹National Research Ogarev
Mordovia State University
(Saransk, Russia)

²Russian Christian Academy
for Humanities named after
Fyodor Dostoevsky
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study was supported by a grant
from the Russian Science Foundation
№ 23-18-01007,
<https://rscf.ru/en/project/23-18-01007/>;
Russian Christian Academy for Humanities
named after Fyodor Dostoevsky

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье изучаются советские романы середины 1920-х — начала 1930-х годов, тяготеющие к жанровой традиции романа воспитания («Чапаев» Д. Фурманова, «Разгром» А. Фадеева, «Дневник Кости Рябцева» Н. Огнева, «Школа» А. Гайдара, «Матвей Коренистов» А. Бондина, «Человек меняет кожу» Б. Ясенского, «Я люблю» А. Авдеевского), которые «подготовили» универсальную модель соцреалистического романа становления личности героя, определенно во многом его структуру в последующие десятилетия. Установлено, что, в первую очередь, объединяющим свойством соцреалистических романов о становлении личности становится акцентированный сюжет о трудном детстве протагониста (герой растет в неполной семье, семья не участвует в его воспитании), его побеге из дома и обнаружении им друга, который впервые сообщает герою революционные настроения; его функциональная роль — медиатор на границе двух миров — «старого» и «нового». Во-вторых, одним из обязательных событий, в которых герой принимает участие, становится митинг (стачка) как место проверки героя на идеологическую верность или пространство формирования его взглядов. В-третьих, пограничным событием, разделяющим жизнь героя в нарративе соцреалистического романа, является Октябрьская революция, участие в которой позволяет обрести протагонисту «большую семью». Наконец, нарратив соцреалистического романа воспитания и перевоспитания представляет собой чередование устойчивых мотивов: одиночества, признания ошибок, получения второго шанса, принесения себя в жертву.

Ключевые слова:

советская литература; соцреализм; роман воспитания; фаза протоканона соцреализма; мотивный комплекс.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the Soviet novels of the mid-1920s — early 1930s, gravitating towards the genre tradition of the Bildungsroman (D. Furmanov's "Chapaev", A. Fadeev's "Razгром", N. Ognev's "Diary of Kostya Ryabtsev", A. Gaidar's "School", A. Bondin's "Matvey Korenistov", B. Yasensky's "A Man Changes Skin" and A. Avdeenko's "I Love"), which "prepared" the universal model of the socialist realist novel of the hero's personality formation, largely determining its structure in the following decades. It is established that, first, the unifying feature of socialist realist novels about the formation of personality is an accentuated plot about the protagonist's difficult childhood (the hero grows up in an incomplete family, the family does not participate in his upbringing), his escape from home and his discovery of a friend, who for the first time informs the hero of revolutionary sentiments; his functional role is a mediator on the border of two worlds — "old" and "new". Secondly, one of the obligatory events in which the hero takes part is the rally (strike) as a place where the hero's ideological allegiance is tested or where his views are formed. Third, the boundary event that separates the hero's life in the narrative of the socialist realist novel is the October Revolution, participation in which allows the protagonist to find a "big family". Finally, the narrative of the socialist realist Bildungsroman and re-education is an alternation of stable motifs: loneliness, recognizing mistakes, getting a second chance, and sacrificing oneself.

Key words:

Soviet literature; socialist realism; Bildungsroman; protocanon phase of socialist realism; motive complex.

УДК 821.161.1

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-321-344

5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Специфика структуры Bildungsroman в фазе протоканона соцреализма

© Осьмухина О. Ю., Овсянникова Е. П., 2024

1. Введение = Introduction

Общеизвестно, что соцреализм был «официально» утвержден в качестве единственно верного метода советской литературы на Первом Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 году, однако ряд исследователей [Кларк, 2002; Литовская, 2008; Синявский, 1988] называют каноническими текстами соцреализма романы, написанные до 1934 года — момента официального утверждения устава, в котором впервые было сформулировано определение соцреализма как основного метода советской художественной литературы и литературной критики [Кларк, 2002, с. 716]. Так, к канону относят «Мать» М. Горького, «Чапаева» Д. Фурманова, «Цемент» Ф. Гладкова. Катерина Кларк объясняет это следующим образом: «После того, как соцреализм “создали”, многие тексты стали читаться по-другому, чем во время их написания» [Кларк, 2000, с. 18]. Исследовательница отмечает, что каждое из произведений одновременно стало и образцом, и предшественником: «“Разгром” как предшественник не равен “Разгрому” образцу» [Кларк, 2000, с. 18]. Таким образом, эти романы не создавались как образцы, но были выбраны и признаны в этом качестве позднее. Подтверждает эту мысль и сам устав: «За годы пролетарской диктатуры советская художественная литература и советская литературная критика, идя с рабочим классом, руководимые коммунистической партией, выработали свои, новые творческие принципы», которые «нашли главное свое выражение в принципах социалистического реализма» [Первый Всесоюзный съезд ..., 1934, с. 716]. Однако, на наш взгляд, отсутствие четкой периодизации в этом вопросе чревато путаницей в отношении других художественных текстов 1920-х годов, вследствие чего может возникнуть тенденция к искусственному «раздуванию» границ соцреализма.

Процесс формирования соцреалистического канона наиболее убедительно описан Х. Гюнтером [Гюнтер, 2000]. Осмысливая исторический процесс развития советского общества, исследователь выделяет пять фаз, которые прошел соцреализм в своем бытовании: подготовительную

фазу протоканона, фазу канонизации, фазу применения канона, фазу деканонизации и постканоническую стадию [Гюнтер, 2000, с. 181—182]. Подобное деление, на наш взгляд, представляется весьма удачным, поскольку хронологическими рамками очерчивает круг текстов, относящихся к той или иной фазе. Таким образом, если принимать во внимание периодизацию Х. Гюнтера, *актуальность* обретают выявление и анализ произведений фазы формирования соцреалистического канона, поскольку именно они «подготовили» универсальную модель соцреалистического романа, определив во многом его структуру в последующие десятилетия.

Оговоримся, что крупнейшими исследователями соцреалистической словесности и — шире — соцреалистического дискурса не раз отмечалась структурная схожесть романов сталинской эпохи с волшебной сказкой [Кларк, 2002; Лейдерман, 2000], однако структурные (морфологические) функции последней в соцреалистических произведениях неустойчивы: они могут присутствовать, как, например, в «Двух капитанах» В. Каверина, а могут — и это проявляется много чаще — и вовсе отсутствовать, как, к примеру, в «Разгроме» А. Фадеева, «Чапаева» Д. Фурманова, «Школе» А. Гайдара и т. д. Поэтому проецировать морфологию волшебной сказки [Пропп, 2000, 2001] на нарративную схему соцреалистических романов, на наш взгляд, весьма не продуктивно, ибо его составные элементы организованы более свободно. При этом отчетливая схематичность и типичность нарратива советского соцреалистического романа закономерно позволяют выделить устойчивые элементы, которые и реализуют программу воспитания «нового человека».

Объект нашего исследования — романы о становлении личности отечественной словесности середины 1920-х — начала 1930-х годов, формирующие протоканон будущей соцреалистической словесности; *предмет* — наиболее репрезентативные с точки зрения заявленной проблематики романы. В связи с актуализацией интереса гуманитаристики к феномену соцреализма [Гюнтер, 2000; Добренко, 1997, 2007, 2020; Кларк, 2002; Лейдрсман, 2000; Литовская, 2008] обращение к нему представляется весьма перспективным и своевременным, поскольку в пристальном изучении нуждается обширный пласт художественных произведений, не только хронологически к нему не относящихся, но, с одной стороны, содержащих его черты, а с другой — продолжающих традицию классического Bildungsroman. *Научная новизна* настоящей статьи состоит в том, что целостный анализ фазы соцреалистического протоканона впервые предпринят в контексте проблемы романа становления личности, что позволяет, во-первых, расширить научное представление о художественном своеобразии соцреа-

лизма и его хронологических границах; во-вторых, осмыслить специфику преломления традиции Bildungsroman в романах соцреализма.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Начнем с очевидного: процесс формирования личности в романах фазы протоканона соцреализма обнаруживает ряд схожих нарративных элементов, функцией которых является регулировка развития протагониста. Сравнение романов, которые транслируют программу воспитания нового человека или же перевоспитания «старого», со всей очевидностью свидетельствует о схожести их нарративов. *Материал исследования* составили транслирующие жанровую традицию Bildungsroman (в том числе и перевоспитания) этого периода романы Д. Фурманова «Чапаев» (1923), А. Фадеева «Разгром» (1926), Н. Огнева «Дневник Кости Рябцева» (1926), А. Гайдара «Школа» (1929), А. Бондина «Матвей Коренистов» (1928—1934), Б. Ясенского «Человек меняет кожу» (1933), А. Авдеевко «Я люблю» (1933), рассмотренные в контексте формирующегося уже в середине 1920-х годов в отечественной литературе соцреалистического дискурса. Подчеркнем, что «Школа» и «Дневник Кости Рябцева», определяемые самими авторами как повести, мы рассматриваем в качестве романов, так как они полностью соответствуют его жанровым признакам.

В статье авторы использовали *комплексный подход*, объединяющий принципы *социокультурного, сравнительно-исторического* методов. Значимым в нашем инструментарии был *метод целостного анализа* литературного произведения, давший возможность осмыслить проблемно-тематические особенности романов фазы протоканона соцреализма в неразрывной связи и единстве с её структурным уровнем.

Теоретической базой статьи явились исследования, посвященные тем или иным аспектам изучения феномена соцреализма [Гюнтер, 2000; Добренко, 1997, 2007, 2020; Кларк, 2002; Лейдерман, 2000; Литовская, 2008; Соцреалистический канон, 2000; Шалагинов, 2006; Gunther, 1990], а также ключевые литературоведческие работы, касающиеся истории и теории романа воспитания [Диалектова, 1972; Маслова, 2002; Осьмухина, Куряев, 2016; Пашигорев, 1993; Castle, 2006; Jakobs, 1972; Jost, 1969; Moretti, 1987; Selbmann, 1994; Swales, 1978]. Особую значимость в решении стоящих перед нами задач имела теория романа М. М. Бахтина [Бахтин, 1986, 2012].

Практическая значимость нашего исследования состоит в том, что его материалы, результаты и общие выводы могут быть использованы в вузовских курсах теории литературы, истории русской литературы, спецкурсах и спецсеминарах, посвященных общим вопросам теории жанра, жан-

ровой специфике романа воспитания, а также непосредственно творчеству творцов соцреалистического дискурса.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Специфика исходной ситуации жизненного пути героя Bildungsroman фазы протоканона соцреализма

Период детства, обязательный для жанровой традиции романа воспитания, как правило, сохранен в соцреалистических романах и представлен либо линейно, либо в ретроспекции. Если герой и появляется на страницах романа уже повзрослевшим, *исходная ситуация его жизненного пути* характеризуется рядом устойчивых характеристик.

Прежде всего сообщение о происхождении протагониста. Он — выходец из рабочего класса. Информация в романах может быть представлена как в качестве упоминания («Разгром», «Школа», «Дневник Кости Рябцева»), так и в виде самостоятельной истории (в романе «Я люблю» повествование о жизненном пути Саньки Голоты предваряется подробным рассказом о тяжелой трудовой жизни двух поколений его предков). Подчеркнутый выход протагониста из среды народных масс а priori создает идеологическую оппозицию «пролетариат — буржуазия» и позволяет трактовать главного героя как перспективную для воспитания личность. Примечательно при этом, что кровное родство не играет ключевой роли: Чапаев, по крови являющийся сыном дочери казанского губернатора и артиста-цыгана, сразу же после рождения отдан на воспитание брату дворника. Таким образом, соцреалистический роман выдвигает на первый план не родословную героя как таковую, а среду, в которой он растет.

Исключение здесь составляет роман перевоспитания, в котором происхождение героя не имеет ключевого значения. Напротив, в романах, транслирующих идею «перековки» человека, важны либо полное принятие протагонистом старого жизненного уклада («Матвей Коренистов» А. Бондина), либо убежденность его в силе капитализма: американский инженер Джим Кларк в романе Б. Ясенского «Человек меняет кожу» приезжает в Россию с твердой уверенностью, что богатство является «единственным стимулом человеческой изобретательности и энергии» [Ясенский, 1988, с. 10]. Тем самым очерчивается резкий контраст между происхождением протагониста и результатом его формирования, который и позволяет говорить о «перековке» личности.

Следующим свойством соцреалистических романов о становлении личности, вне зависимости от того, продолжают ли они жанровую традицию романа воспитания или же повествуют о перевоспитании героя, становится акцентированный сюжет о *трудном детстве* протагониста.

Во-первых, как правило, *герой растет в неполной семье* (в «Дневнике Кости Рябцева» Н. Огнева главный герой называет отца «папанькой», в то время как о матери не сказано ни слова; более того, рассуждая об отношениях Сильвы с матерью, он проецирует их на свои отношения с отцом [Кассиль и др., 1988, с. 435]; в романе Б. Ясенского «Человек меняет кожу» мать бросает Джима в раннем детстве и сбегает от отца для того, чтобы «устроиться где-нибудь двумя ступеньками выше» [Ясенский, 1988, с. 176]), является сиротой («Чапаев» Фурманова) либо в процессе взросления переживает смерть членов семьи («Школа» А. Гайдара, «Я люблю» А. Авдеенко). «Сиротство» в соцреалистическом романе является не только и не столько следствием ужасов самой переломной эпохи, сколько благодатной почвой для воспитания.

Во-вторых, другая особенность нарратива советского романа проявляется в тесной связи с предыдущей: *семья, как правило, не участвует в воспитании героя*, она как бы выключается из этого процесса — все впечатления, почерпнутые протагонистом в раннем детстве, складываются из тех обстоятельств, которые его окружают. Так, героя Д. Фурманова к девятому году отдали в люди, по которым он «штался всю жизнь» [Фурманов, 1983, с. 93]; Морозка в двенадцать лет «научился катать вагонетки, говорить ненужные, большие матерные слова и пить водку» [Фадеев, 2023, с. 8]; более того — краткая его биография обнаруживает инерционное движение: «Когда пришло время, купил сатиновую рубаху, хромовые, бутылками, сапоги и стал ходить по праздникам на село в долину», «Когда пришло время, Морозку посадили в затхлый, пропахший онучами и клопами полицейский участок», «Когда пришло время, уехал — на фронт» [Фадеев, 2023, с. 8—9]; Борис Гориков в «Школе» А. Гайдара прямо признается: «Мать моя, фельдшерница, всегда была занята, и я рос сам по себе» [Гайдар, 1967, с. 7]; школьные годы Джима Кларка прошли без отца: «Он тил периодически, тогда не выходил на работу и не ночевал дома» [Ясенский, 1988, с. 179]; путь Саньки Голоты после смерти всех членов семьи до попадания в коммуны регулируется волей случая. Устранение семьи от процесса воспитания героя формирует в нем ту диалектику стихийности, которая впоследствии подвергнется преодолению. К. Кларк, указывая на эту особенность советского романа, отмечала: «Основополагающая фабула воплощает эту общую линию марксистско-ленинской историографии в биографии “положительных героев”, которые проходят путь от относительной стихийности к высшей форме сознательности» [Кларк, 2002, с. 24].

В-третьих, выключение семьи из воспитательного процесса героя образует лауну, которую, как правило, занимает *ранний труд*. Именно он становится первым воспитателем протагониста. Так, Чапаев в рассказе при-

знается Федору Клычкову, что с раннего детства пас овец и учился плотничеству [Фурманов, 1983, с. 93], Морозка работал на руднике [Фадеев, 2023, с. 8], Санька Голота каждый день поднимается с рассветом, чтобы идти на Шлаковый откос *«собирать чугунный скрап»* [Авдеенко, 1979, с. 124].

Наконец, некоторые протагонисты в своем становлении проходят через *воровство*. Это необязательный мотив в советском романе протоканона, однако он обнаруживается в ряде произведений. Интересно, что в романе Д. Фурманова «Чапаев» воровство не приносит герою удовлетворения, он с легкостью избавляется от порока, самостоятельно осознав губительность выбранного пути: *«Торговать научился, воровать норовился, да не вышло ничего — очень уж не по душе был этот мне обман»* [Фурманов, 1983, с. 93]. Однако такая легкость принятия решений объяснима: герой на протяжении романа воспитывается, не преодолевая препятствий, что, по мнению К. Кларк, соответствует мифологизированному типу сюжета и наличию надперсональных черт героя: «движение от стихийности к сознательности предопределено Историей, не объясняется средствами сюжета» [Кларк, 2002, с. 81]. Другое дело Мечик в «Разгроме» и Санька Голота в романе «Я люблю». Для этих героев приобщение к воровству, пусть даже и невольное, не проходит внезапно, бесследно и одним усилием мысли. Мечик, уже будучи в отряде Левинсона, позволяет себе украсть дыни с бахчи [Фадеев, 2023, с. 21—22], а Санька дважды попадает в воровскую среду, после которой точный, аккуратный распорядок коммуны кажется ему нудным до слез. Выход из новой, слишком правильной и тоскливой жизни возможен для него только один — обратно, *«в вольную, собачью жизнь»* [Авдеенко, 1979, с. 212], и правильный выбор дается Саньке нелегко: возвращая украденное, он сомневается, мечется в своем решении, преодолевает свое прошлое.

Трудное детство романских героев стало отображением социальных и исторических реалий 1920—1930-х годов, когда после Первой мировой войны, революционных событий и гражданской междуусобицы эпидемии и сложное материальное положение семей выключали родителей из воспитательного процесса.

3.2. Функциональная роль наставника (друга) в становлении личности протагониста

Принципиально значимым в развитии героя в детские годы является *обнаружение друга, который впервые сообщает герою революционные настроения или же привносит сомнения в его размеренную жизнь*. Как правило, этот друг является медиатором на границе двух миров — старого и нового, он еще сам не перешел черту нового мира, но достаточно просвещен идеологически. Эта амбивалентность позволяет ему быть услышанным. Это еще не учитель в полном смысле этого слова, и встреча эта функционально

призвана зародить сомнения, поколебать дремлющее самосознание героя. Так, в «Дневнике Кости Рябцева» таким другом становится Сережка Блинов, который однажды заявляет Косте, что ему *«как сыну трудящегося элемента»* довольно стыдно общаться с дочерью служителя культа и что *«пролетарское самосознание этого не позволяет»* [Кассиль и др., 1988, с. 421]. С этого момента социальное происхождение становится для Кости значимым. О Французской революции недоуменно Борису Горикову впервые сообщает его друг Федька. Для Бориса это сообщение сродни глупой шутке: *«Ну уж это ты непременно врешь! Какой же на царя может быть суд? Скажем, наш судья, Иван Федорович, воров судит: вот у Плющихи забор сломали — он судил»* [Гайдар, 1967, с. 18]. В следующем разговоре с Федькой Борис задается вопросом о социальном неравенстве, после чего досадует: *«И опять меня взяла досада, почему Федька знает больше меня. Я бы тоже узнал, да не у кого»* [Гайдар, 1967, с. 29]. Именно Федька сообщает Борису о грядущем переустройстве: *«Отец говорил, что скоро все будет на оборот»* [Гайдар, 1967, с. 28]. В повести Н. Бондина «Матвей Коренистов» эта встреча происходит не в детстве, а уже в зрелом возрасте героя, но это объясняется самим построением произведения, которое повествует о перековке личности. Медиатором на границе двух миров для Матвея становится сторож Родион Мокееч. Сам Мокееч принадлежит к старому миру по привычке, при этом умом принимает новые порядки: *«По-моему, так лучше, так проще»; «<...> время хорошее подходит»* [Бондин, 1957, с. 379]. Вторая встреча зарождает в Коренистове сомнения: *«Все-таки вспомни-ка, Матвей Ипатыч, и били нас и обманывали, а мы все еще старое вспоминаем по своему»* [Бондин, 1957, с. 392].

В романе Б. Ясенского «Человек меняет кожу» таким медиатором неожиданно для героя становится Мурри: в разговоре с Полозовой он внезапно принимает ее сторону, раскрывая Кларку непостижимую для него сущность социализма, чем приводит Кларка в замешательство: *«Представьте себе полное отрицание общества в нашем понимании: это и будет коммунистическое общество»* [Ясенский, 1988, с. 105]. В романе А. Авдеевко «Я люблю» Васька Ковалик бойко читает Саньке прокламацию, чем вводит его в замешательство: *«Я молчу подавленный. Ну и грамотей же Васька! Столько же ему лет, сколько и мне, в школу не ходит, живет тут же, на Собачеевке в земляной халупе, а как вознесся! Я еле-еле по складам букварь читаю, а он...»* [Авдеевко, 1979, с. 132]. Таким образом, в некоторых романах медиатор выступает в качестве примера для протагониста — он находится несколько впереди его, обладая тем, чему еще только предстоит научиться герою: стремлением к грамотности (Родион Мокееч, Васька Ковалик), пониманием порядков нового мира (Сережка Блинов, Федька, Мурри).

Одним из обязательных событий, в которых герой принимает активное участие либо — чаще — выступает в роли сочувствующего молчаливого свидетеля, становится *митинг / стачка*. Хронотоп митинга предполагает концентрацию в одном пространстве революционно настроенных людей, столкновение мнений и взглядов, предлагает участнику возможность выбора, пусть и молчаливого. Таким образом, стачка в нарративе советского романа становится либо местом проверки героя на идеологическую верность, либо пространством формирования его взглядов, либо точкой, ломающей привычную жизнь героя. Морозка участвует в шахтерской забастовке, после которой отказывается выдавать зачинщиков. Борис Гориков становится свидетелем целого ряда митингов: в Каменке он делает свой первый выбор, отказываясь вместе с Федькой поддержать эсеров, в Нижнем Новгороде митинг становится местом встречи его с бывшим учителем Семеном Ивановичем Галкой. Эта встреча повернет траекторию жизненного пути Бориса в сторону борьбы: выполняя задание Галки он символически получит разрешение взять винтовку [Гайдар, 1967, с. 118]. Для Саньки Голоты митинг станет пространством концентрации нескольких важных событий. Брат Кузьма, представший перед собранием с речью, явит для Саньки пример революционной жертвенности: «<...> *смотрю на него, и мне хочется смеяться и кричать, чтоб слышала меня вся площадь: “Это мой брат, революционер, с каторги вернулся, пострадал за правду-матушку”*» [Авдеенко, 1979, с. 150]. Здесь Санька впервые постигнет азы коммунизма — революционно настроенный перед митингом Кузьма преподает ему урок отречения от личных чувств: «*И Кузьма забыл меня. Брат я ему, дальше сейчас от него, чем чужой Васька*» [Авдеенко, 1979, с. 149]. И, наконец, именно митинг станет толчком к бегству из родного города: казаки разгоняют собрание, и под копытами казачьих лошадей оказывается последний из семьи Саньки — Кузьма [Авдеенко, 1979, с. 151].

С митингом также сопряжен такой поступок главного героя, как *агитация или участие в раздаче листовок*. Эпизод этот в нарративе советского романа не обязателен, однако его появление в сюжетной канве делает героя не просто наблюдателем или пассивным зрителем, но непосредственным участником революционной борьбы. Борис Гориков обретает веру в «*светлое царство*», которое «*пролетариат завоеует с оружием в руках*» [Гайдар, 1967, с. 109], расклеивая плакаты с лозунгами. И его побег из дома уже кажется ему «*нужным и осмысленным*» [Гайдар, 1967, с. 111]. Санька Голота, рискуя арестом, распахивает с Васькой Коваликом в толпе прокламации. Именно в этот момент Голота, который вскоре будет воровать и сочтет такую жизнь свободной, уверен, что делает правое дело: «*Только мы с Коваликом не подчиняемся власти копейки. Не торговать,*

не покупать мы сюда пришли, не попрошайничать <...>. Правду людям принесли» [Авдеенко, 1979, с. 133—134].

3.3. Мотивная структура соцреалистического романа о становлении личности

Устойчивый мотив Bildungsroman — *уход протагониста из дома / родного города*. В соцреалистическом романе протоканона этот уход, как правило, спонтанный (уход-бегство).

Бегство протагониста из родного города не является обдуманном поступком и вызвано обстоятельствами. Расширение границ познаваемого мира, характерное для классической схемы Bildungsroman, в соцреалистическом романе не имеет первостепенного значения. Преодоление пространственной границы родного города в классическом романе воспитания связано также с выходом протагониста из «зоны комфорта». В соцреалистическом же нарративе период детства героя, напротив, максимально дискомфортен и тяжел, а потому эта функция в сюжетостроении советского романа переосмысливается. Познание осуществляется героем не посредством столкновения героя с окружающим его миром, а строго внутри системы, в которую он попадает. Бегство как таковое связано не столько со стремлением к познанию, не с необходимостью развиваться в идеологическом русле, а с тем, что дом либо становится небезопасен, либо постепенно становится идеологически чужим пространством для протагониста.

Так, в «Чапаеве» Д. Фурманова бегство героя связано с разочарованием в капитализме: *«Купец — он чистым живет обманом, а ежели обмана не будет в купце, — жить ему сразу станет нечем. Вот я тогда это все и понял, а как понял — ничем тут меня не вразумишь: не хочу да не хочу, так и ушел. <...> Плюнул я на торговлю в тот раз и подумал промеж себя: чего же, мол, делать-то я стану, сирота?»* [Фурманов, 1983, с. 93].

Герой «Разгрома» А. Фадеева Морозка окончательно бежит из родного города, едва вернувшись в него после Революции — власть Советов не укрепились, и его не приняли на рудниках. Борис Гориков вынужденно бежит из дома ночью: в школе Федька предал его, и он может быть арестован, мать отобрала единственную память от отца — маузер: *«Что же теперь делать? Домой возвращаться нельзя, в школу нельзя»* [Фадеев, 2023, с. 96]. Бегство Саньки Голоты в романе А. Авдеенко происходит в момент недавшего митинга, разогнанного казаками, оно настолько спонтанно, что герой сам не осознает его: *«Бежал и бежал, не зная, куда несут меня ноги»* [Авдеенко, 1979, с. 151].

Примечательно, что пограничным событием, разделяющим жизнь протагониста на «до» и «после», в нарративе соцреалистического романа, является *Октябрьская революция*. Как правило, революционные события

в фабуле романа сопряжены с бегством из дома: они либо совпадают с ним («Я люблю» А. Авдеев), либо следуют вскоре после ухода протагониста («Чапаев» Д. Фурманова, «Разгром» А. Фадеева, «Школа» А. Гайдара). Одно очевидно: старая жизнь становится непригодной для героя, и наступление революции легализует, оправдывает этот вынужденный побег. Еще один мотив (и он более устойчив), с которым сопряжена Октябрьская революция, — *вход протагониста в «большую семью»*. Впервые понятие «сталинского мифа о большой семье», как известно, было введено К. Кларк в монографии «Советский роман: история как ритуал» [Кларк, 2002]: «Руководители советского общества сделали “отцами” (во главе с патриархом Сталиным); национальные герои стали “сыновьями”, а государство — “семьей” или “племенем” [Кларк, 2002, с. 102]. Функцией этого мифа стала возможность утверждения власти Сталина, а именно — внушение советскому человеку, что только находясь внутри семьи он способен выжить».

Итак, обретение «большой семьи» в соцреалистическом романе — это вовлечение протагониста в группу или отряд, идеология которого соответствует коммунистическим настроениям. В анализируемых произведениях это — бойцы Красной армии. Происходит своеобразная подмена настоящей семьи, которой герой либо не знал вовсе, либо был исключен из нее обстоятельствами.

Мотив включения в «большую семью» в нарративе соцреалистического романа может локализоваться в двух точках сюжета. В первом варианте побег из дома и свершение Октябрьской революции прямо-таки толкают героя в «большую семью», в которой он находит все то, чего был лишен в родительском доме: поддержку, заботу, важные жизненные уроки, но главное — ощущение нужности. Во втором варианте вход в «большую семью» происходит в пиковый момент воспитательной программы протагониста. Однако вне зависимости от места расположения этого мотива функционально он представляет собой особую милость, проявленную к герою. По справедливому замечанию К. Кларк, «в большой сказке советском обществе каждый человек был сиротой, откуда “великая семья” не помогла ему стать личностью» [Кларк, 2002, с. 122]. В некоторых романах мотив входа в «большую семью» реализуется в обоих вариантах и появляется в нарративе дважды.

Обретение «большой семьи» после свершения Октябрьской революции — первый вариант реализации мотива — проявляется в романах А. Фадеева «Разгром», Д. Фурманова «Чапаев», А. Гайдара «Школа», А. Авдеев «Я люблю». В «Разгроме» А. Фадеева Морозка, не принятый на рудники по возвращении домой, волей случая попадает в отряд Левинсона. Исключительную значимость этого события в своей жизни Морозка

осознает лишь после суда, который учинил над ним отряд: *«Картина сходки, когда он чуть не вылетел из отряда, внезапно стала перед глазами, и сразу что-то защемило. Морозка только теперь почувствовал, что это событие было, может, самым важным для него за последний месяц — гораздо важнее того, что произошло в госпитале»* [Фадеев, 2023, с. 63]. Борис Гориков в «Школе» А. Гайдара, горько скитавшийся некоторое время после бегства из родного города, наконец ощущает себя внутри «семьи». Сам он описывает причастность к отряду Шебалова как истинное счастье: *«Почувствовав себя необыкновенно счастливым и удачливым, я улыбался, шагая к новым товарищам»* [Гайдар, 1967, с. 140]. В романе А. Авдеенко «Я люблю» Санька Голота вступает в «большую семью» спустя некоторое время после свершения революции. Попав на бронепоезд к бойцам красной армии, он фактически милостиво «вырван из рук» воровской жизни: *«Никто не напоминает мне о беспризорничестве, о жестком Крылатом, о крючнике Балалайке. Да я и сам не вспоминаю о старой жизни. Куда-то далеко-далеко отступила она от меня. <...> вижу свое чистое лицо и не верю, что недавно оно было в ссадинах и стружьях. <...> Руки теперь чистые. Каждый день я их мою с мылом. Каждый день утираюсь настоящим полотенцем. И чудно и хорошо...»* [Авдеенко, 1979, с. 177]. Резительный контраст составляет жизнь героя «до» и «после» входа в «большую семью». Причем контраст этот затрагивает не только душевное преображение героя, но и — что немало важно для соцреализма — его физическое состояние. Таким образом, происходит намеренное и наглядное сопоставление нахождения человека вне «семьи» как в пространстве, губительном для героя, и внутри нее — в месте живительной силы. В романе Д. Фурманова «Чапаев» мотив вступления в «большую семью» реализован несколько иначе, чем в предыдущих романах: герой, потеряв настоящую семью, создает ей замену — собственный отряд, во главе которого становится. Клычков свидетельствует об этом в своих записках: *«Одна семья! <...> это одна и крепко свитая пачка людей, только перевита она другими узами только отчеканилась она в своеобразную форму: их свила, спаяла кочевая, боевая, полная опасностей жизнь, их сблизил мужество, личная отвага, <...> — вся многотрудная и красочная жизнь, проведенная вместе, плечом к плечу, в строю, в бою. Чапаев выделялся»* [Фурманов, 1983, с. 46—47].

Очевидно, что первый вариант «входа» героя в «большую семью» в нарративе романа чаще приближен к периоду детства героя, составляет с ним резкий контраст и происходит после свершения Октябрьской революции. Происходит сопоставление «сиротского существования» протагониста вне «семьи» и счастливого ее обретения в лице красноармейцев. Наблюдается замещение одного мотива другим: лагуна, образовавшаяся в отсутствие на-

стоящей семьи, заполняется появлением в жизни героя идеологической семьи. Поэтому, вероятно, период трудного детства героя в нарративе несет функцию предварения, формирования острой необходимости этой судьбоносной встречи. Октябрьская революция предстает в сюжетостроении романа как событие не только переломного характера, но и как явление, объясняющее весь дальнейший путь героя, высвечивающее все его будущие поступки. Второй вариант мотива о вступлении протагониста в «большую семью» не связан с Октябрьской революцией и реализуется в соцреалистических романах в тесной связи с *мотивом одиночества*.

Мотив одиночества в советском романе, как мы уже отметили, представляет собой своеобразное наказание протагониста, которому он подвергается в результате следования неверному пути или совершения ряда ошибок. Это чувство стоит в оппозиции с чувством единения, которое испытывает герой в «большой семье». При этом в произведениях, реализующих жанровую традицию романа воспитания, герой переживает разобщенность с «семьей», внешне не выключаясь из ее состава, в романах перевоспитания чувство одиночества вызвано нахождением героя на стороне «старого мира». Этот мотив регулярен во всех анализируемых романах.

В романе Д. Фурманова «Чапаев» Федор Клычков в борьбе с самоуверенностью и самодурством героя заставляет его ощутить одиночество: «Теперь, когда Чапаев был пойман на слове, Федор решил процесс обучения довести до конца, уйти и оставить Чапаева в раздумье: “Пусть помучится сомнениями, зато дольше помнить будет...” И когда Чапаев, оправившись немного от неожиданности, стал уверять, что “не имел в виду ... говорил только о них” и так далее, Федор простился и ушел» [Фурманов, 1983, с. 107]. Чапаев не выдерживает наказания, и вскоре Клычков получает от него записку с признанием своей неправоты.

Морозка в «Разгрома» А. Фадеева одинок на протяжении всего пребывания в отряде Левинсона вплоть до тех пор, пока Гончаренко не показывает ему пример настоящей, «осмысленной и здоровой жизни, в которой нет места ненужным и праздным мыслям» [Фадеев, 2023, с. 123].

В «Дневнике Кости Рябцева» Н. Огнева чувство одиночества проникает в душу героя постепенно, параллельно утверждению в нем индивидуализма: Рябцев, ощущая себя пролетарием, не видит собственной стихийности, не признает ее и, соответственно, не предпринимает попыток борьбы с ней. Усиление этого чувства происходит с постепенным бойкотированием Рябцева в школе (сначала с ним перестает общаться Сильва, затем — девочки из его группы, а вскоре «*большинство ребят, не говоря о девочках*») начинают сторониться его [Кассиль и др., 1988, с. 589, 596]. Но сторонятся не только ребята: «*Потом Зин-Пална изменила ко мне отношение. Потом ушли неко-*

торые из пионеров. Наконец, в учкоме обещали снять» [Кассиль и др., 1988, с. 597]. Все это буквально обрушивается на Рябцева и, наконец, приводит его к прозрению: *«Я теперь вижу, что я индивидуалист»* [Кассиль и др., 1988, с. 599]. При этом внешне герой не выключается из «семьи», он даже упрочивает свои позиции в ней — получает партбилет, однако явное несоответствие идеологии, бунтарство, которое все чаще проявляется в Рябцеве, приводит к молчаливому отстранению от него.

То же тихое бойкотирование внутри «семьи» происходит и с Борисом Гориковым у Гайдара. Непослушание героя приводит к гибели Чубука, далее — срыв задания порождает ложь, за которой следует разгром роты Галды. Отчуждение в отряде следует сразу же после свершения ошибок: *«Дружбы особой нет ни с кем. Мало того, косятся даже ребята. Уж на что Малыгин всегда, было раньше, поговорит, позовет с собой чай пить, расскажет что-нибудь — и тот теперь холодней стал...»* [Гайдар, 1967, с. 238]. Формально Бориса никто из отряда не гонит, но нарастающее внутреннее неприятие Горикова неизбежно влечет за собой гнетущее чувство одиночества и растерянности.

В романе А. Авдеенко «Я люблю» одиночество Саньки Голоты является его наказанием за гордость и сомнение, которые он взрастил в себе благодаря Быбочкину. Попытка исправления, заключающаяся в решении *«начать войну с красавцем»* [Авдеенко, 1979, с. 539]: деятельная помощь родственникам Непоцелуева в решении жилищного вопроса (*«незабываемый, красный день в моей жизни!»*) [Авдеенко, 1979, с. 543]), отказ от социалистической премии, несогласие подписать опись имущества Родиона Атаманычева — все это перечеркивается минутным малодушием: он не гонит от себя Асю Атаманычеву — *«Она беспутно улыбается, а я не гоню ее»* [Авдеенко, 1979, с. 634] — и эта ошибка оборачивается гибелью Лены. Примечательно, что Голота в финале наказывает одиночеством себя сам: когда в полубреду он пытается осознать смерть Лены, его подсознание рисует страшные картины покинутости, в которых он теряет не только возлюбленную и их неродившегося ребенка, но и свою идеологическую «семью»: *«Хмуро отворачиваются люди: Антоныч, Алеша, Гарбуз, Родион Ильич, Губарь, Серго, Ленин. Нет у них для меня милости»* [Авдеенко, 1979, с. 633]. Санька не может простить себя и не разрешает этого другим: именно его ослепление музейными идеями Быбочкина, гордость и сомнение не позволили сразу оттолкнуть от себя Асю еще в то время, когда она начала увиваться за ним. Одиночество — то наказание, которое Санька сам избирает для себя.

В романах перевоспитания, как уже было сказано выше, мотив одиночества проявляется и усиливается в момент нахождения протагониста на стороне «старого мира» и становится ключевым в программе его пере-

воспитания — в решении перейти границу этого мира. При этом стоит отметить, что одиночество проявляется во внешней брошенности протагониста: если в романе воспитания наказуемый герой формально остается в рамках «семьи» и испытывает ее внутреннее охлаждение к себе, то в романе перевоспитания он претерпевает подлинное одиночество — и внешнее, и внутреннее. Так, полная покинутость Матвея Коренистова очевидна в тот момент, когда после выдачи дочерей замуж из дома на ночевку к Стеше уходит жена. Время для героя буквально останавливается — часы перестают «тикать», а лампа горит не переставая, мешая в его сознании день с ночью: «Коренистов ощущал настойчивую потребность быть среди людей, видеть и слышать их» [Бондин, 1957, с. 391]. Чувство одиночества в романе перевоспитания образует в душе протагониста некую пустоту, которая требует последующего заполнения. Именно в этот момент он готов слушать и воспринимать сказанное: он идет к Родиону Мокеичу и впервые позволяет себе засомневаться в правильности своей позиции.

Справедливости ради, отметим, что фактически то же характерно и для соцреалистической драматургии. Так, в «Страхе» Афиногенова после ареста Ивана Ильича предают его единомышленники: Захаров сообщает следствию, что именно Бородин писал воззвание и пытался подкупить его, Варгасов — что профессор хотел переправить воззвание за границу и держал его в «ужасном страхе», любимый ученик — Кастальский — что Иван Ильич учил видеть его всюду «страх, голод и сумасшествие», что он был «хорошим политиком, он проповедовал, подстрекал, но сам оставался в стороне от борьбы» [Афиногенов, 1956, с. 147]. Это полное ощущение покинутости Бородин озвучивает после выхода из-под ареста: «Одинок, как пес» [Афиногенов, 1956, с. 154]. Образовавшийся вакуум заполняют Елена Макарова и Кимбаев, которые предлагают Ивану Ильичу работать вместе.

В романе Б. Ясенского «Человек меняет кожу» ощущение одиночества возникает у Кларка вместе с приездом в Советский Союз, как следствие неприятия его. И пока Кларк стоит на своих капиталистических убеждениях, это опустошающее чувство неотрывно следует за ним. Но как только он делает первые деятельные шаги в сторону принятия коммунистической идеологии — включается в ударническую работу после забастовки дальверзинцев, — он тем самым заполняет эту лауну. Преодоление чувства одиночества связано с принятием его в «большую семью»: *«Со времени памятной ночи, проработанной им на котловане, Кларк везде, куда б он ни повернулся, встречал эти лица. На улице, в столовой, на кавальере, в кино незнакомые коричневые парни встречали его улыбкой. Кларк на первых порах даже удивлялся, откуда у него появился такой широкий круг знакомых. В приветствии этом было больше, чем знакомство. Так приветствуют не*

просто знакомого человека, а своего человека» [Ясенский, 1988, с. 267]. Таким образом, во всех романах перевоспитания мотив вступления про-тагониста в «большую семью» является результатом преодоления мотива одиночества. Вход в «семью» для перевоспитуемого, как и в романе воспитания для брошенного подростка, является спасительным событием.

В некоторых романах, как мы уже указали, мотив вступления в «большую семью» реализуется в обоих вариантах и проявляется дважды: как правило, происходит это именно в романах воспитания — герой, переживший трудный период детства и юности, по великой удаче попадает в нее в первый раз, после чего, совершая ряд ошибок, наказывается чувством одиночества, наконец, переосмысливает свои заблуждения и вновь обретает расположение «семьи». Однако для обоих типов романа — и романа воспитания, и романа перевоспитания — общей становится вторая часть представленной схемы, где в связке идут несколько мотивов: мотив одиночества, мотив признания ошибок, мотив первичного (для романа перевоспитания) и повторного (для романа воспитания) принятия в «большую семью», получение второго шанса, принесение себя в жертву.

Подчеркнем, что мотивы одиночества, признания ошибок, получения второго шанса, принесения себя в жертву в соцреалистических романах, как правило, совмещаются. В «Разгроме» Морозка стыдится показаться Левинсону и Гончаренке после пьяного дебоша, и даже удар Дубова принимает со смирением: *«Конечно, теперь он может бить меня, я того заслужил — подумал Морозка и даже не огрызнулся»* [Фадеев, 2023, с. 172]. Признание своей ошибки дает ему возможность проявить себя в первой же вылазке — ему дается «второй шанс», воспользовавшись которым герой обнаруживает полное отречение от себя, которое еще совсем недавно было невозможно: *«<...> он так ярко чувствовал их в себе, этих уставших, ничего не подозревающих, доверившихся ему людей, что в нем не зародилось мысли о какой-либо иной возможности для себя»* [Фадеев, 2023, с. 183].

В «Дневнике Кости Рябцева» эта схема реализуется следующим образом. Рябцев, все сильнее ощущая одиночество, понимает: *«одному все-таки пробиваться трудно»* [Кассиль и др., 1988, с. 597], — и это приводит наконец-таки к признанию своего индивидуализма. Костя жертвует собой, пытаясь спасти Махузию от собственного отца, который хочет продать ее в жены, после чего просит Иванова снять его с пионерской должности и получает второй шанс: *«Вот что. Оставайся», — сказал он, барабана пальцами по столу. — Это споначалу трудненько, теперь легче будет»* [Кассиль и др., 1988, с. 600]. Отметим, что здесь момент принесения себя в жертву и получение второго шанса стоят в противоположной последовательности, нежели в «Разгроме». Жертвенная самоотверженность Мороз-

ки и Рябцева как бы искупает стихийность и индивидуализм каждого из них, является итогом их воспитания — очевидным доказательством верности коммунистическим идеалам.

Мотив признания ошибок Борисом Гориковым в «Школе» А. Гайдара подогревается чувством одиночества и проявляется в его молчаливом необдуманном героизме: *«Все эти дни были у меня заполнены одним желанием — заглядить свою вину перед товарищами и заслужить, чтобы меня приняли в партию. Но напрасно вызывался я в опасные разведки. Напрасно, стиснув зубы, бледнея, вставал во весь рост в цепи, в то время, когда многие даже бывалые бойцы стреляли с колена или лежа. Никто не уступал мне своей очереди на разведку, никто не обращал внимания на мое показное героизм»* [Гайдар, 1967, с. 237]. Необдуманность сродни стихийности, а потому даже готовность принести себя в жертву не искупает вину Бориса перед отрядом до конца: требуется не только внешнее, но внутреннее изменение героя. Кроме того, соцреалистический роман предпочитает публичное признание ошибок: протагонист непременно должен заявить об этом либо устно, как, например, Рябцев — Иванову, Бородин — Кимбаеву с Еленой Макаровой, Коренистов — жене Марии Петровне, Джим Кларк — Полозовой, либо письменно, как, например, Чапаев или Борис Гориков. Такое признание означает публичное смирение, отречение от прежних заблуждений. В «Разгроме» такое публичное признание заменено публичной поркой, которую Морозка сносит со смирением. В романе «Я люблю» отсутствие публичного покаяния приводит Голоту к самобичеванию — обречению себя на одиночество, исключению из «семьи». В «Матвее Коренистове» А. Бондина схема мотивов одиночества — признания ошибок — входа в «большую семью» — получения второго шанса реализуется именно в такой последовательности: Коренистов и Бородин, потеряв все свое близкое окружение, признают свои прежние заблуждения, после чего принимаются в «семью». Второй шанс Коренистова заключается в даровании ему второго рождения: *«Ему казалось, что он помолодел»* [Бондин, 1957, с. 404]; *«Нахмуренные брови будто приподнялись, из-под них смотрят ласковые веселые пепельно-серые глаза»* [Бондин, 1957, с. 405].

Очередность мотивов в романе Б. Ясенского «Человек меняет кожу» несколько изменена: одиночество — вход в «семью» — получение второго шанса — признание ошибок. Одиночество Джима Кларка исцеляется принятием его в «большую семью», после чего он выказывает идеологическую незрелость, ставя личную жизнь выше общественной и настаивая на том, что Полозова — его женщина и она не может стать переводчицей Мури: *«Оказывается, все ваши сугубо советские установки — только внешняя скорлупа. В первый раз поскребли поглубже, и сразу вылез из вас пошлень-*

кий мелкий буржуа» [Ясенский, 1988, с. 397]. Кроме того, «юный» коммунист Кларк, подобно Борису Горикову, проявляет стихийный героизм, о котором предостерегает его Полозова: *«Подвергать опасности свою жизнь для скорейшего окончания строительства, это — очень красиво, но это еще не по-большевистски, поскольку нет в этом еще прямой необходимости»* [Ясенский, 1988, с. 446]. При этом в разговоре с Нусреддиновым Полозова решает дать Кларку второй шанс, и только после этого происходит признание им собственных ошибок [Ясенский, 1988, с. 446—447]. Смена очередности мотивов в романе Б. Ясенского транслирует лояльную программу воспитания человека капиталистического мировоззрения: Джим Кларк признает свои заблуждения, получив милость в виде принятия в «семью» и еще одного шанса начать новую жизнь.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, проанализировав Bildungsroman фазы протоканона соцреализма, мы пришли к следующим выводам.

Романы середины 1920-х — начала 1930-х годов («Чапаев» Д. Фурманова, «Разгром» А. Фадеева, «Дневник Кости Рябцева» Н. Огнева, «Школа» А. Гайдара, «Матвей Коренистов» А. Бондина, «Человек меняет кожу» Б. Ясенского, «Я люблю» А. Авдеенко) определили ключевые структурные особенности соцреалистического романа о становлении личности героя. Во-первых, объединяющим свойством соцреалистических романов о становлении личности становится акцентированный сюжет о трудном детстве протагониста (герой растет в неполной семье, семья не участвует в его воспитании), его побеге из дома и обретении им друга, который впервые сообщает герою революционные настроения; его функциональная роль — медиатор на границе двух миров — «старого» и «нового». Во-вторых, одним из обязательных событий, в которых герой принимает участие, становится митинг (стачка) как место его проверки на идеологическую верность или пространство формирования его взглядов. В-третьих, пограничным событием, разделяющим жизнь героя в нарративе соцреалистического романа, является Октябрьская революция, участие в которой позволяет протагонисту обрести «большую семью». В-четвертых, нарратив соцреалистического романа воспитания и перевоспитания представляет собой чередование устойчивых мотивов: одиночества, признания ошибок, получения второго шанса, принесения себя в жертву. Одиночество в соцреалистическом романе — своеобразное наказание героя за его свободолюбие, за отсутствие дисциплины, за то, что личные интересы поставлены выше общих. Но стихийность в соцреализме непременно должна быть побеждена. Становление героя — это всегда отказ от «личностного» в пользу общего, это сво-

образное жертвоприношение, совершаемое во имя социализма. Жертва эта не выглядит жертвой в рамках коммунистической идеологии, это единственно правильный путь. Такое становление — согласимся с К. Кларк — трудно назвать персонализированным, оно ритуализировано и лишено самооценности. На первый план выступает трансформация идеи — от стихийности к сознательности, а потому уже романы, относящиеся к фазе протоканона, транслируют схематизм. Любое действие героя в произведении соцреализма превращается в функцию и служит достижению конечной цели — полному приятию протагонистом коммунистической идеологии. Личный опыт становления героя от индивидуализма к коммунизму и сознательности становится путём сотен других стихийных личностей.

Примечательно, что романы фазы протоканона не дают полной «программы» развития героя вплоть до зрелости, не охватывают серьезный хронологический период в его жизни, оставляя его как бы на пороге дальнейших подвигов на службе строительства «светлого будущего», не предлагают образца этого служения. Подобное замечание соотносится с мнением Ф. Йоста, который называл *Bildungsroman* «предроманом, преамбулой», поскольку в нем рассказывается о становлении человека в самом начале его пути до тех пор, пока он не будет готов «продолжить свой роман» [Jost, 1969, с. 99]. Очевидно, что фаза соцреалистического протоканона адаптировала традицию романа воспитания под транслируемую в современный ему исторический период идеологию. В этой связи весьма справедливо замечание Ф. Моретти, назвавшего роман воспитания «символической формой» [Moretti, 1987], которая служила для Европы инструментом переосмысления современности. В продолжение мысли исследователя добавим, что в литературе соцреализма произошло то же самое.

Перспективы исследования видятся нам в дальнейшем осмыслении отечественной традиции *Bildungsroman*, изучении специфики её преломления в современной словесности (так, небезынтересно было бы сопоставить романы воспитания 1930-х годов с аналогичными образцами эпохи позднего соцреализма). Наконец, одной из перспектив может стать сравнительно-сопоставительный анализ особенностей романа воспитания на разных этапах его развития.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Осьмухина О. Ю. является членом редсовета журнала «Научный диалог».

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.
Olga Yu. Osmukhina is a member of the editorial board of the *Nauchnyi Dialog* journal.

Источники и принятые сокращения

1. *Авдеенко А.* Я люблю / А. Авдеенко. — Москва : Советская Россия, 1979. — 634 с.
2. *Афиногенов А. Н.* Пьесы / А. Н. Афиногенов. — Москва : Советский писатель, 1956. — 387 с.
3. *Гайдар А.* Школа / А. Гайдар. — Москва : Детская литература, 1967. — 255 с.
4. *Кассиль Л.* Кондуит. Республика ШКИД. Дневник Кости Рябцева / Л. Кассиль, Г. Белых, Г. Л. Пантелеев, Н. Огнев. — Москва : Детская литература, 1988. — 606 с. — ISBN 5-08-001155-6.
5. *Первый Всесоюзный съезд советских писателей.* Стенографический отчет. Москва : Советский писатель, 1934. — 718 с.
6. *Фадеев А. А.* Разгром / А. А. Фадеев. — Москва : Изд-во АСТ. 2023. — 192 с. — ISBN 978-5-17-152995-6.
7. *Фурманов Д.* Чапаев / Д. Фурманов. — Горький : Волго-Вятское книжное издательство, 1983. — 256 с.
8. *Ясенский Б.* Человек меняет кожу / Б. Ясенский. — Москва : Московский рабочий, 1988. — 575 с.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Роман воспитания и его значение в истории реализма / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. — Москва : Художественная литература, 1975. — С. 186—237.
2. *Бахтин М. М.* Теория романа (1930—1961 гг.) / М. М. Бахтин // Собрание сочинений : в 6 т. — Москва : Языки славянских культур, 2012. — Т. 3. — 880 с. — ISBN 978-5-9551-0500-0.
3. *Гюнтер Х.* Жизненные фазы соцреалистического канона / Х. Гюнтер // Соцреалистический канон / [под общ. ред. Ханса Гюнтера и Е. Добренко]. — Москва : Акад. проект, 2000. — С. 281—288. — ISBN 5-7331-0192-X.
4. *Дialeктова А. В.* Воспитательный роман в немецкой литературе эпохи Просвещения / А. В. Дialeктова. — Саранск : Издательство СГПИ, 1972. — 38 с.
5. *Добренко Е.* Поздний сталинизм. Эстетика политики. В 2-х тт. — Москва : Новое литературное обозрение, 2020. — Т. 1. — 712 с. — ISBN 978-5-444-81149-8.
6. *Добренко Е. А.* Политэкономия соцреализма / Е. А. Добренко. — Москва : Новое литературное обозрение, 2007. — 592 с. — ISBN 5-86793-482-9.
7. *Добренко Е. А.* Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературы / Е. А. Добренко. — Санкт-Петербург : Академический проект, 1997. — 321 с. — ISBN 5-7331-0083-4.
8. *Лейдерман Н.* Парадоксы «Русского леса» / Н. Лейдерман // Вопросы литературы. — 2000. — № 6. — С. 29—58.
9. *Литовская М. А.* Социалистический реализм как «образцовый» творческий метод / М. А. Литовская // Филологический класс. — 2008. — №1 (19). — С. 14-21. — ISSN 2071-2405.
10. *Литовская М. А.* Социалистический реализм как предмет рефлексии постсоветской прозы / М. А. Литовская // Советское прошлое и культура настоящего. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2009. — Т. 1. — С. 117—129. — ISBN 978-5-7996-0471-4.
11. *Маслова Т. Е.* Роман воспитания в творчестве Теккереев 1850-х годов : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / Т. Е. Маслова. — Санкт-Петербург, 2002. — 23 с.

12. *Осьмухина О. Ю.* Специфика преломления традиции романа воспитания в прозе М. Шишкина (на материале «Записок Ларионова») / О. Ю. Осьмухина, И. Р. Куряев // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2016. — № 3. — С. 235—240.
13. *Пашигорев В. Н.* Роман воспитания в немецкой литературе XVIII—XX веков / В. Н. Пашигорев. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 1993. — 142 с. — ISBN 5-292-01027-8.
14. *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Москва : Лабиринт, 2000. — 336 с. — ISBN 5-288-01710-7.
15. *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Москва : Лабиринт, 2001. — 192 с. — ISBN 5-87604-152-1.
16. *Синяевский А.* Что такое социалистический реализм / А. Синяевский. — Париж : [б. и.], 1988. — 65 с.
17. *Социалистический канон : сборник статей* / ред. Х. Гюнтер, Е. Добренко. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2000. — 1040 с. — ISBN 5-7331-0192-X.
18. *Шалагинов Н. В.* Русская литература социалистического реализма и проблема ее генезиса : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Н. В. Шалагинов. — Нижний Новгород, 2006. — 191 с.
19. *Castle G.* Reading Modernist Bildungsroman / G. Castle. — Gainesville, FL : University Press of Florida, 2006. — 315 p. — ISBN 0-81302-983-X.
20. *Gunther H.* Education and Conversion : The Road to the New Man in the Totalitarian Bildungsroman / H. Gunther // The Culture of the Stalin Period. Günther H (Ed) ; Studies in Russia and East Europe. — Basingstoke : Macmillan, 1990. — Pp. 193—209.
21. *Jakobs J. W.* Meister und seine Brüder / J. Jakobs. — München : Fink, 1972. — 332 s. — ISBN 978-3-770-50879-2.
22. *Jost F.* La tradition du Bildungsroman / F. Jost // Comparative Literature 21. — 1969. — № 2. — Pp. 97—115.
23. *Moretti F.* The Way of the World : The Bildungsroman in European Culture / F. Moretti. — London : Verso, 1987. — 256 p. — ISBN 0-86091-159-4.
24. *Selbmann R.* Der deutsche Bildungsroman / R. Selbmann. — Stuttgart : Spectrum Fachverlage GmbH, 1994. — 296 s. — ISBN 978-3-476-12214-8.
25. *Swales M.* The German Bildungsroman from Wieland to Hesse / M. Swales. — Princeton : Princeton University Press, 1978. — 171 p.

*Статья поступила в редакцию 03.01.2024,
одобрена после рецензирования 07.03.2024,
подготовлена к публикации 18.03.2024.*

Material resources

- Afinogenov, A. N. (1956). *Plays*. Moscow: Soviet writer. 387 p. (In Russ.).
- Avdeenko, A. (1979). *I love*. Moscow: Soviet Russia. 634 p. (In Russ.).
- Fadeev, A. A. (2023). *Rout*. Moscow: Publishing house AST. 192 p. ISBN 978-5-17-152995-6. (In Russ.).
- Furmanov, D. (1983). *Chapaev*. Gorky: Volga-Vyatka Book Publishing House. 256 p. (In Russ.).
- Gaidar, A. (1967). *School*. Moscow: Children's Literature. 255 p. (In Russ.).

- Kassil, L., Belykh, C., Panteleev, G. L., Ognev, N. (1988). *Conduit. The Republic of SHKID. Diary of Kostya Ryabtsev*. Moscow: Children's Literature. 606 p. ISBN 5-08-001155-6. (In Russ.).
- The First All-Union Congress of Soviet Writers. A verbatim report*. (1934). Moscow: Soviet Writer. 718 p. (In Russ.).
- Yasensky, B. (1988). *A man changes his skin*. Moscow: Moskovsky Rabochy. 575 p. (In Russ.).

References

- Bakhtin, M. M. (1975). The novel of education and its significance in the history of realism. In: *Questions of literature and aesthetics*. Moscow: Fiction. 186—237. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (2012). Theory of the novel (1930—1961). In: *Collected works: in 6 volumes, 3*. Moscow: Languages of Slavic cultures. 880 p. ISBN 978-5-9551-0500-0. (In Russ.).
- Castle, G. (2006). *Reading Modernist Bildungsroman*. Gainesville, FL: University Press of Florida. 315 p. ISBN 0-81302-983-X.
- Dialectova, A. V. (1972). *The educational novel in the German literature of the Enlightenment*. Saransk: Publishing House of the SSPI. 38 p. (In Russ.).
- Dobrenko, E. A. (2007). *Political Economy of socialist realism*. Moscow: New Literary Review. 592 p. ISBN 5-86793-482-9. (In Russ.).
- Dobrenko, E. A. (1997). *The shaping of a Soviet writer. The social and aesthetic origins of Soviet Literature*. St. Petersburg: Academic Project. 321 p. ISBN 5-7331-0083-4. (In Russ.).
- Dobrenko, E. (2020). *Late Stalinism. Aesthetics of politics. In 2 vols., 1*. Moscow: New Literary Review. 712 p. ISBN 978-5-444-81149-8. (In Russ.).
- Gunter, H. (2000). The life phases of the Socialist realism canon. In: *Socialist Realism canon*. Moscow: Akad. The project. 281—288. ISBN 5-7331-0192-X. (In Russ.).
- Gunther, H. (1990). Education and Conversion: The Road to the New Man in the Totalitarian Bildungsroman. In: *The Culture of the Stalin Period. Günther H (Ed); Studies in Russia and East Europe*. Basingstoke: Macmillan. 193—209.
- Jakobs, J. W. (1972). *Meister und seine Brüder*. München: Fink. 332 s. ISBN 978-3-770-50879-2.
- Jost, F. (1969). La tradition du Bildungsroman. *Comparative Literature* 21, 2: 97—115.
- Leiderman, N. (2000). Paradoxes of the “Russian forest”. *Questions of literature*, 6: 29—58. (In Russ.).
- Litovskaya, M. A. (2009). Socialist realism as a subject of reflection of post-Soviet prose. In: *The Soviet past and the culture of the present, 1*. Yekaterinburg: Ural University Press. 117—129. ISBN 978-5-7996-0471-4. (In Russ.).
- Litovskaya, M. A. (2008). Socialist realism as an “exemplary” creative method. *Philological class, 1 (19)*: 14—21. ISSN 2071-2405. (In Russ.).
- Maslova, T. E. (2002). *The novel of education in Thackeray's work of the 1850s*. Author's abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 23 p. (In Russ.).
- Moretti, F. (1987). *The Way of the World: The Bildungsroman in European Culture*. London: Verso. 256 p. ISBN 0-86091-159-4.
- Osmukhina, O. Yu., Kuryaev, I. R. (2016). The specifics of the refraction of the tradition of the novel of education in the prose of M. Shishkin (based on the material of Larionov's Notes). *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 3: 235—240. (In Russ.).

- Pashigorev, V. N. (1993). *The novel of education in German literature of the XVIII—XX centuries*. Saratov: Saratov University Press. 142 p. ISBN 5-292-01027-8. (In Russ.).
- Propp, V. Ya. (2000). *Historical roots of a fairy tale*. Moscow: Labyrinth. 336 p. ISBN 5-288-01710-7. (In Russ.).
- Propp, V. Ya. (2001). *Morphology of a fairy tale*. Moscow: Labyrinth. 192 p. ISBN 5-87604-152-1. (In Russ.).
- Selbmann, R. (1994). *Der deutsche Bildungsroman*. Stuttgart: Spectrum Fachverlage GMBH. 296 s. ISBN 978-3-476-12214-8. (In Germ.).
- Shalaginov, N. V. (2006). *Russian literature of socialist realism and the problem of its genesis*. PhD Diss. Nizhny Novgorod. 191 p. (In Russ.).
- Sinyavsky, A. (1988). *What is socialist realism*. Paris: [B. I.]. 65 p. (In Russ.).
- Swales, M. (1978). *The German Bildungsroman from Wieland to Hesse*. Princeton: Princeton University Press. 171 p.
- The Socialist Realist canon: a collection of articles*. (2000). St. Petersburg: Academic Project. 1040 p. ISBN 5-7331-0192-X. (In Russ.).

*The article was submitted 03.01.2024;
approved after reviewing 07.03.2024;
accepted for publication 18.03.2024.*